Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

П. Г. Мижуевъ.

M58

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ АНГЛІИ

ВЪ XIX ВѢКѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., д. № 6.

ГЛАВА I.

Основныя особенности развитія политическаго строя Англіи.— Относительная роль формальнаго закона и историческихъ традицій.

Если бы мы стали сравнивать современную намъ Англію съ Англіей второй половины или конца XVIII вѣка, то мы нашли бы весьма значительную разницу въ отношеніи вліянія общественнаго мнѣнія на всѣ стороны государственной жизни, въ общемъ характерѣ политическаго строя, въ степени той свободы, которой фактически пользуются граждане при организаціи всякаго рода обществъ, союзовъ, митинговъ, собраній и т. п. Столь же значительную разницу мы нашли бы и въ отношеніи свободы прессы, религіозной терпимости, въ степени относительнаго вліянія короля, министровъ, парламента и всей массы гражданъ вообще, притомъ какъ той ихъ части, которымъ предоставлены политическія права, такъ и той, которая таковыми по закону не пользуется [1]).

Повидимому, въ указываемомъ нами обстоятельствѣ нѣтъ ничего особеннаго, такъ какъ подобныя—иногда даже болѣе значительныя—перемѣны произошли и въ другихъ странахъ. Дѣло, однако, въ томъ, что въ Англіи эти перемѣны только отчасти сопровождались соотвѣтственными измѣненіями въ формальномъ законодательствѣ страны. Есть такія сферы англійской общественной жизни,—притомъ сферы въ высшей степени важныя,—которыхъ формальное законодательство коснулось очень мало; между тѣмъ, указанное выше прогрессивное движеніе проявилось въ нихъ самымъ серьезнымъ образомъ. Можетъ-быть, наиболѣе разительнымъ примѣромъ такого рода прогрессивнаго движенія могутъ служить измѣненія, происшедшія въ системѣ государственнаго управленія Англіи.

Въ самомъ дѣлѣ, Англія конца XIX и начала XX вѣка является съ формальной стороны той самой монархіей, какой она была двѣсти лѣтъ тому назадъ при королѣ Вильгельмѣ III или королевѣ Аннѣ. Всѣ внѣшніе аттрибуты королевской власти остались формально неприкосновенными: попрежнему именемъ короля издаются всѣ законы и всѣ акты государственной важности, попрежнему король является верховнымъ начальникомъ арміи и флота, попрежнему одному королю принадлежитъ право производить въ

[1]) См. интересный трудъ проф. A. Dicey, «The Relations between Law and Public Opinion in England during the XIX Century». 1905. London.

чины, жаловать титулы и званія; попрежнему король созываетъ, распускаетъ и отсрочиваетъ парламентъ; попрежнему онъ назначаетъ и увольняетъ министровъ; попрежнему именемъ короля объявляются судебные приговоры; попрежнему королю принадлежитъ право помилованія и т. д. [1]).

Однако, все это обратилось теперь, въ значительной мѣрѣ, въ одну видимость, въ одну юридическую фикцію. Георгъ III (1760—1820) былъ послѣдній англійскій король, который пытался осуществлять фактически права, и тогда уже принадлежавшія ему скорѣе формально. Эти попытки, которыя привели, между прочимъ, къ возстанію сѣверо-американскихъ колоній и послѣдующему невольному признанію ихъ независимости, дали, какъ это видно уже изъ одного этого примѣра, столь роковые результаты, что онѣ болѣе не возобновлялись—по крайней мѣрѣ, въ столь же энергичной формѣ—даже самимъ Георгомъ III въ послѣдующую болѣе значительную часть его царствованія. Не возобновлялись, вообще говоря, такія попытки и преемниками Георга III на англійскомъ престолѣ, вслѣдствіе чего Англія, уже въ началѣ XIX вѣка, стала для всего міра примѣромъ конституціоннаго государства, гдѣ, по извѣстному выраженію, «король царствуетъ, но не управляетъ».

Въ самомъ дѣлѣ, англійскій король, сохраняющій по буквѣ закона весьма значительную личную власть, фактически пользуется всегда ею согласно «совѣту» своихъ министровъ. Эти послѣдніе, съ своей стороны, дѣйствуютъ всегда солидарно, т.-е. по взаимному соглашенію, и притомъ—что самое важное—сообразуясь съ желаніями большинства парламента или, выражаясь точнѣе, нижней его палаты, т.-е. палаты общинъ.

Въ современной Англіи мнѣнія и желанія парламента въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е палаты общинъ, не только составляютъ для министерства, т-е. совѣта или кабинета министровъ, необходимую поддержку, но, можно сказать, служатъ для него источникомъ жизни и смерти. потеря поддержки парламента, выраженная формально соотвѣтственной резолюціей или просто путемъ отклоненія законодательныхъ мѣръ, внесенныхъ министрами на утвержденіе парламента, влечетъ за собой отставку министерства.

Правда, если министерство разсчитываетъ, что народъ или, точнѣе, избиратели стоятъ на его сторонѣ,—что тѣмъ болѣе возможно, чѣмъ больше прошло времени со времени выборовъ (члены англійскаго парламента выбираются на семь лѣтъ),—то министерство можетъ дать королю «совѣтъ» распустить парламентъ и назначить новые выборы, причемъ по существующимъ теперь понятіямъ или, вѣрнѣе, по установившимся теперь традиціямъ король, вообще говоря, не можетъ въ этомъ отказать своему кабинету министровъ. Если окажется, что и въ новомъ парламентѣ кабинетъ министровъ не пользуется сочувствіемъ большинства, то ему остается только выйти въ отставку. Послѣ этого король—такова современная практика—обращается къ оффиціальному вождю оппозиціи или къ одному изъ наиболѣе видныхъ оппозиціонныхъ

---

[1]) См главу XVII превосходнаго сочиненія «English Constitutional History» by Th. P. Taswell Langmead, 6 ed. 1905. London.

дѣятелей въ парламентѣ съ предложеніемъ составить новый кабинетъ изъ самыхъ популярныхъ и вліятельныхъ членовъ парламента въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. палаты общинъ и палаты лордовъ.

По установившемуся теперь обычаю король, вообще говоря, не вмѣшивается ни въ то, какой составъ коллегъ подберетъ себѣ будущій первый министръ, ни тѣмъ болѣе въ распредѣленіе между ними портфелей, т.-е. разныхъ министерствъ; во всемъ этомъ наиболѣе правильнымъ судьей считается будущій первый министръ, окончательное рѣшеніе котораго король лишь санкціонируетъ своимъ указомъ о назначеніи новаго кабинета. Впрочемъ, король не только не участвуетъ активно въ установленіи состава кабинета министровъ, предоставляя это почти всецѣло первому министру, онъ даже сравнительно мало имѣетъ прямыхъ сношеній съ отдѣльными министрами. Всѣ болѣе важныя мѣры по каждому отдѣльному министерству рѣшаются совѣтомъ министровъ, засѣдающимъ подъ предсѣдательствомъ перваго министра. По обычаю, установившемуся еще въ XVIII вѣкѣ, король никогда не участвуетъ и—такова сила традиціи въ Англіи—считается теперь даже не имѣющимъ права участвовать лично въ засѣданіяхъ кабинета министровъ.

Все, что происходитъ въ совѣтѣ министровъ, считается тайной. При обмѣнѣ мнѣній въ засѣданіяхъ совѣта между министрами можетъ, конечно, оказаться болѣе или менѣе значительное разногласіе; задача перваго министра заключается именно въ умѣніи найти путь къ соглашенію между своими коллегами и установленію конечнаго рѣшенія всего кабинета. О томъ, что происходитъ въ совѣтѣ, знаетъ только король, причемъ право и обязанность сообщать королю о занятіяхъ совѣта только принадлежитъ первому министру. Докладывая королю о томъ или иномъ рѣшеніи совѣта, первый министръ представляетъ это рѣшеніе именно какъ мнѣніе всего совѣта, а не тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ его членовъ. Такимъ же образомъ, т.-е. отъ имени всего кабинета министровъ, вносятся на обсужденіе и утвержденіе парламента всѣ законопроекты и другія мѣропріятія правительства, требующія санкціи народныхъ представителей.

Изъ всего этого видно, что кабинетъ министровъ въ Англіи является группой солидарныхъ между собой выдающихся парламентскихъ дѣятелей, управляющихъ страной согласно нѣкоторымъ общимъ руководящимъ принципамъ, устанавливаемымъ, главнымъ образомъ, первымъ министромъ, какъ человѣкомъ, вообще говоря, пользующимся доминирующимъ вліяніемъ въ парламентѣ и весьма значительнымъ авторитетомъ во всей странѣ.

Пассивная, вообще говоря, роль англійскаго короля весьма естественно дѣлаетъ его неотвѣтственнымъ за то или иное направленіе внутренней и внѣшней политики страны. Это выражается извѣстнымъ изреченіемъ, характеризующимъ одинъ изъ основныхъ принциповъ англійской конституціи: «the king can do no wrong», т.-е. король не можетъ быть неправъ или, иначе, не можетъ быть источникомъ противозаконнаго или вреднаго распо-

ряженія правительства или какого-либо изъ его органовъ [1]). Да и въ самомъ дѣлѣ всѣ распоряженія, какъ и вообще всѣ проявленія верховной исполнительной власти короля—на этотъ разъ уже согласно прямому закону—должны быть контрассигнованы, т.-е. подписаны, смотря по роду дѣла, тѣмъ или инымъ министромъ, который одинъ или, точнѣе, вмѣстѣ со всѣми своими коллегами по кабинету считается отвѣтственнымъ передъ страной и передъ парламентомъ за подписанный имъ королевскій актъ или распоряженіе короля.

Мы считали необходимымъ предпослать изложенію политической исторіи Англіи XIX вѣка хотя бы такую весьма краткую и вслѣдствіе этого по необходимости нѣсколько односторонюю характеристику нѣкоторыхъ основныхъ особенностей системы англійскаго государственнаго управленія въ той формѣ, какую эта система приняла въ наше время. Дѣло въ томъ, что постепенное развитіе и упроченіе—совершающееся не столько путемъ изданія тѣхъ или иныхъ законодательныхъ актовъ, сколько путемъ установленія твердыхъ традицій поступать въ извѣстныхъ случаяхъ такимъ, а не какимъ-либо инымъ образомъ—существующей формы государственнаго управленія въ Англіи составляетъ главный интересъ и наиболѣе важный результатъ англійской исторіи вообще и послѣднихъ двухъ вѣковъ ея въ особенности. Мы только-что сказали, что основы государственнаго управленія Англіи или, иначе, англійская конституція покоятся не столько на законахъ, сколько на традиціяхъ, которыя вслѣдствіе своей давности пріобрѣли бо́льшую силу, чѣмъ даже обыкновенные законы. Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на подробномъ выясненіи этой крайне любопытной и важной особенности англійской конституціи [2]), мы ограничимся только примѣрами двухъ такихъ въ высшей степени важныхъ традицій.

Англійскому королю de jure принадлежитъ до сихъ поръ право отказывать въ своемъ согласіи на билль, т.-е. законопроектъ, утвержденный обѣими палатами парламента. Однако, три послѣдніе случая, когда англійская королевская власть фактически воспользовалась этимъ правомъ, относятся къ 1692 и 1694 гг. при Вильгельмѣ III и къ 1707 г. при королевѣ Аннѣ. Такимъ образомъ, прошло двѣсти лѣтъ со времени послѣдняго случая отказа монарха въ санкціи рѣшенія парламента. Однако, одинъ тотъ фактъ, что король такъ долго не пользовался этимъ своимъ правомъ, считается—по крайней мѣрѣ, въ глазахъ англичанъ—достаточнымъ ручательствомъ того, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ король не вздумаетъ имъ снова воспользоваться.

Въ самомъ дѣлѣ,—мы это увидимъ ниже,—какъ далеко ни заходила иногда борьба партій въ парламентѣ и внѣ его, какъ ни разгорались въ Англіи страсти, какъ ни велико было иногда несочувствіе короля тѣмъ или

---

[1]) См. объ этомъ болѣе подробно нашу книгу, «Парламентаризмъ и представительная форма правленія», 1906.

[2]) См. классическое сочиненіе проф. Dicey, «Introduction to the study of the law of the Constitution», переведеннаго на русскій языкъ подъ заглавіемъ Дайси. «Основы государственнаго права Англіи», 2-е изд. 1905.

инымъ законопроектамъ, одобреннымъ парламентомъ, никогда даже Георгъ III (1760—1820), преисполненный, вообще говоря, уваженія къ своей собственной персонѣ и трудно мирившійся съ контролирующей властью парламента, не заикался о томъ, чтобы отказать въ своей санкціи парламентскому биллю и не дать ему, такимъ образомъ, силы закона.

Правда, Георгу III удавалось, вообще говоря, добиться своихъ цѣлей иными, косвенными и, вообще говоря, далеко не благородными путями. Дѣло отъ этого, однако, не мѣняется: какъ бы тамъ ни было, даже склонный къ самовластію Георгъ III не рѣшался осуществлять юридически принадлежавшаго ему права; хотя въ то время, когда царствовалъ Георгъ III (1760 — 1820), указываемая нами традиція не имѣла столь значительной, какъ теперь, давности.

Другой примѣръ весьма важной особенности англійской конституціи—особенности, имѣющей въ основѣ только силу традиціи—представляетъ то любопытное обстоятельство, что въ Англіи засѣданія совѣта или кабинета министровъ происходятъ всегда, какъ мы уже упоминали, безъ участія короля, и король сносится съ этимъ совѣтомъ исключительно черезъ посредство перваго министра. Объясняется это слѣдующимъ образомъ.

Согласно знаменитому «Акту о престолонаслѣдіи» (Act of Settlement), состоявшемуся еще при королѣ Вильгельмѣ III (1701), англійскій престолъ, послѣ смерти бездѣтныхъ [1]) Вильгельма III и Маріи и бездѣтной же Анны, долженъ былъ перейти къ Ганноверскому дому, какъ связанному родствомъ съ королемъ Іаковомъ I (внучка Іакова I были замужемъ за курфюрстомъ Ганноверскимъ). Въ 1714 г. умерла королева Анна, и въ Англію прибылъ для вступленія на престолъ подъ именемъ Георга I курфюрстъ Ганноверскій. Ему было въ это время 54 года; онъ совершенно не зналъ англійскаго языка; изъ министровъ же только одинъ говорилъ по-нѣмецки. Учиться англійскому языку королю было поздно; къ тому же онъ этого даже не особенно желалъ, и вообще онъ продолжалъ интересоваться попрежнему скорѣе своимъ Ганноверомъ, чѣмъ Англіей. Незнакомство министровъ съ нѣмецкимъ языкомъ заставляло короля прибѣгать для объясненій съ ними къ языку латинскому, который Георгъ I зналъ, однако, весьма плохо, какъ, впрочемъ, и его министры. Не зная ни страны, ни ея языка, король долженъ былъ, конечно, предоставить государственныя дѣла министрамъ. Онъ даже счелъ лучшимъ не ходить на засѣданія совѣта министровъ, такъ какъ ему, при незнаніи языка, пришлось бы играть тамъ, конечно, весьма глупую роль. Георгъ I царствовалъ 13 лѣтъ и умеръ въ 1727 г. Къ этому времени сыну его, Георгу II (родился въ 1683 г.; ему было 31 годъ, когда онъ пріѣхалъ въ Англію), удалось выучиться довольно порядочно англійскому языку, но, конечно, и онъ не могъ хорошо ориентироваться среди совершенно чуждой ему политической и соціальной обстановки. Подобно своему отцу, онъ не посѣщалъ засѣданій совѣта министровъ, причемъ этотъ

[1]) Т.-е., въ случаѣ, если бы названныя лица не имѣли дѣтей, что заранѣе нельзя было, конечно, знать.

обычай,—конечно, чрезвычайно важный для освобожденія министровъ отъ личнаго вліянія короля и для поднятія престижа и власти перваго министра, какъ главнаго органа сношеній между королемъ и совѣтомъ министровъ,—успѣлъ за два царствованія, т.-е. за 46 лѣтъ (1714—1760), пріобрѣсть авторитетъ крайне важной и прочной конституціонной традиціи,—болѣе прочной, чѣмъ какой-либо изъ законовъ, изданныхъ за эти два царствованія.

По крайней мѣрѣ, когда Георгъ III, который родился и выросъ въ Англіи и представлялъ собой во многихъ отношеніяхъ типичнаго англичанина своего времени, сдѣлалъ-было попытку возобновить то, что свободно дѣлалъ Вильгельмъ III, и то, что часто дѣлала королева Анна,—а именно попытку личнаго руководства засѣданіемъ совѣта министровъ; ему такъ ясно дали понять неконституціонность его образа дѣйствій, что онъ уже никогда не повторялъ этой попытки во всѣ шестьдесятъ лѣтъ своего царствованія. Само собой разумѣется, что такихъ попытокъ не дѣлалъ тѣмъ болѣе ни одинъ изъ преемниковъ Георга III на англійскомъ престолѣ.

Такимъ образомъ, простая случайность на ряду съ свойственнымъ англичанамъ уваженіемъ къ установившимся традиціямъ послужила причиной образованія одной изъ весьма любопытныхъ и весьма важныхъ особенностей системы англійскаго государственнаго управленія.

Изъ приведенныхъ только-что примѣровъ слѣдуетъ также, что если, съ одной стороны, государственный строй Англіи можетъ быть изучаемъ сколько-нибудъ плодотворно только параллельно съ англійской исторіей, то, съ другой стороны, одна изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ занятій англійской исторіей заключается въ возможности прослѣдить развитіе нѣкоторыхъ основныхъ особенностей оригинальной англійской конституціи. Въ самомъ дѣлѣ, эта конституція—мы позволимъ себѣ обратить вновь вниманіе читателя на это весьма важное обстоятельство [1]),—заключается не столько въ какихъ-либо особенно твердо установленныхъ законахъ, сколько въ системѣ прочно установившихся традицій.

Одно изъ послѣдствій указываемаго нами обстоятельства заключается въ необычайной трудности и даже прямой невозможности точнаго установленія дѣйствительнаго вліянія и авторитета короля, кабинета министровъ и парламента въ тотъ или иной моментъ или періодъ англійской исторіи или даже въ наши дни.

Въ самомъ дѣлѣ, мы были бы поставлены въ большое затрудненіе, если бы намъ предложили характеризовать болѣе или менѣе точно—скажемъ, для примѣра—дѣйствительную власть англійскаго короля въ современной Англіи. Такое затрудненіе испытываемъ не только мы,—это могло бы быть объяснено недостаточнымъ знакомствомъ нашимъ съ англійской

---

[1]) См. объ этомъ любое изъ сочиненій по англійскому государственному праву и, между прочимъ, цитированную выше нашу книгу «Парламентаризмъ и представительная форма правленія».

жизнью и учрежденіями, — то же самое затрудненіе испытываютъ всѣ извѣстные англійскіе писатели по вопросамъ конституціоннаго права. Впрочемъ, мы уже дали на предшествующихъ страницахъ нѣкоторый отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Однако, стремленіе къ краткости и ясности заставило насъ представить вопросъ о дѣйствительной роли англійскаго короля въ болѣе простомъ видѣ, чѣмъ это есть въ дѣйствительности.

Болѣе удовлетворительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія слова одного выдающагося англійскаго публициста, автора новѣйшаго превосходнаго сочиненія о системѣ государственнаго управленія Англіи.

«На вопросъ о томъ, какую часть власти, принадлежащей номинально королю, онъ можетъ или долженъ сохранять за собой лично, не можетъ быть точнаго и опредѣленнаго отвѣта. Политическая исторія Англіи въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ въ значительной степени наполнена спорами и борьбой изъ-за рѣшенія этого вопроса... Король пользуется и теперь весьма большимъ вліяніемъ, положеніе его и теперь чрезвычайно высоко; онъ свободенъ въ то же время отъ какой-либо отвѣтственности за направленіе внутренней или внѣшней политики страны. Ему пришлось все-таки уступить другимъ руководительство національными дѣлами, направленіе національной политики...

«Однако, въ противоположность иностраннымъ писателямъ, которымъ такъ не нравится таинственная неопредѣленность англійской конституціи, ни одинъ англичанинъ, писавшій по поводу занимающаго насъ вопроса, никогда не утверждалъ, что англійскій король не имѣетъ теперь никакой власти. Англичане знаютъ, что, хотя ихъ король не управляетъ страной, онъ все-таки не лишенъ совершенно участія въ направленіи дѣятельности правительства. Это участіе можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, больше или меньше, но, во всякомъ случаѣ оно представляетъ собой нѣчто реальное...

«Вспомнимъ прежде всего, что вся исполнительная власть возвращается въ руки короля всякій разъ, когда происходитъ смѣна министерства. Въ промежутокъ между уходомъ одного кабинета министровъ и назначеніемъ другого король является лицомъ, обладающимъ всѣмъ объемомъ верховной исполнительной власти. Кромѣ того, ему въ этихъ случаяхъ приходится лично рѣшать вопросъ о томъ, кому изъ руководящихъ дѣятелей парламентскаго большинства поручить образованіе новаго министерства..., хотя, правда, кругъ лицъ, между которыми можетъ колебаться его выборъ, весьма ограниченъ...

«Это, однако, такая роль короля, которую ему случается выполнять рѣдко. Въ обыкновенное же время король въ качествѣ конституціоннаго главы государства имѣетъ по общему представленію три права: право требовать, чтобы во всѣхъ важныхъ дѣлахъ испрашивался его совѣтъ; право высказывать свое одобреніе политикѣ кабинета; наконецъ, право предостерегать министерство или кабинетъ отъ того или иного образа дѣйствій. Первый министръ можетъ, конечно, поступать такъ, какъ это кажется наиболѣе

цѣлесообразнымъ ему и его коллегамъ. Однако, прежде чѣмъ приводить въ исполненіе какое-нибудь важное рѣшеніе, онъ долженъ выслушать мнѣніе весьма высокаго по своему положенію, авторитетнаго и въ высшей степени вліятельнаго критика.

«Если король ведетъ себя вполнѣ корректно, то онъ долженъ ограничиться именно ролью сдержаннаго, чуждаго какого-либо раздраженія ментора или критика. Его рѣчь министру должна быть въ такомъ родѣ: «Отвѣтственность за предполагаемыя вами мѣры или распоряженія падаетъ всецѣло на васъ. Поступайте поэтому такъ, какъ находите наиболѣе цѣлесообразнымъ. Я, съ своей стороны, поддержу васъ во всемъ, что вы находите наиболѣе полезнымъ для страны. Однако, вы должны помнить, что предполагаемыя вами мѣры по такимъ-то и такимъ-то причинамъ будутъ имѣть дурные результаты, и что, по моему мнѣнію, было бы лучше поступить иначе. Я не буду вамъ мѣшать мой долгъ не позволяетъ мнѣ этого дѣлать, но предупредить васъ я обязанъ».

«Нельзя сомнѣваться въ томъ,—продолжаетъ англійскій публицистъ,—что такого рода рѣчь часто производитъ свое дѣйствіе. Помимо высокаго положенія говорящаго, есть еще и нѣкоторыя другія обстоятельства, придающія большой вѣсъ его словамъ. Часто можетъ случиться, что король обладаетъ болѣе широкимъ и болѣе продолжительнымъ государственнымъ опытомъ, чѣмъ его первый министръ. Министры приходятъ и уходятъ, но для короля, пока онъ живъ, нѣтъ отставки Поэтому политическія соображенія короля могутъ легко оказаться болѣе правильными, чѣмъ взгляды его министровъ» [1]).

Итакъ, кабинетъ министровъ въ Англіи можетъ, если находитъ нужнымъ, поступать вопреки самымъ категорическимъ мнѣніямъ короля, причемъ послѣдній, оставаясь строго конституціоннымъ монархомъ парламентарной страны,—т.-е. такой страны, гдѣ министры остаются во власти лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ поддерживаетъ большинство членовъ парламента,—не имѣетъ даже права считать себя оскорбленнымъ такого рода игнорированіемъ его мнѣній министрами. Зато, съ другой стороны, раздраженіе, которое иногда вызываетъ въ парламентѣ или въ народѣ то или иное дѣйствіе правительства, обрушивается цѣликомъ на голову министровъ, которые лишаются власти немедленно, если это раздраженіе охватило сейчасъ же и членовъ парламента, и если послѣдній находится въ сборѣ, или послѣ ближайшихъ выборовъ, если возмущена, главнымъ образомъ, народная масса.

Таковы въ общихъ чертахъ нѣкоторыя основныя особенности политическаго строя Англіи конца XIX и начала XX вѣка. Какъ мы уже говорили въ началѣ настоящей главы, этотъ строй былъ далеко не такимъ въ концѣ XVIII вѣка, причемъ, какъ это было также нами указано, измѣненіе этого строя лишь въ сравнительно незначительной степени проявилось въ опредѣ-

---

[1]) Sidney Low, «The Governance of England». London. 1904, p. 260—265. См. также нашу брошюру, «Глава Государства», СПБ. 1906.

ленныхъ законодательныхъ актахъ. По извѣстному выраженію англійскаго историка Фримана [1]), англійская конституція, т.-е. система законовъ и традицій государственнаго управленія Англіи—не «сдѣлана», а «выросла», т.-е. происхожденіе ея не можетъ быть приурочено къ какому-либо одному, изданному въ извѣстное время законодательному акту, и даже къ какой-либо опредѣленной категоріи такихъ актовъ. Англійская конституція состоитъ, во-первыхъ, изъ множества различныхъ законовъ, которые, не имѣя формально большей силы, чѣмъ всякій иной законъ, держатся очень прочно только потому, что вся нація проникнута сознаніемъ ихъ глубокой важности. Англійская конституція состоитъ, во-вторыхъ, изъ ряда конституціонныхъ традицій, т.-е. изъ образовавшихся постепенно обычаевъ высшихъ органовъ государственной власти—короля, министровъ, обѣихъ палатъ парламента—поступать въ извѣстныхъ случаяхъ такимъ-то, а не какимъ-либо инымъ образомъ, причемъ—наиболѣе важное обстоятельство—эти традиціи соблюдаются въ Англіи болѣе свято, чѣмъ въ иныхъ странахъ формальные законы.

Не имѣя возможности останавливаться здѣсь на болѣе подробномъ выясненіи характера государственнаго строя Англіи [2]), мы переходимъ къ основной задачѣ нашего труда—изложенію политической исторіи Англіи въ XIX вѣкѣ, когда сложились окончательно нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ конституціонныхъ традицій. Дѣло въ томъ, что именно благодаря этимъ традиціямъ, монархическая Англія сдѣлалась фактически одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ демократій нашего времени,—демократій не по формѣ, а по существу, т.-е. однимъ изъ такихъ государствъ, гдѣ общественное мнѣніе составляетъ самую значительную по своему вліянію силу, и гдѣ народное сочувствіе и одобреніе, выражаемое на выборахъ и тысячью иныхъ способовъ (пресса, собранія и митинги и т. д.), является фактически главнымъ источникомъ всякаго авторитета и всякой власти.

Прослѣдить образованіе этихъ традицій, отмѣтить постепенное ихъ упроченіе—составляетъ одну изъ задачъ настоящаго труда.

---

[1]) Freeman, «The Growth of English Constitution» (недавно издана вновь на русскомъ языкѣ журналомъ «Русская Мысль»: Фриманъ, «Развитіе англійской конституціи», 1907 г.).

[2]) См. цитированныя выше сочиненія проф. Дайси, Беджготъ, «Англійская конституція», СПБ 1907, и нашу книгу, «Парламентаризмъ и представительная форма правленія».

ГЛАВА II.

Англія во второй половинѣ XVIII вѣка.—Американская революція и вліяніе ея на порядки государственнаго управленія метрополіи.

Въ 1760 г. на престолъ Англіи вступилъ, послѣ смерти своего дѣда Георга II, двадцатидвухлѣтній Георгъ III, отецъ котораго, принцъ Валлійскій (титулъ, принадлежащій, какъ извѣстно, въ Англіи наслѣднику престола) Фредерикъ, умеръ еще въ то время, когда Георгу было 13 лѣтъ Послѣ смерти отца мальчикъ оказался всецѣло на попеченіи матери, принцессы Августы, урожденной герцогини Саксенъ-Кобургской, женщины крайне реакціонныхъ взглядовъ, мало развитой и плохо образованной [1]). Попавъ изъ захудалаго нѣмецкаго герцогства, гдѣ невозбранно царствовало крѣпостное право, гдѣ никто не помышлялъ ни о какихъ конституціяхъ и вообще ни о какихъ ограниченіяхъ великогерцогской власти, попавъ изъ такой обстановки въ Англію, которая уже въ то время даже для сравнительно болѣе просвѣщенныхъ и культурныхъ французовъ представлялась классическимъ примѣромъ свободной страны [2]),—эта типичная нѣмка того времени никакъ не могла примириться съ тою сравнительно совершенно пассивною ролью, которую играли въ Англіи короли Георгъ I и Георгъ II, и которую, по всѣмъ видимостямъ, предстояло играть и ея мужу. Мы уже имѣли случай упомянуть [3]), что, помимо общихъ причинъ, которыя ставили англійскихъ королей въ совершенно особое положеніе по сравненію съ королями континентальныхъ странъ того времени,—а именно необходимости сообразоваться во всемъ съ законами страны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ желаніями избираемаго населеніемъ парламента,—помимо этихъ общихъ причинъ, первые представители Ганноверскаго дома на англійскомъ престолѣ—Георгъ I и Георгъ II—должны были играть пассивную роль еще и по особымъ, чисто-личнымъ обстоятельствамъ. Какъ мы говорили, Георгъ I пріѣхалъ въ Англію (послѣ смерти королевы Анны, см. стр. 5) 54-хъ лѣтъ и совершенно не зналъ англійскаго языка. Сыну его, будущему королю Георгу II, было въ это время почти 31 годъ. Само собой раз-

[1]) Въ характеристикѣ принцессы Августы согласны всѣ историки этой эпохи См., напр., W. Hunt (president of the Royal Historical Society), «The History of England from the accession of George III», London. 1905, или 3-й томъ Frank Bright, «History of England». London. 1902.

[2]) Вспомнимъ, что сочиненіе Монтескье, «Духъ законовъ», гдѣ, между прочимъ, развивается эта точка зрѣнія, вышло въ 1748 г.

[3]) См. предыдущую главу.

умѣется, при такихъ условіяхъ ни отецъ, ни сынъ не могли пользоваться въ полной мѣрѣ даже тѣми неширокими (сравнительно съ тѣмъ, что наблюдалось въ это же время на континентѣ Европы) правами, которыми пользовались фактически ихъ непосредственные предшественники на англійскомъ престолѣ—король Вильгельмъ III или королева Анна.

Мать Георга III никакъ не могла примириться съ такими порядками, столь мало похожими на то, что она видѣла у себя дома, и постоянно повторяла своему сыну: «George, be a king» (Георгъ, будь королемъ), т.-е. будь настоящимъ повелителемъ своихъ подданныхъ и полнымъ господиномъ надъ своими министрами. Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ на молодого человѣка его воспитатель графъ Бьютъ (Earl of Bute), пустой, красивый аристократъ и, какъ злословили современники, фаворитъ вдовствующей принцессы Валлійской [1]).

Это воздѣйствіе оказалось тѣмъ болѣе плодотворнымъ, что Георгъ III, будучи въ общемъ человѣкомъ не дурнымъ и даже не чуждымъ извѣстнаго благородства, если только дѣло не касалось политики, былъ въ то же время упрямъ, ограниченъ и плохо образованъ. Георгъ III началъ свое царствованіе съ того, что вздумалъ лично предсѣдательствовать въ совѣтѣ министровъ, чего не дѣлали ни Георгъ I, ни Георгъ II. Хотя, какъ мы знаемъ, это послѣднее обстоятельство было вызвано чисто-внѣшними причинами, тѣмъ не менѣе,—такова сила прецедента въ Англіи,—ко времени вступленія на престолъ Георга III это обыкновеніе пріобрѣло характеръ важной конституціонной традиціи, на которую между тѣмъ рѣшился посягнуть молодой король. Какъ мы уже говорили, это была первая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственная попытка Георга III взять на себя личное руководительство засѣданіями совѣта министровъ. Встрѣченное имъ противодѣйствіе заставило Георга III отказаться отъ своей затѣи; министры же, конечно, много выиграли отъ того, что, улаживая, между собой мелкія разногласія, они сообщали всегда королю черезъ посредство перваго министра общее свое рѣшеніе.

Впрочемъ, принципъ полной солидарности министровъ и подчиненія ихъ общему руководительству перваго министра получилъ свое полное осуществленіе лишь въ теченіе царствованія Георга III, продолжавшагося съ 1760 до 1820 гг., т.-е. цѣлыхъ 60 лѣтъ. Въ началѣ же царствованія Георга III этотъ принципъ не получилъ еще полнаго признанія. Это какъ нельзя болѣе ясно выразилось въ назначеніи графа Бьюта министромъ менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія Георга III на престолъ, хотя этому назначенію далеко не сочувствовалъ первый министръ, герцогъ Ньюкэстльскій.

Попавъ въ число министровъ, графъ Бьютъ скоро сталъ интриговать, съ одной стороны, противъ герцога Ньюкэстльскаго и, съ другой, противъ Вильяма Питта, какъ одного изъ наиболѣе либеральныхъ членовъ кабинета. Мало того:

[1]) См. цитированное сочиненіе Hunt'a, составляющее 10-ый томъ новаго изданія «The Political History of England», являющагося трудомъ разныхъ авторовъ подъ редакціей того же Вильяма Хента и Реджинальда Пуля (Poole).

графъ Бьютъ сталъ-было выражать притязаніе на особое къ себѣ вниманіе, какъ къ лицу, пользующемуся наиболѣе полнымъ довѣріемъ короля. Этого, конечно, не могъ допустить глава кабинета: при первомъ удобномъ случаѣ герцогъ Ньюкэстльскій заявилъ королю о своемъ уходѣ въ отставку, а, слѣдовательно, и о выходѣ въ отставку всего кабинета. Изъ этого видно, между прочимъ, что уже тогда первый министръ въ своихъ сношеніяхъ съ королемъ говорилъ всегда отъ имени всего кабинета, который предполагался съ нимъ во всемъ солидарнымъ.

Это было въ маѣ 1762 г., спустя немного болѣе полутора года послѣ вступленія Георга III на престолъ. Король очень охотно принялъ отставку герцога Ньюкэстльскаго и поручилъ составленіе новаго кабинета своему любимцу, т.-е. графу Бьюту, который, съ своей стороны, подбирая себѣ коллегъ, руководствовался, главнымъ образомъ, желаніемъ угодить королю.

Хотя министерство графа Бьюта оказалось, какъ и можно было ожидать, очень недолговѣчнымъ, такъ какъ главной и почти единственной его опорой были личныя симпатіи короля главѣ министерства, оно, тѣмъ не менѣе, продержалось все-таки во главѣ правительства ровно годъ (май 1762—май 1763 г.). Въ наше время такой переходъ власти отъ одного министерства къ другому подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, личныхъ симпатій короля—дѣло невозможное, такъ какъ парламентъ увидѣлъ бы въ этомъ недопустимое посягательство на свои права, какъ верховнаго рѣшителя судебъ министерства; въ описываемое же нами время, какъ мы видимъ, это было еще возможно, хотя и весьма рискованно въ смыслѣ малой вѣроятности сколько-нибудь прочнаго существованія новаго министерства, что и подтвердилось эфемерностью политической карьеры графа Бьюта.

Почему же все-таки это было возможно? Почему же парламентъ Георга III не могъ или не хотѣлъ сразу же настоять на уходѣ графа Бьюта систематическимъ отклоненіемъ всѣхъ предлагаемыхъ имъ мѣръ и отказомъ въ вотированіи испрашиваемыхъ имъ кредитовъ? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы считаемъ достаточнымъ обратить вниманіе читателей на то обстоятельство, что составъ парламента въ описываемое нами время отличался весьма существеннымъ образомъ отъ его современнаго состава. Начать съ того, что число лицъ, которыя имѣли право на участіе въ выборахъ членовъ парламента, не превосходило въ то время 250000 или, самое большое, 300000 лицъ, причемъ—это наиболѣе важное обстоятельство—въ числѣ этихъ 250000 или 300000 лицъ насчитывалось до 60000 человѣкъ (т.-е. 20% или 25%), которые находились въ прямой зависимости отъ правительства въ качествѣ служащихъ въ акцизномъ вѣдомствѣ, въ управленіи таможенныхъ сборовъ [1]) и т. п. [2]).

---

[1]) Мы увидимъ ниже, когда и при какихъ обстоятельствахъ былъ изданъ законъ, запрещавшій соединять правительственную службу съ депутатскимъ мандатомъ.

2) Указываемый нами фактъ имѣетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что подача голосовъ происходила тогда открыто (тайная подача голосовъ на парламентскихъ выборахъ введена въ Англіи только въ 1872 г.).

Кромѣ того, въ парламентѣ описываемаго нами времени насчитывалось значительное число лицъ, имѣвшихъ контракты съ разными министерствами и главными управленіями и, конечно, думавшихъ лишь о томъ, какъ бы вслѣдствіе самостоятельнаго образа дѣйствій не лишиться этихъ подрядовъ. Помимо этихъ косвенныхъ путей вліянія на установленіе состава парламента и на способъ пользованія имъ своими правами, правительство въ описываемый нами періодъ царствованія Георга III не стѣснялось, когда это ему казалось нужнымъ, прибѣгать къ прямому подкупу членовъ парламента. Такъ, когда королю въ теченіе кратковременнаго управленія Англіей кабинетомъ графа Бьюта захотѣлось заключить, во что бы то ни стало, миръ съ Франціей и Испаніей, котораго вовсе не желала страна, и которому не сочувствовала значительная часть членовъ парламента, то Фоксъ, занимавшій весьма почетную и чрезвычайно доходную должность (теперь уже давно упраздненную) «Главнаго казначея арміи и флота» и, кстати сказать, широко пользовавшійся этой должностью для своего личнаго обогащенія, открылъ, по желанію короля, чуть не контору для выдачи взятокъ членамъ парламента съ тѣмъ, чтобы обезпечить такимъ образомъ утвержденіе мирнаго договора, заключеннаго королемъ и его министрами, къ каковымъ относился по своему положенію и самъ Фоксъ. «Контора» Фокса дѣйствовала очень успѣшно, причемъ были такіе члены парламента, которые не брезгали и суммой въ 200 фунтовъ стерлинговъ.

Народные представители могли быть тѣмъ легче склоняемы къ принятію взятокъ [1]), что засѣданія парламента въ описываемое нами время считались тайными [2]). О томъ, что тамъ происходило, можно было писать только съ извѣстной осторожностью... Такимъ образомъ, избиратели не могли знать съ полной увѣренностью, какъ въ томъ или въ другомъ случаѣ голосовалъ ихъ избранникъ въ парламентѣ, самъ же парламентъ сталъ публиковать поименное распредѣленіе членовъ при каждомъ голосованіи только съ 1836 г. [3]), т.-е. со времени общаго огромнаго подъема либеральныхъ вѣяній, наиболѣе яркимъ и сильнымъ выраженіемъ котораго былъ знаменитый билль о реформѣ 1832 г.

Въ ноябрѣ 1762 г. парламентъ сталъ обсуждать вопросъ объ утвержденіи предварительныхъ условій мира съ Франціей. Вильямъ Питтъ

---

[1]) Георгъ III, по порученію котораго Фоксъ взялся за это грязное дѣло, желая оправдать такіе пріемы управленія, говорилъ: «мы должны прибѣгать къ дурнымъ людямъ, чтобы управлять дурными людьми». W. Hunt, «History of England» etc., p. 39.

[2]) Только во время изучаемаго нами царствованія Георга III, послѣ неудачной попытки парламента (1771 г.) преслѣдовать судомъ одного издателя за напечатаніе отчета о парламентскихъ засѣданіяхъ, эти послѣднія стали фактически публичными въ полномъ смыслѣ слова, хотя прямого закона о правѣ свободнаго печатанія отчетовъ о засѣданіяхъ парламента не имѣется въ Англіи и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, и этотъ важный вопросъ англичане рѣшили путемъ установленія прочной традиціи.

[3]) См. Arthur Dyke Acland and Cyril Ransome, «Handbook of the political history of England». Ninth Edition, London, 1906, p. 185.

явился на засѣданіе больной и на костыляхъ; тѣмъ не менѣе, онъ нашелъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы говорить въ теченіе 3 ч. 40 мин., и произнесъ горячую и весьма убѣдительную рѣчь. Онъ критиковалъ условія мира съ такимъ знаніемъ дѣла, какимъ не могъ похвалиться ни одинъ министръ и, можетъ-быть, даже ни одинъ изъ его современниковъ. При окончательномъ голосованіи палаты, лидеромъ [1]) которой былъ упомянутый выше Фоксъ, за принятіе условій мира подали свои голоса 319 членовъ и противъ принятія—65. Въ палатѣ же лордовъ проектъ условій мира былъ утвержденъ даже безъ формальнаго подсчета голосовъ: такъ ясно для всѣхъ было настроеніе лордовъ. Дворъ торжествовалъ, услышавъ о результатахъ голосованія; вдовствующая принцесса, какъ говорили, воскликнула даже. «Теперь мой сынъ дѣйствительно король Англіи» [2]).

Не довольствуясь этимъ торжествомъ, король лишилъ должностей тѣхъ членовъ парламента, которые, состоя на службѣ правительства, вотировали вмѣстѣ съ оппозиціей. Эта оппозиція состояла изъ партіи виговъ, привыкшей за время царствованія Георга I и Георга II къ доминирующей роли въ парламентѣ и при дворѣ и уже по одному этому крайне несимпатичной Георгу III.

Мало того, король—слѣдуя въ этомъ случаѣ настояніямъ Фокса—уволилъ отъ службы многихъ чиновниковъ, не исключая даже самыхъ мелкихъ, опредѣленныхъ на службу вигами, которыхъ, какъ мы только-что сказали, король не выносилъ, считая ихъ главными виновниками паденія авторитета королевской власти въ Англіи. Наконецъ, уже по собственному почину, король лишилъ почетныхъ должностей наиболѣе видныхъ аристократовъ изъ партіи виговъ. Въ числѣ ихъ оказался бывшій первый министръ, герцогъ Ньюкэстльскій. Между тѣмъ, этотъ герцогъ за время пребыванія у власти не увеличилъ, подобно Фоксу, а значительно уменьшилъ свое состояніе (вмѣсто 25000 фунт. стерл. онъ сталъ получать 6000 стерл. въ годъ дохода), такъ какъ весьма щедро затрачивалъ личныя свои средства на обезпеченіе того, что онъ считалъ полезнымъ для государства, хотя самые пріемы, которые онъ для этого употреблялъ—подкупъ и т. п.,—не считаются въ наше время не только добропорядочными, но даже просто терпимыми.

Въ задачи настоящаго труда не входитъ, конечно, послѣдовательное изложеніе событій первой половины долгаго царствованія Георга III. Мы считаемъ, однако, необходимымъ указать хотя бы главныя изъ этихъ событій, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку они характеризуютъ политическіе идеалы Георга III, который, какъ это отчасти видно изъ предшествую-

---

[1]) Лидеромъ палаты общинъ является наиболѣе опытный и наиболѣе авторитетный парламентскій дѣятель изъ числа членовъ кабинета. Если первый министръ принадлежитъ къ числу членовъ палаты общинъ, то онъ же, само собой разумѣется, беретъ на себя роль лидера нижней палаты.

[2]) W Hunt, цит. сочин., 42.

щихъ фактовъ, пытался повернуть назадъ эволюцію политическихъ учрежденій Англіи.

Попытки эти никогда не были вполнѣ удачны Такъ, если даже въ описываемое нами время король достигъ, повидимому, нѣкотораго успѣха, разгромивъ, правда, не надолго партію виговъ, то, съ другой стороны, ему пришлось вскорѣ уступить все-таки голосу общественнаго мнѣнія и принять отставку своего любимца, графа Бьюта. Послѣ 12-мѣсячнаго пребыванія у власти Бьютъ не только долженъ былъ подать въ отставку, но даже сойти совсѣмъ съ политической сцены: онъ оставался до конца жизни не болѣе какъ придворнымъ интриганомъ, что вполнѣ соотвѣтствовало его способностямъ и характеру. Бьюта смѣнилъ Гренвиль, образовавшій при негласномъ содѣйствіи Бьюта новое министерство, состоявшее частью изъ бывшихъ членовъ кабинета Бьюта, къ которымъ принадлежалъ и самъ Гренвиль. Король разсчитывалъ, что новый первый министръ подобно своему предшественнику согласится быть послушнымъ орудіемъ его королевской воли, но эти разсчеты оправдались только отчасти. Сначала Гренвиль проявлялъ дѣйствительно мало самостоятельности. Такъ, напр., онъ вопреки своему убѣжденію согласился начать судебное дѣло противъ члена парламента Вилькса (Wilkes), который въ № 45 издаваемой имъ газеты «North Briton» чрезвычайно рѣзко отозвался о тронной рѣчи короля. Дѣло въ томъ, что въ этой рѣчи было высказано поздравленіе націи съ «почетнымъ» миромъ, хотя этотъ миръ, какъ мы уже говорили, былъ крайне непопуляренъ. Намъ весьма жаль, что мы не можемъ выяснить ни фактической, ни принципіальной стороны этого знаменитаго дѣла, которое глубоко взволновало общественное мнѣніе и затронуло даже народныя массы. Это послѣднее проявилось однажды въ публичномъ сожженіи на улицѣ юбки и ботфортъ, какъ эмблемъ вдовствующей принцессы Валлійской и графа Бьюта, которыхъ всѣ считали столпами реакціи. Уже изъ одного этого факта вдовствующая принцесса могла видѣть, что Англія весьма мало похожа на оставленную ею Германію. Вскорѣ произошли событія, которыя явились первымъ серьезнымъ политическимъ урокомъ для самого короля.

Согласно мирному договору, заключенному въ 1763 г. въ Парижѣ и закончившему такъ назыв. Семилѣтнюю войну, къ Англіи отошли французскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, извѣстныя подъ общимъ названіемъ Канады. Вмѣстѣ съ этимъ прекратилась фактически власть французовъ на материкѣ Сѣверной Америки вообще. Англійскія колоніи, основанныя въ началѣ XVII вѣка на томъ же материкѣ и расположенныя вдоль береговъ Атлантическаго океана, получили съ этихъ поръ возможность свободно распространяться внутрь страны, не опасаясь столкновеній съ французами, какъ это бывало сплошь-и-рядомъ ранѣе [1]).

Имѣя въ виду эти выгоды американскихъ колоній, чрезвычайные

---

[1]) См. наши книги, «Исторія великой американской демократіи» и «Исторія колоніальной имперіи Англіи».

расходы на войну и тотъ огромный долгъ, который явился для Англіи результатомъ борьбы съ Франціей и Испаніей, правительство метрополіи рѣшило—въ первый разъ со времени основанія сѣверо-американскихъ колоній—привлечь колонистовъ къ несенію части налоговаго бремени, падавшаго на населеніе Англіи, и ввело съ этою цѣлью въ Америкѣ злополучный гербовый сборъ (1765).

Ранѣе этого англійское правительство довольствовалось однѣми косвенными выгодами, проистекавшими отъ обладанія колоніями. Эти послѣднія, вообще говоря, должны были имѣть прямыя торговыя сношенія только со своей метрополіей, продавать ей всѣ свои сырые продукты и у нея же покупать главныя мануфактурныя издѣлія.. Правда, съ другой стороны, и колонистамъ были предоставлены нѣкоторыя льготы и привилегіи по сравненію съ иностранцами, ввозившими въ Англію свои продукты. Не входя здѣсь въ детальную оцѣнку взаимныхъ выгодъ и невыгодъ такого рода отношеній метрополіи и ея колоній, скажемъ лишь, что, поступая такимъ образомъ, Англія слѣдовала общепринятымъ въ то время принципамъ колоніальной политики, превосходя во всякомъ случаѣ, всѣ другія страны въ томъ вниманіи, которое она оказывала интересамъ колонистовъ [1]).

Между тѣмъ, первыя попытки Англіи обложить налогомъ жителей ея американскихъ колоній вызвали со стороны колонистовъ рѣшительный и единодушный протестъ, наиболѣе яркимъ выраженіемъ котораго была знаменитая «Декларація правъ колонистовъ и причинъ ихъ неудовольствій». Эта декларація была составлена и вотирована съѣздомъ делегатовъ всѣхъ колоній, состоявшимся въ октябрѣ 1765 г. въ Нью-Іоркѣ. Среди многочисленныхъ пунктовъ «Декларації» для насъ представляютъ наибольшій интересъ слѣдующія знаменательныя заявленія:

«Подданнымъ его величества, живущимъ въ здѣшнихъ колоніяхъ, принадлежатъ всѣ права и вольности, какими пользуются всѣ вообще лица, родившіяся британскими гражданами въ какой бы то ни было части владѣній Великобританіи.

«Существеннымъ и неотъемлемымъ правомъ всякаго свободнаго народа и несомнѣннымъ правомъ англичанъ былъ всегда принципъ, въ силу котораго народъ не можетъ быть облагаемъ налогами иначе какъ съ его собственнаго согласія, даваемаго лично или черезъ народныхъ представителей.

«Жители здѣшнихъ колоній не имѣютъ—а въ силу отдаленности своего мѣстожительства и не могутъ имѣть—своихъ представителей въ великобританской палатѣ общинъ.

«Единственными представителями населенія здѣшнихъ колоній могутъ считаться только лица, имъ самимъ избранныя въ качествѣ таковыхъ (т.-е. представителей). До сихъ поръ населеніе здѣшнихъ колоній не платило дру-

---

[1]) См. наши книги: «Великій расколъ англо-саксонской расы», «Американская революція», «Исторія великой американской демократіи».

гихъ налоговъ (taxes)—да и не могло быть привлекаемо къ таковой уплатѣ на законномъ основаніи—кромѣ тѣхъ налоговъ, которыми ихъ (колонистовъ) облагали ихъ собственныя законодательныя собранія.

«Такъ какъ всѣ сборы, взимаемые правительствомъ, должны считаться добровольнымъ даромъ народа, то противно разуму и духу британской конституціи, чтобы населеніе Великобританіи назначало такіе дары его величеству изъ достоянія и собственности американскихъ колонистовъ» [1]).

Можно себѣ представить, какъ должно было не понравиться Георгу III и его министрамъ столь смѣлое и рѣшительное провозглашеніе американцами своихъ неотъемлемыхъ правъ и вольностей. Надо сказать, кромѣ того, что американцы не ограничились этими весьма рѣзкими словами, но въ то же время оказали и физическое противодѣйствіе попыткамъ агентовъ правительства метрополіи привести въ исполненіе актъ о взиманіи гербоваго сбора.

Такой образъ дѣйствій американцевъ находилъ не мало защитниковъ въ самой Англіи, причемъ въ числѣ ихъ были нѣкоторые весьма вліятельные политическіе дѣятели изъ партіи виговъ, напр., Вильямъ Питтъ, который, несмотря на свою старость и болѣзненное состояніе, былъ все-таки одной изъ наиболѣе крупныхъ личностей въ парламентѣ.

Къ описываемому нами времени относится одна изъ знаменитыхъ рѣчей Питта, которая въ значительной степени содѣйствовала отмѣнѣ парламентомъ злополучнаго гербоваго сбора [2]) «Господа, я радуюсь сопротивленію американцевъ,—сказалъ, между прочимъ, Питтъ.—Трехмилліонный народъ, у котораго настолько заглохло стремленіе къ свободѣ, чтобы его можно было безъ сопротивленія обратить въ рабство, могъ бы сдѣлаться удобнымъ орудіемъ для порабощенія остальныхъ англичанъ» [3]).

Теперь естественно спросить читателя, была ли въ то время въ Европѣ какая-либо другая страна, гдѣ государственный человѣкъ, могъ бы произнести публично такія слова—слова, выражавшія нравственную солидарность съ мятежниками,—и остаться безнаказаннымъ? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ не можетъ быть, конечно, какого-либо сомнѣнія, и это обстоятельство, какъ нельзя болѣе, ясно показываетъ, какъ велика была политическая свобода въ Англіи уже во второй половинѣ XVIII вѣка.

Пренія парламента, въ которыхъ, несмотря на свою болѣзнь, игралъ столь выдающуюся роль Вильямъ Питтъ, закончились отмѣной гербоваго сбора, т.-е. побѣдой американцевъ. Бывшій въ то время первый министръ Рокингэмъ написалъ на другой день послѣ этого засѣданія королю: «то, что происходило вчера въ палатѣ общинъ, доказываетъ поразительную силу и

[1]) Декларація помѣщена полностью въ числѣ приложеній къ нашей книгѣ «Великій расколъ англо-саксонской расы».

[2]) Питтъ рѣзко протестовалъ противъ самаго введенія гербоваго сбора, когда эта мѣра была внесена въ парламентъ въ 1765 г. Гренвилемъ. См. Lecky, «History of England in XVIII century», vol. III, p. 404.

[3]) Эта рѣчь переведена нами полностью и помѣщена въ приложеніи къ книгѣ «Великій расколъ англо-саксонской расы».

вліяніе Питта всякій разъ, когда онъ принимаетъ участіе въ преніяхъ» [1]).

Огромное вліяніе и авторитетъ Питта какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ, гдѣ отмѣна гербоваго сбора вызвала повсемѣстно шумныя радостныя манифестаціи въ честь короля и Питта, побудило короля отказаться отъ непопулярнаго Рокингэма и предложить образованіе новаго министерства Питту. Болѣзненное состояніе Питта не позволяло ему принять на себя крайне обременительную роль лидера палаты общинъ, каковая роль неминуемо выпала бы на его долю, если бы онъ занялъ постъ перваго министра, оставаясь членомъ нижней палаты. Онъ согласился поэтому перейти въ палату лордовъ съ титуломъ графа Чатама и образовать новое министерство. Таковымъ оказался для Питта конечный результатъ его чрезвычайно краснорѣчивой и убѣдительной защиты американцевъ, противодѣйствовавшихъ незаконнымъ притязаніямъ правительства метрополіи.

Хотя принятіе Питтомъ титула графа Чатама объяснялось, главнымъ образомъ, а, можетъ-быть, даже исключительно его весьма слабымъ здоровьемъ, тѣмъ не менѣе, враги Питта или, какъ его слѣдуетъ съ этихъ поръ называть, графа Чатама стали распространять взглядъ, что это была взятка [2]) со стороны короля, желавшаго воспользоваться популярностью Чатама и склонить его служить своимъ цѣлямъ. Какъ бы то ни было, популярность Питта, пріобрѣтенная имъ славой безкорыстнаго государственнаго дѣятеля, дѣйствительно очень пострадала; въ то же время его плохое и быстро ухудшавшееся здоровье не позволяло ему проявлять свою прежнюю поразительную энергію. Его характеръ также испортился, что затруднило работу съ нимъ другихъ министровъ.

Зато, съ другой стороны, состояніе Чатама давало возможность королю проявлять болѣе свободно свое личное вліяніе на другихъ министровъ и направлять иногда политику страны совсѣмъ не туда, куда бы ее направилъ Чатамъ, если бы онъ могъ попрежнему работать. Въ самомъ дѣлѣ, лордъ Чатамъ день ото дня становился слабѣе; вскорѣ (1767 г.) онъ даже вынужденъ былъ сложить съ себя званіе перваго министра и оставаться лишь номинально въ числѣ членовъ кабинета. Это обстоятельство немедленно отразилось на политикѣ Англіи въ отношеніи ея американскихъ колоній. Въ самомъ дѣлѣ, правительство метрополіи вскорѣ сдѣлало новую попытку—правда, нѣсколько замаскированную—привлечь американцевъ къ уплатѣ части налоговаго бремени, падавшаго на англійскій народъ.

Здѣсь, конечно, не мѣсто излагать фактическую или хотя бы принципіальную сторону разногласія, приведшаго къ возстанію американскихъ колоній [3]) Англіи, и тѣмъ болѣе самого этого возстанія. Впрочемъ, принци-

[1]) Цитировано въ сочин. W. Lecky, «A History of England in XVIII century», vol. III, 338.

[2]) W. Hunt, «History of England» etc., 75.

[3]) См. цитированныя выше наши книги по американской исторіи.

піальная сторона этого разногласія была въ немногихъ словахъ указана нами выше. Въ настоящемъ своемъ сочиненіи мы считаемъ необходимымъ говорить о спорѣ англичанъ со своими колоніями лишь постольку, поскольку этотъ споръ характеризуетъ тогдашній политическій режимъ Англіи. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1770—1782), пока длился конфликтъ Англіи съ ея американскими колоніями [1]), закончившійся полной побѣдой американцевъ (сдача англійской арміи подъ начальствомъ лорда Корнваллиса американцамъ при Іорктаунѣ въ 1781 году), въ Англіи во главѣ министерства былъ лордъ Норсъ, который низвелъ свою роль до того, что исполнялъ желанія короля даже тогда, когда эти желанія рѣзко противорѣчили личнымъ взглядамъ лорда на задачи и требованія здравой государственной политики. Вотъ почему «великій расколъ англо-саксонской расы» [2]), каковымъ является отдѣленіе отъ Англіи ея американскихъ колоній, долженъ быть въ значительной мѣрѣ приписанъ ограниченности и упрямству короля Георга III.

«За весь этотъ рядъ бѣдствій слѣдуетъ болѣе всего винить короля,—говоритъ въ одномъ недавно вышедшемъ сочиненіи проф оксфордскаго университета, Эд. Дженксъ.—Изданіе въ 1867 г. длинной серіи (700) писемъ, полученныхъ Норсомъ отъ короля въ то время, когда Норсъ былъ первымъ министромъ,—къ тому же писемъ, большей частью писанныхъ рукой короля,—обнаружило фактъ, что вся отвѣтственность не только за руководящіе принципы дѣйствій правительства во время министерства Норса, но и за всѣ мельчайшія распоряженія въ теченіе этого значительнаго періода лежитъ всецѣло на королѣ.—Именно король, а никто другой, упрямо отказывался слушать разговоры о какомъ-либо компромиссѣ съ колоніями; онъ же упрямо доказывалъ, что, если проявить достаточную твердость, колонисты непремѣнно уступятъ. По мнѣнію короля, единственная причина противодѣйствія колонистовъ заключалась въ подсказанной партійными соображеніями оппозиціи виговъ, которые такимъ образомъ какъ бы поощряли колонистовъ къ сопротивленію. По мнѣнію короля, на раздраженіе американцевъ не могли влять ни излишества, которыя позволяли себѣ наемныя нѣмецкія войска [3]), ни употребленіе англичанами индѣйцевъ въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ, ни оскорбленія, которыми осыпали колонистовъ оффиціальные представители правительства метрополіи, ни презрительное игнорированіе петицій колонистовъ.

«Только благодаря личному желанію короля продолжали занимать министерскій постъ, въ виду ихъ готовности быть послушными орудіями ко-

---

[1]) Оффиціальное объявленіе американцами своей независимости послѣдовало, какъ извѣстно, 4 іюля 1776 г.

[2]) Подъ такимъ заглавіемъ мы выпустили цитированную выше книгу, посвященную изложенію нѣкоторыхъ сторонъ американской революціи.

[3]) Извѣстно, что герцогъ Гессенскій поставилъ англичанамъ за приличное вознагражденіе цѣлую армію въ 18000 солдатъ, которые затѣмъ были посланы для борьбы съ возмутившимися колонистами. Конечно, послѣ такихъ мѣропріятій не могло быть рѣчи о согласіи американцевъ на какой-либо компромиссъ съ Англіей.

ролевской волѣ, лордъ Сандвичъ, неспособность котораго быть извѣстна королю, лордъ Джермэнъ, характеръ котораго король презиралъ, Суффолькъ и Уеддербернъ, которыхъ осуждали всѣ порядочные люди, и Серлоу (Thurlow), хамство и грубость котораго возмущали даже его друзей. Наконецъ, тотъ же король, когда въ 1778 г. [1]) всѣ взоры обратились къ графу Чатаму, какъ единственному человѣку, отъ котораго можно было ждать спасенія, рѣшительно отказался—рискуя даже революціей—предоставить власть дѣятелю, который, безъ сомнѣнія, былъ самымъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ того времени, король не пожелалъ поручить образованіе министерства Чатаму только потому, что зналъ характеръ Чатама; зналъ, что Чатамъ, попробовавъ разъ управлять государствомъ, ни за что болѣе не допуститъ личнаго вмѣшательства короля въ дѣйствія министровъ. Говорить, что колоніи черезъ нѣсколько лѣтъ все равно потребовали бы признанія своей независимости, это все-таки не значитъ найти оправданіе тому безумію, которое заставило колонистовъ поднять знамя возстанія. Такъ же мало идетъ къ дѣлу утвержденіе, что метрополія, въ концѣ концовъ, выиграла болѣе отъ чрезвычайнаго прогресса независимой Америки, чѣмъ потеряла отъ невольнаго отказа отъ архаической (antiquated) колоніальной политики. Нельзя же закрывать глаза на тотъ фактъ, что именно личное управленіе короля государственными дѣлами низвергло Великобританію съ высшей точки земной славы и могущества въ пропасть униженія, произвело расколъ имперіи и оставило въ сердцахъ великой націи (американцевъ. П. М.) чувства недовѣрія и раздраженія въ отношеніи родной страны (mother country), которыя едва ли совершенно исчезли даже теперь по прошествіи болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія» [2]).

Да не подумаетъ читатель, что таково только мнѣніе Дженкса. Нѣтъ! Въ настоящее время уже никто болѣе не сомнѣвается въ томъ, что роковой исходъ конфликта съ Америкой и самое возникновеніе этого конфликта объясняются, главнымъ образомъ, упрямствомъ и недальновидностью короля и чрезмѣрной угодливостью лорда Норса и его коллегъ. Замѣчательно, что сами американцы, повидимому, были прекрасно освѣдомлены по этому поводу, такъ какъ ихъ «Декларація Независимости» во второй своей части представляетъ, какъ извѣстно, нѣчто въ родѣ формальнаго обвинительнаго акта по отношенію къ англійскому королю.

Однако, было бы ошибочно думать, что въ войнѣ съ колоніями виновенъ только король. Хотя Георгъ III въ началѣ своего царствованія имѣлъ значительный личный авторитетъ; хотя министры держались по отношенію къ нему очень угодливо; хотя Георгу III были доступны, какъ мы знаемъ, такіе пути вліянія на парламентъ, какими онъ не располагалъ болѣе во второй половинѣ своего царствованія, и какими тѣмъ болѣе не распола-

[1]) Въ указанномъ году Франція признала независимость возставшихъ колоній и заключила съ ними договоръ.

[2]) Ed. Jenks, «Parliamentary England (The Evolution of the cabinet system)». London. 1903, p. 236. Книга входитъ въ обширную серію: «Story of Nations».

галъ ни одинъ изъ его преемниковъ на англійскомъ престолѣ,—при всемъ томъ король не могъ бы навязать парламенту политики, которая привела бы къ войнѣ съ колоніями, если бы значительная часть парламента не была искренно убѣждена въ полной справедливости требованій правительства метрополіи и въ безусловной необходимости настоять на ихъ исполненіи. То же самое можно сказать и относительно значительной части англійскаго народа.

Король и его министры повинны, главнымъ образомъ, въ томъ, что они не только не обнаружили большаго самообладанія и большаго пониманія серьезности и опасности конфликта, чѣмъ масса плохо освѣдомленнаго и легко возбуждаемаго народа, но, напротивъ, воспользовались этимъ возбужденіемъ, чтобы заставить замолчать, или, по крайней мѣрѣ, чтобы заглушить болѣе дальновидную часть націи, и довели дѣло до такого положенія, когда оно могло быть рѣшено только путемъ физической борьбы, оказавшейся роковой не для колонистовъ, а для самой метрополіи..

Для насъ здѣсь торжество американцевъ важно лишь съ одной точки зрѣнія: оно совершенно дискредитировало министерство Норса и сильно ослабило личный авторитетъ короля. Число недовольныхъ въ странѣ и въ парламентѣ значительно увеличилось: въ 1780 г., т.-е. въ то время, когда уже вполнѣ выяснилась роль короля въ направленіи политики страны и совершенная неудача этой политики, одному изъ членовъ парламента удалось даже поставить и провести большинствомъ 233 голосовъ противъ 215 резолюцію, которая прямо гласила, что «вліяніе королей увеличилось, продолжаетъ увеличиваться и должно быть уменьшено». Однако, министерство быстро приняло свои мѣры, и, когда дѣло дошло до вотированія парламентомъ реальныхъ реформъ, предложенія оппозиціи провалились. Только въ 1782 г., такъ сказать, наканунѣ позорнаго Версальскаго мира (признаніе независимости Соед. Штатовъ и заключеніе мира съ Франціей) и уже при преемникахъ министерства Норса парламентъ принялъ рядъ чрезвычайно важныхъ законопроектовъ, значительно ослабившихъ вліяніе короля и находящагося у власти правительства вообще: во-первыхъ, изъ парламента были навсегда исключены всѣ лица, имѣющія какіе-либо подряды съ правительствомъ; во-вторыхъ, были лишены права участія въ выборахъ народныхъ представителей до 12000 лицъ, служащихъ въ министерствѣ финансовъ (акцизные и иные сборы). О степени важности этой послѣдней мѣры можно судить по тому, что, согласно нѣкоторымъ авторитетнымъ разсчетамъ [1]), избраніе 70 членовъ парламента фактически зависѣло именно отъ только-что указанной категоріи лицъ, дѣйствовавшихъ, конечно, сообразно указаніямъ правительства. Одновременно съ этими мѣрами были уменьшены безотчетныя суммы правительства, и уничтожена масса синекуръ, оплачиваемыхъ иногда весьма щедро, что давало возможность правительству награждать такими синекурами угодныхъ ему людей.

---

[1]) См. Frank Bright, «History of England», vol. III, p. 1106, или A. Acland, «Political History of England», 148.

Однако, попытка Вильяма Питта Младшаго (это былъ в т о р о й сынъ Вильяма Питта, графа Чатама, не наслѣдовавшій поэтому титула своего отца, умершаго въ 1778 г.)—въ то время (начало 1782 г.) еще только простого члена парламента (т.-е. не министра)—поставить вопросъ объ измѣненіи самой системы парламентскихъ выборовъ,—эта попытка была отвергнута парламентомъ, хотя, правда, сравнительно небольшимъ числомъ голосовъ (141 противъ 161).

Это послѣднее обстоятельство позволяетъ, какъ намъ кажется, утверждать, что избирательная реформа въ Англіи совершилась бы въ весьма непродолжительномъ времени, если бы на континентѣ Европы не произошли вскорѣ великія событія, совершенно измѣнившія взаимныя отношенія общественныхъ классовъ и политическихъ партій въ Англіи: мы разумѣемъ, конечно, французскую революцію, паденіе монархическаго режима, торжество республиканскихъ идей и послѣдующее возвышеніе Наполеона.

Возвратимся, однако, еще разъ къ войнѣ англичанъ съ ихъ американскими колоніями и посмотримъ, какóво было вліяніе этой войны на внутреннюю жизнь метрополіи и на ея политическій строй. Какъ это всегда бываетъ, внѣшнія неудачи заставили правительство прислушаться внимательно къ требованіямъ такихъ реформъ, о которыхъ оно ранѣе ничего не хотѣло слышать. Въ описываемое нами время были изданы законы, отмѣнившіе наиболѣе тяжелыя ограниченія гражданскихъ правъ католиковъ и ихъ духовенства (1778); въ это время были уничтожены наиболѣе важныя ограниченія торговыхъ сношеній Ирландіи съ Англіей, и между ними былъ въ первый разъ установленъ режимъ почти полной свободы торговли (1780). Годъ полнаго краха правительственной политики и окончательнаго торжества американцевъ ознаменовался (1782) признаніемъ законодательной независимости ирландскаго парламента; до этого англійскій парламентъ могъ издавать законы какъ для Англіи, такъ и для Ирландіи, гдѣ, однако, имѣлся свой парламентъ. Законы, издаваемые при прежнемъ порядкѣ ирландскимъ парламентомъ, подлежали извѣстному контролю со стороны англійскаго «Тайнаго Совѣта»—въ высшей степени сложнаго и неопредѣленнаго по составу учрежденія, которое, впрочемъ, ф а к т и ч е с к и въ XVIII вѣкѣ стало почти тожественнымъ съ кабинетомъ или совѣтомъ министровъ [1]). Независимость ирландскаго парламента была сначала вотирована единогласно имъ самимъ, и правительству графа Мельбурна (1782—83) среди тѣхъ затрудненій, которыя оно испытывало, оставалось лишь внести соотвѣтственный билль въ англійскій парламентъ. Парламентъ утвердилъ билль, сознавая, надо думать, что только крайность могла заставить правительство войти съ такимъ проектомъ: эта крайность заключалась въ возможности возстанія въ Ирландіи и помощи ей со стороны Франціи и Испаніи [2]).

---

[1]) См. превосходную книгу H. Traill, «Central Government» (входитъ въ серію «English Citizen Series»).

[2]) См. W. Hunt, «History of England» etc., 232—233.

Можно себѣ представить, какъ непріятны были королю всѣ такіе законы и мѣропріятія. Съ каждымъ годомъ Георгъ III все болѣе и болѣе убѣждался въ невозможности ввести въ Англіи такіе порядки управленія, которые практиковались его собратьями—королями континентальныхъ государствъ Европы...

Въ теченіе 1783 г., когда былъ заключенъ Версальскій миръ, первымъ министромъ Англіи былъ герцогъ Портландскій, фактическими же вершителями всѣхъ дѣлъ были министръ иностранныхъ дѣлъ Фоксъ, котораго король по нѣкоторымъ причинамъ считалъ теперь своимъ личнымъ врагомъ, и бывшій первый министръ (во время войны съ Америкой) и любимецъ короля, министръ внутреннихъ дѣлъ лордъ Норсъ, котораго король въ это время ненавидѣлъ, считая его перебѣжчикомъ во враждебную ему парламентскую партію. Было нѣчто совершенно противоестественное въ этомъ соединеніи въ одномъ коалиціонномъ кабинетѣ самаго горячаго защитника американскихъ колонистовъ (Фокса) и бывшаго главы того кабинета, который довелъ американцевъ до возстанія и долженъ былъ послѣ ряда пораженій признать ихъ независимость (лордъ Норсъ). Одинъ этотъ фактъ—мы не приводимъ другихъ, чтобы не увеличивать чрезмѣрно этой части нашего труда—можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что въ англійскомъ парламентѣ XVIII вѣка не было политическихъ партій въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, указываемая нами коалиція—соединеніе въ одномъ кабинетѣ Фокса и Норса—не могла, конечно, означать какой-нибудь опредѣленной государственной идеи: это было просто полюбовное соглашеніе видныхъ вожаковъ двухъ парламентскихъ кликъ, которые, благодаря такому соединенію и поддержкѣ лицъ, готовыхъ всегда идти за сильными, имѣли возможность занять руководящую роль въ парламентѣ и обезпечить успѣхъ предлагаемымъ ими мѣрамъ. Мы говоримъ обо всемъ этомъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать читателю болѣе понятнымъ, какъ королю удалось вскорѣ отдѣлаться отъ непріятной ему коалиціи.

Изъ числа мѣръ, внесенныхъ Фоксомъ въ парламентъ въ 1783 г., наиболѣе серьезное значеніе имѣлъ проектъ реорганизаціи системы управленія Индіей, гдѣ все еще продолжала хозяйничать Остъ-Индская компанія, представлявшая одновременно огромное торговое предпріятіе и верховную распорядительницу весьма значительной территоріи съ многомилліоннымъ населеніемъ, для удержанія которыхъ въ спокойствіи и повиновеніи компанія содержала значительную армію.

Сущность законопроекта Фокса—выработаннаго, кстати сказать, не самимъ Фоксомъ, а извѣстнымъ радѣтелемъ интересовъ туземныхъ племенъ Индіи, однимъ изъ самыхъ выдающихся ораторовъ и государственныхъ дѣятелей Англіи, Эдм. Боркомъ [1])—сводилась къ значительному увеличенію контроля общегосударственныхъ властей надъ всѣми дѣйствіями компаніи,

[1]) Боркъ занималъ въ это время должность «Главнаго казначея арміи и флота».

для чего имѣлось въ виду предоставить правительству право назначенія на нѣкоторыя наиболѣе отвѣтственныя и наиболѣе щедро оплачиваемыя должности. Благодаря вліянію, которымъ пользовались въ парламентѣ Фоксъ, Норсъ, Боркъ и коалиціонное министерство вообще, благодаря отчасти, конечно, и сознанію необходимости упорядочить дѣла Индійской компаніи,—что, несомнѣнно, было бы достигнуто предложеннымъ проектомъ,—онъ былъ принятъ въ нижней палатѣ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ. Однако, король и его друзья въ обѣихъ палатахъ смотрѣли на проектъ только съ одной стороны—со стороны его вліянія на упроченіе положенія коалиціи; получивъ возможность назначить своихъ сторонниковъ на рядъ весьма выгодныхъ должностей, коалиціонное министерство пріобрѣло бы весьма надежныхъ союзниковъ въ парламентѣ (напр., предоставленіемъ этихъ должностей родственникамъ вліятельныхъ членовъ парламента и т. п.) и внѣ его, а это было вовсе не желательно королю.

Благодаря указаннымъ выше законамъ 1782 г, измѣнившимъ составъ нижней палаты, вліяніе короля въ этой палатѣ было очень ослаблено, но въ верхней палатѣ его вліяніе было все еще весьма значительнымъ. Георгъ III рѣшился этимъ воспользоваться и далъ одному изъ своихъ друзей, лорду Темплю, карточку, на которой написалъ, что «всякаго лорда, который подалъ бы свой голосъ за проектъ Фокса о реорганизаціи Индійской компаніи, онъ, король, не только не будетъ считать своимъ другомъ, но станетъ считать своимъ врагомъ» [1]). Темпль былъ уполномоченъ показать эту карточку всѣмъ тѣмъ лордамъ, на которыхъ онъ находилъ желательнымъ и возможнымъ оказать такое воздѣйствіе.

Средство достигло своей цѣли: лорды, которые пропустили билль въ первомъ чтеніи, при второмъ его отвергли, хотя, правда, не очень значительнымъ большинствомъ. Разумѣется, эти интриги короля не могли остаться неизвѣстными министерству и даже членамъ нижней палаты вообще. Неудовольствіе было такъ велико, что парламентъ принялъ даже значительнымъ большинствомъ голосовъ резолюцію, которая гласила, что слѣдуетъ считать государственнымъ преступленіемъ [2]) сообщеніе мнѣнія короля по поводу вопроса, подлежащаго обсужденію въ парламентѣ, съ тѣмъ, чтобы оказать этимъ вліяніе на голосованіе.

Въ самомъ дѣлѣ, такой образъ дѣйствій короля составлялъ серьезное нарушеніе англійской конституціи даже при томъ ея толкованіи, какое ей придавалось тогда, а не только въ наши дни. Если бы королю не нравились министры и предлагаемыя ими мѣры, онъ долженъ былъ бы уволить ихъ и поручить власть другимъ министрамъ; если бы новые министры оказались въ безнадежномъ разногласіи съ парламентскимъ большинствомъ, король могъ бы распустить парламентъ и назначить новые выборы. Если бы и въ новомъ парламентѣ его министровъ постигла та же участь, то королю

---

[1]) Acland and Ransome, «Handbook of Political History of England», 151.

[2]) W. Hunt, «History of England» etc., 251.

оставалось бы только покориться народной волѣ и вернуть власть прежнимъ министрамъ или вообще предоставить ее лицамъ, угоднымъ парламентскому большинству.

Между тѣмъ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать вполнѣ корректно, т.-е. указаннымъ нами образомъ, король, какъ мы видѣли, предпочелъ интриговать за спиной своихъ конституціонныхъ совѣтниковъ, отвѣтственныхъ передъ парламентомъ и страной. Дѣйствія короля произвели настоящій скандалъ; кромѣ того, тѣ же дѣйствія унизили королевское достоинство вообще, которое бываетъ всегда тѣмъ выше, чѣмъ оно болѣе чуждо мелкимъ партійнымъ счетамъ и интригамъ. Насколько намъ извѣстно, впослѣдствіи ни Георгъ III, ни тѣмъ болѣе кто-либо изъ его преемниковъ на англійскомъ престолѣ не позволили себѣ такого нарушенія буквы и духа конституціи, а, вообще говоря, напротивъ, лойяльно поддерживали своихъ первыхъ министровъ, пока за послѣдними были парламентъ и нація.

Въ этой послѣдней прибавкѣ и заключается, впрочемъ, нѣкоторое оправданіе или частичное извиненіе образа дѣйствій Георга III, равно какъ и объясненіе нѣкоторыхъ экстраординарныхъ фактовъ ближайшей парламентской исторіи Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, если теперешній парламентъ, какъ это мы увидимъ ниже, не всегда выражаетъ вполнѣ точно волю и настроеніе націи, то тѣмъ болѣе это было возможно въ дореформенномъ парламентѣ Георга III. Пусть, впрочемъ, говорятъ объ этомъ факты.

Проявивъ извѣстное вѣроломство въ отношеніи своихъ министровъ, добившись провала законопроекта, проведеннаго министрами черезъ нижнюю палату, Георгъ III поспѣшилъ вслѣдъ за этимъ потребовать отставки кабинета и поручилъ составленіе новаго министерства двадцатичетырехлѣтнему Вильяму Питту. Надо сказать, что, несмотря на свою молодость, Питтъ уже успѣлъ обнаружить въ парламентѣ выдающіяся дарованія и готовность идти навстрѣчу вновь возникающимъ требованіямъ времени: въ самомъ дѣлѣ, уже два раза, а именно въ 1782 г. и въ 1783 г.—послѣдній разъ за нѣсколько мѣсяцевъ до принятія должности перваго министра—Питтъ вносилъ въ парламентъ резолюціи принципіальнаго характера съ предложеніемъ избирательной реформы, но въ обоихъ случаяхъ безуспѣшно. Таковъ былъ молодой человѣкъ, къ которому обратился Георгъ III, чтобы избавиться отъ коалиціоннаго министерства.

Само собой разумѣется, Фоксъ, Норсъ и ихъ сторонники въ палатѣ общинъ были возмущены поступками короля и передачей власти Питту: въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1784 г. (Питтъ вступилъ въ управленіе страной въ декабрѣ 1783 г.) парламентъ, гдѣ все еще большинство было за сторонниками Фокса и Норса, вотировалъ рядъ резолюцій, осуждавшихъ какъ Питта лично, такъ и обстоятельства полученія ими власти; такимъ же образомъ парламентъ отвергнулъ и нѣсколько законопроектовъ Питта [1]). Согласно совре-

1) A. Acland and Cyril Ransome, «A Handbook of English Political History», 150. См. также цитированное сочиненіе Jesse Macy, p. 390—95.

менному пониманію и современной практикѣ англійской конституціи, Питтъ долженъ былъ бы или сложить съ себя власть, или распустить парламентъ, но Питтъ не дѣлалъ ни того, ни другого, надѣясь, что страна весьма скоро поймете безпринципность противодѣйствовавшей ему разношерстной парламентской оппозиціи и убѣдится, что принятіе имъ, Питтомъ, поста перваго министра не знаменуетъ вовсе его отказа отъ стремленій къ реформамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы стали разсматривать отвергнутый палатой билль Питта о реорганизаціи Индійской компаніи, мы убѣдились бы, что этотъ билль, несомнѣнно, представлялъ болѣе удовлетворительное рѣшеніе этого сложнаго вопроса, чѣмъ тотъ, который былъ внесенъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ правительствомъ Фокса и Норса.

Такія ненормальныя отношенія между министерствомъ и парламентомъ не могли долго продолжаться. Хотя оппозиція, встрѣчаемая Питтомъ въ парламентѣ, понемногу таяла, и въ мартѣ 1784 г. одна враждебная министерству важная резолюція, предложенная Фоксомъ, прошла большинствомъ всего одного голоса, Питтъ все-таки въ томъ же мартѣ предложилъ королю распустить парламентъ и назначить новые выборы, будучи увѣренъ, что страна выскажется въ его пользу. Въ самомъ дѣлѣ, въ новомъ парламентѣ, собравшемся въ маѣ того же года, министерство оказалось располагающимъ значительнымъ большинствомъ голосовъ изъ бывшихъ же сторонниковъ коалиціи 160 потеряли свои полномочія и не вернулись въ парламентъ.

«Все хорошо, что хорошо кончается»,— могъ бы сказать тогда Питтъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ повиненъ былъ скорѣе въ нарушеніи буквы, чѣмъ духа конституціи: доктрина верховенства парламента имѣетъ смыслъ и значеніе лишь постольку, поскольку она знаменуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и верховенство народа [1]) или, по меньшей мѣрѣ, избирателей. Въ описанномъ нами случаѣ конфликта между министерствомъ и парламентомъ послѣдній не выражалъ собой народной воли, какъ показали, по крайней мѣрѣ, результаты выборовъ. Однако, такая игра очень опасна, и въ наше время министерство, которое вздумало бы систематически игнорировать враждебныя ему резолюціи и постановленія парламента и только послѣ неоднократныхъ неудачъ обратилось бы къ странѣ, назначивъ новые выборы, оно уже за одно это нарушеніе конституціонныхъ формъ было бы осуждено избирателями. Таково не только наше мнѣніе, но мнѣніе многихъ въ высшей степени авторитетныхъ истолкователей исторіи и современнаго состоянія англійской конституціи [2]).

Итакъ, король, который въ началѣ 1782 г. долженъ былъ разстаться съ министерствомъ лорда Норса, управлявшаго страной согласно его желаніямъ въ теченіе 12 лѣтъ, терпѣлъ только два года неугодныхъ ему людей въ качествѣ министровъ: въ концѣ 1783 г. онъ уже успѣлъ достичь того, что власть снова досталась желательному для него кандидату. Повидимому, это

[1]) См. А. Дайси, «Основы государственнаго строя Англіи», или нашу книгу, «Парламентаризмъ» и т. д.

[2]) См. превосходное сочиненіе американскаго ученаго, проф. Масу, «The English Constitution. A commentary on its nature and growth», 389.

было полнымъ торжествомъ короля. Таковъ, однако, только внѣшній обликъ событій; внутренній ихъ смыслъ далеко не такъ простъ.

Дѣло въ томъ, что Вильямъ Питтъ вовсе не былъ премьеромъ очень желательнымъ для короля: король поручилъ ему составленіе кабинета только потому, что не имѣлъ иного способа избавиться отъ ненавистной ему коалиціи. Несмотря на свою молодость, Питтъ не желалъ быть и никогда не былъ подобно Норсу простымъ исполнителемъ воли короля. На весьма многіе вопросы онъ имѣлъ свои взгляды и твердо ихъ отстаивалъ, хотя не отказывался принимать въ соображеніе и желанія короля: считаясь, вообще говоря, серьезно съ этими желаніями, онъ, тѣмъ не менѣе, иногда поступалъ вопреки имъ. Равнымъ образомъ, Питтъ рѣшительно отстаивалъ свое право выбирать себѣ такихъ коллегъ по управленію страной, какихъ онъ считалъ для этого подходящими; въ этомъ отношеніи Питтъ считался еще менѣе со взглядами короля. Это особенно рѣзко проявилось въ 1791 г., когда Питтъ настоялъ на увольненіи министра финансовъ, лорда Серлоу (Thurlow), любимца короля, который, надѣясь на расположеніе къ нему короля, позволялъ себѣ иногда не исполнять въ точности рѣшеній кабинета. Королю пришлось уступить твердому желанію перваго министра, который, такимъ образомъ, показалъ на дѣлѣ, какъ онъ понималъ свою роль перваго министра, и насколько онъ считалъ важной полную солидарность членовъ кабинета и ихъ добросовѣстное подчиненіе руководящей власти своего главы.

Таковы были отдаленные результаты американской революціи въ отношеніи вліянія ихъ на порядки государственнаго управленія Англіи.

Къ числу результатовъ утраты англичанами большей части ихъ американскихъ колоній слѣдуетъ отнести также и значительное измѣненіе колоніальной политики Англіи. Англичане навсегда отказались отъ узко-эгоистическаго взгляда на свои колоніальныя владѣнія, причемъ это новое теченіе получило наиболѣе систематическое и полное выраженіе въ слѣдующемъ (XIX) вѣкѣ. Мы, однако, не будемъ, вообще говоря, останавливаться здѣсь на вопросахъ колоніальной политики Англіи, отсылая читателей къ своей работѣ, посвященной спеціально этому вопросу [1]).

---

[1]) «Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи». СПБ 1902.

ГЛАВА III

Англія въ эпоху великой французской революціи и Наполеона Бонапарта.

Какъ извѣстно, доминирующими фактами всемірной исторіи конца XVIII и начала XIX вѣка являются великая французская революція, возвышеніе Наполеона Бонапарта и послѣдующее его паденіе. Эти событія имѣли, въ самомъ дѣлѣ, не только національное, но и міровое значеніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Французская революція произвела огромное впечатлѣніе на всѣ европейскіе народы [1]) и глубоко ихъ взволновала. Это впечатлѣніе, произведенное французскими событіями, было особенно велико въ Англіи, гдѣ эти событія были лучше, чѣмъ гдѣ-либо, извѣстны, и гдѣ народъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо, могъ понимать принципіальную и практическую важность кризиса монархическаго режима въ сосѣднемъ государствѣ.

Не меньшее впечатлѣніе произвела французская революція и на правительства разныхъ странъ, заставивъ ихъ относиться съ необыкновенной подозрительностью, а иногда, какъ это было, напр., въ Россіи, съ необыкновенной жестокостью ко всякимъ проявленіямъ подобныхъ стремленій у своихъ подданныхъ.

Возвышеніе Наполеона представляетъ фактъ, имѣвшій міровое значеніе въ другомъ отношеніи. Оказавшись, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ и не менѣе исключительному умѣнію ими пользоваться, неограниченнымъ повелителемъ французскаго народа, Наполеонъ сдѣлалъ попытку—сопровождавшуюся долгое время поразительнымъ успѣхомъ — совершенно измѣнить политическую карту Европы и отчасти даже всего міра и заставить признать другіе народы если не прямое подчиненіе Франціи, то, по крайней мѣрѣ, готовность не нарушать ни въ чемъ ея интересовъ, хотя бы эти интересы не согласовались даже съ интересами самого государства, о которомъ въ томъ или иномъ случаѣ шла рѣчь. Едва ли нужно объяснять, что успѣхъ столь грандіозныхъ замысловъ былъ для Наполеона до извѣстной степени вопросомъ жизни и смерти—разумѣется, смерти не физической, а политической. Въ самомъ дѣлѣ, только поднявъ на необыкновенную высоту могущество Франціи и ея военную славу, Наполеонъ могъ достичь того, что

[1]) События во Франціи сильно взволновали и только-что организованные Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. См. нашу книгу, «Исторія американской демократіи».

французы забыли великія слова свободы, равенства и братства, которыя еще такъ недавно встряхнули всю французскую націю и обусловили въ сущности тотъ необычайный подъемъ энергіи и силъ, какимъ были обезпечены первые успѣхи французскаго оружія...

Вернемся, однако, къ исторіи Англіи и посмотримъ, какъ отразились на ней великія міровыя событія указываемой нами эпохи, и какую роль она сама играла въ нихъ.

Мы уже говорили, что парламентъ, избранный въ 1784 г., оказался очень благопріятнымъ для Вильяма Питта Поэтому онъ безъ труда провелъ внесенный имъ вторично [1]) билль о реорганизаціи управленія Индіей, составлявшій значительный шагъ впередъ въ направленіи подчиненія извѣстному контролю богатой и могущественной торговой компаніи.

Въ слѣдующемъ году Питтъ поднялъ въ третій разъ въ парламентѣ вопросъ объ избирательной реформѣ. Мы знаемъ, что онъ уже дважды дѣлалъ такія же попытки (въ 1782 и въ 1783 гг.), когда былъ въ оппозиціи. Теперь Питтъ, въ качествѣ перваго министра, внесъ билль, имѣвшій цѣлью устранить нѣкоторые весьма важные недостатки избирательной системы: Питтъ предлагалъ уничтожить представительство въ парламентѣ 36 такъ называемыхъ «гнилыхъ мѣстечекъ» (rotten boroughs). Такое названіе давали часто въ то время мѣстностямъ, когда-то имѣвшимъ значительное для своего времени населеніе, но впослѣдствіи совершенно или почти совершенно опустѣвшимъ и, тѣмъ не менѣе, сохранившимъ право посылать одного или даже двухъ представителей въ парламентъ. Фактически выборъ этихъ представителей зависѣлъ, вообще говоря, отъ поземельныхъ магнатовъ, которымъ принадлежало мѣстонахожденіе прежняго города [2]). Уничтожая представительство этихъ «гнилыхъ мѣстечекъ», Питтъ предполагалъ освободившіяся 72 вакансіи предоставить разнымъ графствамъ, т.-е. крупнѣйшимъ административнымъ единицамъ, на которыя дѣлилась и дѣлится Англія. Если бы реформа Питта осуществилась, то число избирателей увеличилось бы, вѣроятно, тысячъ на сто, т.-е. на четверть или даже на треть [3]).

Мы не находимъ возможнымъ входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности, такъ какъ этотъ билль Питта постигла такая же неудача, какъ и двѣ его первыя аналогичныя попытки. Основная причина неудачи Питта заключалась въ томъ, что многіе консерваторы или—какъ ихъ тогда называли—тори, слѣдовавшіе обыкновенно за Питтомъ, на этотъ разъ оставили его, побоявшись значительнаго увеличенія числа избирателей и относясь по принципу отрицательно ко всякимъ посягательствамъ на освященную временемъ избирательную систему, такъ какъ такое посягательство было въ ихъ

[1]) Первый разъ Питтъ внесъ этотъ билль въ послѣдней сессіи прежняго парламента. См. предшествующую главу.

[2]) Въ одной изъ послѣдующихъ главъ читатель найдетъ болѣе обстоятельную характеристику «гнилыхъ мѣстечекъ».

[3]) Мы не можемъ выражаться болѣе точно, такъ какъ не находимъ такой точности у англійскихъ историковъ.

глазахъ равносильно покушенію на славную англійскую конституцію и составило бы опасный прецедентъ, за которымъ могли бы послѣдовать другія аналогичныя попытки.

Либералы или—какъ ихъ тогда называли—виги не послѣдовали за Питтомъ, такъ какъ они относились отрицательно къ той части билля, которая сулила огромное (около 10 милліоновъ рублей) для того времени денежное вознагражденіе землевладѣльцамъ, во владѣніи которыхъ находились упраздняемые «гнилые мѣстечки». Мы уже говорили, что въ распоряженіи этихъ же землевладѣльцевъ находился фактически и выборъ или, вѣрнѣе, назначеніе представителей этихъ мѣстечекъ въ парламентѣ. Согласиться на эту часть билля Питта значило бы признать, что фактъ, явившійся случайнымъ результатомъ измѣнившихся условій жизни и представлявшій въ сущности поруганіе идеи народнаго представительства, можетъ оказаться для кого-либо источникомъ права на денежное вознагражденіе изъ общегосударственныхъ средствъ.

На такой точкѣ зрѣнія стоялъ, напр., Фоксъ, когда онъ выразилъ свое порицаніе биллю Питта. Другой видный дѣятель только-что сошедшаго со сцены коалиціоннаго министерства,—уже не вигъ, какъ Фоксъ, а рѣшительный торн—лордъ Норсъ, дѣлая возраженія противъ билля, указывалъ на то, что въ странѣ вовсе не замѣчается какого-либо недовольства существующей системой представительства, что парламентомъ получено всего восемь петицій по этому поводу, и что между этими петиціями нѣтъ ни одной отъ Бирмингама и Манчестера, которымъ естественнѣе всего было настаивать на измѣненіи избирательной системы, дававшей представительство «гнилымъ мѣстечкамъ» и оставлявшей ихъ безъ представительства.

Послѣ перваго же чтенія билля онъ былъ отклоненъ большинствомъ 248 голосовъ противъ 174, причемъ на исходъ голосованія имѣло не мало вліянія извѣстное всѣмъ несочувствіе короля биллю. Впрочемъ, теперь король уже не рѣшался интриговать противъ своего перваго министра; онъ даже далъ Питту формальное обѣщаніе не мѣшать успѣху билля, за что Питтъ, со своей стороны, обѣщалъ не отстаивать билля, во что бы то ни стало, т.-е. не связывать участи своего кабинета съ тѣмъ или инымъ исходомъ голосованія билля въ парламентѣ [1]).

Однако, помимо какихъ-либо прямыхъ воздѣйствій тѣ, кто считалъ себя «другомъ» короля, конечно, хорошо знали взглядъ его на это дѣло и общее его несочувствіе сколько-нибудь значительнымъ измѣненіямъ въ важнѣйшихъ законахъ страны и тѣмъ болѣе, конечно, въ системѣ народнаго представительства.

Мы считали нужнымъ познакомить читателей съ этой третьей неудачной попыткой Питта провести избирательную реформу, чтобы отмѣтить рѣзче

---

[1]) «Если—прибавлялъ многознаменательно Питтъ—противъ меня не будутъ голосовать тѣ члены парламента, которые считаются имѣющими связи съ правительствомъ», т.-е. тѣ, на которыхъ король могъ оказать вліяніе. См. W. Hunt. цитир. сочин., 287.

тотъ фактъ, что хотя Питтъ опирался въ парламентѣ, главнымъ образомъ, на консерваторовъ или, какъ ихъ тогда называли, тори, хотя въ числѣ членовъ кабинета Питта былъ только одинъ «коммонеръ», т.-е. членъ палаты общинъ, а всѣ остальные принадлежали къ составу лордовъ, тѣмъ не менѣе, даже въ описываемое нами время англійскій консерватизмъ имѣлъ очень мало общаго съ консерватизмомъ континентальной Европы и не былъ совершенно чуждъ готовности идти на уступки требованіямъ времени. Правда, эти уступки сопровождались обыкновенно, какъ это было въ изложенномъ нами законопроектѣ Питта, разными условіями, имѣющими цѣлью такъ или иначе возмѣстить высшимъ классамъ возможныя ихъ потери въ отношеніи вліянія и власти..

Итакъ, третья попытка Питта внести измѣненія въ избирательную систему Англіи окончилась неудачей, какъ и двѣ первыя. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что Питтъ съ теченіемъ времени вернулся бы вновь къ вопросу объ избирательной реформѣ и сумѣлъ бы склонить къ болѣе или менѣе значительнымъ уступкамъ въ этомъ направленіи своихъ сторонниковъ въ обѣихъ палатахъ, если бы во Франціи не произошли вскорѣ событія, совершенно измѣнившія отношеніе среднихъ и въ особенности высшихъ классовъ—а съ теченіемъ времени и отношеніе самого Питта—ко всякимъ либеральнымъ начинаніямъ.

Первыя же извѣстія о революціи во Франціи, вообще говоря, сильно перепугали англійскую аристократію, хотя, впрочемъ, среди этой аристократіи были и такіе люди, которые скорѣе старались подчеркнуть общее свое сочувствіе революціонному движенію во Франціи. Такъ, когда въ Англію пришло извѣстіе о взятіи Бастиліи, Фоксъ отозвался объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: «вѣдь это величайшее въ мірѣ событіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактъ въ высшей степени отрадный». Сожалѣя о кровопролитіи, которымъ сопровождалось революціонное движеніе, Фоксъ, тѣмъ не менѣе, неоднократно—и въ парламентѣ и внѣ его—высказывалъ свою великую радость по поводу успѣховъ революціи. Рѣшительными сторонниками французской революціи проявили себя также лорды Стэнгопъ и Лэндсдоунъ.

Существовавшее уже давно такъ наз. «Революціонное Общество» (Revolution Society), имѣвшее задачей упроченіе и распространеніе идей [1]) англійской революціи 1689 г., рѣшило отпраздновать съ особой торжественностью столѣтнюю годовщину этого великаго событія. Собравшись въ ноябрѣ 1789 г., общество начало съ религіозной службы, выслушавъ въ заключеніе этой службы зажигательную проповѣдь пастора одной изъ диссидентскихъ [2]) церквей Прайса (Richard Price), пользовавшагося уже въ то время крупной извѣстностью въ

[1]) Оффиціальное извѣстіе общества «Society for Commemorating the Glorious Revolution of 1689».

[2]) Извѣстно, что диссидентами называютъ въ Англіи всѣхъ лицъ протестантскаго исповѣданія, не принадлежащихъ епископальной церкви. Иногда это слово употребляется и въ болѣе широкомъ смыслѣ, включая всѣхъ вообще лицъ, не придерживающихся епископальнаго исповѣданія, т.-е., слѣдовательно, и католиковъ.

качествѣ знатока политическихъ и экономическихъ вопросовъ. Проповѣдь была произнесена съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ чувствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такой убѣдительностью, что члены общества,—кстати сказать, принадлежавшіе въ большинствѣ также къ диссидентамъ,—несмотря на то, что это была не рѣчь, а именно проповѣдь, закончившая, какъ мы сказали, церковную службу, едва могли удержаться отъ рукоплесканій [1]). Проповѣдь была затѣмъ, по желанію общества, опубликована, имѣла огромный успѣхъ и, между прочимъ, послужила ближайшей причиной появленія въ слѣдующемъ (1790) году знаменитаго памфлета Эд. Борка, «Разсужденія о французской революціи», о которомъ рѣчь будетъ впереди.

Возвращаясь къ празднованію столѣтія «славной» (Glorious) англійской революціи, скажемъ, что это празднованіе закончилось составленіемъ привѣтствія французскому Національному Собранію. Будучи подписано предсѣдателемъ общества, лордомъ Стэнгопомъ, оно было отправлено по назначенію и было съ восторгомъ принято французами [2]).

Мы упоминаемъ объ этомъ случаѣ посылки привѣтствія французскому Національному Собранію, такъ какъ этотъ случай прекрасно характеризуетъ настроеніе значительныхъ слоевъ англійскаго общества въ первый періодъ революціоннаго движенія во Франціи.

Между тѣмъ французскія событія оказывали совершенно иное вліяніе на настроеніе парламента, въ которомъ въ то время всецѣло доминировали высшіе классы.

Законопроектъ о нѣкоторыхъ льготахъ диссидентамъ, который при голосованіи его въ парламентѣ въ 1789 году былъ отклоненъ очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ, совершенно провалился при вторичной попыткѣ провести его черезъ палату въ 1790 году. Парламентъ, далѣе, вовсе не пожелалъ разсуждать по поводу проекта избирательной реформы, внесеннаго въ томъ же 1790 году однимъ изъ его членовъ, Флудомъ (Flood). Между тѣмъ, какъ мы знаемъ всего за пять лѣтъ передъ тѣмъ никто иной, какъ самъ первый министръ, внесъ въ парламентъ аналогичный билль, причемъ, хотя этотъ билль и провалился, но за него все-таки подали свои голоса 174 члена парламента, т.-е. почти одна треть всего его состава.

Въ ноябрѣ того же 1790 года появилось упомянутое выше сочиненіе знаменитаго оратора и политическаго дѣятеля Эдмунда Борка, стяжавшаго себѣ ранѣе громкую славу въ качествѣ чрезвычайно смѣлаго и краснорѣчиваго защитника правъ американскихъ колонистовъ во время ихъ спора съ метрополіей. Сочиненіе Борка называется «Размышленія о французской революціи» [3]) и представляетъ чрезвычайно рѣзкую критику, съ одной стороны, дѣятельности (французскаго) Національнаго Собранія и, съ другой

[1]) См. Royland Kent, «The English Radicals». London 1899, pp. 82—84.

[2]) Frank Bright, «A History of England», vol. III, p. 1155.

[3]) Это цѣлая книга въ 12—14 печатныхъ листовъ. У насъ имѣется недавно вышедшее весьма дешевое изданіе этой книги, выпущенное издательской фирмой Methuen. Очевидно, интересъ къ книгѣ сохранился до сихъ поръ.

симпатизировавшихъ французской революціи англійскихъ политическихъ обществъ и отдѣльныхъ видныхъ дѣятелей. Особенно сильно досталось отъ Борка упомянутому выше Прайсу. Несмотря на свой значительный размѣръ, сочиненіе Борка разошлось въ короткое время въ 30000 экземплярахъ, сдѣлавъ тотчасъ автора крайне популярнымъ—на этотъ разъ—среди всей англійской аристократіи. Король сказалъ даже однажды, по поводу книги Борка, что ее долженъ прочитать всякій истинный джентльмэнъ [1]). Само собой разумѣется, что люди радикальнаго образа мыслей не остались въ долгу, причемъ изъ безчисленнаго числа печатныхъ возраженій Борку наибольшій успѣхъ имѣли сочиненія Макинтоша, «Vindiciae Gallicae», и въ особенности памфлетъ Томаса Пэна, «Права человѣка» («The Rights of Man»),—того самаго Пэна, памфлетъ котораго, «Здравый смыслъ», имѣлъ столь значительное вліяніе на развитіе американской революціи [2]). Успѣхъ памфлета Пэна навлекъ на него судебное преслѣдованіе. Опасаясь серьезнаго наказанія, Пэнъ бѣжалъ во Францію, гдѣ, какъ извѣстно, онъ былъ встрѣченъ какъ другъ французскаго народа и былъ даже выбранъ членомъ Конвента.

Возбужденіе, вызванное въ Англіи французскими событіями, выразилось, между прочимъ, въ организаціи разныхъ политическихъ обществъ. Путемъ изданія разныхъ книгъ и въ особенности брошюръ эти общества пытались распространить среди англійскаго народа убѣжденіе въ настоятельности радикальныхъ измѣненій въ государственномъ строѣ, въ необходимости прекращенія доминировавшаго вліянія поземельной аристократіи, уменьшенія личной власти короля и т. д. Какъ это ни кажется на первый взглядъ маловѣроятнымъ, однако, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторыя изъ такихъ обществъ получали небольшую денежную помощь изъ Франціи [3]). Изъ числа этихъ обществъ наибольшей сдержанностью и корректностью во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отличалось общество «Друзей народа» (Friends of the People). Цѣль его заключалась въ отвлеченіи симпатій отъ крайнихъ агитаторовъ и въ сосредоточеніи общественнаго вниманія на вопросѣ объ устраненіи рѣзкихъ несправедливостей избирательной системы. Въ составѣ этого общества было много людей съ весьма крупнымъ общественнымъ положеніемъ или личнымъ авторитетомъ, въ томъ числѣ 28 членовъ парламента. Между прочимъ, въ числѣ членовъ этого общества были такія лица, какъ Фоксъ, лордъ Джонъ Россель, лордъ Грей (будущій первый министръ, которому удалось на склонѣ жизни—черезъ 40 лѣтъ—провести черезъ парламентъ знаменитый билль о реформѣ 1832 г.), уже всѣмъ извѣстный тогда писатель и политическій дѣятель Шериданъ,

---

[1]) См. статью «Europe and the French Revolution» въ VIII томѣ «Cambridge Moderne History» (Cambridge, 1904), представляющей коллективную работу извѣстныхъ ученыхъ Англіи, континентальной Европы и Америки.

[2]) См. нашу книгу, «Великій расколъ англо-саксонской расы», гдѣ имѣются обширныя цитаты изъ этого памфлета Пэна.

[3]) Такъ говоритъ вообще весьма осторожный и сдержанный проф. лондонскаго University College Брайтъ (Frank Bright), сочиненіе котораго «History of England» можетъ служить образцомъ безпристрастнаго изложенія; см. томъ III, стр. 1162.

лордъ Лондердэль и др. Общество «Друзей народа» было основано въ 1792 г., вскорѣ послѣ того, какъ появилось упомянутое выше сочиненіе Борка (1790) и почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ знаменитаго памфлета Пэна («Права человѣка»), чрезвычайно обострившихъ политическій кризисъ, переживаемый англійскимъ обществомъ, уже не сомнѣвавшимся тогда въ роковомъ для монархіи исходѣ французской революціи.

Какъ мы сказали, «Друзья народа», будучи на сторонѣ реформъ, старались въ то же время парализовать вліяніе крайнихъ ученій. Гораздо болѣе рѣзко и рѣшительно дѣйствовали два другія вліятельныя политическія общества. Одно изъ нихъ называлось «London Corresponding Society». Оно было основано въ 1791 г., имѣло одно время до 30000 членовъ и стремилось къ радикальнымъ измѣненіямъ въ англійской конституціи введенію всеобщей подачи голосовъ, ежегодному выбору членовъ парламента и т. д. Другое общество, носившее названіе «Society for Constitutional Information» и возникшее годомъ позже (1792), состояло изъ ультрарадикальной части англійской интеллигенціи. Основалъ это послѣднее общество бывшій профессоръ (и бывшій пасторъ) Джекъ Джеббъ. Джеббъ возставалъ противъ системы постоянныхъ армій, находя достаточнымъ содержаніе народной милиціи, утверждалъ, что и годичный срокъ полномочій членовъ парламента слишкомъ продолжителенъ, и что ихъ слѣдуетъ выбирать лишь на одну сессію. Говоря о проектѣ избирательной реформы, который былъ (1785) внесенъ Питтомъ, Джеббъ называлъ проектъ «жалкимъ фарсомъ», автора же проекта (Питта) Джеббъ считалъ «самымъ дурнымъ въ политическомъ отношеніи человѣкомъ въ мірѣ». «Не говорите мнѣ объ умѣренныхъ людяхъ, — сказалъ однажды Джеббъ; — это всегда мошенники» [1]). Послѣ этого можно понять, почему «Друзья народа» заявили со своей стороны, что они не имѣютъ ничего общаго съ только-что названнымъ обществомъ [2]).

Въ январѣ 1793 г. былъ, какъ извѣстно, казненъ Людовикъ XVI, а черезъ двѣ недѣли началась война между Англіей и Франціей. Между тѣмъ, дѣятели только-что названныхъ крайнихъ политическихъ обществъ, въ цѣляхъ дальнѣйшаго распропагандированія народа, рѣшили организовать многолюдный «конвентъ» (Convention) или съѣздъ сторонниковъ парламентской реформы. На съѣздѣ предполагалось выставить рядъ другихъ политическихъ требованій. Опасаясь, что этотъ съѣздъ вызоветъ крайнее возбужденіе народныхъ страстей, Питтъ рѣшилъ принять противъ него энергичныя мѣры. Нѣкоторые наиболѣе активные дѣятели двухъ названныхъ выше обществъ были арестованы и подвергнуты заключенію по обвиненію въ государственной измѣнѣ. При ихъ арестѣ были также захвачены различные документы и переписка обществъ.

По истеченіи нѣкотораго времени—12 мая 1794 г.—министръ внутреннихъ дѣлъ Генри Дендасъ сообщилъ палатѣ общинъ королевское посла-

---

[1]) Roylance Kent, «The English Radicals», p. 74.

[2]) Frank Bright, «History of England», vol. III, p. 1162.

ніе слѣдующаго содержанія. «Получивъ свѣдѣнія о томъ, что мятежные происки, которые нѣсколько времени тому назадъ обнаружились въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ лондонскихъ обществъ, равно какъ и аналогичныхъ обществъ въ различныхъ другихъ городахъ, приняли въ послѣднее время вызывающій характеръ и имѣютъ открытою цѣлью созваніе такъ называемаго всенароднаго конвента [1]) въ пренебреженіе и вопреки парламентскому авторитету и на началахъ, подрывающихъ существующіе законы и конституцію и имѣющихъ цѣлью водвореніе у насъ, въ Англіи, той системы анархіи и смуты, которая роковымъ образомъ восторжествовала во Франціи,—его величество издалъ распоряженіе о конфискаціи книгъ и бумагъ указанныхъ обществъ въ Лондонѣ... Его величество приказалъ представить эти бумаги палатѣ общинъ... Его величество предлагаетъ палатѣ разсмотрѣть ихъ и принять по этому поводу такія мѣры. которыя могутъ представиться необходимыми для дѣйствительной борьбы съ дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ опасныхъ замысловъ и для сохраненія подданнымъ его величества благодѣяній существующей въ этихъ королевствахъ конституціи. G. R.» [2]).

Не останавливаясь на подробностяхъ дальнѣйшаго движенія этого вопроса, скажемъ лишь, что результатомъ разсмотрѣнія его палатой было внесеніе Питтомъ (16 мая) билля о пріостановкѣ Habeas Corpus Act'a. Такъ называется въ Англіи законъ, представляющій одну изъ важнѣйшихъ гарантій личной свободы и одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для предупрежденія произвола правительственныхъ властей. Это заставляетъ насъ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы познакомить читателя съ упомянутымъ актомъ или закономъ.

Въ силу Habeas Corpus Act'a, принявшаго свою окончательную форму уже въ 1689 г., т.-е. болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до излагаемыхъ нами событій, всякій англичанинъ, который считаетъ, что его незаконно лишили свободы, имѣетъ право обращаться къ судьѣ съ протестомъ противъ своего ареста. Такой протестъ можетъ заявить и всякое иное лицо, которому извѣстно, что тотъ или иной человѣкъ лишенъ свободы безъ достаточнаго основанія. Получивъ такое заявленіе, судья, имѣющій какія-либо сомнѣнія въ законности ареста, обязанъ издать приказъ, начинающійся латинскими словами «Habeas Corpus», откуда произошло и названіе закона. По полученіи приказа Habeas Corpus, т.-е. о приводѣ арестованнаго, лицо, къ которому обращенъ этотъ приказъ (начальникъ тюрьмы и т. п.), обязано представить немедленно заключеннаго судьѣ и указать причины и обстоятельства задержанія. Всякое замедленіе въ доставленіи суду арестованнаго карается значительнымъ штрафомъ или даже продолжительнымъ тюремнымъ

[1]) Pretended general convention of the people. Повидимому, предполагалось организовать нѣчто въ родѣ того, что у насъ недавно разумѣлось подъ учредительнымъ собраніемъ явочнымъ порядкомъ.

[2]) «Parliamentary History of England», vol. XXXI. Цитировано въ сочиненіи В. Ф. Дерюжинскаго, «Habeas Corpus Act и его пріостановка по англійскому праву». 1895 г. Юрьевъ.

заключеніемъ. Разсмотрѣвъ причины и обстоятельства ареста, судья, въ зависимости отъ своего сужденія, можетъ или приказать немедленно освободить заключеннаго, или отпустить его на поруки, или вернуть подъ арестъ.

Изъ этихъ немногихъ объясненій, во всякомъ случаѣ, видно, какую осторожность должны были проявлять въ Англіи—уже въ концѣ XVII вѣка—всякіе полицейскіе и иные чины при арестахъ, и какой контрастъ уже тогда представляли англійскіе порядки тѣмъ, которые существовали въ то же время на континентѣ Европы. Значеніе Habeas Corpus Act'а тѣмъ важнѣе, что уже въ описываемое нами время англійскіе судьи пользовались совершенно независимымъ положеніемъ и могли быть лишены своей должности лишь послѣ соотвѣтствующаго постановленія обѣихъ палатъ парламента [1]).

Само собой разумѣется, что такой строгій контроль судей надъ дѣйствіями администраціи, поскольку эти дѣйствія выражались въ арестахъ подозрительныхъ лицъ, могъ бы оказаться очень неудобнымъ въ періоды серьезныхъ народныхъ волненій, напр., тѣхъ волненій, которыя были неоднократно вызываемы попытками Стюартовъ (въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. вернуть себѣ англійскій престолъ. Смута, производимая этими попытками, была тѣмъ сильнѣе и тѣмъ опаснѣе, что Стюарты вели непрерывно интриги въ Ирландіи и пользовались почти открытой поддержкой Франціи.

Въ виду такихъ обстоятельствъ въ теченіе указаннаго нами періода, т.-е. въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, парламентъ разъ шесть или семь вотировалъ такъ наз. Акты о пріостановкѣ Habeas Corpus Act'а—весьма важная прибавка—по отношенію къ лицамъ, арестованнымъ по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ.

Эти пріостановки бывали всегда временныя, съ точнымъ указаніемъ срока пріостановки: въ теченіе этого срока лица, задержанныя по указаннымъ подозрѣніямъ, лишались права обращенія къ судьямъ съ ходатайствомъ объ изданіи приказа Habeas Corpus. Кончался срокъ пріостановки, и правительство должно было выпускать всѣхъ лицъ, арестъ которыхъ не могъ бы быть оправданъ въ случаѣ обращенія арестованныхъ къ заступничеству судей. Мало того: окончаніе срока пріостановки Habeas Corpus Act'а не только возвращало всѣмъ арестованнымъ право обращаться къ суду о своемъ освобожденіи, но и открывало имъ полную возможность преслѣдовать судомъ агентовъ администраціи,—не исключая министровъ, если арестъ того или иного человѣка явился результатомъ личнаго распоряженія министра,—виновныхъ въ противозаконномъ, т.-е. неосновательномъ лишеніи ихъ свободы. Правда, обыкновенно (но не всегда) ранѣе истеченія срока пріостановки Habeas Corpus. Act'а парламентъ издавалъ такъ назыв. актъ объ амнистіи, освобождающій администрацію и ея агентовъ отъ отвѣтственности за невольныя нарушенія закона, которыя могли-

[1]) См. E. Flandin, «L'Organisation politique de l'Europe contemporaine, tome I L'Angleterre». См. также нашу книгу, «Права человѣка и гражданина». СПБ. 1907 г.

произойти вслѣдствіе поспѣшности, какая часто требуется при борьбѣ съ преступленіями, грозящими государству и обществу серьезными опасностями. При этомъ, однако, надо прибавить, что только судъ могъ рѣшить, была ли въ томъ или иномъ случаѣ добросовѣстная ошибка не въ мѣру усерднаго полицейскаго, т.-е. имѣлось ли хотя бы малѣйшее основаніе подозрѣвать человѣка въ государственномъ преступленіи, или же это было проявленіе произвола, который никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не долженъ оставаться безнаказаннымъ. Такъ смотрѣли англичане на этотъ вопросъ уже двѣсти и даже болѣе лѣтъ тому назадъ.

Послѣ этихъ объясненій читатель, мы надѣемся, согласится съ тѣмъ, что пріостановка Habeas Corpus Act'a, по понятіямъ людей описываемаго нами времени, не представляла ничего ужаснаго. Мало того: если мы будемъ сравнивать устанавливаемый пріостановкой режимъ съ обычными въ то время порядками странъ континентальной Европы, когда этимъ странамъ не грозила ни откуда никакая опасность, то мы все-таки найдемъ, что Англія даже и безъ Habeas Corpus была самой свободной страной.

Въ 1745 г. Стюарты сдѣлали послѣднюю попытку поднять возстаніе въ Англіи (высадка Чарльза Эдуарда Стюарта въ Шотландіи). Къ этому же времени относится послѣдняя (передъ описываемой ниже) пріостановка Habeas Corpus Act'a. Мы знаемъ, что въ описываемое нами время страхъ англійскаго правительства и всѣхъ высшихъ классовъ общества былъ вызванъ совершенно другими причинами: а именно необыкновенными успѣхами пропаганды ультрадемократическихъ теорій. Страхъ этой пропаганды былъ тѣмъ значительнѣе, что какъ-разъ около этого же времени Англія начала войну съ Франціей (1793), въ Ирландіи же такъ наз. «соединенные ирландцы» (United Irishmen) открыто готовились къ возстанію и обращались къ Франціи за помощью.

Принявъ все это въ соображеніе, можно было бы предположить, что предлагаемая правительствомъ пріостановка Habeas Corpus Act'a будетъ принята парламентомъ безъ возраженій. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказалось не то: всѣмъ министрамъ пришлось выслушать много горькихъ словъ, Питта же прямо упрекали въ томъ, что онъ преслѣдуетъ людей, которые пропагандируютъ тѣ самыя идеи, во имя которыхъ онъ самъ три раза пытался провести черезъ парламентъ проектъ избирательной реформы. Наиболѣе энергичными противниками пріостановки Habeas Corpus Act'a были Фоксъ, Шериданъ и Грей въ палатѣ общинъ и графы Лодердэль и Стэнгопъ и маркизъ Лендсдаунъ въ палатѣ лордовъ.

Созваніе конвента—вотъ опасность, на которую особенно напирало правительство, добиваясь согласія парламента на пріостановку Habeas Corpus Act'a. Ораторы оппозиціи обратили поэтому особое вниманіе на это обстоятельство: они доказывали, что такіе самозванные конвенты или съѣзды бывали и раньше, хотя и не назывались такимъ образомъ. «Можетъ-быть,—говорилъ Фоксъ,—самое слово конвентъ является пугаломъ, которымъ хотятъ устрашить народныхъ представителей. Я не знаю, такъ ли это, но

самъ считаю необходимымъ вникнуть въ существо дѣла и не пугаться однихъ словъ Конвентъ есть не что иное, какъ народное собраніе (a meeting of the people), и, если такое собраніе или митингъ созывается для обсужденія предмета, имѣющаго общій интересъ, законнымъ и мирнымъ образомъ, то въ этомъ нѣтъ еще ничего такого, что могло бы оправдать примѣненіе мѣры, подобной той, которая предложена на утвержденіе парламента. Конвента, который имѣлъ бы въ виду держать парламентъ въ страхѣ и добиваться всеобщей подачи голосовъ или какой-либо иной такой же дикой и несбыточной идеи,—такого конвента я не могъ бы, конечно, одобрить. Но если бы собрался конвентъ отдѣльныхъ лицъ, дѣйствующихъ самостоятельно, или въ качествѣ делегатовъ отъ городовъ или графствъ,—конвентъ, имѣющій цѣлью, посредствомъ петицій и другихъ обращеній къ тремъ элементамъ законодательной власти, положить конецъ нынѣшней крайне разорительной и ненужной войнѣ, то я, конечно, не устыдился бы и не побоялся бы—по крайней мѣрѣ, пока предлагаемый билль не обратился еще въ законъ—присутствовать на такомъ конвентѣ и даже стать формально его членомъ»...

Другимъ важнымъ аргументомъ Питта и его сторонниковъ въ пользу пріостановки Habeas Corpus Act'a было опасеніе, что, если возникшее движеніе не будетъ остановлено крутыми мѣрами, въ Англіи водворится анархія, которая, какъ онъ говорилъ, «уже восторжествовала роковымъ образомъ во Франціи». Ораторы оппозиціи рѣшительно возстали противъ такого приравниванія состоянія Англіи и Франціи. «Развѣ между англійской конституціей и старымъ порядкомъ во Франціи можно проводить параллель?—говорилъ тотъ же Фоксъ.—Развѣ мы можемъ опасаться тѣхъ же послѣдствій отъ якобинскихъ доктринъ, какія пришлось испытать деспотическому правительству Франціи? Во Франціи не было Habeas Corpus Act'a; во Франціи народная свобода не пользовалась признаніемъ и уваженіемъ; якобинскія ученія восторжествовали во Франціи, конечно, не потому, что эта страна пользовалась мягкимъ режимомъ на основѣ равенства и законности. Напротивъ, мы можемъ думать, имѣя на то серьезныя основанія, что, если бы Франція имѣла свой Habeas Corpus Act., если бы въ ней уважались права и свобода народа, якобинскія доктрины ни въ какомъ случаѣ не восторжествовали бы надъ установленными властями» [1]).

Несмотря на всѣ эти и подобныя возраженія, билль былъ утвержденъ парламентомъ, хотя все-таки 39 человѣкъ подали свои голоса противъ билля (201 подали за билль). Само собой разумѣется, что билль прошелъ палату лордовъ, хотя и тамъ онъ встрѣтилъ серьезныя возраженія. Они даже вызвали тамъ два формальныхъ письменныхъ протеста—одинъ краткій, подписанный лордомъ Стэнгопомъ, другой—очень обстоятельный, подписанный четырьмя лордами, принадлежавшими къ цвѣту англійской аристократіи (Альбемарль, Бедфордъ, Лодердэль и Дерби).

[1]) Болѣе подробное изложеніе парламентскихъ дебатовъ по поводу билля о пріостановкѣ можно найти въ цитированномъ выше сочиненіи проф. Дерюжинскаго, откуда и заимствованы наши цитаты.

Въ виду того, что указываемые нами факты чрезвычайно характерны для политическаго режима, который успѣлъ установиться въ Англіи къ концу XVIII вѣка, мы считаемъ полезнымъ познакомить читателя хотя бы съ частью этого послѣдняго любопытнаго документа. «Мы не согласны съ биллемъ.—писали лорды,—во-первыхъ, потому, что намъ не представлено доказательствъ того, что королевство находится въ такой опасности, которая могла бы оправдать отмѣну—хотя бы временную отмѣну—священнаго основного закона, составляющаго единственный оплотъ личной свободы и безопасности нашихъ гражданъ... Во-вторыхъ, если бы даже было доказано, что нѣкоторыя лица питаютъ дѣйствительно тѣ отчаянные замыслы, которые имъ приписываются, то, по нашему мнѣнію, и это обстоятельство не могло бы служить оправданіемъ примѣненія такой чрезвычайной мѣры. Въ періодъ между революціей (1689 г. П. М.) и полнымъ подавленіемъ притязаній династіи Стюартовъ, даже одного факта существованія дѣятельной и сильной партіи якобитовъ—безъ явныхъ актовъ возстанія или наличія дѣйствительнаго заговора—въ глазахъ нашихъ предковъ не было еще достаточно для того, чтобы отдать личную свободу гражданъ всего королевства на произволъ министровъ. Положеніе правительства должно быть очень жалкимъ и непрочнымъ, если изъ-за горсти мечтателей и смутьяновъ наши вольности легально уничтожаются, и министры облекаются произвольной властью...

«Въ-пятыхъ, потому, что быстрота, съ которой этотъ билль былъ проведенъ черезъ палату, сама по себѣ неприлична и противорѣчитъ внутреннему уставу палаты [1]), который обезпечиваетъ народнымъ представителямъ возможность серьезнаго обсужденія всякаго вопроса, а гражданамъ—пользованіе неоцѣнимой привилегіей представлять петиціи противъ мѣръ, которыя, подобно настоящей, нарушаютъ ихъ основныя права».

Для болѣе полной характеристики политическаго состоянія Англіи въ описываемое нами время слѣдуетъ указать на исходъ суда надъ лицами, арестованіе которыхъ и найденныя у нихъ бумаги послужили ближайшей причиной внесенія въ парламентъ билля о пріостановкѣ Habeas Corpus Act'a.

Въ октябрѣ того же 1794 г., когда была утверждена парламентомъ эта пріостановка, состоялся рядъ судебныхъ процессовъ надъ Гарди, Горнъ-Тукомъ, Тельвалемъ и другими лицами, принадлежавшими къ составу «London Corresponding Society» и «Society for Constitutional Information». Они обвинялись въ разнаго рода дѣйствіяхъ, имѣвшихъ конечной цѣлью поднятіе возстанія, а также и въ другихъ государственныхъ преступленіяхъ. Правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы представить передъ присяжными возможно болѣе полныя доказательства виновности подсудимыхъ. Положеніе послѣднихъ было тѣмъ болѣе невыгодно, что вотированіе акта о пріостановкѣ гарантій личной свободы, ко-

[1]) Лорды цитируютъ статьи этого устава. Они говорятъ только о томъ, что ближайшимъ образомъ касается ихъ самихъ, и ограничиваются поэтому указаніемъ на быстроту движенія билля въ палатѣ лордовъ (билль прошелъ обѣ палаты въ недѣлю)

торое могло основываться лишь на признаніи парламентомъ основательности опасеній и страховъ правительства, до извѣстной степени предрѣшало участь подсудимыхъ, бывшихъ главными организаторами предполагаемаго заговора. Однако, присяжные вынесли всѣмъ перечисленнымъ выше лицамъ оправдательные приговоры; правительство сочло благоразумнымъ отказаться отъ обвиненія остальныхъ арестованныхъ и поспѣшило отпустить ихъ на свободу. Такой исходъ дѣла объясняется необыкновеннымъ искусствомъ адвоката подсудимыхъ Эрскина, сумѣвшаго помочь присяжнымъ разобраться въ массѣ обвиненій, выдвинутыхъ правительствомъ.

Мы просимъ читателей вникнуть хорошенько въ только-что изложенные факты. Они говорятъ намъ, что въ концѣ XVIII вѣка и притомъ въ такое время, которое правительство могло не безъ основанія считать весьма критическимъ для государства, лица, считавшіяся чрезвычайно опасными государственными преступниками, были судимы публично судомъ присяжныхъ [1]) и были этимъ судомъ оправданы, за каковымъ обстоятельствомъ послѣдовалъ отпускъ на волю всѣхъ лицъ, задержанныхъ по обвиненію въ аналогичныхъ преступленіяхъ.

Гдѣ, въ какой другой странѣ возможно было что-либо подобное въ описываемое нами время?

Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ общемъ описываемая нами эпоха была временемъ реакціи въ Англіи, однако, если бы мы стали детально изучать законодательство этого времени, мы нашли бы не мало отдѣльныхъ мѣропріятій весьма либеральнаго характера. Такъ, въ разсматриваемый нами періодъ англійской исторіи было изгнано нѣсколько законовъ, уничтожившихъ нѣкоторыя изъ существенныхъ ограниченій правъ католиковъ. Далѣе, въ 1792 г., т-е. тогда, когда уже вполнѣ выяснилась заразительность французскаго революціоннаго движенія (основаніе упомянутыхъ выше обществъ «Друзей народа» и «London Corresponding Society»), парламентъ вотировалъ знаменитый «Libel Act», внесенный въ предыдущемъ году Фоксомъ. На основаніи этого акта, окончательно утвердившаго режимъ полной свободы печати въ Англіи, присяжные получили право при обсужденіи преступленія, совершеннаго путемъ печати, рѣшать не только фактъ принадлежности данному лицу инкриминируемаго печатнаго произведенія,—какъ это было до тѣхъ поръ,—но и самую наличность въ немъ чего-либо преступнаго. Къ описываемому же нами времени относится попытка уничтоженія одного изъ величайшихъ золъ человѣчества,—попытка, которая не принадлежала, правда, Питту, но нашла въ немъ все-таки искренняго сторонника. Мы говоримъ о торговлѣ неграми-рабами.

Дѣло въ томъ, что одновременно съ возникновеніемъ революціоннаго

---

[1]) Слѣдуетъ при этомъ замѣтить также, что въ Англіи ни тогда, ни теперь ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть отмѣняемы для пересмотра процессы, по которымъ состоялся оправдательный приговоръ.

движенія во Франціи началъ въ Англіи свою агитацію за уничтоженіе торговли неграми знаменитый филантропъ В. Уильберфорсъ. Ему въ этомъ много помогали Захарія Мэколи (отецъ извѣстнаго историка) и нѣкто Томасъ Кларксонъ, который свою долгую жизнь (1760—1846) употребилъ всецѣло на борьбу съ однимъ изъ величайшихъ золъ конца XVIII и первой половины XIX вѣка—на борьбу съ рабствомъ негровъ.

Какъ велико было это зло, можно судить по одному тому факту, что въ описываемое нами время на однихъ англійскихъ судахъ ежегодно увозились изъ Африки десятки тысячъ негровъ. Будучи членомъ парламента (съ 1784 г.), Уильберфорсъ неоднократно возбуждалъ тамъ вопросъ о запрещеніи этого гнуснаго вида морской торговли или, вѣрнѣе, морского разбоя [1]). Вильямъ Питтъ оказывалъ поддержку Уильберфорсу: благодаря отчасти этому обстоятельству палата общинъ два раза (1792 и 1796) вотировала законопроектъ объ уничтоженіи торговли неграми, но каждый разъ эти проекты проваливались въ палатѣ лордовъ.

Итакъ, Вильямъ Питтъ вовсе не былъ завзятымъ реакціонеромъ, какимъ выставляли его политическіе противники. Онъ даже разошелся съ королемъ и вышелъ въ отставку (1801), когда встрѣтилъ съ его стороны рѣшительный отказъ на отмѣну наиболѣе важныхъ ограниченій въ политическихъ правахъ католиковъ. Для того, чтобы объяснить происхожденіе этого серьезнаго разногласія между королемъ и его первымъ министромъ, намъ придется сказать нѣсколько словъ о состояніи Ирландіи въ эпоху французской революціи.

Мы уже знаемъ, что однимъ изъ отдаленныхъ послѣдствій американской революціи было предоставленіе ирландскому парламенту полной самостоятельности. Отъ этого, конечно, было еще очень далеко до политической независимости Ирландіи, такъ какъ вся исполнительная власть оставалась попрежнему въ рукахъ вице-короля Ирландіи или, какъ онъ оффиціально назывался (и называется), Lord Lieutenant of Ireland и его министровъ. Однако, эта уступка была все-таки очень значительна, и, конечно, удовлетворила бы вполнѣ ирландцевъ, если бы начавшееся вскорѣ революціонное движеніе во Франціи не вызвало въ населеніи Ирландіи новыхъ надеждъ, и если бы сторонники полнаго отдѣленія Ирландіи отъ Англіи или, по крайней мѣрѣ, предоставленія послѣдней только формальнаго верховенства не разсчитывали на критическое положеніе англійскаго правительства.

Въ самомъ дѣлѣ, правительству Питта приходилось въ это время бороться, съ одной стороны, съ революціоннымъ настроеніемъ самого англійскаго народа—или, по крайней мѣрѣ, части его, дѣйствительный размѣръ которой правительство значительно преувеличивало вслѣдствіе страха—и, съ другой, съ революціоннымъ французскимъ правительствомъ, которое—вопреки

---

[1]) Извѣстно, что для наполненія своихъ кораблей живымъ грузомъ европейцы организовывали экспедиціи по берегамъ и внутрь страны (въ разныхъ частяхъ Африки) и старались захватить въ плѣнъ возможно большее число туземцевъ.

ожиданіямъ—не только справилось со своими внутренними и внѣшними врагами, но даже значительно расширило предѣлы Франціи и подняло униженный монархіей ея военный престижъ. Имѣя въ виду такое положеніе дѣлъ на континентѣ Европы, извѣстная часть ирландцевъ, будучи недовольна продолжавшеюся зависимостью Ирландіи отъ Англіи, задумала поднять возстаніе, разсчитывая, впрочемъ, не столько на свои силы, сколько на помощь Франціи. Первую попытку такой помощи Франція сдѣлала (правительство Директоріи) въ 1796 г., отправивъ изъ Бреста значительную эскадру съ 15000 десантныхъ войскъ подъ командой знаменитаго генерала Гоша. Однако, сильный туманъ и буря разстроили движеніе эскадры и помѣшали высадкѣ, которая, несомнѣнно, кончилась бы занятіемъ Ирландіи французами [1]). Вторая попытка французовъ относится къ 1798 г. На этотъ разъ высадка удалась; зато предполагавшееся одновременно съ высадкой французовъ возстаніе ирландцевъ началось раньше назначеннаго срока и было скоро подавлено. Несвоевременное начало возстанія произошло вслѣдствіе ареста главныхъ руководителей, выданныхъ нѣкоторыми изъ ихъ сообщниковъ. Такъ или иначе движеніе въ Ирландіи почти уже прекратилось, когда туда высадились французы. Крайне незначительный по численности французскій десантный отрядъ послѣ нѣсколькихъ мелкихъ успѣховъ былъ разбитъ на голову англійскими войсками и сдался въ плѣнъ.

Само собой разумѣется, что такого рода событія заставили англійское правительство пожалѣть о сдѣланной ранѣе ирландцамъ крупной уступкѣ. Были, впрочемъ, и другія обстоятельства, которыя показали все неудобство, можно даже сказать, всю опасность параллельнаго существованія въ Великобританіи двухъ независимыхъ парламентовъ. Въ 1789 г. у короля Георга III обнаружился первый приступъ душевной болѣзни (помѣшательства), вслѣдствіе чего передъ правительствомъ сталъ вопросъ о регентствѣ. Питтъ полагалъ, что это дѣло, какъ и всякій другой важный государственный актъ, должно быть рѣшено парламентомъ. Поэтому онъ внесъ въ парламентъ билль о регентствѣ, согласно которому регентомъ объявлялся наслѣдникъ престола, но съ извѣстными ограниченіями по сравненію съ нормальной властью короля. Оппозиція по причинамъ, которыя мы не находимъ возможнымъ выяснять, рѣшительно протестовала противъ какихъ-либо ограниченій власти регента. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ высказался и ирландскій парламентъ, вотировавъ резолюцію, въ которой было сказано, что наслѣдникъ престола есть само собой разумѣющійся регентъ, который долженъ пользоваться безъ всякихъ ограниченій всѣмъ тѣмъ объемомъ власти, который принадлежитъ замѣняемому регентомъ королю.

Англійскій парламентъ утвердилъ билль Питта, ирландскій вотировалъ указанную только-что резолюцію· такимъ образомъ, два парламента совершенно разошлись по крупнѣйшему политическому вопросу. Хотя указанное

[1]) Такъ думаютъ даже англичане. См. цитированный трудъ проф. Брайта.

разногласіе не имѣло въ описываемомъ нами случаѣ практическихъ результатовъ, такъ какъ король вскорѣ выздоровѣлъ, однако, для Питта этого было достаточно, чтобы придти къ твердому рѣшенію добиться такъ или иначе уничтоженія законодательной самостоятельности Ирландіи. Неоднократныя попытки ирландцевъ поднять возстаніе, сношенія ихъ съ французами, высадка послѣдними дессантныхъ войскъ въ Ирландіи—все это дало Питту вѣскіе аргументы, которыми онъ могъ дѣйствовать на тѣхъ, на кого нельзя было повлять примѣненіемъ иныхъ совершенно недостойныхъ, но, тѣмъ не менѣе, весьма дѣйствительныхъ средствъ, о которыхъ намъ теперь придется сказать нѣсколько словъ.

Мы знаемъ, что въ .теченіе XVIII вѣка—особенно до того очищенія политической атмосферы, которая была произведена американской революціей — поддержка или, вѣрнѣе, часть той поддержки, которую правительство имѣло въ парламентѣ, обезпечивалась при помощи различныхъ средствъ, которыя представляли собой въ сущности болѣе или менѣе скрытую—а иногда и совершенно открытую—форму подкупа Если таковъ былъ нравственный уровень не маловажной части англійскаго парламента, то, конечно, въ ирландскомъ парламентѣ число членовъ, доступныхъ подкупу, должно было быть гораздо болѣе значительнымъ. Чтобы понять основательность такого разсужденія, стоитъ только вспомнить, что членами ирландскаго парламента были и могли быть исключительно протестанты, между тѣмъ какъ населеніе Ирландіи состояло и состоитъ почти сплошь изъ католиковъ.

Мы не будемъ, однако, останавливаться здѣсь на отталкивающихъ подробностяхъ сдѣлки, путемъ которой совершилось упраздненіе ирландскаго парламента [1]). Скажемъ лишь, что принятіе ирландскимъ парламентомъ (большинствомъ 42 голосовъ) резолюціи о соединеніи его съ англійскимъ парламентомъ объясняется именно массовымъ подкупомъ голосовъ. Какъ выражается извѣстный англійскій историкъ сэръ Эрскинъ Мэй, «великая цѣль была достигнута путемъ самыхъ постыдныхъ и низкихъ средствъ».

Въ томъ же 1800 году состоялся соотвѣтственный актъ англійскаго парламента. Такимъ образомъ, съ 1801 г. сталъ функціонировать парламентъ Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи. Согласно акту соединенія, Ирландія была представлена въ палатѣ лордовъ четырьмя такъ наз. духовными лордами (Spiritual lords), каковое положеніе должны были занимать по очереди ирландскіе епископы, и 28 «свѣтскими» лордами (Temporal lords). Эти лорды выбирались (и до сихъ поръ выбираются) пожизненно всѣмъ составомъ ирландскихъ лордовъ. Въ палату общинъ Ирландія получила право посылать сто представителей, вслѣдствіе чего общее число членовъ соединеннаго парламента достигло 658 человѣкъ. Для болѣе правильнаго сужденія о значеніи этихъ цифръ мы считаемъ не лишнимъ прибавить, что въ то время (1801 г.) Великобританія (т.-е. собственно Англія съ Шотландіей) имѣла 10500000 жителей, Ирландія—4500000. Если бы мы стали сравнивать богат-

[1]) См «Исторію Ирландіи» проф. Аѳанасьева.

ство и культуру Англіи и Ирландіи того времени, то разница между ними оказалась бы несравненно болѣе значительной, въ чемъ, конечно, и слѣдуетъ искать объясненія далеко не пропорціональнаго (ея населенію) представительства Ирландіи въ парламентѣ.

Хотя, какъ мы сказали, согласіе ирландскаго парламента на билль о соединеніи его съ ирландскимъ парламентомъ было достигнуто, главнымъ образомъ, путемъ подкупа членовъ послѣдняго ирландскаго парламента, однако, усилія Питта въ этомъ направленіи едва ли увѣнчались бы успѣхомъ, если бы онъ, не обѣщая, правда, этого прямо, не давалъ очень ясно понять, что вслѣдъ за законодательнымъ объединеніемъ Англіи и Ирландіи онъ внесетъ въ обновленный парламентъ билль объ эмансипаціи католиковъ, т.-е. о предоставленіи имъ права занимать всякія должности на государственной службѣ и по выборамъ и—самое главное—права быть членами парламента, какового они до того были лишены.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ это ни кажется страннымъ, католики не имѣли права быть членами, такъ сказать, своего, т.-е. ирландскаго парламента, парламента страны, населенной почти сплошь католиками. Только въ 1793 г. ирландцы получили право на участіе въ выборахъ членовъ ирландскаго парламента, но должны были попрежнему посылать туда протестантовъ или, во всякомъ случаѣ, не лицъ своего исповѣданія.

Зная желанія и надежды католиковъ и желая достигнуть умиротворенія Ирландіи, Питтъ дѣйствительно вслѣдъ за объявленіемъ «Акта о Соединеніи» поставилъ въ кабинетѣ министровъ вопросъ объ эмансипаціи католиковъ. Онъ разсчитывалъ заручиться согласіемъ своихъ коллегъ и затѣмъ начать дѣйствовать на короля, который—ему это было извѣстно лучше, чѣмъ кому-нибудь другому—лично совсѣмъ не сочувствовалъ, какимъ бы то ни было, уступкамъ католикамъ вообще и ирландцамъ въ особенности.

При обсужденіи этого вопроса въ кабинетѣ между министрами возникло нѣкоторое разногласіе. Это заставило Питта отложить на время свое намѣреніе.

Къ сожалѣнію, между коллегами Питта нашлись двое, которые, желая угодить королю, передали ему о намѣреніяхъ премьера. Король воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и, заговоривъ на одномъ оффиціальномъ собраніи о католической эмансипаціи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Дендасомъ, сказалъ ему, что онъ, король, «будетъ считать своимъ личнымъ врагомъ всякаго, кто предложитъ ему такую мѣру» [1]). Кромѣ того, король тогда же поручилъ Аддингтону, спикеру (предсѣдателю) палаты общинъ, воздѣйствовать въ этомъ направленіи на Питта. Однако, Питтъ былъ слишкомъ убѣжденъ въ необходимости предполагаемой имъ мѣры, чтобы отказаться отъ своихъ намѣреній, и сдѣлалъ попытку повліять на короля. Питтъ написалъ королю письмо, въ которомъ весьма подробно мотивировалъ свой взглядъ на вопросъ о католической эмансипаціи. Король остался при своемъ мнѣніи и рѣшительно отказался слѣдовать совѣту своего перваго ми-

[1]) W. Hunt, «The History of England» etc., p. 452.

нистра. Питтъ заявилъ тогда о своемъ выходѣ въ отставку—поступокъ, довольно героическій для такого властолюбиваго человѣка, какимъ былъ Питтъ.

Во главѣ новаго министерства сталъ Аддингтонъ, бывшій до тѣхъ поръ спикеромъ палаты общинъ. Это былъ человѣкъ сравнительно (съ Питтомъ) мало даровитый и безцвѣтный, но пользовавшійся большими симпатіями и полнымъ личнымъ довѣріемъ короля, чѣмъ, конечно, и объяснялось упомянутое выше порученіе, которое ему далъ незадолго передъ тѣмъ король (повліять на Питта въ вопросѣ о католической эмансипаціи).

Вскорѣ послѣ ухода Питта начались переговоры съ Наполеономъ о мирѣ. Переговоры эти тянулись долго, и миръ былъ формально заключенъ только годъ спустя въ мартѣ 1802 г. Какъ и можно было ожидать, миръ былъ непродолжителенъ. Агрессивная политика Наполеона, фактическое распространеніе его власти на Италію и Швейцарію, постоянныя его интриги въ Ирландіи,—все это и многое другое вызвало вновь крайнее обостреніе въ отношеніяхъ Англіи къ Франціи. Не успѣли еще высохнуть чернила, которыми былъ подписанъ Амьенскій миръ (1802), какъ уже въ Англіи и Франціи начались разговоры о предстоящемъ возобновленіи войны. Въ самомъ дѣлѣ, война началась въ маѣ слѣдующаго же (1803) года; конечно было не простой случайностью, что тогда же началось новое возстаніе въ Ирландіи.

Борьба съ Наполеономъ въ эту эпоху наибольшаго его могущества требовала отъ Англіи чрезвычайнаго напряженія силъ. Англія могла имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ лишь при весьма умѣломъ и энергичномъ веденіи войны и при непремѣнномъ условіи помощи со стороны тѣхъ или другихъ континентальныхъ странъ Европы. Иначе сказать, министерство Аддингтона должно было позаботиться объ образованіи коалиціи противъ Наполеона.

Аддингтону, конечно, были не по плечу всѣ эти сложныя задачи. Однако, онъ пытался оставаться во главѣ правительства и въ это трудное время, но послѣдовавшія вскорѣ неудачи лишили его необходимой поддержки въ парламентѣ, и королю пришлось принять его отставку. Общественное мнѣніе властно требовало возвращенія Питта; это было весьма непріятно Георгу III; тѣмъ не менѣе, онъ предложилъ Питту стать во главѣ правительства. Питтъ оставался на этотъ разъ первымъ министромъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1806 г.,—смерти, несомнѣнно ускоренной огромными заботами и волненіями грандіозной борьбы съ Наполеономъ.

Въ теченіе шести лѣтъ отъ смерти Питта до занятія поста перваго министра графомъ Ливерпулемъ (1812), въ Англіи смѣнилось четыре кабинета министровъ (кабинетъ Ливерпуля былъ четвертымъ), изъ чего видна неустойчивость политическихъ комбинацій послѣ схода со сцены доминировавшей фигуры Вильяма Питта.

По смерти Питта Георгу III пришлось обратиться съ предложеніемъ власти къ лидеру оппозиціи, лорду Гренвилю, который образовалъ министерство, извѣстное подъ названіемъ «министерства всѣхъ талантовъ». Оно,

въ самомъ дѣлѣ, состояло изъ людей весьма талантливыхъ, причемъ наиболѣе даровитымъ и популярнымъ изъ нихъ былъ Фоксъ, получившій портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Занятіе Фоксомъ министерскаго поста было крайне непріятно Георгу III, такъ какъ Фоксъ въ теченіе 30 лѣтъ своей парламентской дѣятельности отстаивалъ обыкновенно такіе взгляды и такія мѣры, которые рѣзко расходились съ убѣжденіями короля. Такъ, Фоксъ относился всегда весьма сочувственно къ французской революціи, утверждалъ, что не прекращающаяся война съ Франціей объясняется, главнымъ образомъ, упорнымъ и неосновательнымъ недовѣріемъ къ Наполеону, настаивалъ на необходимости отмѣны ограниченій правъ католиковъ и немедленнаго запрещенія морской торговли неграми. Король во всѣхъ этихъ вопросахъ стоялъ, какъ мы знаемъ, на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія.

Смерть Питта сдѣлала, однако, Гренвиля и въ особенности Фокса самыми вліятельными людьми въ парламентѣ и, какъ мы сказали, королю пришлось вручить имъ прерогативы и бремя власти.

Фоксъ тотчасъ же—конечно, по соглашенію съ Гренвилемъ и всѣмъ кабинетомъ министровъ вообще—началъ переговоры съ Наполеономъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и заключеніи мира. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такихъ переговоровъ Фоксъ убѣдился въ неискренности Наполеона и его министра иностранныхъ дѣлъ Талейрана; онъ убѣдился въ томъ, что миръ можетъ быть пріобрѣтенъ лишь цѣной пассивнаго отношенія Англіи къ агрессивнымъ дѣйствіямъ Наполеона, отнюдь не желавшаго отказываться отъ своей попытки распространить прямую или косвенную власть Франціи на весь континентъ Европы.

Неудача Фокса и явившаяся результатомъ этой неудачи необходимость въ вопросахъ иностранной политики слѣдовать по стопамъ Питта, на котораго Фоксъ систематически и рѣзко нападалъ, глубоко потрясли Фокса и, вѣроятно, ускорили его смерть, послѣдовавшую черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ занятія имъ министерскаго поста (сентябрь 1806 г.).

Если въ отношеніяхъ внѣшней политики Англіи и во многихъ другихъ министерство Гренвиля-Фокса не принесло ничего новаго, оно все-таки, несмотря на кратковременность своего пользованія властью, успѣло провести одну великую мѣру, которую уже давно энергично отстаивалъ Фоксъ. Говоря такимъ образомъ, мы разумѣемъ законъ о запрещеніи морской торговли неграми, вотированный парламентомъ въ 1807 г. Билль соотвѣтственнаго содержанія прошелъ первыя стадіи еще при жизни Фокса, и его краснорѣчивой и горячей защитѣ этой мѣры слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что билль былъ принятъ въ палатѣ общинъ почти единогласно. Когда билль перешелъ въ палату лордовъ, обязанность отстаиванья его перешла къ первому министру, лорду Гренвилю. При послѣднемъ чтеніи билля за него оказалось большинство въ 66 голосовъ, несмотря на то, что въ высшихъ сферахъ было извѣстно, что король, наслѣдникъ престола и другіе королевскіе принцы («великія князья» по русской терминологіи) не сочувствуютъ биллю.

Паденіе кабинета Гренвиля было вызвано все тѣмъ же вопросомъ о католической эмансипаціи, изъ-за котораго въ свое время разошелся съ королемъ и вышелъ даже въ отставку (1801) Питтъ. Министерство Гренвиля не стремилось къ столь полной эмансипаціи католиковъ, какой хотѣлъ умиротворить Ирландію Питтъ: оно имѣло только въ виду предоставить католикамъ право занимать всякія должности въ арміи и флотѣ и получать всякіе чины, не исключая чина генерала или адмирала (въ то время католики могли, самое большее, дослужиться до чина полковника).

Когда Гренвиль сообщилъ королю о такомъ рѣшеніи кабинета, Георгъ III не только воспротивился внесенію въ парламентъ собственнаго билля, но потребовалъ даже отъ своего перваго министра, чтобы тотъ далъ письменное обѣщаніе и впредь не обращаться къ нему съ предложеніемъ подобной мѣры. Гренвиль, конечно, на это не согласился и предпочелъ выйти въ отставку.

Причины отставки Гренвиля, конечно, стали скоро всѣмъ извѣстны. Нѣкоторые члены парламента внесли даже на обсужденіе двѣ резолюціи, изъ которыхъ одна гласила, что «министры не должны связывать себя какими-либо обѣщаніями относительно совѣтовъ, какіе они впослѣдствіи будутъ давать королю». Другая резолюція провозглашала, что «король не можетъ поступать иначе, чѣмъ ему совѣтуетъ (отвѣтственный передъ парламентомъ) министръ». Хотя эти резолюціи, которыми имѣлось въ сущности въ виду выразить порицаніе королю, не получили большинства голосовъ, однако, реакціонное министерство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы распустить будирующій парламентъ. Выборы дали парламентъ гораздо болѣе консервативный и, какъ выражались тогда англичане, «анти-католическій». Все это несомнѣнно, объяснялось подъемомъ патріотическихъ чувствъ вслѣдствіе опасенія вторженія французовъ въ Англію. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ восторжествовала личная политика короля, хотя опять-таки это случилось, главнымъ образомъ, потому, что политика короля совпадала съ желаніями и взглядами значительнаго большинства, если не всей націи, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вліятельныхъ ея круговъ и классовъ [1]).

Георгу III въ это время было уже 70 лѣтъ; его здоровье быстро падало, зрѣніе его замѣтно слабѣло, и онъ понемногу даже слѣпъ. Въ 1810 г. Георгъ III лишился снова разсудка и уже не выздоравливалъ вплоть до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1820 г. Какъ только выяснилось безнадежное состояніе короля, парламентъ (въ концѣ 1810 г.) издалъ законъ о регентствѣ, редактированный по образцу аналогичнаго билля 1788 г. Это значитъ, что функціи короля—съ извѣстными ограниченіями—сталъ выполнять, въ качествѣ регента, наслѣдникъ престола, впослѣдствіи король Георгъ IV.

Прежде чѣмъ переходить къ дальнѣйшимъ событіямъ англійской исторіи, мы считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ, что въ настоящемъ

---

[1]) См. сочиненіе проф. Ed. Yenks, «Parliamentary England», 1903, или A. Dicey, «Law and public opinion in England», 1905.

трудѣ мы излагаемъ только внутреннюю политическую исторію Англіи въ XIX вѣкѣ. Внѣшней политики Англіи и ея войнъ мы будемъ касаться лишь постольку, поскольку то и другое находится въ связи съ внутренней политикой, содѣйствуя направленію ея въ ту или другую сторону. Вотъ почему мы до сихъ поръ не изложили и не намѣрены вообще излагать внѣшнихъ фактовъ многолѣтней войны, которую Англія вела съ Франціей съ 1793 г. по 1815 г. (съ небольшимъ перерывомъ въ 14 мѣсяцевъ, послѣдовавшимъ за Амьенскимъ миромъ, заключеннымъ, какъ намъ извѣстно, въ 1802 г.).

Одной изъ ближайшихъ причинъ, повлекшихъ за собой сначала крайнюю натянутость отношеній между правительствами обѣихъ странъ, а затѣмъ и открытую войну, слѣдуетъ считать знаменитый декретъ Національнаго Конвента отъ 19 ноября 1792 г.,—декретъ, обѣщавшій помощь Франціи всѣмъ народамъ, которые стали бы добиваться свободы. «Національный Конвентъ—такъ гласилъ этотъ декретъ—провозглашаетъ отъ имени французскаго народа, что онъ окажетъ братскую помощь всѣмъ народамъ, которые захотятъ вернуть себѣ свободу» [1]).

Этотъ декретъ сталъ, конечно, тотчасъ извѣстнымъ въ Англіи и весьма перепугалъ тамъ высшіе классы, которые, какъ читателю извѣстно изъ предыдущаго изложенія, находились въ это время вообще подъ вліяніемъ страховъ, возбужденныхъ необыкновенною популярностью крайнихъ ученій, занесенныхъ отъ революціонной сосѣдки, и возникновеніемъ политическихъ обществъ, открыто пропагандировавшихъ необходимость коренныхъ измѣненій во всемъ государственномъ строѣ Англіи.

Другой, болѣе серьезной—можно даже сказать, основной—причиной войны было вѣковое соперничество англичанъ и французовъ, нежеланіе англичанъ мириться съ значительнымъ территоріальнымъ расширеніемъ границъ Франціи, явившимся весьма естественнымъ результатомъ ея необыкновенныхъ военныхъ успѣховъ. Это было даже прямо заявлено—и въ весьма категорическихъ выраженіяхъ—французскому правительству Питтомъ въ оффиціальной нотѣ отъ 31 декабря 1792 г. [2]).

Когда впослѣдствіи военный геній Наполеона подчинилъ прямой власти Франціи или, по крайней мѣрѣ, ея доминирующему вліянію чуть не весь континентъ Европы, антагонизмъ Англіи сталъ, конечно, еще рѣзче; въ этомъ какъ мы сказали, кроется основная причина многолѣтней войны между Франціей и Англіей, войны, кончившейся только вмѣстѣ съ паденіемъ Наполеона.

Какъ мы знаемъ, Англія вела борьбу съ Франціей не однѣми своими силами: она пыталась всегда образовать коалицію или союзъ враждебныхъ Франціи государствъ, причемъ болѣе слабымъ и бѣднымъ изъ этихъ госу-

[1]) Цитировано въ VIII томѣ «Cambridge Modern History.— The French Revolution» (Cambridge, 1904), статья проф. Оск. Браунинга (стр. 300).

[2]) См. цитаты изъ этой ноты въ статьѣ проф. Браунинга, «The Foreign Polity of Pitt» въ только-что указанномъ (VIII) томѣ «Cambridge Modern History».

дарствъ Англія выдавала даже значительныя денежныя субсидіи. Вслѣдствіе этого государственный долгъ Англіи, который уже къ концу XVIII вѣка достигъ огромныхъ для того времени размѣровъ, за періодъ наполеоновскихъ войнъ болѣе чѣмъ удвоился. Для покрытія громадныхъ расходовъ пришлось значительно увеличить всѣ старые налоги и ввести много новыхъ. Между этими послѣдними особаго вниманія заслуживаетъ подоходный налогъ, введенный Питтомъ впервые въ Англіи въ самый разгаръ борьбы съ Франціей—въ 1798 г. Этотъ налогъ по самому своему существу могъ падать только на достаточные и богатые, т.-е. на наиболѣе вліятельные классы. Уже одинъ фактъ непрерывнаго существованія этого налога во все время войны съ Франціей служитъ достаточнымъ доказательствомъ общей популярности политики Питта [1]) среди этихъ классовъ. Коалиціи, образованныя Англіей противъ Франціи, возникали и распадались, составъ ихъ часто мѣнялся, причемъ нѣкоторыя государства переходили даже—одни по разсчету, другіе по необходимости (вслѣдствіе испытанныхъ пораженій)—на сторону Франціи. Это стало случаться особенно часто съ тѣхъ поръ, какъ возвышеніе Наполеона подняло до небывалой высоты военный престижъ и внѣшнее могущество Франціи. Одна Англія была неустаннымъ, упрямымъ, настойчивымъ, никогда не терявшимъ энергіи противникомъ Франціи, за что и Франція платила ей тѣмъ же. Оригинальность этой многолѣтней и ожесточенной борьбы заключалась въ томъ, что Англія владычествовала на морѣ, а Франція—на сушѣ Даже въ эпоху наибольшаго своего владычества Наполеонъ не могъ поколебать морского преобладанія Англіи. Послѣ пораженія, нанесеннаго (1805) Нельсономъ соединенному французскому и испанскому флотамъ при Трафальгарѣ, Наполеонъ долженъ былъ навсегда оставить свой планъ покоренія Англіи посредствомъ высадки значительной дессантной арміи. Между тѣмъ, Наполеонъ сдѣлалъ для этого большія приготовленія въ Булони и сформировалъ даже особую армію, которую назвалъ l'armée d'Angleterre. Побѣда Нельсона заставила Наполеона дать другое назначеніе этой арміи, которую, однако, продолжали называть попрежнему, вѣроятно для того, чтобы не признавать оффиціально неудачи императорскихъ плановъ.

Если Франція не могла поколебать могущества англичанъ на морѣ, то и англичанамъ, несмотря ни на какія коалиціи, не удалось бы ослабить силу Наполеона на сушѣ, если бы этому не помогъ самъ Наполеонъ, затѣявъ сопряженный съ непреодолимыми трудностями походъ въ Россію.

Полная неудача этого похода, потеря Наполеономъ его лучшихъ войскъ и—что, можетъ-быть, было столь же важно—потеря имъ прежняго военнаго престижа, славы непобѣдимаго полководца, все это оказало роковое вліяніе

[1]) Впрочемъ, это доказываетъ популярность войны только среди дирижировавшихъ классовъ. Народъ сильно страдалъ отъ дороговизны хлѣба вслѣдствіе затрудненія его подвоза въ Англію и временами сильно негодовалъ на правительство. См. J. Ashton, «The Dawn of XIX century in England». 1906.

на дальнѣйшую карьеру Наполеона и въ сущности предрѣшило его паденіе. Этому послѣднему не мало, впрочемъ, содѣйствовали и успѣхи англійскаго оружія на Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ съ 1808 г. велъ войну съ французами генералъ Уеллесли, впослѣдствіи герцогъ Веллингтонскій.

Въ 1815 г. такъ наз. вторымъ Парижскимъ миромъ закончилась, какъ извѣстно, необыкновенная карьера Наполеона. Во Франціи установилось такъ наз. правительство Реставраціи, причемъ границы Франціи были установлены въ томъ самомъ видѣ, какой онѣ имѣли въ 1792 г., т.-е. передъ началомъ ея войны съ Англіей.

Что касается Англіи, то тотъ фактъ,—что она вела наиболѣе упорную войну съ Наполеономъ, что она всегда оставалась душой всѣхъ коалицій, враждебныхъ Франціи, и добилась, наконецъ, паденія Наполеона,—чрезвычайно поднялъ авторитетъ и значеніе Англіи во всѣхъ международныхъ вопросахъ. Какъ мы увидимъ, это проявилось весьма существеннымъ и, въ общемъ, весьма благотворнымъ образомъ въ ближайшіе послѣдующіе годы, когда дѣйствовалъ съ наибольшей энергіей печальной памяти «Священный Союзъ» [1]). Территоріальныя же пріобрѣтенія Англіи, согласно тому же второму Парижскому миру, заключались въ присоединеніи къ ея владѣніямъ Капской земли и острововъ Цейлона, Тринидата (Вестъ-Индія), Мальты и Гельголанда. Кромѣ того, державы согласились на протекторатъ Англіи надъ Іоническими островами [2]).

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что однимъ изъ косвенныхъ результатовъ борьбы Англіи съ Наполеономъ была война Англіи съ Соединенными Штатами (1812—15). Однако, эта послѣдняя война не имѣетъ абсолютно никакой связи съ вопросами внутренней политической жизни Англіи или ея политическаго развитія, и потому мы не находимъ нужнымъ останавливать на ней вниманіе читателя [3]).

[1]) См. слѣдующую главу.

[2]) Какъ извѣстно, Англія впослѣдствіи добровольно отказалась отъ этого протектората (1863), уступивъ Іоническіе острова Греціи, и отъ Гельголанда (1890), уступивъ его Германіи.

[3]) Главныя обстоятельства этой войны и ея принципіальное значеніе изложены нами въ нашихъ книгахъ: «Исторія американской демократіи», «Крестьянское царство» (Канада) и «Исторія колоніальной имперіи Англіи».

ГЛАВА IV.

Годы реакціи.

(1816—23)

Въ іюнѣ 1815 г. Наполеонъ былъ разбитъ при Ватерлоо, въ іюлѣ онъ сдался англичанамъ въ Рошфорѣ, въ ноябрѣ былъ заключенъ союзными державами второй Парижскій миръ. Во Франціи опять—на этотъ разъ уже, повидимому, очень крѣпко—утвердилось правительство Реставраціи, сумѣвшее возбудить значительное народное недовольство даже за то короткое время, которое прошло между торжественнымъ въѣздомъ короля Людовика XVIII (май 1814) въ Парижъ и его поспѣшнымъ бѣгствомъ (мартъ 1815) оттуда вскорѣ послѣ удачной высадки Наполеона, бѣжавшаго съ острова Эльбы.

Въ Англіи было не мало людей, которые, отнюдь не сочувствуя наполеоновскому режиму во Франціи, еще менѣе охотно мирились съ тѣмъ фактомъ, что французскій престолъ занялъ такой реакціонеръ, какимъ былъ Людовикъ XVIII. Сознаніе, что Англія играла весьма дѣятельную роль въ низложеніи Наполеона и водвореніи Реставраціи во Франціи, вызывало большое раздраженіе людей, не находившихъ, чтобы слава англійскаго оружія—слава Нельсона и Веллингтона—и значительное расширеніе колоніальной имперіи Англіи могли возмѣстить паденіе нравственнаго авторитета Англіи вслѣдствіе близкаго ея участія въ сонмѣ реакціонныхъ государствъ континентальной Европы.

Въ самомъ дѣлѣ, если для народовъ тогдашней Европы войны съ Наполеономъ носили иногда характеръ борьбы за національную независимость или свободу, то для государей или правителей эти войны были, главнымъ образомъ, или даже исключительно борьбой за принципъ неотъемлемости королевской власти. Предполагалось, что власть въ разныхъ государствахъ досталась «Божіей Милостію» тѣмъ или инымъ семьямъ или династіямъ, и никогда ни при какихъ обстоятельствахъ, ни при какой степени неспособности или развращенности этихъ семей не могла быть отъ нихъ отнята. Вотъ—безъ всякихъ прикрасъ—тотъ принципъ, во имя котораго дѣйствовало большинство противниковъ Наполеона, видѣвшихъ въ карьерѣ его поруганіе этого принципа. Вотъ чѣмъ могло быть только оправдано въ сущности насильственное возстановленіе союзниками власти Бурбоновъ во Франціи.

Указанный принципъ, можно сказать, получилъ даже формальное признаніе въ тѣхъ немногихъ высокопарныхъ и очень неясныхъ пунктахъ, кото-

рые составляютъ основу такъ наз. Священнаго Союза, образованнаго правительствами Австріи, Пруссіи и Франціи. На словахъ правительства этихъ странъ или, что тогда было все равно, ихъ государи обѣщали другъ другу взаимную помощь «для защиты религіи, мира и справедливости»; на самомъ дѣлѣ, взаимная помощь, какъ это всѣ хорошо понимали, и какъ это показываетъ вся ближайшая послѣдующая исторія Европы, предназначалась для подавленія всякаго рода революціонныхъ движеній. Извѣстно, кромѣ того, что Священный Союзъ былъ заключенъ на томъ самомъ Вѣнскомъ конгрессѣ, который выработалъ условія перваго и второго Парижскаго мира—за два мѣсяца до послѣдняго (сентябрь 1815). Къ чести англійскаго правительства слѣдуетъ сказать, что въ этомъ случаѣ оно разошлось со своими союзниками. Мало того: оно не только не присоединилось къ Священному Союзу, но впослѣдствіи не разъ даже открыто противодѣйствовало злымъ кознямъ послѣдняго.

Что же, однако, принесъ долго желанный миръ для населенія Англіи? Богатымъ онъ принесъ отмѣну подоходнаго налога, послѣдовавшую въ слѣдующемъ же (1816) году. Это былъ, такъ сказать, подарокъ всѣмъ достаточнымъ классамъ вообще; что же касается наиболѣе вліятельной въ то время части достаточныхъ или, вѣрнѣе, богатыхъ классовъ—мы разумѣемъ, конечно, поземельную аристократію, сплошь заполнявшую палату лордовъ и преобладавшую въ палатѣ общинъ,—эта аристократія сумѣла обезпечить себѣ и иныя выгоды. Дѣло въ томъ, что въ 1815 г., т.-е. въ годъ заключенія мира, парламентъ издалъ знаменитый законъ о пошлинахъ на ввозный хлѣбъ, законъ, гарантировавшій землевладѣльцамъ, что цѣны на хлѣбъ, а, слѣдовательно, и ихъ доходы будутъ держаться приблизительно на томъ высокомъ уровнѣ, какого они достигли въ годы войны, благодаря вызваннымъ ею затрудненіямъ въ подвозѣ хлѣба изъ Россіи и другихъ странъ континентальной Европы.

Не таковы были первыя, ближайшія послѣдствія войны для народной массы. Вслѣдствіе прекращенія усиленныхъ заказовъ правительства и—что, можетъ-быть, имѣло еще большее значеніе—вслѣдствіе сокращенія вывоза продуктовъ англійской промышленности за границу многія фабрики закрылись, другія уменьшили производство; между тѣмъ, предложеніе труда вездѣ увеличилось вслѣдствіе роспуска значительной арміи, сражавшейся на континентѣ съ Наполеономъ.

Указанное нами уменьшеніе вывоза изъ Англіи объяснялось частью общимъ обнищаніемъ, проявившимся въ концѣ долгаго періода наполеоновскихъ войнъ, частью тѣмъ, что вслѣдъ за окончаніемъ этихъ войнъ на континентѣ Европы стали возникать въ большомъ числѣ фабрики и заводы. Это послѣднее обстоятельство находится въ связи съ выяснившимся въ свое время неуспѣхомъ «континентальной системы» Наполеона, неуспѣхомъ, показавшимъ европейскимъ государствамъ, насколько они зависятъ отъ Англіи въ отношеніи снабженія мануфактурными товарами. Весьма любопытно, что, отправляясь въ походъ на Россію, Наполеонъ долженъ былъ заказать солдатскія шинели въ Англіи: такъ пришлось поступить, во всякомъ случаѣ, по-

ставщикамъ его арміи. Если, такимъ образомъ, даже Наполеону приходилось иногда пользоваться мануфактурными шерстяными и желѣзными издѣліями Англіи, то тѣмъ болѣе часто это дѣлали государства, составлявшія—при постоянномъ участіи Англіи—коалиціи противъ Наполеона.

Такъ или иначе, въ первые годы послѣ окончанія наполеоновскихъ войнъ въ Англіи оказалась значительная промышленная армія безработныхъ, увеличившаяся, какъ мы сказали, вслѣдствіе роспуска по домамъ большого числа солдатъ и матросовъ.

Прибавьте къ этому вздорожаніе хлѣба, явившееся результатомъ введенія указанныхъ пошлинъ на ввозный хлѣбъ и нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ, и вы поймете, какъ велики были въ это время лишенія, выпавшія на долю народной массы въ Англіи.

Мы уже говорили, что продолжительныя войны съ Наполеономъ чрезвычайно увеличили государственный долгъ Англіи, который принялъ такіе размѣры, какихъ онъ никогда не имѣлъ ни въ одномъ государствѣ міра: однихъ процентовъ приходилось уплачивать болѣе 300 милл. рубл. въ годъ (33 милл. фунт. стерл.), что, вѣроятно, въ нѣсколько разъ превышало весь бюджетъ Россійскаго государства Александровской эпохи. Само собой разумѣется, это чрезвычайно увеличивало бремя налоговъ, которые опять-таки падали преимущественно на менѣе обезпеченные классы. Мы знаемъ, что подоходный налогъ былъ уничтоженъ вслѣдъ за наступленіемъ мира.

Правда, и богатые классы, конечно, кое-что теряли, какъ хозяева или участники разныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Однако, являясь обыкновенно въ то же время владѣльцами главной массы государственныхъ бумагъ, они съ этихъ бумагъ имѣли, по крайней мѣрѣ, вѣрный и аккуратно получаемый доходъ.

Таковы факты, характеризующіе экономическое положеніе Англіи вслѣдъ за окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ; такова почва, на которой возникли въ описываемое время аграрные и фабричные безпорядки. Первые выражались, главнымъ образомъ, въ весьма частыхъ поджогахъ, вторые—въ порчѣ и даже открытомъ ломаніи машинъ, усиленное примѣненіе которыхъ фабричные считали главной причиной повсемѣстной безработицы.

Въ дурномъ экономическомъ положеніи Англіи, въ чрезвычайныхъ лишеніяхъ народной массы слѣдуетъ искать также объясненія необычайнаго успѣха, выпавшаго въ это время на долю весьма радикальной газеты «The Weekly Political Register» («Политическій Еженедѣльникъ»). Газета издавалась съ 1802 г. Вил. Коббетомъ, нумеръ ея стоилъ одинъ шиллингъ, т.-е. 50 к; въ 1816 г. Коббетъ уменьшилъ цѣну газеты въ 6 разъ (до 2 пенсовъ или 8 коп.) и этимъ обезпечилъ ей сразу огромный, феноменальный для того времени сбытъ. Народъ въ первый разъ получилъ возможность читать дешевую газету, въ которой чрезвычайно краснорѣчиво, смѣло и горячо пропагандировались разныя весьма радикальныя реформы въ государственномъ строѣ Англіи, особенно въ системѣ парламентскихъ выборовъ.

Наконецъ, остротѣ общаго экономическаго кризиса, который въ то время

переживала Англія, слѣдуетъ приписать возникновеніе массы политическихъ обществъ или, какъ ихъ часто называли, клубовъ Часть этихъ клубовъ приняла названіе клубовъ Гэмпдена (Hampden Clubs)—въ память знаменитаго Гэмпдена, отказавшагося въ 1635 г. платить такъ наз. корабельную подать, установленную произвольно Карломъ I. Эти клубы состояли изъ людей сравнительно умѣренныхъ и ставили главной своей задачей пропаганду идеи парламентской реформы. «Въ первомъ изъ этого рода клубовъ, основанномъ еще въ 1811 г, принимали участіе герцогъ Норфолькъ, лордъ Байронъ, лордъ Оксфордъ и другія лица съ высокимъ общественнымъ положеніемъ. Болѣе либеральный характеръ имѣли клубы, принявшіе названіе Union Clubs. Взгляды, близкіе къ соціалистическимъ, объединяли лицъ, изъ которыхъ состояли Spenceau Clubs, названные по имени одного радикальнаго писателя конца XVIII в., Th. Spence, считающагося родоначальникомъ англійскаго соціализма [1]).

«Въ лондонское общество «Spencian Philanthropists»—говоритъ проф. Брайтъ—сумѣлъ втереться шпіонъ Кэстль. Вѣроятно, онъ же самъ склонилъ членовъ общества къ такимъ поспѣшнымъ и рѣзкимъ поступкамъ, какихъ они не совершили бы безъ него. Затѣмъ онъ донесъ, что будто бы въ Лондонѣ образовался цѣлый заговоръ овладѣть Tower (крѣпость или, вѣрнѣе, укрѣпленный замокъ въ центрѣ Лондона), арестовать высшихъ правительственныхъ лицъ и организовать Комитетъ общественнаго спасенія. Для этой цѣли былъ якобы назначенъ особый митингъ въ Spa Fields (ближайшія окрестности Лондона) на 2 декабря (1816). Здѣсь долженъ былъ говорить Гентъ (Hunt), тщеславный и пустой демагогъ [2]) Однако, прежде чѣмъ онъ успѣлъ явиться на митингъ, «Spenceans» стали дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Одинъ молодой человѣкъ, нѣкто Watson, повелъ часть собравшихся (a number of men) въ Лондонъ и ограбилъ оружейную лавку на Snow Hill. Онъ застрѣлилъ при этомъ одного господина, который пытался остановить его увѣщаніями. Затѣмъ Watson пошелъ съ толпой къ зданію Биржи, гдѣ былъ встрѣченъ лордъ-мэромъ Лондона, вышедшимъ къ толпѣ въ сопровожденіи всего семи другихъ лицъ. Послѣ увѣщаній лордъ-мэра толпа спокойно разошлась по домамъ Повидимому, въ толпѣ нашелся только одинъ человѣкъ—нѣкто Престонъ,—который пошелъ далѣе, взобрался на стѣну Tower и предложилъ гарнизону сдаться. Вотъ и все, что произошло необычайнаго въ этотъ день» [3]).

Такъ въ настоящее время описываетъ «безпорядки въ Spa Fields» («Spa Fields Riots») одинъ весьма безпристрастный англійскій историкъ. Совершенно иначе поняло значеніе этихъ безпорядковъ правительство того времени. Въ самомъ дѣлѣ, исходя изъ только-что изложенныхъ фактовъ, правительство внесло въ парламентъ билль о пріостановкѣ Habeas Corpus Act'a. Нѣкоторымъ

---

[1]) См. Roylance Kent, «English Radicals», 309. или книгу Е. Кувшинской, «Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи» (1907), гдѣ есть выдержки изъ сочиненій Спенса.

[2]) Такую же характеристику Гента даетъ авторъ главы XVIII («Great Britain») въ только-что вышедшемъ X томѣ «Cambridge Modern History» («The Restoration»).

[3]) Frank Bright, «A History of England», vol. III, p. 1352.

объясненіемъ такого переполоха правительства можно считать то обстоятельство, что извѣстное броженіе замѣчалось тогда не только въ народной массѣ, но и среди части буржуазіи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ низшіе классы выражали свое недовольство разными случайными и вовсе не опасными вспышками, средніе классы посылали парламенту многочисленныя петиціи, причемъ въ общемъ подъ петиціями, полученными парламентомъ въ теченіе одного только 1816 г., насчитывалось до полумилліона подписей. Не далѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ описаннаго только-что митинга въ Spa Fields, такъ наз. Corporation of London, т.-е., въ сущности, собраніе наиболѣе значительныхъ коммерсантовъ Англіи, представило парламенту петицію, заключавшую длинный перечень разныхъ злоупотребленій и неурядицъ, отъ которыхъ страдала тогдашняя Англія. Петиція заканчивалась слѣдующими знаменательными словами: «всѣ указанныя злоупотребленія являются результатомъ того, что члены парламента доступны подкупу, и что они вслѣдствіе неправильной системы выбора не могутъ даже считаться дѣйствительными народными представителями. Это влечетъ за собой невозможность должнаго контроля надъ слугами короны (т.-е. министрами) и даже прислужничество парламента передъ министрами [1]).

Эта петиція имѣла, во всякомъ случаѣ, крупное симптоматическое значеніе Содержаніе и въ особенности происхожденіе ея показывало, что дни безраздѣльнаго господства поземельной аристократіи въ парламентѣ сочтены, и что пришла пора весьма серьезно считаться и съ представителями торговаго и промышленнаго капитала.

Имѣя въ виду такое настроеніе буржуазіи и даже самыхъ ея верховъ, правительство воспользовалось безпорядками въ Spa Fields и нѣкоторыми отдѣльными случаями небольшихъ аграрныхъ безпорядковъ и, значительно ихъ раздувъ, попыталось навести панику на достаточные классы. Правительство увѣряло, что «въ столицѣ образовался измѣнническій заговоръ, имѣющій цѣлью при посредствѣ общаго возстанія ниспроверженіе установленныхъ властей, законовъ и конституціи, а затѣмъ общее разграбленіе и раздѣлъ собственности». Такъ гласилъ, по крайней мѣрѣ, докладъ тайной комиссіи палаты лордовъ, назначенной для разсмотрѣнія важныхъ документовъ, представленныхъ правительствомъ и относящихся къ послѣднимъ безпорядкамъ, имѣвшимъ мѣсто въ Англіи. Въ такомъ же родѣ было заключеніе палаты общинъ. Впрочемъ, чрезмѣрные страхи этой палаты отчасти объясняются однимъ печальнымъ инцидентомъ, происшедшимъ какъ-разъ около этого времени съ принцомъ-регентомъ: 28 янв. 1817 г., когда принцъ возвращался изъ парламента послѣ торжественнаго открытія законодательной сессіи, толпа встрѣтила его весьма недружелюбно; въ одномъ мѣстѣ въ карету принца попалъ даже какой-то предметъ—нето брошенный камень, нето выстрѣленная изъ ружья пуля.

[1]) Цитировано въ сочиненіи Frank Bright, vol. II, 1353.

Имѣя въ виду заключеніе тайныхъ комиссій обѣихъ палатъ [1]), правительство рѣшилось войти въ парламентъ съ предложеніемъ четырехъ мѣръ, которыя оно считало необходимыми для борьбы съ революціей. Важнѣйшей изъ этихъ мѣръ была пріостановка Habeas Corpus Act'a почти на четыре мѣсяца—до 1 іюля 1817 г.

Оппозиція рѣшительно и настойчиво возражала министрамъ, причемъ наибольшій успѣхъ имѣли рѣчи графа Грея и лорда Джона Росселя, имена которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, тѣсно связаны съ знаменитымъ биллемъ объ избирательной реформѣ 1832 г.

Графъ Грей сказалъ, между прочимъ, что не имѣетъ интереса умалять значеніе заговора, такъ какъ самъ онъ (какъ богатый человѣкъ) долженъ былъ бы явиться одной изъ жертвъ предполагаемаго заговора. «Я думаю, однако,—говорилъ Грей,—что такой заговоръ, какъ, напр., тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, не имѣвшій рѣшительно никакихъ шансовъ на успѣхъ, не можетъ служить основаніемъ къ пріостановкѣ Habeas Corpus. Въ самомъ дѣлѣ, какова сущность, и каковъ характеръ этого заговора?... Толпа народа собралась въ Spa Fields; къ ней были обращены зажигательныя рѣчи, у нея былъ запасъ боевыхъ снарядовъ, состоявшій изъ 20 или 30 пуль и фунта пороха, причемъ все это было спрятано въ старомъ чулкѣ. Затѣмъ выдѣлилась группа всего изъ 200—300 лицъ, которыя бросились грабить оружейную лавку, причемъ одинъ господинъ получилъ рану, отъ которой, надо надѣяться, онъ вскорѣ оправится. Такія излишества должны быть, безъ сомнѣнія, подавлены, и виновники ихъ наказаны; но развѣ изъ этого слѣдуетъ необходимость пріостанавливать Habeas Corpus? Вѣдь, эти страшные бунтовщики разбѣжались при одномъ упоминаніи о драгунахъ»!

Лордъ Джонъ Россель (Russell), какъ и многіе другіе ораторы оппозиціи, указывалъ на то, что прежде парламентъ считалъ возможнымъ пріостанавливать Habeas Corpus лишь при существованіи въ одно и то же время внутреннихъ волненій и внѣшней опасности. «Парламентъ—сказалъ Россель—руководился всегда, повидимому, однимъ принципомъ. Этотъ принципъ состоитъ въ томъ, что, когда нѣкоторыя лица внутри страны злоумышляютъ совмѣстно съ внѣшнимъ врагомъ, успѣхъ ихъ злоумышленій можетъ быть парализованъ лишь путемъ ареста этихъ лицъ до тѣхъ поръ, пока не минуетъ опасность вторженія непріятеля. Такъ, когда передъ первой пріостановкой этого акта король Вильгельмъ сообщилъ парламенту, что Іаковъ отплылъ съ французскимъ флотомъ въ Ирландію, оставленіе на свободѣ многихъ приверженцевъ Іакова до тѣхъ поръ, пока будутъ собраны доказательства ихъ вины, дало бы имъ возможность присоединиться къ Іакову или тотчасъ же поднять возстаніе въ его интересахъ...

«Очевидно, опасеніе вторженія извнѣ и мятежа внутри страны было всегда существеннымъ условіемъ пріостановки Habeas Corpus. Да и

---

[1]) Въ сочиненіи г. Дерюжинскаго («Habeas Corpus Актъ» и т. д.) можно найти длинныя цитаты изъ доклада тайной комиссіи верхней палаты.

иначе къ чему служилъ бы Habeas Corpus Act? Истинная цѣль его заключается въ томъ, чтобы обезпечить свободу личности во всѣхъ обычныхъ случаяхъ государственной измѣны и народныхъ волненій (all common cases of treason and sedition), если этотъ законъ является лишь праздничнымъ украшеніемъ (holiday parade), если онъ примѣняется только тогда, когда небо ясно, если всякія росказни о заговорѣ или народномъ недовольствѣ могутъ оказаться достаточнымъ основаніемъ для его пріостановки, въ такомъ случаѣ англичанинъ, говорящій иностранцамъ, что его конституція и законъ лучше, чѣмъ у сосѣдей,—хвастливый лжецъ!» [1]).

Пріостановка Habeas Corpus Act'a была вотирована парламентомъ: въ палатѣ лордовъ большинствомъ 150 голосовъ противъ 35; въ палатѣ общинъ большинствомъ 265 противъ 103. Тѣмъ не менѣе, англичанинъ все-таки могъ похвастаться, что ни въ одной изъ странъ тогдашняго міра власти даже не нуждались въ какихъ-либо особыхъ полномочіяхъ для того, чтобы дѣлать безнаказанно все то, на что въ Англіи правительство могло рѣшиться лишь послѣ пріостановки Habeas Corpus Act'a. Англичанинъ могъ далѣе говорить съ гордостью, что ни въ одной другой странѣ люди съ столь высокимъ общественнымъ положеніемъ, какое имѣли лорды Грей и Россель, не становились столь рѣзко—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для себя совершенно безнаказанно—на сторону народа, когда тѣ или иныя вспышки или безпорядки заставляли правительство терять голову. Если нашимъ читателямъ нужны еще какія-нибудь доказательства того, что даже въ описываемую нами эпоху «усиленной реакціи» Англія была самой свободной страной тогдашняго міра, то мы обратимъ вниманіе на слѣдующіе два факта. Первый фактъ заключается въ томъ, что почти всѣ лица, которыя были задержаны властями во время безпорядковъ въ Spa Fields и въ нѣкоторыхъ другихъ безпорядкахъ, упоминаемыхъ нами ниже, или были оправданы судомъ—притомъ, конечно, судомъ присяжныхъ,—или же отпущены вскорѣ на свободу самимъ правительствомъ.

Второй фактъ не менѣе знаменателенъ. Въ то время, когда парламентъ обсуждалъ вопросъ о пріостановкѣ Habeas Corpus, во многихъ городахъ происходили митинги, которые свободно созывались для протеста противъ этой мѣры и для выработки и подписи соотвѣтственныхъ петицій парламенту. Нѣкоторыя изъ этихъ петицій были получены до заключительнаго голосованія билля, и ораторы оппозиціи ссылались на нихъ какъ на доказательство крайней непопулярности мѣры, предлагаемой правительствомъ. Таковъ нашъ второй фактъ, аналогіи которому трудно было бы найти въ исторіи континентальной Европы начала XIX вѣка. Впрочемъ, эта полоса митинговъ прошла не вполнѣ благополучно и въ Англіи.

Такъ какъ въ Манчестерѣ не успѣли составить и отправить петицію парламенту ко времени окончательнаго вотированія билля о пріостановкѣ, тамъ

---

[1]) Hansard, «Parliamentary Debates», vol. XXXV; цитировано въ сочиненіи Дерюжинскаго, «Habes Corpus Актъ и его пріостановка по англ. праву», 1895 г. Юрьевъ.

было рѣшено организовать грандіозную демонстрацію и заключить ее шествіемъ въ Лондонъ для подачи петиціи принцу-регенту. Въ виду дальности пути и необходимости ночевать въ дорогѣ (дѣло было въ мартѣ 1817 г.), организаторы этой демонстраціи рекомендовали всѣмъ участникамъ шествія запастись одѣялами (blankets), почему самая демонстрація стала извѣстна какъ митингъ «одѣяльниковъ» (blanketers). Народу пришло не очень много, и настроеніе собравшихся было въ общемъ мирное; вслѣдствіе холода, въ путь отправилась небольшая кучка [1]). Полиція безъ особыхъ усилій или хлопотъ арестовала участниковъ митинга и разсѣяла ту, какъ мы сказали, небольшую группу, которая хотѣла довести дѣло до конца и идти къ Лондону. Употребленіе такихъ—съ точки зрѣнія англичанъ—крайнихъ мѣръ вызвало рѣшительное осужденіе правительства общественнымъ мнѣніемъ; этимъ, надо думать, объясняется то обстоятельство, что всѣ задержанные были вскорѣ отпущены безъ привлеченія кого-нибудь изъ нихъ къ суду или какихъ-либо иныхъ для нихъ послѣдствій.

Болѣе серьезные безпорядки произошли около этого времени въ Дерби и въ Геддерсфильдѣ, хотя и тамъ не случилось рѣшительно ничего такого, что могло бы представлять какую-либо опасность для общества. Нельзя не замѣтить при этомъ, что во всѣхъ безпорядкахъ описываемаго времени видную роль играли всегда провокаторы. Выступая часто на собраніяхъ, они обыкновенно склоняли публику къ болѣе энергичнымъ и смѣлымъ поступкамъ и затѣмъ спѣшили донести обо всемъ, придавая происшедшему преувеличенные размѣры. Благодаря этому, власти имѣли ложное и притомъ всегда преувеличенное представленіе о происходившихъ волненіяхъ и безпорядкахъ [2]).

Какъ бы то ни было, правительство было изрядно напугано и въ іюнѣ 1817 года вошло въ парламентъ съ предложеніемъ продлить пріостановку Habeas Corpus Act'a до перваго марта 1818 года, т.-е. на восемь мѣсяцевъ сверхъ того срока, который былъ установленъ послѣднимъ парламентскимъ актомъ. Мы не находимъ возможнымъ знакомить читателя съ доводами правительства, состоявшими, главнымъ образомъ, въ изложеніи описанныхъ выше безпорядковъ,—изложеніи, далеко не соотвѣтствовавшемъ дѣйствительности. Справедливость, однако, требуетъ прибавить, что это несоотвѣтствіе отнюдь не было умышленнымъ. Мы не находимъ возможнымъ знакомить читателей съ аргументаціей противниковъ пріостановки, такъ какъ эта аргументація состояла изъ соображеній, которыя представляли, вообще говоря, повтореніе того, что было сказано оппозиціей при вотированіи предшествовавшей пріостановки. Скажемъ лишь, что правительство добилось своего. пріостановка Habeas Corpus Act'a была продлена до указаннаго выше новаго срока.

Это была послѣдняя пріостановка Habeas Corpus Act'a, такъ какъ съ тѣхъ поръ до настоящаго времени ни одно министерство даже не пыталось

---

[1]) См. цитированныя сочиненія проф. Брайса (стр. 1354—1355) или X томъ «Cambridge Modern History» (Cambridge, 1907), 578.

[2]) См. предшествующее примѣчаніе.

входить въ парламентъ съ предложеніемъ временной отмѣны этой важнѣйшей гарантіи личной свободы—по крайней мѣрѣ, въ самой Англіи (и Шотландіи). Въ теченіе XIX вѣка парламентъ не разъ пріостанавливалъ дѣйствіе Habeas Corpus Act'a въ Ирландіи, этомъ больномъ мѣстѣ англійской общественной жизни.

Пріостановка Habeas Corpus Act'a, вотированная парламентомъ въ 1817 г., была не только послѣдней, но—весьма не маловажное обстоятельство—она была отмѣнена за два мѣсяца до срока и по иниціативѣ самого правительства. Этотъ шагъ правительства объясняется частью крайней непопулярностью такого рода мѣръ въ Англіи, частью наступившимъ общественнымъ успокоеніемъ, что, въ свою очередь, слѣдуетъ поставить въ связь съ хорошимъ урожаемъ и общимъ промышленнымъ и торговымъ подъемомъ страны.

По причинамъ, на которыхъ здѣсь было бы неумѣстно останавливаться,—такъ какъ мы пишемъ не экономическую, а политическую исторію Англіи,—промышленный подъемъ носилъ довольно спекулятивный характеръ, и новый 1819 годъ принесъ коммерсантамъ много банкротствъ, фабрикантамъ сокращеніе заказовъ, рабочимъ и всей народной массѣ вообще дорогой хлѣбъ. Однимъ словомъ, для политической агитаціи оказалась снова весьма благодарная почва.

Въ теченіе іюня (1819) состоялись значительные митинги въ Лидсѣ, Манчестерѣ, Глазго и другихъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. На одномъ изъ манчестерскихъ митинговъ (28 іюня) въ числѣ ораторовъ выступилъ сэръ Чарльзъ Уолсели (Wolseley)—аристократъ съ рѣзкими демократическими взглядами—и пасторъ Джозефъ Харрисонъ (rev. Joseph Harrison). «Народъ—сказалъ, между прочимъ, Харрисонъ—долженъ теперь возстать всей массой и уничтожить наше тираническое правительство... Парламентъ есть слуга, а не господинъ народа, и потому обращаться къ парламенту съ петиціями столь же нелѣпо, насколько было бы нелѣпо хозяину просить своего кучера дать ему лошадь покататься» [1]). Другой, указанный нами ораторъ, Чарльзъ Уолсели, между прочимъ, заявилъ собранію, что онъ можетъ сказать про себя съ гордостью, что онъ участвовалъ во взятіи Бастиліи во Франціи и былъ бы счастливъ, если бы ему привелось участвовать и во взятіи англійской Бастиліи [2]).

На 9 августа въ Манчестерѣ былъ снова назначенъ митингъ, причемъ одной изъ цѣлей собранія былъ выборъ такъ наз. legislatorial representative въ парламентъ. Такъ какъ въ силу архаичности избирательной системы Манчестеръ не имѣлъ въ то время представителя въ парламентѣ, это избраніе, лишенное какой-либо законной почвы, было въ сущности политической демонстраціей. Незадолго передъ тѣмъ такая же демонстрація была произведена въ Бирмингамѣ, гдѣ также выбрали на митингѣ «legislatorial representative».

Пользуясь закономъ, изданнымъ вслѣдъ за пріостановкой Habeas Corpus

---

[1]) Цитировано въ книгѣ Roylance Kent, «English Radicals», p. 281.
[2]) Тамъ же.

Act'a въ 1817 г., власти запретили предположенный въ Манчестерѣ митингъ. Это не остановило, однако, его организаторовъ; они лишь отложили митингъ на недѣлю и назначили мѣстомъ собранія такъ наз. Peter's Field, въ окрестностяхъ Манчестера. «Въ назначенный день—говоритъ проф. Брайтъ—большія толпы народа, хорошо одѣтаго и безъ оружія, но въ порядкѣ, напоминающемъ военный строй, стали собираться со всѣхъ близкихъ мѣстъ и окружили помостъ, съ котораго долженъ былъ говорить рѣчь нѣкто Генри Гентъ [1]). Число всѣхъ собравшихся доходило до 80000, причемъ всѣ они столпились на пространствѣ не болѣе десятины (три акра). Гражданскія власти не составили себѣ заранѣе никакого плана дѣйствій. Однако, онѣ привели съ собой значительную военную силу, состоявшую изъ 40 человѣкъ милиціи (yeomen) и шести взводовъ (troops) гусаръ. Въ рукахъ властей находился судебный приказъ (warrant) арестовать Гента, причемъ власти обнаружили крайнее неблагоразуміе, пытаясь произвести арестъ тогда, когда Гентъ былъ уже на помостѣ.

«Какъ-разъ въ то время, когда Гентъ началъ говорить, въ толпѣ стала замѣтна страшная давка. Власти въ это время находились въ одномъ домѣ, откуда было хорошо видно все поле; онѣ уже передали приказъ объ арестѣ главному полицейскому и поручили ему произвести этотъ арестъ. Полицейскій заявилъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ помощи военной силы; ему дали нѣсколько солдатъ милиціи (yeomen), съ которыми онъ сталъ протискиваться сквозь толпу. Весьма естественно, въ толпѣ они были оттѣснены одинъ отъ другого и скоро совсѣмъ остановились. Власти потеряли тогда вовсе голову: вообразивъ, что милиціонерамъ грозитъ опасность, онѣ приказали гусарамъ выручить ихъ. За этимъ послѣдовала страшная аттака, которая смяла все, стоявшее на пути гусаръ, причемъ, какъ выразился одинъ офицеръ, «въ то время, когда они достигли другой стороны поля, бѣглецы, наваливаясь одни на другихъ, образовали цѣлыя кучи, поднимавшіяся высоко надъ землей». Въ самомъ дѣлѣ, результатъ паники такой густой толпы, среди которой дѣйствовали палашами солдаты—иногда плашмя, иногда и лезвеемъ—были ужасны: около тридцати человѣкъ пришлось тотчасъ снести въ госпиталь, еще до 40 отправились въ теченіе дня въ госпиталь сами. Впрочемъ, настоящихъ ранъ солдаты, повидимому, нанесли не очень много. Гентъ и нѣсколько другихъ лицъ были арестованы. Однако, правительство вскорѣ отказалось отъ обвиненія ихъ въ государственной измѣнѣ, и потому ихъ пришлось [2]) отпустить до суда подъ денежное обезпеченіе» [3]).

Таковы главныя обстоятельства этого печальнаго случая, извѣстнаго въ англійской исторіи какъ «Манчестерская кровавая баня» (Manchesters Massacre). Такъ какъ этотъ «подвигъ» гусаръ произошелъ всего черезъ четыре года

---

[1]) Henry Hunt. Мы уже говорили о немъ выше.

[2]) Frank Bright, «History of England», vol. III, p. 1363.

[3]) Пріостановка Habeas Corpus Act'a давала возможность правительству арестовывать, не имѣя достаточныхъ доказательствъ ихъ виновности, только лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ или, по нашей терминологіи, въ политическомъ преступленіи.

послѣ въ то время всѣмъ хорошо памятнаго ватерлооскаго сраженія, то народъ въ насмѣшку назвалъ это событіе битвой при Питерлоо (митингъ происходилъ, какъ мы знаемъ, на St. Peter's Fields). Описаніе «Манчестерскаго избіенія» мы заимствовали изъ цитированнаго выше труда проф. Брайта; съ этимъ описаніемъ почти совершенно совпадаетъ изложеніе тѣхъ же событій, которое мы находимъ въ послѣднемъ изъ англійскихъ историческихъ трудовъ, относящихся къ этой эпохѣ [1]), причемъ авторъ этого описанія, проф. Бродрикъ, опредѣляетъ число лицъ, для которыхъ участіе въ митингѣ кончилось смертью, въ пять или шесть человѣкъ.

Однако, трудно было бы передать взрывъ негодованія всей страны, когда стали извѣстны подробности событій въ Манчестерѣ, причемъ, конечно, не было недостатка въ сильныхъ искаженіяхъ истины обѣими сторонами. Вездѣ, въ особенности, конечно, въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, состоялись многолюдные митинги, гдѣ по адресу правительства раздавались слова, которыя, повидимому, показывали, что народъ дошелъ дѣйствительно до состоянія ярости. Перепуганное правительство поспѣшило созвать парламентъ, и въ теченіе ноября и декабря 1819 года добилось—правда, съ большимъ трудомъ—утвержденія разныхъ законодательныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью облегченіе борьбы съ революціоннымъ настроеніемъ народа. Мы не находимъ возможнымъ знакомить подробно читателя съ содержаніемъ шести относящихся сюда актовъ, которые такъ и извѣстны въ исторіи подъ названіемъ «The Six Acts». Наиболѣе важнымъ изъ нихъ былъ актъ, ограничивающій право собраній. Публичныя собранія на открытомъ воздухѣ впредь могли быть устраиваемы лишь съ разрѣшенія властей, что уже въ то время казалось для англичанъ крайнимъ посягательствомъ на народную свободу. Когда законопроектъ объ ограниченіи права собраній на открытомъ воздухѣ обсуждался въ верхней палатѣ, одинъ изъ лордовъ (Холландъ) представилъ длинный и весьма обстоятельный протестъ, гдѣ, между прочимъ, развивалъ тотъ взглядъ, что большіе митинги дѣйствуютъ какъ вентиляторы, давая сравнительно безвредный выходъ духу раздраженія и недовольства, который, если его задерживать, станетъ проявляться въ тайныхъ козняхъ и заговорахъ» [2]).

Законъ объ ограниченіи права митинговъ на открытомъ воздухѣ былъ все-таки вотированъ, но не въ качествѣ постоянной мѣры, чего очень добивалось правительство, а только на пять лѣтъ. Нельзя не замѣтить при этомъ, что такое посягательство правительства на свободу митинговъ вызвало сильнѣйшее раздраженіе народа и даже нѣкоторой части аристократіи. Это было хорошо понято властями, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени никогда ни одно министерство не пыталось чѣмъ-либо ограничивать право митинговъ—по крайней мѣрѣ, въ самой Англіи (въ Ирландіи это право ограничивалось много разъ).

---

[1]) G. Brodrick, «History of England from Addington's Administration to the close of William IV Reign», 1906. London (vol. XI of Political History of England), стр. 178—179.

[2]) «Cambridge Modern History», vol. X, глава XVIII, стр. 582.

Такъ какъ описанный нами періодъ справедливо считается эпохой наиболѣе значительной реакціи въ Англіи, и такъ какъ изданіе «Шести актовъ» считается апогеемъ этой реакціи, то мы находимъ нелишнимъ указать вкратцѣ содержаніе остальныхъ пяти актовъ. Одинъ изъ нихъ разрѣшалъ ускореніе судопроизводства по уголовнымъ дѣламъ, но не вводилъ никакихъ другихъ измѣненій въ обычномъ теченіи судныхъ дѣлъ или въ подсудности. Другой актъ увеличивалъ наказаніе за преступленія по дѣламъ печати, которыя, однако, рѣшались попрежнему судомъ присяжныхъ; третій—запрещалъ массовое обученіе употребленію оружія и военнымъ упражненіямъ. Нельзя не сказать при этомъ, что не только въ тогдашней, но даже и въ современной Европѣ едва ли кто-либо сталъ бы отстаивать ту точку зрѣнія, что онъ можетъ безпрепятственно обучать народъ военнымъ экзерциціямъ на случай возстанія и борьбы съ правительствомъ. Четвертый актъ разрѣшалъ мировымъ судьямъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, считавшихся неспокойными, издавать приказы о конфискаціи складовъ или запасовъ оружія, предназначенныхъ для цѣлей, опасныхъ для общества. Пятый актъ распространялъ на брошюры законъ объ обложеніи гербовымъ сборомъ, которымъ ранѣе были обложены только газеты. Этимъ достигалось, конечно, нѣкоторое удорожаніе брошюръ, что затрудняло широкую пропаганду всякихъ крайнихъ теорій между лицами наименѣе обезпеченныхъ классовъ. Даже въ то ультрареакціонное—съ точки зрѣнія англичанъ—время правительство не рѣшалось заикаться о чемъ-либо напоминающемъ нашу теперешнюю значительно ослабленную цензуру или ту цензуру, которая въ то время существовала во всѣхъ государствахъ континентальной Европы. Равнымъ образомъ правительство не заикалось о желательности пріостановки Habeas Corpus Act'a, не посягало на право собраній въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, не имѣло, вѣроятно, даже и въ мысляхъ идеи учрежденія какихъ-либо особыхъ судовъ для какой бы то ни было категоріи преступленій. Едва ли нужно прибавлять, что никогда въ новѣйшія времена—и, слѣдовательно, въ описываемую нами эпоху—не существовало въ Англіи чего-либо напоминающаго нашу систему административной ссылки.

Однимъ словомъ, это время крайней реакціи въ Англіи является все-таки такимъ политическимъ режимомъ, которому мы, русскіе, можемъ завидовать даже теперь, когда у насъ самодержавный режимъ смѣнился режимомъ «самодержавно-конституціоннымъ».

Эти соображенія, которыя могутъ показаться излишнимъ отступленіемъ отъ основной задачи нашего труда. Мы считаемъ, однако, ихъ крайне важными и даже необходимыми, такъ какъ иначе наши читатели, узнавъ отъ насъ, что 1819—20 годы были въ Англіи временемъ крайней реакціи, могли бы весьма легко придать этимъ словамъ—незамѣтно для самихъ себя—то содержаніе, которое они имѣютъ у насъ въ Россіи...

Возвратимся, однако, къ прерванному изложенію политической исторіи Англіи. Въ 1820 г. сошелъ въ могилу король Георгъ III. Это обстоятельство не имѣло, впрочемъ, никакого практическаго значенія, такъ какъ Георгъ III сдѣлался неизлѣчимо боленъ уже въ 1810 г., и его сынъ, Георгъ IV, будучи

регентомъ, фактически игралъ ту же самую роль въ государственномъ управленіи, какую онъ занялъ и послѣ смерти Георга III.

Георгъ IV не пользовался народной популярностью ни какъ регентъ, ни какъ король. Вступленіе его на престолъ ознаменовалось, однако, скандаломъ, который уронилъ еще болѣе и безъ того уже невысокій престижъ короля. Будучи человѣкомъ грубымъ, эгоистичнымъ и развратнымъ, Георгъ IV не могъ быть счастливымъ въ семейной жизни, тѣмъ болѣе, что и жена его Каролина была женщина довольно вѣтреная и легкомысленная. Они жили вмѣстѣ очень недолго, причемъ въ годы регенства Георга жена его жила даже на континентѣ и вела себя тамъ не всегда подобающимъ образомъ. Однако, когда Георгъ IV по вступленіи на престолъ приказалъ не упоминать при богослуженіи имени королевы, послѣдняя сочла себя оскорбленной. Англійскій народъ въ общемъ принялъ въ этомъ дѣлѣ сторону королевы, частью вслѣдствіе общаго недовольства Георгомъ IV, частью въ виду всѣмъ извѣстнаго развратнаго поведенія самого короля, которымъ обусловливался въ значительной мѣрѣ образъ жизни его супруги. Кромѣ того, относительно королевы имѣлись только сплетни и подозрѣнія, тогда какъ относительно короля сомнѣній не могло быть. Когда королева пріѣхала въ Англію, народъ ее встрѣтилъ восторженно: проѣздъ ея отъ Дувра до Лондона представлялъ непрерывный рядъ овацій.

Между тѣмъ, король настоялъ передъ министрами, во главѣ которыхъ стоялъ лордъ Ливерпуль, чтобы отъ имени правительства было возбуждено въ палатѣ лордовъ—играющей въ Англіи, между прочимъ, и роль верховнаго судилища—дѣло о преданіи суду королевы съ цѣлью послѣдующаго изданія парламентомъ акта о разводѣ короля и лишеніи королевы ея званія. Въ теченіе мѣсяца въ газетахъ печаталось все, что говорилось по этому щекотливому вопросу въ палатѣ лордовъ; въ теченіе мѣсяца страна оповѣщалась, такимъ образомъ, о разныхъ фактахъ изъ жизни королевы на континентѣ, причемъ эти факты могли быть извѣстны во всѣхъ подробностяхъ лишь благодаря цѣлой системѣ шпіонства, организація которой была личнымъ дѣломъ короля. Такіе пріемы—независимо отъ тѣхъ фактовъ, которые предполагалось имъ установить—вызвали крайнее народное негодованіе. При всякомъ удобномъ случаѣ народъ выказывалъ свое расположеніе оскорбляемой по его мнѣнію женщинѣ, виноватой, можетъ-быть, въ легкомыслiи, и крайнее раздраженіе противъ короля и еще болѣе противъ министровъ, которые согласились на то, чтобы парламентъ занимался грязными подробностями жизни королевскихъ супруговъ.

Роль защитника королевы въ палатѣ лордовъ взялъ на себя одинъ изъ талантливѣйшихъ членовъ оппозиціи, лордъ Брумъ (Brougham). Своимъ краснорѣчіемъ онъ поднялъ до необыкновенной высоты и безъ того уже огромную популярность, которой онъ въ это время пользовался. Послѣ дебатовъ, которые продолжались съ перерывомъ почти мѣсяцъ, при второмъ голосованіи за билль о лишеніи королевы ея званія и разводѣ короля оказалось большинство въ 28 человѣкъ. При третьемъ чтеніи билля, состоявшемся два дня спустя, большинство упало до девяти. Стало очевидно, что палата лордовъ подда-

лась вліянію общественнаго раздраженія. Какъ и всякій другой законопроектъ, билль о разводѣ короля долженъ былъ теперь перейти въ другую палату, т.-е. палату общинъ. Имѣя, однако, въ виду результаты голосованія въ верхней палатѣ, правительство лорда Ливерпуля поняло всю безуспѣшность начатаго имъ дѣла, отказалось отъ его продолженія и взяло билль назадъ.

Если мы разсказали вкратцѣ этотъ эпизодъ изъ описываемой нами эпохи, то лишь потому, что провалъ билля о разводѣ, внесеннаго въ парламентъ вслѣдствіе усиленныхъ настояній короля и усердно защищаемаго преданнымъ королю министерствомъ, былъ сильнымъ ударомъ для правительства и подрывомъ авторитета королевской власти; впрочемъ, характеръ дѣла былъ таковъ, что, каковъ бы ни былъ исходъ его въ парламентѣ, оно, во всякомъ случаѣ, могло лишь ослабить уваженіе къ королевской семьѣ и къ королевскому авторитету вообще.

Описанный нами эпизодъ служитъ также показателемъ силы общественнаго мнѣнія даже въ эту ультра-реакціонную (для англичанъ) эпоху.

Правительство лорда Ливерпуля чувствовало такимъ образомъ, что оно теряетъ подъ собой почву; однако, благодаря существовавшей тогда архаической системѣ представительства министерство все еще располагало большинствомъ голосовъ въ парламентѣ. Однако, это большинство понемногу уменьшалось, и парламентъ проявлялъ все бо́льшую и бо́льшую самостоятельность. Онъ вотировалъ даже одну незначительную въ практическомъ, но важную въ принципіальномъ отношеніи поправку избирательной системы, причемъ иниціатива этой мѣры принадлежала одному изъ видныхъ членовъ оппозиціи, знакомому намъ лорду Джону Росселю (1821). Другая гораздо болѣе радикальная мѣра, предложенная Ламбтономъ—впослѣдствіи знаменитымъ лордомъ Дургамомъ—была отвергнута парламентомъ. Однако, въ слѣдующемъ (1822) году лордъ Ливерпуль (первый министръ) счелъ благоразумнымъ избавиться отъ своего крайне непопулярнаго коллеги, министра внутреннихъ дѣлъ лорда Сидмауса, который игралъ весьма замѣтную роль въ проведеніи черезъ парламентъ «Шести Актовъ» и замѣнилъ его однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе умѣренныхъ членовъ оппозиціи, сэромъ Робертомъ Пилемъ, знаменитымъ впослѣдствіи государственнымъ дѣятелемъ Англіи. Къ описываемому нами времени положительная роль Пиля успѣла проявиться лишь въ томъ, что еще въ бытность его въ оппозиціи по его иниціативѣ былъ въ 1819 г. внесенъ въ парламентъ и принятъ послѣднимъ билль о возобновленіи золотого обращенія [1]).

Въ слѣдующемъ (1823) году министерство опять—и уже въ большей степени—обновилось въ своемъ составѣ, причемъ одной изъ наиболѣе важныхъ перемѣнъ было назначеніе на должность министра торговли (President of the

[1]) Срокомъ введенія золотого обращенія былъ опредѣленъ 1823 г. Дѣло въ томъ, что въ эпоху наиболѣе значительнаго напряженія военныхъ и финансовыхъ рессурсовъ Англіи—въ 1796 г.—англійскій банкъ прекратилъ обмѣнъ бумажныхъ денегъ на звонкую монету. Такимъ образомъ, Англія въ теченіе почти 30 лѣтъ имѣла бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ.

Board of Trade) Гескинсона, весьма извѣстнаго въ то время экономиста, державшагося сравнительно либеральныхъ взглядовъ. Первый же годъ участія Гескинсона (Huskinson) въ кабинетѣ Ливерпуля ознаменовался ослабленіемъ знаменитаго «навигаціоннаго акта», изданнаго еще во времена Кромвеля и имѣвшаго цѣлью возможное ограниченіе или даже полное исключеніе коммерческаго флота другихъ странъ отъ морской торговли съ Англіей. Несмотря на протесты судовладѣльцевъ, Гескинсонъ провелъ свой билль черезъ парламентъ. Болѣе быстрое, чѣмъ когда-либо раньше, увеличеніе англійскаго торговаго флота неопровержимо доказало разумность мѣры, на которой съ такой энергіей и знаніемъ дѣла настаивалъ Гескинсонъ. Въ слѣдующіе два года Гескинсонъ опять-таки вопреки зловѣщимъ предсказаніямъ ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ лицъ—въ данномъ случаѣ не только представителей капитала, но и рабочихъ—провелъ черезъ парламентъ билль объ уменьшеніи пошлинъ на шелкъ-сырецъ и на шерсть. Ближайшіе послѣдующіе годы показали всю правильность соображеній, которыми руководствовался Гескинсонъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ обѣихъ указанныхъ отрасляхъ промышленности—шерстяной и шелковой—прогрессъ оказался опять-таки болѣе быстрымъ, чѣмъ когда-либо раньше.

Такимъ образомъ, къ описываемой нами эпохѣ, носившей въ общемъ реакціонный характеръ, принадлежатъ первые шаги Англіи по тому пути, который привелъ постепенно (черезъ 20—25 лѣтъ) къ режиму свободной торговли, режиму,—который весьма тѣснымъ образомъ связанъ съ системой воззрѣній, которыя носятъ названіе либерализма.

Мы уже имѣли, впрочемъ, случай указать, что даже въ эпоху крайней реакціи, которую переживала Англія между 1816 и 1823 годами, граждане продолжали пользоваться такими правами и вольностями, которымъ могли бы позавидовать теперешніе русскіе граждане. Мы утверждаемъ далѣе,—хотя не имѣемъ, конечно, возможности доказывать этого здѣсь нашимъ читателямъ,—что англійскіе порядки описываемаго нами времени должны были представляться трудно досягаемымъ идеаломъ для гражданъ большинства государствъ континентальной Европы начала XIX вѣка. Если читатель вникнетъ въ это обстоятельство, то для него станетъ понятно, почему даже торійское министерство графа Ливерпуля (1812—27) рѣшительно отказалось участвовать въ Священномъ Союзѣ и воздержалось отъ вмѣшательства въ революціонныя движенія въ Европѣ въ 1819 и 1820 гг. (Неаполь и Испанія), предоставивъ роль международныхъ жандармовъ правительствамъ Священнаго Союза. Однако, недостаточно энергичный протестъ англійскаго правительства противъ дѣйствій реакціонныхъ монарховъ Европы (Россія, Австрія, Пруссія) вызвалъ такое негодованіе въ странѣ и въ парламентѣ, что, когда министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кэстельри (viscount Castlereagh, marquis Londonderry) умеръ, и его везли хоронить въ Вестминстерское аббатство, толпа народа шумно выражала свою радость, и властямъ съ большимъ трудомъ удалось избѣжать крупнаго скандала.

Освободившись вслѣдствіе смерти Кэстельри отъ непопулярнаго коллеги,

Ливерпуль предложилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ Георгу Каннингу, человѣку болѣе энергичному и болѣе либеральному, чѣмъ Кэстельри. Это было въ 1822 г. Вскорѣ направленіе политики Каннинга и его энергія выразились въ нравственной поддержкѣ, которую англійское правительство оказало возстанію грековъ, которыхъ Англія первая признала воюющей стороной. Въ это же время Англія поддержала американское правительство, протестовавшее путемъ знаменитаго посланія президента республики Монроэ къ конгрессу [1]) противъ попытки пресловутаго Священнаго Союза вмѣшаться въ борьбу Испаніи съ ея возставшими колоніями (Священный Союзъ имѣлъ въ виду принудить непокорныя колоніи къ признанію «законнаго» правительства). Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ этого посланія Монроэ (декабрь 1823 г.), послужившаго, какъ извѣстно, первымъ оффиціальнымъ провозглашеніемъ новаго международнаго принципа, получившаго названіе доктрины Монроэ, англійское правительство оффиціально объявило, что малѣйшая попытка Священнаго Союза вмѣшаться въ дѣло возставшихъ американскихъ колоній Испаніи повлечетъ за собой немедленное признаніе ихъ независимости Англіей. Этотъ почти одновременный протестъ Америки и Англіи разомъ прекратилъ всякіе разговоры о вмѣшательствѣ Европы въ дѣла бывшихъ американскихъ колоній Испаніи.

Такимъ образомъ, даже въ эпоху крайней реакціи внутри страны англійское правительство не унижалось до солидарности съ обскурантизмомъ и человѣконенавистничествомъ Священнаго Союза.

---

[1]) См. нашу книгу, «Исторія великой американской демократіи» (1906), гдѣ приведены наиболѣе важныя мѣста посланія Монроэ.

ГЛАВА V.

Переходное время.

(1824—1830).

Въ предшествующей главѣ мы, между прочимъ, показали читателю, что даже въ эпоху наиболѣе значительной реакціи (1817—23) политическій режимъ Англіи былъ все-таки весьма либеральнымъ по сравненію съ тогдашнимъ режимомъ всѣхъ другихъ странъ Европы. Мы видѣли далѣе, что, уступая давленію не столько парламента, сколько общественнаго мнѣнія, то или иное направленіе котораго опредѣлялось далеко не одними тѣми классами, которые были представлены въ парламентѣ, графъ Ливерпуль счелъ благоразумнымъ ослабить ультраторійскій или иначе ультраконсервативный характеръ своего министерства предоставленіемъ портфелей Каннингу, Гескинсону и сэру Роберту Пилю.

Мы знаемъ, какъ отразилось на торговой политикѣ Англіи назначеніе Гескинсона (министромъ торговли) и на внѣшней ея политикѣ назначеніе Каннинга. Если бы мы писали экономическую исторію Англіи, мы должны были бы остановиться и на нѣкоторыхъ финансовыхъ реформахъ Гескинсона, значительно облегчившихъ податное бремя, падавшее на бѣднѣйшіе классы населенія.

До какой степени было бы мало основательно считать завзятаго тори, графа Ливерпуля, реакціонеромъ въ томъ смыслѣ, какое это слово имѣло тогда и даже, пожалуй, имѣетъ теперь на континентѣ Европы, видно, напр., изъ того, что въ подлежащемъ нашему изученію послѣднемъ періодѣ его премьерства, а именно въ 1824 г., вышелъ законъ, предоставившій рабочимъ полную свободу союзовъ безъ какихъ-либо ограниченій. Эта свобода была отнята у рабочихъ въ 1800 г., когда законъ воспретилъ всякіе союзы, имѣющіе цѣлью путемъ стачекъ или иными путями борьбу съ предпринимателями [1]). Къ сожалѣнію, предоставленіе рабочимъ безусловной свободы дѣйствій въ борьбѣ съ предпринимателями ознаменовалось чрезвычайнымъ увеличеніемъ числа стачекъ, а иногда и слишкомъ рѣзкими дѣйствіями рабочихъ въ отношеніи несговорчивыхъ фабрикантовъ или тѣхъ изъ рабочихъ, которые не

[1]) Это не значитъ, конечно, что въ Англіи не было рабочихъ союзовъ или стачекъ между 1800 и 1824 гг.; совершенно напротивъ, сравнительная безуспѣшность закона 1800 г. послужила однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ основаній для его отмѣны. См. Wallas, «Life of Place» (London, 1898), или цитированную книгу г-жи Кувшинской.

присоединялись къ стачкамъ и другимъ дѣйствіямъ противъ предпринимателей [1]). Вотъ чѣмъ объясняется, главнымъ образомъ, изданіе въ слѣдующемъ (1825) новаго закона, который, оставляя рабочимъ право союзовъ и организацій для стачекъ и другихъ формъ защиты своихъ профессіональныхъ интересовъ, объявлялъ подлежащими наказанію всякія угрозы и другія формы физическаго или нравственнаго насилія надъ лицами, не желающими присоединяться къ стачкѣ, къ профессіональной организаціи и т. п.

Какъ бы то ни было, и послѣ ограниченій, введенныхъ закономъ 1825 г., англійскіе рабочіе продолжали пользоваться такой свободой союзовъ, стачекъ и т. д., какую рабочіе континентальныхъ странъ Европы получили лишь на глазахъ нынѣ живущихъ поколѣній. Какъ справедливо говоритъ г-жа Кувшинская, послѣ указанныхъ нами только законовъ, «рабочій классъ Англіи вышелъ изъ душной атмосферы подполья. Началась организація широкихъ рабочихъ массъ, съ которой приходится впредь серьезно считаться какъ въ политической, такъ и въ экономической жизни» [2]).

Съ описываемой же нами эпохи начинаются ростъ и процвѣтаніе знаменитыхъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ [3]), т.-е. рабочихъ союзовъ, показавшихъ рабочимъ континента примѣръ, которому они пытались подражать той мѣрѣ, въ какой это было возможно при полиценскомъ режимѣ остальной Европы.

Замѣчательно, что законъ 1825 г. оставался почти безъ измѣненія около 50 лѣтъ. Это обстоятельство, конечно, не можетъ быть объяснено иначе, какъ общимъ довольствомъ рабочаго класса режимомъ, установленнымъ этимъ закономъ. Это же обстоятельство показываетъ, что даже при дореформенномъ парламентѣ, даже при нахожденіи у власти завзятыхъ тори, въ Англіи отъ времени до времени выходили законы, въ которыхъ не пришлось ничего измѣнять дѣятелямъ сравнительно весьма прогрессивныхъ взглядовъ, когда государственная власть оказалась въ ихъ рукахъ.. Вотъ почему, вѣроятно, въ Англіи не было и не могло быть такихъ рѣзкихъ поворотовъ, такихъ метаній изъ стороны въ сторону, какими характеризуется политическая исторія континентальной Европы въ XIX вѣкѣ, въ особенности исторія Франціи.

Возвращаясь, однако, къ тому частному закону, о которомъ мы теперь говоримъ, слѣдуетъ сказать, что изданіе столь либеральнаго акта дореформеннымъ парламентомъ объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что въ парламентѣ доминировала поземельная аристократія, которая и заботилась, конечно, главнымъ образомъ, о своихъ интересахъ. Между тѣмъ стремленіе къ образованію профессіональныхъ союзовъ, стачкамъ и т. д. проявлялось пока лишь среди фабричнаго и вообще городского населенія; сельскіе же рабочіе почти вовсе не были затронуты новымъ движеніемъ.

[1]) См. цитированные труды проф. Брайта (Frank Bright) и Бродрика. См. также A. Dicey «Law and public opinion in England», p. 195—8.

[2]) «Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи», 1907 г., стр. 38.

[3]) Sydney Webb, «History of Trade-Unionism»,—1894.

Совершенно иначе относился парламентъ къ вопросу о пошлинахъ на привозный хлѣбъ,—вопросу, который имѣлъ для всей народной массы и въ частности для рабочаго класса огромную важность, такъ какъ чрезвычайная дороговизна хлѣба парализовала практическое значеніе небольшихъ увеличеній заработной платы.

Имѣя въ виду свои интересы, поземельная аристократія, господствовавшая при дворѣ и въ парламентѣ, провела, какъ мы знаемъ, въ 1815 г. законъ, согласно которому при цѣнѣ хлѣба, не превышающей извѣстной въ общемъ весьма высокой цѣны, ввозъ всякаго рода хлѣбовъ въ Англію изъ другихъ странъ не допускался. Само собой разумѣется, что такой законъ могъ имѣть единственной цѣлью обезпеченіе вѣрнаго дохода землевладѣльческому классу. Впрочемъ, это покровительство лендлордамъ въ ущербъ всей массѣ населенія прикрывалось соображеніями о необходимости поощрять развитіе сельскаго хозяйства и культуры хлѣбныхъ растеній, съ тѣмъ, чтобы Англія не находилась, такимъ образомъ, въ зависимости отъ другихъ странъ въ отношеніи обезпеченія населенія основнымъ продуктомъ народнаго питанія, что могло бы оказаться чрезвычайно опаснымъ въ случаѣ войны.

Для болѣе проницательныхъ людей, къ какимъ принадлежалъ, напр., несомнѣнно, Гескинсонъ, была ясна невозможность такого развитія земледѣлія въ Англіи, чтобы быстро растущее населеніе Соединеннаго Королевства могло имѣть дешевый хлѣбъ. Опытъ скоро показалъ, что всякій плохой урожай сейчасъ же чрезвычайно поднимаетъ цѣну на хлѣбъ, причиняя низшимъ классамъ ужасныя лишенія, что въ сущности и было дѣйствительно основной причиной безпорядковъ и волненій описываемаго нами времени. Въ 1822 г., когда впервые выяснилось указываемое нами обстоятельство, пришлось ввести въ законъ первыя небольшія измѣненія. Эти измѣненія были, однако, весьма незначительны, вслѣдствіе чего неурожай 1826 г., осложненный къ тому же промышленнымъ кризисомъ, вызвалъ такую острую нужду и такое недовольство, что правительство разрѣшило свободный ввозъ хлѣба, не дожидаясь даже поднятія цѣны до установленнаго уровня, въ надеждѣ на то, что парламентъ такъ наз. актомъ объ амнистіи сложитъ отвѣтственность съ министровъ за противозаконное распоряженіе. Но и это не могло предупредить ни чрезвычайнаго возвышенія цѣны на хлѣбъ, ни крайнихъ страданій и лишеній главной массы народа.

Народное неудовольствіе приняло даже стихійную форму. Въ промышленныхъ центрахъ это неудовольствіе проявилось разгромомъ фабрикъ, а также прочей и уничтоженіемъ машинъ, въ быстромъ умноженіи которыхъ рабочіе все еще склонны были видѣть одну изъ главныхъ причинъ переживаемаго ими и всей страной кризиса [1]).

Гескинсонъ и Каннингъ—наиболѣе проницательные и прогрессивные члены кабинета графа Ливерпуля—понимали, что запретительныя пошлины на привозный хлѣбъ не только чрезвычайно удорожали основную пищу на-

[1]) Frank Bright, «A History of England», vol. III, p. 1385.

рода, но что тѣ же пошлины были одной изъ важнѣйшихъ причинъ промышленнаго кризиса. Въ самомъ дѣлѣ, то обстоятельство, что Англія облагала пошлиной хлѣбъ, который въ то время получался ею изъ странъ континентальной Европы (Россія, страны южной Европы),—это обстоятельство побуждало послѣднія страны повышать пошлины на продукты англійской мануфактурной промышленности и вообще мѣшало развитію торговыхъ сношеній между Англіей и континентомъ, такъ какъ послѣдній могъ платить Англіи за покупаемые у нея мануфактурные товары, главнымъ образомъ, хлѣбомъ [1]).

Въ виду такихъ соображеній, глубокую важность и безусловную справедливость которыхъ доказала вся послѣдующая экономическая исторія Англіи, Каннингъ и Гескинсонъ настояли въ кабинетѣ министровъ на внесеніи въ парламентъ въ томъ же 1826 г. новаго закона о хлѣбныхъ пошлинахъ. Согласно этому закону, пошлина на хлѣбъ должна была увеличиваться, уменьшаться или даже совсѣмъ исчезать, сообразно движенію цѣнъ на хлѣбъ на внутреннемъ рынкѣ. Такимъ образомъ, англійскому импортеру не нужно было ждать непремѣнно «голодныхъ» цѣнъ, чтобы получить право пускать въ продажу привезенный изъ-за границы хлѣбъ, хранящійся въ складахъ подъ контролемъ таможенныхъ чиновниковъ. Принятіе «подвижной скалы» (sliding scale) хлѣбныхъ пошлинъ составило бы, конечно, значительный шагъ впередъ въ разрѣшеніи вопроса объ обезпеченіи населенія Англіи недорогимъ хлѣбомъ. Цѣна послѣдняго не могла бы уже впредь подвергаться столь значительнымъ колебаніямъ, какія наблюдались ранѣе. Однако, и при новомъ законѣ цѣна на хлѣбъ въ общемъ оставалась бы все-таки дорогой, по сравненію съ цѣной его на континентѣ Европы.

Итакъ, въ концѣ 1826 г. кабинетъ графа Ливерпуля, подъ вліяніемъ болѣе либеральныхъ его членовъ, рѣшился на измѣненіе хлѣбныхъ пошлинъ въ смыслѣ принятія принципа подвижной скалы. Однако, прежде чѣмъ соотвѣтствующій законопроектъ былъ окончательно выработанъ и внесенъ въ парламентъ, съ графомъ Ливерпулемъ, которому въ это время было около шестидесяти лѣтъ, случился апоплексическій ударъ, отъ котораго онъ вскорѣ умеръ. Графъ Ливерпуль былъ человѣкъ въ высшей степени тактичный. Только его умѣнье обходиться съ людьми и сглаживать всякія разногласія, его способность останавливать во-время развитіе конфликтовъ, не дозволяя имъ дойти до такой степени, когда уже ни для одной стороны невозможны какія бы то ни было уступки,—только благодаря всѣмъ этимъ качествамъ Ливерпулю удавалось оставаться во главѣ правительства въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, пережить въ качествѣ перваго министра Англіи развязку наполеоновской драмы и послѣдующую критическую эпоху, когда взаимныя отношенія европейскихъ государствъ совершенно измѣнились сначала подъ вліяніемъ реакціонныхъ вѣяній 1817—21 гг., затѣмъ вслѣдствіе короткой волны либеральныхъ теченій. Подобно многимъ выдающимся политическимъ дѣятелямъ Анг-

[1]) W. Cunningham, «Outlines of English Industrial History», p. 88.

ліи, Ливерпуль не считалъ своей задачей добиваться, во что бы то ни стало, проведенія въ жизнь тѣхъ или иныхъ политическихъ идей или принциповъ. Онъ не являлся приверженцемъ однѣхъ мѣръ, потому только, что онѣ считались консервативными, или рѣшительнымъ противникомъ другихъ только потому, что въ нихъ многіе усматривали духъ либерализма. Вообще говоря, онъ интересовался только тѣмъ, насколько энергично, насколько единодушно требовало общество тѣхъ или иныхъ реформъ, тѣхъ или иныхъ законовъ. Если требованія реформъ были единодушны и энергичны, то, хотя бы онѣ были болѣе или менѣе вредны для интересовъ поземельной и придворной аристократіи, къ которой графъ Ливерпуль принадлежалъ по рожденію, общественному положенію, личнымъ интересамъ и взглядамъ, онъ поступался все-таки и этими интересами и этими взглядами. Однимъ словомъ, онъ стремился не доводить народъ до крайности; онъ управлялъ государствомъ такъ, что даже очень радикальные люди не имѣли основаній говорить, что отъ правительства графа Ливерпуля нельзя ожидать ничего добраго. Такъ объясняется удаленіе Ливерпулемъ лорда Сидмауса, котораго общественное мнѣніе основательно считало главнымъ иниціаторомъ извѣстныхъ намъ «Шести актовъ». Такъ же объясняется предоставленіе министерскаго портфеля Гескинсону, хотя онъ не принадлежалъ къ аристократіи, считавшей его даже выскочкой, и хотя взгляды Гескинсона во многомъ рѣшительно расходились съ символомъ вѣры ортодоксальнаго торизма. Имѣя въ началѣ своего управленія Англіей своими коллегами почти исключительно членовъ верхней палаты, графъ Ливерпуль постепенно замѣнялъ ихъ «коммонерами», т.-е. членами нижней палаты, проявивъ и въ этомъ отношеніи практическій здравый смыслъ истиннаго государственнаго человѣка, видѣвшаго, что, хотя юридически отношенія обѣихъ палатъ оставались прежними, фактическое ихъ вліяніе на общественное мнѣніе значительно измѣнилось въ пользу палаты общинъ.

Впрочемъ, какъ мы надѣемся показать это читателю въ послѣдующемъ изложеніи, тѣхъ же или аналогичныхъ пріемовъ управленія, которые мы отмѣтили у графа Ливерпуля, держались, вообще говоря, всѣ наиболѣе выдающіеся государственные люди Англіи въ XIX вѣкѣ—сэръ Робертъ Пиль, лордъ Грей, Пальмерстонъ, Биконсфильдъ, Сольсбери, Гладстонъ... Никто изъ нихъ, вообще говоря, не пытался направлять упрямо общественное мнѣніе въ ту или иную сторону; наоборотъ, каждый изъ нихъ старался быть возможно болѣе точнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, причемъ эта тенденція становится тѣмъ яснѣе, чѣмъ мы ближе подходимъ къ современной эпохѣ. Въ этомъ стремленіи искать въ каждый данный моментъ тѣхъ мѣропріятій, которыя наиболѣе способны удовлетворить желаніямъ однихъ, не раздражая черезчуръ взглядовъ и желаній другихъ,—въ этомъ стремленіи одинаково замѣтномъ какъ у либераловъ, такъ и у консерваторовъ, причемъ одни проявляютъ особенную чуткость въ одномъ направленіи, другіе въ другомъ,—кроется объясненіе той постепенности, съ которой измѣняется обыкновенно законодательство въ Англіи, а также той разнородности, которой характеризуется иногда система мѣръ, которыя были изданы въ ту

или иную эпоху, или которыя можно связать съ именемъ того или иного государственнаго дѣятеля. Да и можно ли этому удивляться: вѣдь общественное мнѣніе менѣе всего склонно держаться какой-либо одной политической или экономической доктрины и доводить ее до всѣхъ ея логическихъ послѣдствій [1]). Народъ никогда не бываетъ доктринеромъ: это—грѣхъ, которому подвержены отдѣльные люди, не исключая и наиболѣе даровитыхъ между ними. Возвратимся, однако, отъ этихъ общихъ сужденій къ изложенію дальнѣйшаго хода политической исторіи Англіи.

Смерть графа Ливерпуля поставила короля Георга IV въ весьма затруднительное положеніе: онъ сочувствовалъ болѣе консервативной части кабинета Ливерпуля, но въ ея средѣ не было ни одного политическаго дѣятеля, пользовавшагося достаточнымъ авторитетомъ въ парламентѣ и странѣ, чтобы ему можно было поручить образованіе новаго министерства съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ. Послѣ долгихъ колебаній и нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ королю п р и ш л о с ь обратиться къ Каннингу, которому доставила значительную популярность его либеральная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма энергичная внѣшняя политика. Отрицательное отношеніе Каннинга къ вопросу объ избирательной реформѣ, которое также было всѣмъ извѣстно, мирило съ этимъ назначеніемъ часть поземельной аристократіи и партію тори вообще. Впрочемъ, одинъ изъ наиболѣе откровенныхъ представителей торизма, герцогъ Веллингтонскій, бывшій, какъ и Каннингъ, членомъ кабинета Ливерпуля, не захотѣлъ служить подъ начальствомъ Каннинга, считая его слишкомъ большимъ либераломъ.

Само собою разумѣется, что въ число членовъ новаго кабинета вошелъ Гескинсонъ. Это обстоятельство было очень важно, такъ какъ именно дружнымъ усиліямъ Гескинсона и самого премьера слѣдуетъ приписать проведеніе черезъ палату общинъ указаннаго выше законопроекта о подвижной скалѣ пошлинъ на ввозный хлѣбъ. Къ сожалѣнію, въ палатѣ лордовъ законопроектъ провалился, благодаря въ значительной мѣрѣ оппозиціи Веллингтона. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала смерть Каннинга: вступивъ въ управленіе страной въ мартѣ 1827 г. съ предзнаменованіями серьезной болѣзни, Каннингъ умеръ въ августѣ того же года. Его сравнительно ранняя (на 58-омъ году) смерть объясняется необычайной добросовѣстностью, съ которой онъ выполнялъ свои обязанности государственнаго дѣятеля въ разныхъ должностяхъ сначала подъ главенствомъ Вил. Питта, а затѣмъ графа Ливерпуля.

Послѣ смерти Каннинга король поручилъ составленіе новаго министерства лорду Годричу (Goderich), занимавшему, подъ именемъ Робинзона, постъ министра финансовъ въ послѣдніе годы кабинета Ливерпуля и (уже подъ именемъ лорда Годрича) постъ военнаго министра и министра колоній (тогда

---

[1]) Указываемая нами точка зрѣнія развита весьма подробно въ сочиненіи проф. Дайси (A. Dicey, «Lectures on the relations between Law and Public Opinion in England». London, 1905).

эти два министерства были соединены) въ кабинетѣ Каннинга. Хотя Годричу удалось склонить ко вступленію въ министерство Веллингтона и благодаря этому имѣть поддержку со стороны многихъ значительныхъ тори, тѣмъ не менѣе, недостатокъ личнаго авторитета и крупныхъ административныхъ дарованій не позволилъ Годричу удержать долго за собой власть. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ январѣ 1828 г., т.-е. всего черезъ 4 мѣсяца послѣ образованія своего министерства, Годричу пришлось подать въ отставку.

Что же, однако, происходило въ это время въ странѣ? Какихъ реформъ желало или требовало общественное мнѣніе? Чего ждали отъ парламента разные слои англійскаго народа?

Какъ мы уже говорили, въ странѣ замѣчалось, во-первыхъ, сильное стремленіе къ реформѣ избирательной системы и вообще къ полному обновленію состава парламента, привлеченія къ участію въ парламентской работѣ новыхъ общественныхъ слоевъ. Этого желала болѣе либеральная часть среднихъ классовъ; необходимость этой реформы признавала и болѣе дальновидная часть аристократіи. Низшіе классы думали болѣе о хлѣбѣ насущномъ и считали болѣе важнымъ отмѣну хлѣбныхъ законовъ, какъ ближайшей причины дороговизны жизни. Таково было настроеніе въ собственной Англіи.

Въ Ирландіи въ это время замѣчалось сильное народное движеніе, имѣвшее своимъ источникомъ крайнее неудовольствіе все еще весьма значительными ограниченіями правъ католиковъ: попрежнему католики не могли быть членами парламента и занимать сколько-нибудь важныя должности на государственной и общественной службѣ. Недовольство ирландцевъ должно было вскорѣ получить новую форму выраженія, такъ какъ въ 1828 г. истекалъ трехлѣтній срокъ, на который была запрещена такъ наз. Католическая Ассоціація. Эта Ассоціація возникла въ 1823 г., но сумѣла въ короткое время не только распропагандировать народныя массы (населеніе Ирландіи, какъ извѣстно, состояло и состоитъ почти сплошь изъ католиковъ), но даже занять во многихъ отношеніяхъ роль и авторитетъ какъ бы второго правительства [1]). Насильственное закрытіе Католической Ассоціаціи въ 1825 г. только отчасти ослабило агитацію въ Ирландіи, такъ какъ искусный руководитель этой агитаціи, знаменитый О'Коннель, быстро нашелъ новыя формы воздѣйствія на общественное мнѣніе.

Въ такомъ положеніи находилось Соед. Королевство, когда Георгъ IV, получивъ отставку Годрича, предложилъ составленіе министерства герцогу Веллингтонскому. Онъ надѣялся, что необыкновенная популярность прославившаго Англію искуснаго полководца и всѣмъ извѣстное благородство характера Веллингтона заставятъ примириться націю и парламентъ съ его торійскими взглядами. Было извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что герцогъ Веллингтонскій относится отрицательно къ вопросу о католической эмансипаціи, и что только поэтому онъ не захотѣлъ участвовать въ кабинетѣ Каннинга, который всегда,—даже

---

[1]) См. цитированную книгу проф. Г. Аѳанасьева, «Исторія Ирландіи», 1907 г., стр. 170—180.

въ то время, когда былъ членомъ кабинета графъ Ливерпуля—не скрывалъ своего сочувствія реформамъ въ пользу католиковъ. Герцогъ же Веллингтонскій, какъ мы упоминали, помѣшалъ успѣху билля Каннинга объ измѣненіи хлѣбныхъ пошлинъ, проваливъ этотъ билль въ верхней палатѣ.

Трудно было бы привести болѣе разительное доказательство того, что даже въ описываемое нами время доминирующимъ факторомъ политической жизни Англіи было то или иное направленіе общественнаго мнѣнія, чѣмъ дѣятельность Веллингтона, какъ перваго министра. Дѣло въ томъ, что при самомъ образованіи своего кабинета Веллингтонъ убѣдился, что ему не обойтись безъ помощи Гескинсона и нѣкоторыхъ другихъ членовъ кабинета Каннинга, а, слѣдовательно, и безъ уступокъ тѣмъ общественнымъ теченіямъ, выразителемъ которыхъ былъ этотъ передовой во многихъ отношеніяхъ государственный дѣятель своего времени. Вліяніе Гескинсона сказалось въ томъ, что въ теченіе первыхъ же мѣсяцевъ пребыванія Веллингтона у власти правительство внесло (съ небольшими измѣненіями) въ сущности тотъ самый билль о подвижной скалѣ хлѣбныхъ пошлинъ, который за годъ передъ тѣмъ погибъ въ палатѣ лордовъ изъ-за оппозиціи, во главѣ которой былъ знаменитый полководецъ. Зная Веллингтона какъ своего человѣка и понимая, что только крайняя необходимость могла заставить его отказаться отъ прежнихъ взглядовъ, палата лордовъ на этотъ разъ не противодѣйствовала биллю. Такимъ образомъ, поземельной аристократіи пришлось сдѣлать первую значительную уступку народнымъ требованіямъ, существеннымъ образомъ затрагивавшимъ ея матеріальные интересы.

То обстоятельство, что Веллингтонъ по существу мало симпатизировалъ лѣвому крылу своего кабинета, состоявшему изъ «каннингитовъ», доказывается, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, что онъ воспользовался первымъ представившимся ему случаемъ, чтобы избавиться отъ наиболѣе либеральнаго изъ каннингитовъ, министра военнаго и колоній Вил. Гескинсона. Веллингтонъ разошелся съ Гескинсономъ по вопросу, правда, чрезвычайно важному въ принципіальномъ но совершенно незначительному въ практическомъ отношеніи.

Дѣло шло объ уничтоженіи представительства въ парламентѣ «гнилого мѣстечка» [1]) Пенрина (Penryn) и предоставленіи освободившихся двухъ вакансій городу Манчестеру, не имѣвшему ни одного представителя въ Вестминстерскомъ Дворцѣ. Веллингтонъ былъ противъ этого предложенія, возникшаго по иниціативѣ лорда Джона Росселя, который уже много лѣтъ старался внесеніемъ аналогичныхъ предложеній добиться хотя бы частичнаго исправленія полной анахронизмовъ и несообразностей системы парламентскихъ выборовъ. Такъ какъ, однако, было бы весьма трудно возражать

[1]) Пенринъ дѣйствительно представлялъ собой «гнилое мѣстечко» въ полномъ смыслѣ слова. Пенринъ находится въ 6 верстахъ отъ Фальмута и былъ когда-то резиденціей епископа Екзетерскаго и вообще значительнымъ для своего времени городомъ. Къ началу XIX вѣка отъ епископскаго дворца не осталось даже и развалинъ; въ мѣстечкѣ едва насчитывалась тысяча жителей, между тѣмъ оно посылало со временъ короля Іакова I двухъ представителей въ парламентъ.

противъ билля по существу и дѣлать изъ его судьбы министерскій вопросъ, то на засѣданіи кабинета было рѣшено оставить этотъ вопросъ открытымъ и предоставить министрамъ вотировать по своему усмотрѣнію.

Въ день голосованія всѣ министры вотировали противъ билля, и только одинъ Гескинсонъ подалъ голосъ за билль. Увидѣвъ, такимъ образомъ, свою изолированность, Гескинсонъ написалъ письмо Веллингтону, предлагая ему свою отставку, если онъ почему-либо находитъ неудобнымъ дальнѣйшее его пребываніе въ кабинетѣ.

Веллингтонъ, какъ мы сказали, воспользовался этимъ случаемъ и принялъ сейчасъ же отставку Гескинсона, хотя въ виду указаннаго выше постановленія кабинета поступокъ Гескинсона не давалъ основанія Веллингтону дѣйствовать такимъ образомъ.

Само собой разумѣется, это обстоятельство поставило въ неловкое положеніе остальныхъ «каннингитовъ», и они, со своей стороны, воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выйти изъ кабинета. Въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ ушли, такимъ образомъ, лорды Пальмерстонъ, Ламбъ, который впослѣдствіи былъ первымъ министромъ подъ именемъ лорда Мельбурна, Грантъ, Дудли и остальные «каннингиты». Всѣ они были сейчасъ же замѣнены настоящими тори чистой воды.

Такова, однако, была иронія судьбы, или, вѣрнѣе, таково оказалось вскорѣ настроеніе общественнаго мнѣнія, что Веллингтону и его торійскимъ товарищамъ всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришлось взять на себя проведеніе въ жизнь одного изъ завѣтныхъ желаній Каннинга, которое, какъ мы сказали, тотъ открыто высказывалъ, когда былъ однимъ изъ членовъ кабинета графа Ливерпуля: мы разумѣемъ желаніе Каннинга уничтожить всякія ограниченія правъ католиковъ или, какъ говорили англичане, совершить «эмансипацію католиковъ».

Теперь намъ придется сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилась эта великая реформа.

Мы уже говорили о томъ состояніи анархіи, въ которой находилась Ирландія въ 20-хъ годахъ, и о той роли, которую игралъ въ возбужденіи ирландскаго населенія О'Коннель. Занятіе Веллингтономъ поста перваго министра обострило положеніе дѣлъ въ Ирландіи, такъ какъ всѣмъ было хорошо извѣстно отношеніе Веллингтона къ вопросу о католической эмансипаціи. Мы не имѣемъ возможности описывать здѣсь новыхъ пріемовъ агитаціи О'Коннеля. Скажемъ лишь, что недовольство ирландцевъ выражалось въ высшей степени ясно, опредѣленно и рѣзко, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ прямого нарушенія какихъ-либо законовъ, а это совершенно обезоруживало власти.

Безысходность создавшагося такимъ образомъ положенія стала скоро совершенно ясной Роберту Пилю, занимавшему въ кабинетѣ Веллингтона постъ министра внутреннихъ дѣлъ (Home Secretary). Онъ сообщилъ свой взглядъ на дѣло Веллингтону и заявилъ, что считаетъ безусловно необходимымъ или уступить ирландцамъ, или начать съ ними почти формальную войну. Пиль сообщилъ также, что на вторую альтернативу онъ ни за что не пойдетъ. Послѣ долгихъ колебаній Веллингтонъ сдался, т.-е. согласился съ Пилемъ, что пора уступить

ирландцамъ. Теперь настала самая трудная задача—убѣдить въ томъ же Георга IV. Нѣсколько разъ принимался за это Веллингтонъ, но каждый разъ встрѣчалъ безусловный отказъ, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что предоставленіе всѣхъ правъ католикамъ было противно закоренѣлымъ предубѣжденіямъ короля, онъ, кромѣ того, считалъ это противнымъ принятой имъ присягѣ.

Дѣло дошло постепенно до разрыва, и король принялъ даже отставку Веллингтона, Однако, Георгъ IV скоро убѣдился, что ему совершенно невозможно найти преемника Веллингтону, по крайней мѣрѣ, преемника *болѣе консервативнаго* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способнаго руководить парламентомъ и управлять страной. Это заставило короля взять назадъ свое согласіе на отставку Веллингтона и, слѣдовательно, согласиться на внесеніе въ парламентъ билля о католической эмансипаціи, а слѣдовательно—таковъ одинъ изъ неписанныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно важныхъ принциповъ англійской конституціи—утвердить этотъ билль, если бы онъ былъ принятъ обѣими палатами.

Хотя все это было, вѣроятно, болѣе или менѣе хорошо извѣстно въ высшихъ сферахъ общества и среди парламентскихъ дѣятелей, тѣмъ не менѣе, тотъ день, когда Веллингтонъ въ палатѣ лордовъ и Пиль въ палатѣ общинъ сдѣлали первое сообщеніе о намѣреніи правительства внести билль о католической эмансипаціи, этотъ день былъ преисполненъ высокаго драматизма. «Милостивые государи [1]),—сказалъ Веллингтонъ, обращаясь къ палатѣ лордовъ,—трудно было бы найти человѣка, жизнь котораго въ большей мѣрѣ, чѣмъ моя, была занята войной; при этомъ мнѣ приходилось быть участникомъ, главнымъ образомъ, гражданской, междоусобной (civil war) войны [2]). Я долженъ сказать, что, если бы я могъ, пожертвовавъ своей жизнью, избавить свое отечество хотя бы отъ одного мѣсяца гражданской войны, я не задумался бы поступить такимъ образомъ. Ничто не разрушаетъ такъ имущество, ничто такъ не роняетъ благосостоянія, ничто такъ не портитъ характера, какъ гражданская война. А между тѣмъ, милостивые государи, всѣхъ насъ ждетъ такая перспектива, если вы откажетесь поддержать правительство въ предлагаемой имъ мѣрѣ».

Ни въ только-что приведенной, ни въ послѣдующей части своей рѣчи Веллингтонъ не пытается доказывать слушателямъ несправедливости ограниченій правъ католиковъ. Веллингтонъ не сказалъ даже, что онъ лично измѣнилъ свои взгляды на принципіальную сторону этого вопроса. Сущность рѣчи и аргументаціи Веллингтона можно резюмировать такъ: господа, какъ бы вы лично ни относились къ вопросу о католической эмансипаціи, вы должны подавать за нее свои голоса, если не желаете гражданской войны со всѣми ея послѣдствіями. Такъ какъ вы, конечно, этого не хотите и, вмѣстѣ

---

[1]) Мы переводимъ такъ выраженіе «my lords», принятое при обращеніи къ палатѣ лордовъ.

[2]) Веллингтонъ здѣсь разумѣлъ частью свою военную карьеру въ Индіи, частью войну на Пиренейскомъ полуостровѣ (1808—1814), когда онъ помогалъ португальцамъ и испанцамъ въ ихъ борьбѣ съ французами и ихъ сторонниками среди туземнаго населенія.

съ тѣмъ, вѣрите мнѣ, что я не преувеличиваю опасности положенія, то, слѣдовательно, намъ не приходится терять словъ на разговоры.

Конечно, такой образъ дѣйствій Веллингтона граничилъ съ политической безпринципностью. Было бы приличнѣе, чтобы Веллингтонъ, убѣдившись въ невозможности отказать ирландцамъ въ ихъ требованіяхъ и не сочувствуя лично политикѣ уступокъ, предоставилъ осуществленіе этой политики другимъ людямъ. Такой образъ дѣйствій былъ бы согласенъ и съ уже тогда установившимся въ Англіи принципомъ парламентарной формы правленія.

Въ нѣкоторое оправданіе Веллингтона можно сказать, что до этого онъ всю свою жизнь былъ занятъ войной; онъ не былъ въ сущности политическимъ дѣятелемъ и даже не выдавалъ себя за такового. Поэтому онъ перенесъ въ сферу политической борьбы пріемы военной тактики: онъ не отказывался отъ командованія арміей передъ наступающимъ съ превосходными силами непріятелемъ; онъ распоряжался лично отступленіемъ, стараясь только о томъ, какъ бы занять при этомъ нѣсколько новыхъ выгодныхъ позицій. Продолжая эту аналогію, можно сказать, что одной изъ такихъ позицій въ занимающемъ насъ случаѣ было значительное повышеніе избирательнаго ценза въ Ирландіи которое входило въ актъ объ эмансипаціи католиковъ.

Билль объ эмансипаціи католиковъ прошелъ обѣ палаты, но онъ стоилъ весьма серьезныхъ и долгихъ усилій правительству лорда Веллингтона, котораго въ этой великой реформѣ поддержали виги и такъ наз. каннингиты—такъ сказать, лѣвое крыло торійской партіи, группировавшееся около Каннинга при жизни этого выдающагося политическаго дѣятеля.

14 апрѣля 1829 года билль былъ подписанъ королемъ, который не скрывалъ, что дѣлаетъ это съ крайней неохотой. Въ послѣднюю минуту онъ даже сдѣлалъ-было тщетную и недостойную попытку отказаться отъ своихъ словъ, заявивъ, что онъ не обѣщалъ своего согласія на билль.

Съ изданіемъ акта о католической эмансипаціи католики,—т.-е. въ сущности ирландцы, такъ какъ въ Англіи другихъ католиковъ очень мало,—получили право быть членами парламента, занимать всякія должности на общественной и государственной службѣ, кромѣ должности регента королевства и вице-короля Ирландіи. Актомъ о католической эмансипаціи была устранена одна изъ вѣковыхъ неправдъ, отъ которыхъ страдала Ирландія. Это была чрезвычайно важная уступка общественному мнѣнію Ирландіи, торжество котораго объясняется, въ свою очередь, необыкновенно искусной и ревностной пропагандой такъ наз. Католической Ассоціаціи, руководимой О'Коннелемъ. Нельзя не прибавить въ заключеніе, что успѣхъ пропаганды О'Коннеля и его ближайшихъ сотрудниковъ и даже самая возможность такой пропаганды объясняется, въ свою очередь, тѣмъ, что даже въ то время, когда во главѣ англійскаго правительства стоялъ такой откровенный тори, какимъ былъ Веллингтонъ, англичане предоставляли все-таки ирландцамъ такую свободу собраній и союзовъ, какой не было до недавняго времени ни въ одномъ изъ государствъ Зап. Европы, не говоря уже, конечно, о Россіи,—даже о Россіи нашихъ дней.

ГЛАВА VI.

Чѣмъ былъ дореформенный парламентъ?

Въ предшествующей главѣ мы видѣли, что политическій режимъ Англіи въ концѣ 20-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія представлялъ собой нѣчто весьма оригинальное: во главѣ министерства или, что является однозначащимъ въ Англіи, во главѣ правительства находился Веллингтонъ—откровенный и рѣшительный торн; между тѣмъ, этими тори или, по теперешней терминологіи, консерваторами были проведены двѣ весьма либеральныхъ мѣры: уменьшеніе хлѣбныхъ пошлинъ и эмансипація католиковъ—мѣры, которымъ—особенно послѣдней—Веллингтонъ лично, какъ мы знаемъ, вовсе не сочувствовалъ. Мы видѣли, что такой образъ дѣйствій Веллингтона былъ вызванъ прямой необходимостью, такъ какъ первая мѣра шла навстрѣчу настойчивымъ требованіямъ низшихъ классовъ всего королевства, вторая—еще болѣе категоричнымъ и единодушнымъ требованіямъ всего населенія Ирландіи. Такая, какъ теперь говорятъ, оппортунистская политика оттолкнула отъ Веллингтона ту часть аристократіи, которая считала непростительной измѣной указанные акты Веллингтона, хотя, какъ мы видѣли, онъ взялъ на себя проведеніе этихъ актовъ лишь подъ вліяніемъ въ высшей степени важныхъ государственныхъ соображеній.

Однако, съ другой стороны, тѣ же акты доставили Веллингтону поддержку значительной части виговъ, и это позволило ему оставаться во главѣ правительства и послѣ проведенія указанныхъ мѣръ. Виги мирились охотно съ тѣмъ, что власть находилась въ рукахъ Веллингтона, пока онъ дѣлалъ ихъ взглядамъ столь значительныя уступки. Они, конечно, поддавались, кромѣ того, въ извѣстной мѣрѣ и обаянію личности Веллингтона, сознанію его крупныхъ національныхъ заслугъ во время борьбы съ Наполеономъ.

Всѣмъ было извѣстно, наконецъ, что Веллингтонъ, какъ человѣкъ, пользовавшійся необыкновеннымъ вліяніемъ на короля, могъ въ случаѣ необходимости склонить его къ столь значительнымъ уступкамъ общественному мнѣнію, какихъ не могъ бы добиться отъ него какой-либо другой политическій дѣятель изъ партіи тори и, конечно, тѣмъ болѣе изъ партіи виговъ. Таково было мнѣніе о Веллингтонѣ многихъ его современниковъ, и таково же мнѣніе потомства: въ самомъ дѣлѣ, весьма авторитетные англійскіе историки утверждаютъ, что едва ли кому-либо иному, кромѣ Веллингтона, удалось бы склонить Георга

санкціонировать своей подписью столь революціонную для него мѣру, какъ билль объ эмансипаціи католиковъ [1]). Правда, король согласился на эту мѣру потому также, что ему въ сущности другого выхода почти и не было.

Какъ бы то ни было, среди партіи тори Веллингтонъ былъ самымъ вліятельнымъ въ парламентѣ и странѣ государственнымъ дѣятелемъ и въ то же время наиболѣе симпатичнымъ для Георга IV и ему вполнѣ преданнымъ. Къ вигамъ же король вовсе не могъ обратиться, такъ какъ наиболѣе вліятельные между ними стали бы настаивать на парламентской, т.-е. избирательной реформѣ, а это для Георга IV было бы безконечно болѣе непріятно, чѣмъ даже эмансипація католиковъ. Такъ же смотрѣлъ на вопросъ о парламентской реформѣ Веллингтонъ, и это опять-таки весьма сближало его съ королемъ.

Между тѣмъ вопросъ о парламентской реформѣ, т.-е. объ измѣненіи избирательнаго закона, которымъ регулировалась система народнаго представительства въ палатѣ общинъ, все болѣе и болѣе занималъ общественное мнѣніе: никакіе другіе правительственные акты, какъ они ни были важны и либеральны, не могли совершенно заглушить настойчиваго требованія главной, основной реформы, опредѣляющей самую цѣнность парламента, или, вѣрнѣе, той его части (палаты общинъ), которая считалась и считается выразительницей народныхъ желаній и защитницей народныхъ правъ.

Посмотримъ, однако, какой же въ самомъ дѣлѣ былъ составъ дореформеннаго парламента, и могъ ли онъ выполнить сколько-нибудь удовлетворительно только-что указанныя великія его задачи.

Какъ это ни кажется намъ страннымъ, не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что «съ самаго начала XVII вѣка и вплоть до Акта о Парламентской Реформѣ 1832 г избирательная система въ Англіи подверглась лишь весьма немногимъ измѣненіямъ» [2]). Этихъ словъ, принадлежащихъ въ высшей степени авторитетному историку дореформеннаго англійскаго парламента, въ сущности вполнѣ достаточно, чтобы признать сразу же полную основательность народнаго недовольства избирательной системой, которой въ описываемое нами время насчитывалось болѣе 200 лѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь за это время Англія изъ сравнительно второстепеннаго государства стала однимъ изъ наиболѣе сильныхъ и богатыхъ государствъ всего міра. Что можетъ быть еще важнѣе, Англія изъ страны земледѣльческой, какой она была въ началѣ XVII вѣка, стала однимъ изъ главныхъ и даже, пожалуй, главнымъ міровымъ коммерческимъ и промышленнымъ центромъ. Населеніе Англіи за это время увеличилось въ четыре или пять разъ, и, что опять-таки еще болѣе важно, оно распредѣлялось совершенно иначе по территоріи страны. На сѣверѣ Англіи возникъ цѣлый рядъ

---

[1]) См., напр., недавно вышедшее сочиненіе G. Brodrick, «The History of England from Addington's Administration». London, 1906 (vol. XI of Political History of England).

[2]) См. превосходное сочиненіе E. Porritt, «The Unreformed House of Commons», vol. I, p. 2 (Cambridge, 1903).

богатыхъ городовъ съ весьма значительнымъ для описываемаго времени населеніемъ, какъ, напр., Манчестеръ, Бирмингамъ, Лидсъ и др. Между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ городовъ не имѣлъ своего представителя въ парламентѣ. На ряду съ этимъ въ одномъ районѣ Корнваллійскаго графства (юго-западъ Англіи) было *девять* мѣстечекъ, которыя посылали *восемнадцать* представителей въ палату общинъ; эта несообразность усугублялась еще тѣмъ, что изъ 14000 человѣкъ, которые составляли *все* населеніе этой части Корнваллиса, вѣроятно, не *болѣе*, *какъ одинъ изъ сорока* имѣлъ избирательныя права [1]). Это, конечно, одинъ изъ крайнихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не единичныхъ случаевъ, въ которыхъ столь ясно проявлялась архаичность,—просто даже нелѣпость—избирательной системы къ началу XIX вѣка. Объясняется это, какъ было сказано нами выше, главнымъ образомъ, перераспредѣленіемъ населенія, тѣмъ, что въ прежнее время наиболѣе богатой и наиболѣе густо заселенной частью Англіи была ея южная часть съ ея превосходными условіями для земледѣльческой культуры.

Представьте себѣ теперь, читатель, рядъ мѣстечекъ, которыя когда-то были значительными и населенными городами, но которыя къ описываемому нами времени имѣли каждое всего по нѣсколько сотъ жителей, а иногда даже и того менѣе. Представьте себѣ далѣе, что вся или болѣе, или менѣе значительная часть территоріи каждаго такого мѣстечка принадлежитъ аристократу, крупному землевладѣльцу, пользующемуся, какъ это часто бывало, по наслѣдству званіемъ лорда и, слѣдовательно, состоящему членомъ верхней палаты парламента. Примите, наконецъ, въ соображеніе, что подача голосовъ въ Англіи была тогда *открытая*, и для васъ станетъ ясно, что при такихъ условіяхъ выборы представляли совершенное искаженіе идеи народнаго представительства. Въ самомъ дѣлѣ, могла ли быть рѣчь о сколько-нибудь нормальныхъ выборахъ въ указаннаго рода мѣстечкахъ, которыхъ было, однако, очень много.

Назывались они «rotten boroughs», т.-е. гнилыми мѣстечками, и дѣйствительно заслуживали вполнѣ такого названія. Въ лучшихъ случаяхъ, при преобладающемъ вліяніи на избирателей богатаго, знатнаго лорда, послѣдній, оказывая давленіе на избирателей, покровительствовалъ кандидатурѣ того или иного изъ своихъ знакомыхъ, пріятелей, или какого-нибудь подающаго надежды молодого человѣка надлежащаго образа мыслей, т.-е. въ огромномъ большинствѣ случаевъ завзятаго реакціонера. Любопытно, что Вил. Гладстонъ, начавшій свою парламентскую дѣятельность при старомъ порядкѣ выборовъ, попалъ въ парламентъ 22-лѣтнимъ юношей благодаря именно такой протекціи лорда Ньюкэстльскаго, которому наговорилъ о талантахъ и торизмѣ Гладстона сынъ герцога Ньюкэстльскаго, только-что окончившій вмѣстѣ съ Гладстономъ оксфордскій университетъ [2]). Это было въ 1832 г.—въ послѣдніе выборы

[1]) См. цитированный трудъ E. Porritt'a, vol. I, 92.

[2]) См. J. Morley, «Life of Gladstone», vol. I, p. 87—88. Извѣстно, что Гладстонъ началъ свою политическую карьеру завзятымъ консерваторомъ.

согласно старому закону. Въ предшествующіе же выборы избиратели Неюарка (Newark)—гнилого мѣстечка, гдѣ было такъ сильно вліяніе герцога Ньюкэстльскаго—выбрали вига. Это такъ не понравилось герцогу, что онъ, узнавъ, кто изъ его арендаторовъ вотировалъ за виговъ, всѣмъ имъ отказалъ въ продолженіи аренды и предложилъ выѣхать съ его земли. Это, конечно, случай крайній, изъ ряда выходящій, но онъ, во всякомъ случаѣ, показываетъ, какъ далеко заходили иногда недостатки дореформенныхъ парламентскихъ выборовъ.

Тамъ, гдѣ мѣстный магнатъ не могъ дѣйствовать на избирателей того или иного «гнилого мѣстечка» такимъ путемъ, какой практиковался герцогомъ Ньюкэстльскимъ, онъ могъ прибѣгать къ другимъ способамъ воздѣйствія, не менѣе предосудительнымъ. Наиболѣе простымъ и весьма частымъ способомъ такого воздѣйствія была покупка голосовъ [1]), что вообще довольно широко практиковалось при парламентскихъ выборахъ въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Къ этому пути для полученія парламентскихъ полномочій прибѣгали разные разбогатѣвшіе отъ торговли въ Индіи «набобы» и другіе богатые люди, желавшіе попасть въ парламентъ. Большею частью такія лица затѣмъ старались вернуть свои расходы, продавая свои голоса министерству, т.-е. поддерживая то министерство, которое въ данное время располагало властью. Иногда такими путями—это бывало сравнительно очень рѣдко—попадали въ парламентъ люди, желавшіе пройти туда, чтобы добиваться затѣмъ разныхъ мѣръ, которыя они считали необходимыми для блага народа. Такимъ образомъ, попадалъ неоднократно въ парламентъ сэръ Ромилли (Romilly), который употреблялъ тамъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы добиться смягченія крайне жестокаго уголовнаго законодательства тогдашней Англіи (Ромилли умеръ въ 1818 г.). Какъ извѣстно, Ромилли достигъ въ этомъ отношеніи очень многаго.

Часто случалось, что покупателемъ голосовъ въ гнилыхъ мѣстечкахъ было само правительство, причемъ такого рода расходованіе народныхъ денегъ было особенно легко до нѣкоторыхъ реформъ (послѣ неудачной войны съ возставшими американскими колоніями), значительно уменьшившихъ безконтрольныя средства министерства.

Время-отъ-времени въ обществѣ и въ парламентѣ возникалъ вопросъ о лишеніи права представительства тѣхъ или иныхъ «гнилыхъ мѣстечекъ» гдѣ продажа голосовъ и другія злоупотребленія переходили всякія границы. Однако, всѣ такія попытки частичнаго исправленія архаической системы представительства оказывались неудачными, такъ какъ сейчасъ же возникалъ вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ предоставить открывающіяся мѣста въ парламентѣ. Справедливость требовала, чтобы гнилыя мѣстечки были замѣнены новыми крупными городами съ значительнымъ фабричнымъ населеніемъ, а этого именно и боялась больше всего партія тори, доминировавшая въ парламентѣ въ теченіе большей части царствованія Георга III и Георга IV.

---

[1]) См. цитированное сочиненіе *Porritt'a*, vol. I, или небольшую книгу проф. Dickinson, «Le Développement du Parlement pendant le XIX siècle», Paris 1906 (перев. съ англ.).

т.-е. въ теченіе цѣлыхъ семидесяти лѣтъ (1760—1830) Читатель, можетъ-быть, помнитъ, что рѣшительное несочувствіе Веллингтона лишенію представительства въ парламентѣ одного изъ «гнилыхъ мѣстечекъ» и предоставленію двухъ освободившихся вакансій городу Бирмингаму послужило причиной выхода изъ его кабинета сначала Гескинсона, а затѣмъ и еще нѣсколькихъ болѣе либеральныхъ членовъ кабинета («каннингитовъ»).

Боязнь притронуться до больного и чреватаго осложненіями вопроса о реформѣ избирательной системы заходила такъ далеко, что остерегались покушаться даже на право представительства въ сущности уже не существовавшихъ болѣе мѣстечекъ. Въ самомъ дѣлѣ, на мѣстѣ одного парламентскаго избирательнаго участка былъ большой лугъ, на мѣстѣ другого находилось нѣсколько развалинъ, одинъ избирательный участокъ былъ даже окончательно затопленъ и составлялъ дно образовавшагося надъ нимъ озера. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти когда-то заселенныя мѣста посылали представителей въ парламентъ это значило, что представителей отъ этихъ мѣстъ выбирало или попросту назначало то лицо, которому принадлежало такое уже совсѣмъ заброшенное или даже не существующее болѣе мѣстечко (напр., то, которое было затоплено). Такого рода мѣстечки поэтому назывались «nomination boroughs» (to nominate—«назначать»).

Въ самомъ дѣлѣ, въ этой категоріи гнилыхъ мѣстечекъ не было даже и какой-либо, хотя бы самой жалкой пародіи на выборы. представитель въ парламентъ прямо назначался (to nominate) собственникомъ мѣстечка.

Нельзя не прибавить, однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ владѣтели такихъ «nomination boroughs» «назначали» въ парламентъ выдающихся людей, не имѣвшихъ средствъ не только для чего-либо подобнаго подкупу избирателей, но и на вполнѣ законные неизбѣжные расходы во время обычныхъ парламентскихъ выборовъ, а эти расходы и теперь еще очень велики. Въ числѣ такихъ народныхъ представителей «по назначенію» отдѣльныхъ лордовъ были, между прочимъ, такіе великіе политическіе дѣятели Англіи, какъ Боркъ, Каннингъ, Шериданъ и Брумъ [1]). Само собой разумѣется, что полученныя такимъ образомъ парламентскія полномочія связывали свободу дѣйствій и мнѣній этой категоріи народныхъ представителей.

Конечно, указываемые нами случаи представляютъ собой все-таки аномаліи, хотя, правда, очень многочисленныя. Однако, на ряду съ ними можно указать на гораздо болѣе многочисленные примѣры городовъ и сельскихъ округовъ, гдѣ выборы происходили при сравнительно нормальныхъ условіяхъ, во всякомъ случаѣ, при участіи значительнаго числа, если не большинства, наиболѣе обезпеченной части населенія: плательщиковъ (мѣстнаго) налога на бѣдныхъ, домохозяевъ (не въ смыслѣ собственниковъ домовъ, а лицъ, занимающихъ отдѣльное помѣщеніе, каковымъ въ Англіи для достаточныхъ классовъ обыкновенно бываетъ особый домъ) и т. д. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ раз-

[1]) См. «The Restoration» («Cambridge Modern History», vol. X), глава XVIII (by H. Temperley), p. 604.

личія между отдѣльными городами и сельскими округами были весьма значительны, что въ соединеніи съ указанными выше обстоятельствами обращало систему народнаго представительства въ Англіи въ настоящій хаосъ, съ которымъ мы считаемъ излишнимъ знакомить подробно нашихъ читателей [1]).

Какова же общая картина, каковъ конечный итогъ [2]),—спроситъ, вѣроятно, читатель? Конечный итогъ можно характеризовать такимъ образомъ: изъ 658 членовъ парламента семьдесятъ или болѣе 10% являлись представителями 35 мѣстечекъ, гдѣ почти вовсе не было избирателей, 90 членовъ парламента были посылаемы 46 мѣстами, въ каждомъ изъ которыхъ было не болѣе 50 избирателей, 37 представителей были посылаемы 19 мѣстами съ числомъ избирателей не болѣе 100, 52 члена парламента являлись представителями 26 мѣстъ, гдѣ число избирателей не превосходило 200. Въ общемъ, благодаря всѣмъ этимъ аномаліямъ, оказывалось, что 15000 привилегированныхъ избирателей посылали въ парламентъ большую часть его членовъ [3]), значительное число такихъ представителей было обязано своимъ избраніемъ прямому или косвенному содѣйствію поземельной аристократіи, изъ которой, какъ извѣстно, состояла тогда и (въ меньшей мѣрѣ) состоитъ теперь палата лордовъ. Иначе сказать, палата общинъ, которая считалась выразительницей народныхъ желаній и защитницей народныхъ правъ, состояла фактически въ значительной мѣрѣ изъ прямыхъ или косвенныхъ ставленниковъ палаты лордовъ. Въ самомъ дѣлѣ, по нѣкоторымъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія даннымъ, до 276 членовъ палаты общинъ были такими ставленниками аристократіи: 203 члена обязаны были своими полномочіями покровительству торійской аристократіи и 73—аристократіи изъ партіи виговъ [4]). На это послѣднее обстоятельство мы считаемъ нужнымъ обратить особое вниманіе нашихъ читателей, такъ какъ оно объясняетъ весьма многое въ исторіи великой избирательной реформы 1832 г.

Каково же было общее число лицъ, участвовавшихъ въ выборахъ членовъ парламента въ описываемое время, т.-е., такъ сказать, наканунѣ великой реформы? Отвѣтить на это не такъ легко, такъ какъ у насъ не осталось съ того времени сколько-нибудь надежной статистики избирателей. Въ общемъ можно, однако, сказать съ значительнымъ правдоподобіемъ, что при населеніи собственной Англіи и Валлиса [5]) въ описываемое нами время около 14 милл. лицъ, имѣющихъ право на участіе въ парламентскихъ выборахъ, было никакъ не болѣе 300000, т.-е. эти лица, во всякомъ случаѣ, составляли ничтож-

---

[1]) См. объ этомъ двухтомный трудъ Porritt'a.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить также, что въ Ирландіи и Шотландіи имѣлись особые избирательные законы, которые были въ общемъ еще хуже, чѣмъ тѣ, которые дѣйствовали въ собственной Англіи.

[3]) См. сочин. проф. Goldwin Smith, «The United Kingdom», «A Political History» vol. II, 320—321 (London 1899).

[4]) См. Porritt, доп. сочин., vol. I, 310.

[5]) Выше было уже сказано, что въ Шотландіи и Ирландіи дѣйствовали совершенно особые законы, опредѣляющіе избирательные права населенія.

ный процентъ населенія [1]). Какъ, однако, мы знаемъ, вслѣдствіе полнаго хаоса избирательной системы, т.-е. условій, опредѣляющихъ въ томъ или иномъ мѣстѣ право на участіе въ выборахъ, и вслѣдствіе еще бо̀льшаго хаоса въ распредѣленіи избирательныхъ участковъ, ничтожная часть политически полноправныхъ гражданъ (около 15000) выбирала бо̀льшую часть членовъ парламента.

Такова была «система» народнаго представительства въ Англіи, когда рядъ причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ (примѣръ іюльской революціи во Франціи) поставилъ, какъ говорится, ребромъ вопросъ о парламентской реформѣ.

ГЛАВА VII.

Агитація за избирательную реформу.

(1830—1832).

Если вспомнить все, что нами сказано въ предыдущей главѣ для характеристики системы парламентскихъ выборовъ въ Англіи въ концѣ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка, то, намъ кажется, можно удивляться не тому, что эта система или, вѣрнѣе, это систематическое извращеніе идеи народнаго представительства вызывало общее неудовольствіе, а тому, что оно такъ долго терпѣлось англичанами. Дѣйствительно. можно удивляться только тому, что XIX вѣкъ успѣлъ уже перейти во вторую четверть, а вопросъ о сколько-нибудь значительныхъ перемѣнахъ въ полномъ архаизмовъ процессѣ выборовъ членовъ парламента все еще не входилъ въ область «практической политики», въ область вопросовъ, которые рѣшаютъ судьбу политическихъ дѣятелей, потерю или пріобрѣтеніе ими власти.

Долготерпѣніе англійскаго народа объясняется, конечно, многими причинами, на изложеніи которыхъ мы здѣсь не можемъ долго останавливаться. Мы укажемъ поэтому только на тѣ, которыя намъ кажутся наиболѣе существенными.

Во-первыхъ, англійская аристократія, которая оказывала такое доминирующее вліяніе на палату общинъ, не говоря уже о палатѣ лордовъ, состоявшей сплошь изъ поземельныхъ магнатовъ, не представляла никогда сплошной массы однихъ реакціонеровъ,—людей, проникнутыхъ враждой и недовѣріемъ къ народу. Какъ мы отчасти это уже видѣли выше, она насчитывала въ своихъ рядахъ не мало такихъ людей, которые употребляли свое вліяніе, свои ораторскія и другія дарованія для того, чтобы содѣйствовать прогрессивнымъ общественнымъ теченіямъ. Мы знаемъ, что среди ставленниковъ аристократіи въ палатѣ общинъ были такіе люди, какъ Фоксъ, Шериданъ и другіе въ томъ же родѣ. Позволяя себѣ заглянуть впередъ, мы можемъ для подтвержденія своего взгляда указать на тотъ кардинальный и высокознаменательный фактъ, что министерство лорда Грея, которое провело великую избирательную реформу 1832 г., состояло почти исключительно изъ членовъ палаты лордовъ.

---

[1]) См. Frank Bright, цит. сочин., т. III, стр. 1055, и Dickinson, «Le Developpement du Parlement pendant le XIX siècle», p. 53.

Во-вторыхъ, описанная нами система парламентскаго представительства не приносила всего того зла, котораго отъ нея можно было ждать, потому также, что на ряду съ архаической системой выборовъ въ Англіи въ описываемое нами время было много учрежденій, которыя оказывали могущественное вліяніе на оздоровленіе общественной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи былъ болѣе независимый, чѣмъ гдѣ-либо, судъ, болѣе свободная, чѣмъ гдѣ-либо, пресса, болѣе дѣятельное и авторитетное, чѣмъ гдѣ-либо, общественное мнѣніе, большая, чѣмъ гдѣ-либо, свобода собраній и союзовъ и т. д. Во всемъ этомъ слѣдуетъ видѣть нѣкоторое объясненіе долготерпѣнія англійскаго народа: формально почти не участвуя въ выборахъ членовъ парламента, англійскій народъ имѣлъ тысячу другихъ способовъ воздѣйствія на правительство, а это предотвращало возможность слишкомъ сильнаго разлада между народнымъ настроеніемъ и дѣйствіями правительства и, слѣдовательно, ослабляло практическое значеніе архаичности избирательной системы.

Правильность этихъ соображеній доказывается изложенной выше въ общихъ чертахъ исторіей Англіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Мы знаемъ, что вскорѣ послѣ войны съ Наполеономъ какъ графу Ливерпулю, такъ и его преемникамъ по управленію Англіей удавалось удерживать власть въ своихъ рукахъ—т.-е. въ рукахъ партіи тори—лишь цѣной постоянныхъ и все болѣе и болѣе серьезныхъ уступокъ противной партіи, за которой стояла все болѣе и болѣе увеличивающаяся часть народныхъ массъ Мы уже видѣли, что при самомъ началѣ управленія Англіей Веллингтонъ—завзятый тори—оказался вынужденнымъ провести черезъ парламентъ билль о подвижной скалѣ хлѣбныхъ законовъ, въ чемъ многіе его единомышленники—ландлорды—увидѣли непростительную уступку вѣяніямъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посягательство на ихъ доходы. Это было въ 1828 году. Слѣдующій годъ ознаменовался еще болѣе важной мѣрой, составляющей эпоху въ политической исторіи Англіи: мы разумѣемъ, конечно, эмансипацію католиковъ. Какъ мы знаемъ, эта послѣдняя мѣра имѣла въ виду умиротвореніе Ирландіи, гдѣ сосредоточено почти все католическое населеніе Соединеннаго Королевства.

Сдѣлавъ столь огромную—съ точки зрѣнія многихъ тори, даже непростительную—уступку ирландцамъ, Веллингтонъ разсчитывалъ, что эта мѣра въ связи съ закономъ о подвижной скалѣ хлѣбныхъ пошлинъ обезпечитъ на долгое время политическое спокойствіе страны. Это вѣроятно такъ и случилось бы, если бы 1829 годъ—годъ эмансипаціи католиковъ—не ознаменовался также весьма сильнымъ промышленнымъ кризисомъ, безработицей и неурожаемъ. Между тѣмъ, бѣдствія послѣдняго могли быть лишь въ слабой степени смягчены той полумѣрой, которую представлялъ собой законъ о подвижной скалѣ хлѣбныхъ пошлинъ.

Во многихъ частяхъ Англіи народъ сталъ собираться на митинги, на которыхъ все чаще и чаще слышались рѣзкія нападки на систему парламентскихъ выборовъ, причемъ всѣ бѣдствія Англіи приписывались, какъ это бываетъ часто въ такихъ случаяхъ, почти исключительно политическимъ причинамъ—въ данномъ случаѣ архаической избирательной системѣ.

Наиболѣе видную роль въ нарождающемся народномъ движеніи играли фабричные центры, причемъ среди нихъ выдѣлялся Бирмингамъ, который, будучи уже въ то время однимъ изъ наиболѣе значительныхъ городовъ Англіи, вовсе не имѣлъ представителя въ парламентѣ (теперь Бирмингамъ посылаетъ въ парламентъ семь представителей).

Въ декабрѣ 1829 г. въ Бирмингамѣ былъ основанъ такъ наз. «Политическій Союзъ для защиты народныхъ правъ» (Political Union for the protection of Public Rights), которому суждено было играть весьма крупную роль въ движеніи, заключившемся реформой 1832 г. Опытъ послѣднихъ 15 лѣтъ, говорилось въ одномъ изъ изданій Союза, «долженъ былъ убѣдить самыхъ недовѣрчивыхъ людей въ томъ, что права и интересы среднихъ и низшихъ классовъ населенія недостаточно представлены въ Палатѣ Общинъ». Въ виду этого Союзъ ставилъ себѣ цѣлью «добиваться всѣми справедливыми и законными средствами такой реформы Палаты Общинъ, которая могла бы обезпечить дѣйствительное представительство низшихъ и среднихъ классовъ народа въ Палатѣ, содѣйствовать миру и согласію между всѣми классами общества, организовать такое выраженіе общественнаго мнѣнія, которое могло бы оказывать справедливое и значительное вліяніе на развитіе и направленіе законодательства страны. Общество имѣетъ далѣе цѣлью вліять всѣми законными средствами и на самые выборы членовъ парламента, содѣйствуя избранію честныхъ и способныхъ народныхъ представителей» [1]).

Учредители бирмингамскаго «Политическаго Союза» разработали уставъ его въ декабрѣ 1829 г., а въ январѣ 1830 г. созвали народный митингъ, на который собралось до 15 тысячъ человѣкъ. Митингъ привѣтствовалъ учрежденіе новаго общества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вотировалъ резолюцію, гласившую, что только реформой Палаты Общинъ можно устранить бѣды, переживаемыя Англіей. Митингъ въ Бирмингамѣ послужилъ сигналомъ, на который поспѣшили отозваться другіе города Англіи: въ теченіе февраля и марта многолюдные митинги состоялись въ Лондонѣ, Эйльсбери, Лидсѣ и т. д., причемъ вездѣ были вотированы резолюціи съ настоятельнымъ требованіемъ избирательной реформы [2]). Какъ мы уже говорили, народному возбужденію не мало содѣйствовали промышленный кризисъ и неурожай.

Не извѣстно, однако, насколько энергично продолжалось бы далѣе движеніе въ пользу избирательной реформы, если бы ему не помогли два событія большой важности, происшедшія въ срединѣ 1830 г.: во-первыхъ, смерть Георга IV, послѣдовавшая въ іюнѣ, и вступленіе на престолъ Англіи его сына, сравнительно гораздо болѣе либеральнаго Вильгельма IV, и, во-вторыхъ, разразившаяся мѣсяцемъ спустя такъ наз. Іюльская революція во Франціи.

---

[1]) См. В. Ф. Дерюжинскій, «Изъ исторіи политической свободы въ Англіи», СПБ., 1906 г., 71—72.

[2]) См. предш. примѣчаніе.

По существовавшему тогда закону, отмѣненному только въ 1867 г., смѣна царствующей особы влекла за собой обязательно роспускъ парламента и назначеніе новыхъ выборовъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались весьма энергично сторонники реформы парламента, вслѣдствіе чего выборы пріобрѣли весьма страстный характеръ. Въ теченіе избирательной кампаніи пришло извѣстіе о революціи во Франціи и о ея безкровномъ и полномъ успѣхѣ. Само собой разумѣется, это внесло новое одушевленіе въ ряды родикальныхъ и либеральныхъ дѣятелей. Въ разныхъ концахъ Англіи были устроены сочувственные Франціи митинги и банкеты; во многихъ мѣстахъ были, кромѣ того, организованы общества, которыя поставили себѣ цѣлью добиваться неослабно реформы парламента.

Ничто, впрочемъ, не можетъ, намъ кажется, служить столь краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ народнаго возбужденія и общаго недовольства избирательной системой, служившей предметомъ безконечныхъ нападокъ со стороны всѣхъ оппозиціонныхъ дѣятелей, какъ то обстоятельство, что, несмотря на всѣ усилія правительства и тѣсно съ нимъ тогда связанной партіи тори, бо́льшая часть кандидатовъ, которымъ правительство покровительствовало, провалилась. Вообще выборы дали такой составъ парламента, что отъ него, во всякомъ случаѣ, нельзя было ожидать поддержки политики крайняго торизма.

Положеніе Веллингтона было весьма затруднительно. повидимому, передъ нимъ стояла необходимость новыхъ и притомъ значительныхъ уступокъ требованіямъ времени, если бы онъ хотѣлъ оставаться во главѣ правительства.

Затруднительность положенія Веллингтона усугублялась еще сильнымъ экономическимъ кризисомъ, который въ это время переживала Англія. Осенью народное настроеніе стало выражаться весьма недвусмысленно такими фактами, какъ разгромъ фабрикъ и разбитіе машинъ. Это происходило въ промышленныхъ округахъ; въ земледѣльческой Англіи были вмѣсто этого систематическіе поджоги, а въ нѣкоторыхъ—правда, немногихъ—случаяхъ, и другія аграрныя преступленія.

Въ такомъ положеніи находилась страна, когда въ ноябрѣ (1830) открылась сессія новаго парламента. Въ одинъ изъ первыхъ же дней лордъ Грей сдѣлалъ въ палатѣ лордовъ запросъ правительству, намѣрено ли оно удовлетворить общему народному требованію парламентской реформы? Отвѣчая на это, герцогъ Веллингтонъ весьма категорически заявилъ, что существующая система представительства «соотвѣтствуетъ всѣмъ разумнымъ цѣлямъ законодательства» въ большей степени, чѣмъ это можно сказать про «законодательное собраніе какой бы то ни было другой страны». Онъ высказалъ далѣе свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что существующая система выборовъ «имѣетъ за собой полную и безусловную поддержку всей страны». Заключая свою рѣчь, Веллингтонъ заявилъ, что не только онъ лично никогда не внесетъ проекта парламентской реформы, но что онъ «будетъ считать своимъ долгомъ противодѣйствовать

всякимъ подобнымъ мѣрамъ, если бы ихъ внесъ на разсмотрѣніе парламента кто-либо другой» [1]).

Такое безусловно отрицательное отношеніе къ вопросу объ избирательной реформѣ—вопросу, который волновалъ уже всю страну, поразило своей рѣзкостью даже членовъ кабинета Веллингтона и вызвало недовольство среди тѣхъ, кто, подобно Пилю, отличался болѣе вѣрнымъ политическимъ чутьемъ, чѣмъ глава кабинета. Если таково было впечатлѣніе ультиматума Веллингтона даже на болѣе разумныхъ тори, то можно себѣ представить, какъ отнеслись къ этому ультиматуму многочисленные въ новой палатѣ общинъ виги и либеральные слои населенія всей страны. Какъ только Веллингтонъ кончилъ свою рѣчь, всталъ лордъ Брумъ и заявилъ палатѣ (лордовъ), что черезъ двѣ недѣли онъ внесетъ проектъ парламентской реформы. «Тогда будетъ видно,—сказалъ Брумъ,—насколько вѣрны слова перваго министра относительно общаго довольства избирательнымъ закономъ». Веллингтонъ, впрочемъ, самъ увидѣлъ, что дни его власти сочтены: придравшись къ сравнительно маловажному разногласію съ парламентомъ, который отклонилъ одну мѣру, которую предлагало правительство, Веллингтонъ поспѣшилъ подать въ отставку. Онъ поступилъ такимъ образомъ, чтобы не дать возможности своимъ противникамъ разбить его по коренному, кардинальному вопросу внутренней политики, который, такимъ образомъ, могъ бы, такъ сказать, остаться открытымъ.

Не такъ посмотрѣли на это дѣло виги и, когда король обратился къ Грею съ предложеніемъ составить министерство, Грей прямо и опредѣленно заявилъ, что первой и главной своей задачей онъ будетъ считать проведеніе избирательной реформы, и что онъ возьметъ на себя управленіе страной, если король обѣщаетъ ему въ этомъ дѣлѣ свою поддержку. Королю волей-неволей пришлось согласиться на это условіе, и, такимъ образомъ, въ концѣ 1830 г. во главѣ правительства оказался лордъ Грей, насчитывавшій въ это время до 40 лѣтъ парламентской дѣятельности, въ теченіе которыхъ онъ много разъ поднималъ вопросъ о полной реформѣ избирательной системы. Такимъ образомъ, имя Грея было связано самымъ тѣснымъ образомъ съ этимъ теперь волновавшимъ всѣхъ вопросомъ. Въ числѣ коллегъ лорда Грея, между которыми насчитывалось только четыре члена нижней палаты, такъ какъ всѣ остальные состояли членами палаты лордовъ, былъ, между прочимъ, молодой лордъ Джонъ Россель, весьма рѣшительный сторонникъ избирательной реформы. Начиная съ 1821 г., Россель много разъ вносилъ въ парламентъ проекты общей реформы избирательной системы или, по меньшей мѣрѣ, устраненія наиболѣе бьющихъ въ глаза ея недостатковъ, граничившихъ, какъ мы видѣли, съ нелѣпостью. Два другіе члена кабинета—лордъ Брумъ (Brougham) и лордъ Дергамъ—были извѣстны не только какъ рѣшительные сторонники избирательной реформы, но и вообще какъ люди

[1]) G. Brodrick, «The History of England from Addington's Administration etc.», 275 (London, 1906).

весьма радикальныхъ взглядовъ, особенно второй изъ нихъ, бывшій зятемъ перваго министра. Такимъ образомъ, мы видимъ передъ собой весьма любопытное зрѣлище: цвѣтъ англійской аристократіи—правда, сравнительно малочисленной части ея, принадлежавшей къ партіи виговъ—становится во главѣ правительства, чтобы сдѣлать первый рѣшительный шагъ къ демократизаціи политическаго строя Англіи. Это обстоятельство, характеризующее съ лучшей стороны англійскую аристократію, не могло не отразиться, конечно, на характерѣ и объемѣ реформы. Какъ мы увидимъ, эта реформа, представляя огромный шагъ впередъ по сравненію съ прежними порядками, далеко не осуществляла идей и стремленій радикаловъ, мечтавшихъ о всеобщей подачѣ голосовъ и т. п.

Вступивъ въ управленіе государствомъ, Грей поспѣшилъ заявить публично при первомъ подходящемъ случаѣ о своемъ намѣреніи произвести реформу избирательной системы. Это заявленіе произвело огромный эффектъ во всей странѣ: вездѣ—въ большихъ и малыхъ городахъ и даже въ деревняхъ—состоялись сочувственные митинги, причемъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ крайностей: требованія нѣкоторыхъ ораторовъ заходили слишкомъ далеко, и сужденія ихъ о всякаго рода правительственныхъ или иныхъ властяхъ были иногда чересчуръ рѣзки. Митинги были такъ многочисленны, что газеты заявили о невозможности дать хотя бы полный ихъ перечень. Газета «Times» писала: «нѣтъ, кажется, въ Соединенномъ Королевствѣ такого графства, города или селенія, въ которомъ не было бы созвано митинга для составленія петиціи о парламентской реформѣ. The nation was meeting everywhere» [1]).

Въ теченіе зимы (парламентъ не засѣдалъ съ 20 декабря по 3 февраля) общественное движеніе развивалось безостановочно, какъ-будто это было результатомъ заранѣе обдуманнаго и систематически осуществляемаго плана. «По моему убѣжденію,—писалъ Грей королю,—общественное мнѣніе высказалось по вопросу о парламентской реформѣ съ такой силой и единодушіемъ, что пойти противъ него было бы невозможно безъ огромнаго риска поставить правительство въ положеніе, при которомъ оно лишено было бы всякаго авторитета и силы». Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ палатѣ общинъ было представлено 645 петицій о парламентской реформѣ вообще, 280 о введеніи тайной подачи голосовъ и 182 о сокращеніи срока депутатскихъ полномочій [2]).

Въ это время кабинетъ былъ занятъ окончательной редакціей билля о реформѣ, причемъ наиболѣе потрудились надъ этимъ дѣломъ лорды Россель и Дергамъ. 1 марта 1831 г. билль былъ внесенъ въ палату общинъ лордомъ Джономъ Росселемъ, которому кабинетъ поручилъ дать палатѣ всѣ необхо-

[1]) В. Ф. Дерюжинскій, «Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи» СПБ. 1906, 74.

[2]) См. пред. примѣчаніе. Какъ мы говорили, члены англійскаго парламента выбираются на семь лѣтъ. Соотвѣтственный законъ былъ изданъ въ 1716 г. и сохраняетъ свою силу до сего дня.

димыя разъясненія [1]). Кабинету удалось сохранить въ секретѣ содержаніе билля; поэтому весьма рѣдко палата обнаруживала столько интереса и вниманія, какъ во время рѣчи Росселя.

Трудно описать чувство удовлетворенія сторонниковъ министерства и негодованія его противниковъ, когда стала ясна значительность проектируемой реформы. Когда Россель читалъ названія гнилыхъ мѣстечекъ, которыхъ предполагалось лишить представительства въ парламентѣ, то послѣ каждаго такого названія раздавались шумные одобрительные возгласы однихъ и еще болѣе громкія ироническія замѣчанія и смѣхъ другихъ. Торн просто готовы были считать билль плохой шуткой.

Семь дней подъ-рядъ продолжалось обсужденіе билля или, вѣрнѣе, не обсужденіе, а рѣзкія нападки на билль со стороны все еще многочисленной въ парламентѣ партіи тори. Въ концѣ концовъ, парламентъ согласился, однако, допустить второе чтеніе билля, причемъ противники министерства разсчитывали, что при детальномъ разборѣ законопроекта по статьямъ имъ удастся его провалить. Прошло еще двѣ ужасныхъ для министерства недѣли, но все-таки 21 марта среди неописуемаго возбужденія палаты министерство при голосованіи билля получило большинство одного голоса (302 противъ 301). Полетѣли вверхъ шляпы, поднялись руки съ кулаками, раздались крики «ура» и шиканье: кругомъ лорда Росселя и лорда Альторпа (лидера партіи виговъ въ палатѣ общинъ) столпились сторонники министерства, поздравляя его съ побѣдой. Побѣду министерства отпраздновала и вся Англія повсемѣстной организаціей иллюминаціи [2]).

Однако, какъ ни важно было принципіальное значеніе торжества министерства, практически большинство одного голоса означало его пораженіе и по существовавшимъ прецедентамъ должно было бы повлечь за собой отставку правительства. Грей, однако, рѣшилъ вести дѣло до конца и только послѣ того, какъ оппозиціи удалось внести въ билль поправку, существенно его измѣнявшую и рѣшительно отвергаемую правительствомъ, Грей поставилъ королю дилемму распустить парламентъ и назначить новые выборы, или принять его отставку. Послѣ нѣкотораго колебанія, которое было тѣмъ болѣе естественно, что это была первая сессія только-что выбраннаго парламента, король предпочелъ распустить парламентъ. Такимъ образомъ, король въ сущности предоставлялъ рѣшеніе вопроса о реформѣ самому народу. Какъ справедливо выразился лордъ Дж. Россель на одномъ митингѣ, организованномъ въ Лондонѣ вскорѣ послѣ роспуска парламента, избирателямъ предстояло теперь «совершить нѣчто гораздо большее, чѣмъ обыкновенно». «Избиратели призываются—говорилъ Россель—не только для того, чтобы найти людей, способныхъ отстаивать народные права и интересы, но и для того

---

[1]) Глава кабинета, лордъ Грей, былъ членомъ верхней палаты. Лорду Росселю дали титулъ лорда только изъ вѣжливости, какъ третьему сыну герцога Бедфордскаго.

[2]) См. цитированную статью въ X томѣ «Cambridge Modern History» и III томъ сочиненія проф. Frank Bright, «The History of England», 1426.

также, чтобы своимъ голосованіемъ отвѣтить на вопросъ, поставленный обстоятельствами, вызвавшими роспускъ палаты — «одобряютъ ли они, или не одобряютъ реформу народнаго представительства».

Общественное возбужденіе достигло вскорѣ такихъ размѣровъ, какихъ оно, кажется, никогда до тѣхъ поръ не достигало въ Англіи. По всей странѣ происходили собранія и митинги, на которыхъ народъ громко провозглашалъ, что удовлетворить его можетъ только «the bill, the whole bill and nothing but the bill», т.-е. «билль о реформѣ во всей его полнотѣ и ничто иное». Само собой разумѣется, что энтузіазмъ и возбужденіе толпы иногда сопровождались не маловажными безпорядками. Правительство не рѣшалось принимать какихъ-нибудь репрессивныхъ мѣръ, боясь возбудить этимъ противъ себя ту силу, которая должна была служить для него опорой въ борьбѣ съ раздраженными до крайности сторонниками отходящаго въ прошлое режима. Правительство все-таки было удивлено и даже нѣсколько испугано [1]) тѣмъ народнымъ взрывомъ, который вызвалъ провалъ билля Въ самомъ дѣлѣ, только этимъ чрезвычайнымъ народнымъ возбужденіемъ можно объяснить торжество виговъ на послѣдовавшихъ выборахъ, несмотря на существованіе указанныхъ выше несообразностей избирательной системы въ родѣ «гнилыхъ мѣстечекъ» и т. д.,—несообразностей, дававшихъ необыкновенный просторъ вліянію поземельной аристократіи, для которой успѣхъ билля означалъ утрату косвенной власти надъ нижней палатой.

Правда, партія виговъ широко пользовалась во время избирательной кампаніи своимъ положеніемъ правительственной партіи. Огромныя толпы народа со знаменами съ разными надписями, выражавшими требованія реформы, провожали избирателей къ избирательнымъ бесѣдкамъ, угрожая насиліемъ тѣмъ, кто подастъ голосъ противъ реформы. Въ виду этихъ новыхъ и неожиданныхъ манифестацій торійская аристократія, привыкшая располагать правительственной властью и направлять выборы по своему усмотрѣнію, совершенно потеряла голову. Болѣе робкіе изъ избирателей вотировали за реформу, умѣренные не пошли вовсе на выборы: вслѣдствіе этого мѣстности, которыя въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ находились подъ исключительнымъ вліяніемъ тори, послали въ парламентъ виговъ [2]).

Итакъ, успѣхъ выборовъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія правительства и партіи виговъ вообще. Въ новомъ парламентѣ эта партія располагала уже гораздо болѣе значительнымъ большинствомъ голосовъ, чѣмъ въ предшествующемъ. Это показалъ необкновенный успѣхъ второго билля о реформѣ, внесеннаго правительствомъ въ новый парламентъ тотчасъ по открытіи сессіи въ іюнѣ 1831 г.: во второмъ чтеніи билль былъ принятъ большинствомъ 134 голосовъ. Враги реформы употребляли теперь всѣ мѣры къ тому,

---

[1]) См. статью Temperley въ X томѣ «Cambridge Modern History» (Cambridge, 1907), p. 610.

[2]) Цитированная статья Темперлея, стр. 613.

чтобы если не провалить совсѣмъ билля, то, по крайней мѣрѣ, затянуть какъ можно дальше пренія и, такимъ образомъ, не пропустить его хотя бы въ эту сессію. Въ самомъ дѣлѣ, пренія продолжались все лѣто и начало осени; только 21 сентября послѣ засѣданія, длившагося нѣсколько дней подъ-рядъ, билль былъ, наконецъ, принятъ въ третьемъ чтеніи большинствомъ 109 голосовъ [1]).

Обструкція въ палатѣ общинъ и слухи о намѣреніи лордовъ провалить, во всякомъ случаѣ, билль вызвали новый взрывъ народнаго возбужденія и усилили агитацію сторонниковъ реформы. Въ странѣ опять начались митинги, на которыхъ вотировались петиціи и предостереженія палатѣ лордовъ, причемъ на одномъ изъ такихъ митинговъ, бывшихъ въ Бирмингамѣ, участвовало до 150000 человѣкъ!

Итакъ, въ концѣ сентября билль перешелъ къ лордамъ, и вся страна устремила свои взоры на это собраніе. Въ первомъ чтеніи билль былъ пропущенъ, и на 1 октября было назначено второе чтеніе, которое должно было рѣшить участь билля. Пять дней длились пренія; глава министерства лордъ Грей и лордъ канцлеръ Брумъ произнесли въ высшей степени горячія и убѣдительныя рѣчи въ пользу билля, но всѣ ихъ усилія оказались тщетными. При голосованіи билля 8 октября 1831 г., 158 лордовъ подали голоса за билль и 199 противъ: министерство потерпѣло, такимъ образомъ, рѣшительную неудачу. Если мы примемъ во вниманіе, что означалъ бы для верхней палаты успѣхъ билля, мы будемъ склонны удивляться скорѣе всего тому, что между лордами нашлось все-таки болѣе полутораста человѣкъ, готовыхъ разстаться со старымъ порядкомъ, столь для нихъ выгоднымъ.

Противники реформы уже готовы были праздновать побѣду и ожидали со дня на день отставки министерства. Однако, негодованіе, вызванное во всей странѣ поступкомъ лордовъ, охватило и палату общинъ, которая поспѣшила вотировать формальную резолюцію съ выраженіемъ довѣрія къ правительству лорда Грея, причемъ эта резолюція была принята большинствомъ 131 голоса. Такимъ образомъ, объ отставкѣ министерства не могло быть и рѣчи.

Между тѣмъ, во всей странѣ вновь начались митинги. Во многихъ городахъ произошли при этомъ безпорядки, которые благодаря нераспорядительности и ненаходчивости власти кое-гдѣ приняли даже значительные размѣры. Въ Лондонѣ въ домахъ особенно непопулярныхъ лордовъ были разбиты стекла; лордъ Лондондерри, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ реформы, былъ даже сбитъ съ лошади ударомъ пущенныхъ въ него камней... Вскорѣ возникъ вопросъ о соединеніи въ одну организацію всѣхъ политическихъ обществъ и союзовъ, которыми была покрыта въ это время вся Англія... 7 ноября въ Лондонѣ на многолюдномъ митингѣ было приступлено къ организаціи новаго и весьма радикальнаго по своимъ задачамъ общества—«The Metropolitan Union». Вскорѣ новое общество выступило уже съ программой, въ

[1]) 345 противъ 236.

которой требовало уничтоженія всякой наслѣдственной передачи какой-либо власти или полномочій (палата лордовъ) и многихъ другихъ столь же радикальныхъ реформъ. Однимъ словомъ, въ воздухѣ запахло приблѝжающейся революціей. Только довѣріе болѣе умѣренныхъ сторонниковъ реформы къ лицамъ, продолжавшимъ оставаться во главѣ правительства, пока сдерживало движеніе въ извѣстныхъ границахъ.

Король находился въ большомъ затрудненіи. Онъ боялся народнаго движенія и, хотя вовсе не былъ рѣшительнымъ сторонникомъ реформы, считалъ, однако, нужнымъ уступить требованіямъ времени. Онъ сдѣлалъ даже попытку воспользоваться личнымъ вліяніемъ, чтобы склонить къ тому же взгляду болѣе умѣренныхъ лордовъ. Впрочемъ и между самими лордами была также небольшая часть, которая пробовала повліять въ томъ же смыслѣ на своихъ слишкомъ консервативныхъ коллегъ, обѣщая имъ въ то же время воздѣйствовать на министерство, чтобы оно нѣсколько ослабило предполагаемую реформу. Однако, всѣ такія усилія оказались тщетными, причемъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что въ числѣ наиболѣе несговорчивыхъ противниковъ реформы оказались всѣ тридцать епископовъ, засѣдавшихъ въ палатѣ лордовъ [1]).

Таково было положеніе дѣла, когда, спустя шесть недѣль, парламентъ вновь открылъ свои засѣданія (въ декабрѣ 1831 г.). Несмотря на продолжавшееся враждебное отношеніе палаты лордовъ къ реформѣ, министерство уже черезъ недѣлю внесло новый — по счету третій — билль о реформѣ парламентскихъ выборовъ. Снова начался безконечный турниръ сторонниковъ и противниковъ билля въ нижней палатѣ, причемъ оппозиціи удалось-таки оттянуть окончательное вотированіе билля палатой до самой весны. Только въ мартѣ 1832 года законопроектъ былъ, наконецъ, принятъ палатой общинъ, получивъ большинство 116 голосовъ (355 противъ 239).

Теперь билль во второй разъ перешелъ въ палату лордовъ, гдѣ 14-го апрѣля при второмъ чтеніи за него образовалось большинство [2]) въ 9 голосовъ (184 противъ 175). Хотя такой результатъ представлялъ значительный прогрессъ по сравненію съ тѣмъ, что было при первой попыткѣ провести черезъ палату лордовъ билль о реформѣ,—попыткѣ, которая, какъ мы знаемъ, кончилась полнымъ фіаско, причемъ враждебное биллю большинство достигало 41 голоса,—тѣмъ не менѣе, и теперь положеніе министерства было очень критическимъ: послѣднія усилія враговъ реформы могли провалить опять билль.

Такъ, конечно, и случилось. 7 мая противникамъ законопроекта удалось нанести серьезное пораженіе правительству, такъ какъ по ихъ желанію и вопреки протестамъ министровъ палата лордовъ отложила разсмотрѣніе важнѣйшей части билля на неопредѣленное время. Грей тотчасъ же заявилъ королю, что единственнымъ выходомъ изъ положенія, созданнаго упрямствомъ палаты

[1]) Brodrick, «The History of England etc.», 298—300.

[2]) Семнадцать лордовъ, вотировавшихъ ранѣе противъ билля, теперь измѣнили свое мнѣніе, десять прежнихъ противниковъ реформы не пришли.

лордовъ, можетъ быть только назначеніе новыхъ лордовъ изъ лицъ, сочувствующихъ биллю. Грей и ранѣе имѣлъ случай высказываться королю въ этомъ смыслѣ, говоря, что безъ этого, вѣроятно, дѣло не обойдется, причемъ король, хотя крайне неохотно, но все-таки соглашался въ принципѣ на такую мѣру. Однако, когда Грей заявилъ, наконецъ, прямо королю, что понадобится возвести въ званіе пера королевства около 50 лицъ, король не нашелъ въ себѣ достаточно рѣшимости и отказалъ Грею. Послѣдній тотчасъ подалъ въ отставку, король ее принялъ и обратился къ Веллингтону съ предложеніемъ образовать новое министерство.

Между тѣмъ, уже одно извѣстіе о томъ, что при второмъ чтеніи билля въ палатѣ лордовъ онъ прошелъ большинствомъ всего 9 голосовъ, вновь подняло всю страну. Опять вездѣ начались митинги, причемъ Бирмингамъ снова занялъ центральное мѣсто въ агитаціи благодаря энергіи извѣстнаго намъ «Политическаго Союза». 21 апрѣля въ Бирмингамѣ состоялся огромный митингъ, на который было приглашено также населеніе окрестныхъ городовъ. Собравшаяся огромная толпа въ 150000 человѣкъ послѣ нѣсколькихъ рѣчей ораторовъ обнажила по ихъ приглашенію головы и, поднявъ руки вверхъ, принесла такую клятву: «съ непоколебимой вѣрой въ будущее, несмотря ни на какія опасности и лишенія, мы готовы жертвовать своей жизнью и жизнью своихъ дѣтей для отстаиванія великаго дѣла реформы».

Мы видѣли, однако, что, несмотря на такіе болѣе чѣмъ ясные показатели народнаго настроенія, палата лордовъ все-таки относилась къ биллю попрежнему: такъ заставляли, по крайней мѣрѣ, всѣхъ думать все болѣе и болѣе опредѣленные слухи о предстоящей отставкѣ Грея.

«Подобно тому, какъ рѣзкій гулъ приближающагося землетрясенія выгоняетъ на улицы всѣхъ городскихъ жителей «бепорядочными массами»,— говоритъ одинъ англійскій историкъ описываемаго нами движенія, — «такъ и слухъ о томъ, что биллю о реформѣ опять грозитъ гибель, согналъ почти все населеніе Англіи на митинги. Снова стали собираться на нихъ десятки и сотни тысячъ жителей; не было города, не было даже мѣстечка, которое не показало бы, что и оно раздѣляетъ охватившее всѣхъ негодованіе. Такого возбужденнаго состоянія Англія никогда не переживала. Палата общинъ была завалена ходатайствами и совѣтами отказать правительству въ денежныхъ средствахъ. Повсемѣстно населеніе выражало рѣшимость не платить болѣе налоговъ: «No bill, no taxes» [1]) — таковъ былъ зловѣщій лозунгъ агитаціи, во время которой встрѣчалъ сочувствіе всякій намекъ на необходимость для всѣхъ запасаться оружіемъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе десяти дней между 9 и 19 мая «Times» отмѣтилъ 201 митингъ, отъ 8 до 23 мая въ палату общинъ поступило до 300 петицій съ требованіемъ прекратить ассигнованіе денежныхъ средствъ правительству.

---

[1]) Нѣтъ билля, нѣтъ и налоговъ.

[2]) Jephson, «The Platform», цитиров. въ сочин. В. Ф. Дерюжинскаго, «Изъ исторіи политической свободы въ Англіи», 78—79.

Вскорѣ стало оффиціально извѣстно, что Грей подалъ въ отставку, и что его отставка принята. Газеты въ этотъ день вышли съ траурной рамкой. Бирмингамскій «Политическій Союзъ» объявилъ, что онъ организуетъ изъ своихъ членовъ 200-тысячную армію и двинется съ ней къ Лондону. Кое-гдѣ опять начались безпорядки.

Въ такое-то время Веллингтонъ, который считалъ, что, въ качествѣ вѣрнаго слуги короля, онъ долженъ приходить ему на помощь при всякихъ обстоятельствахъ, взялся за составленіе новаго министерства Мало того, Веллингтонъ согласился даже, уступая желаніямъ короля, внести въ парламентъ билль о реформѣ—можетъ-быть, нѣсколько менѣе рѣшительный, чѣмъ билль ненавистныхъ виговъ,—но, во всякомъ случаѣ, вносящій существенныя измѣненія въ систему парламентскаго представительства, о совершенствѣ котораго Веллингтонъ такъ недавно и такъ торжественно говорилъ въ палатѣ лордовъ. Однако, другіе крупные политическіе дѣятели, къ которымъ обратился Веллингтонъ съ предложеніемъ портфелей, посмотрѣли на дѣло иначе и не сочли возможнымъ стать вмѣстѣ съ нимъ во главѣ правительства, чтобы проводить реформу своихъ политическихъ противниковъ. «Я не могу думать только о потребностяхъ настоящей минуты и о крайности переживаемаго нами кризиса»,—писалъ Веллингтону Пиль. «Нашему отечеству стали бы грозить великія опасности, если бы народъ потерялъ всякое довѣріе къ словамъ политическихъ дѣятелей, а это произошло бы неминуемо, если бы я теперь выступилъ въ качествѣ министра защитникомъ билля о реформѣ» [1]).

Видя, что ему не удается заручиться помощью какихъ-либо вліятельныхъ политическихъ дѣятелей, и—что, можетъ-быть, для Веллингтона было еще важнѣе — не считая войска вполнѣ надежными, если бы дѣло дошло до необходимости прибѣгнуть къ силѣ для подавленія мятежныхъ проявленій народнаго недовольства, Веллингтонъ сообщилъ королю о своей неудачѣ и далъ ему совѣтъ обратиться вновь къ Грею, говоря, что иного выхода изъ критическаго положенія страны онъ не видитъ.

Такъ смотрѣлъ теперь на дѣло и самъ король. Поэтому, обращаясь вновь къ Грею, онъ уже категорически обѣщалъ возвести столько лицъ въ званіе пэра, сколько понадобилось бы для обезпеченія успѣха билля въ палатѣ лордовъ. Однако, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, которая должна была въ сущности сильно уронить это высокое званіе,—чего король не желалъ, и чего не могли желать и министры, сами въ большинствѣ состоящіе членами палаты лордовъ,—король обратился съ циркулярнымъ письмомъ ко всѣмъ враждебнымъ биллю лордамъ, указывая имъ, къ какой мѣрѣ ему, королю, придется прибѣгнуть, если они будутъ противодѣйствовать принятію билля верхней палатой [2]).

Этотъ аргументъ оказался убѣдительнымъ и для палаты лордовъ и по-

---

[1]) Цитировано въ указанномъ выше сочиненіи Бродрика, стр. 303.

[2]) Frank Bright, цитиров. сочин., томъ III, стр. 1440.

тому, когда эта палата приступила къ третьему чтенію билля, Веллингтонъ по предварительному соглашенію съ другими противниками билля вышелъ изъ зала засѣданія; вмѣстѣ съ нимъ ушло еще около ста лордовъ. Изъ среды противниковъ билля въ палатѣ осталась лишь ничтожная кучка фанатиковъ, которые упрямо возражали на всѣ параграфы билля. Однако, теперь это было совершенно безплодно, и въ іюнѣ избирательная реформа была окончательно вотирована большинствомъ 106 голосовъ противъ 22. Седьмого іюня билль получилъ королевскую санкцію. Великое дѣло свершилось.

Народъ принялъ билль восторженно, ликованіе охватило всѣ классы общества, всѣ возрасты; въ самомъ дѣлѣ, даже дѣти въ школахъ устраивали между уроками шествіе и кричали «билль прошелъ, билль прошелъ»! Въ Бирмингамѣ, остававшемся до конца центромъ агитаціи за реформу, въ день полученія извѣстія объ утвержденіи билля состоялся экспромптомъ митингъ, на который собралось до 50000 человѣкъ. Предсѣдательское мѣсто занялъ Атвудъ, основатель не разъ уже упомянутаго «Политическаго Союза». Встрѣченный восторженными рукоплесканіями, онъ сказалъ, обращаясь къ собравшимся: «Дорогіе друзья! я преисполненъ безконечной благодарности къ всемогущему Богу за то, что мы избѣжали ужасной революціи, и не могу не выразить пожеланія, чтобы стоящее возлѣ меня духовное лицо публично воздало хвалу Создателю за торжество нашего справедливаго дѣла». Всѣ присутствовавшіе мгновенно обнажили головы, и среди мертвой тишины пасторъ Гуттонъ торжественно произнесъ слѣдующія слова. «Всемогущій Боже, съ благодарными и радостными сердцами преклоняется передъ Тобой народъ Твой, видящій въ Тебѣ источникъ всѣхъ благодѣяній. Благодаримъ Тебя за дарованное намъ избавленіе и великую безкровную побѣду. Дай, Боже, чтобы мы въ полной мѣрѣ воспользовались великими правами, которыя Ты даровалъ намъ, и чтобы мы сохранили ихъ за собой и за дѣтьми нашими къ славѣ Твоей и къ общему благу человѣчества» [1]).

[1]) Jephson, «The Platform» (цитиров. въ сочин. Дерюжинскаго, 79—80).

ГЛАВА VIII.

Общая оцѣнка великой избирательной реформы. — Значеніе ея въ развитіи англійской конституціи.

Итакъ, великій актъ совершился.

Послѣ агитаціи, охватившей всѣ классы населенія и продолжавшейся около полутора года; послѣ упорнаго противодѣйствія сравнительно весьма немногочисленнаго, но очень вліятельнаго класса лицъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ сохраненіи «стараго порядка» парламентскихъ выборовъ, и почти столь же упорнаго противодѣйствія лицъ менѣе вліятельныхъ, но гораздо болѣе многочисленныхъ, которые, не будучи сами заинтересованы въ сохраненіи стараго порядка, тѣмъ не менѣе, очень опасались реформы, видя въ ней проявленіе французскаго революціоннаго духа, опять восторжествовавшаго у себя на родинѣ и вторично заразившаго Англію; послѣ личнаго вмѣшательства короля въ борьбу, происходившую въ палатѣ лордовъ, какъ послѣднемъ оплотѣ отживающаго режима; послѣ долгой драмы, которая ежеминутно грозила перейти въ трагедію и, можетъ-быть, кончиться катастрофой,—послѣ всего этого новая Англія восторжествовала надъ старой: билль объ избирательной реформѣ въ іюнѣ 1832 г. сталъ закономъ страны.

Каковы же, однако, общій смыслъ и значеніе реформы; каковы оказались ея результаты? Говоря объ этой реформѣ, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ комментаторовъ англійской конституціи сказалъ, что она совершенно основательно называется «великой хартіей 1832 г.» [1]).

Другой выдающійся знатокъ государственнаго права Англіи, упомянувъ о законѣ 1832 г., выражается еще болѣе рѣшительно: для человѣка, который теперь, по истеченіи многихъ лѣтъ, спокойно изучаетъ исторію первой избирательной реформы,—говоритъ проф. Дайси,—совершенно очевидно, что въ 1832 г. парламентъ, какъ верховное законодательное учрежденіе, далъ возможность націи произвести политическую революцію подъ видомъ (обыкновеннаго) законодательнаго акта» [2]).

Если мы обратимся теперь къ самому закону, который, кстати сказать, вмѣстѣ съ приложеніями могъ бы составить цѣлую брошюру около двухъ

---

[1]) «Great Charter of 1832». См. F. Taswell-Langmend, «English Constitutional History». 6 ed (1905), p. 572.

[2]) A. Dicey, «Introduction to the study of the Law of the Constitution». 6 ed. 1902, p. 126.

печатныхъ листовъ, то мы прочтемъ вначалѣ его слѣдующія слова, вполнѣ правильно объясняющія его задачу и происхожденіе.

Актъ о Реформѣ.

Изданъ во 2-ой годъ царствованія Вильгельма IV. Глава 45, 1832 г.

(L. Will. IV. Cap. 45, 1832).

Актъ объ исправленіи народнаго представительства въ Англіи и Валлисѣ [1]).

«Такъ какъ практическія соображенія (Whereas it is expedient) заставляютъ принять дѣйствительныя мѣры для того, чтобы исправить разныя злоупотребленія, которыя имѣли долгое время мѣсто въ порядкахъ выборовъ членовъ палаты общинъ, лишить многія маловажныя мѣста права выбора народныхъ представителей, предоставить взамѣнъ таковое право большимъ, имѣющимъ значительное населеніе и богатымъ городамъ, призвать къ участію въ выборахъ многихъ подданныхъ его величества, которые ранѣе не пользовались таковымъ правомъ, и уменьшить расходы, вызываемые выборами, то въ силу означенныхъ соображеній симъ повелѣвается нижеслѣдующее» [2]).

Эти слова, какъ мы сказали, совершенно вѣрно опредѣляютъ содержаніе новаго закона. Однако, революціонность его заключается не только въ его содержаніи. Можно даже сказать—хотя это на первый взглядъ кажется смѣлымъ парадоксомъ,—что революція, совершившаяся въ Англіи въ началѣ 30-ыхъ годовъ, только въ очень небольшой степени выразилась въ только-что указанномъ законѣ и имѣетъ очень мало связи съ его текстомъ, съ формальнымъ содержаніемъ акта 1832 г.

Для того, чтобы читателю это было понятно, мы просимъ его вспомнить то, что мы говорили въ началѣ нашего труда о значеніи прецедентовъ и обычаевъ въ политической жизни Англіи и въ системѣ ея политическихъ учрежденій, въ ея конституціи. Имѣя въ виду эту особенность политической жизни и политическаго строя Англіи, мы поймемъ, что событія, ходъ развитія великаго акта 1832 г. имѣли чрезвычайную важность не только потому, что они привели къ существеннымъ перемѣнамъ въ составѣ избирателей и во всей избирательной системѣ, но также и въ особенности потому, что обстоятельства проведенія реформы внесли новый и весьма важный элементъ въ неписанную англійскую конституцію или, иначе, въ систему конституціонныхъ традицій Англіи.

Въ виду крайней важности затрагиваемаго нами вопроса, правильное пониманіе котораго совершенно необходимо для уясненія оригинальныхъ особенностей политическаго строя и политической исторіи Англіи, мы считаемъ весьма полезнымъ, не довольствуясь ссылкой на наши соображенія въ началѣ настоящаго труда, привести слѣдующую цитату изъ классическаго сочиненія знаменитаго англійскаго историка Фримана, «Развитіе англійской

---

[1]) Для Шотландіи и Ирландіи были тогда же изданы особые законы на тѣхъ же принципахъ.

[2]) Grant Robertson, «Select Statutes, Cases and Documents to illustrate English Constitutional History». London, 1904, p. 197.

конституціи» [1]),—цитату, имѣющую ближайшее отношеніе къ занимающему насъ теперь вопросу· «Мы имѣемъ — говоритъ Фриманъ — цѣлую систему политической нравственности, цѣлый сводъ правилъ для политическихъ дѣятелей; хотя этихъ правилъ нельзя найти ни въ законахъ, ни въ общемъ правѣ (Common Law); они фактически считаются едва ли менѣе священными, чѣмъ какой-либо принципъ, заключающійся въ Великой Хартіи Вольностей или въ «Петиціи о правахъ».

Проф. Фриманъ перечисляетъ далѣе важнѣйшія изъ такихъ священныхъ конституціонныхъ традицій, причемъ между ними мы находимъ одну формулированную слѣдующимъ образомъ:

«Если между мнѣніями палаты лордовъ и палаты общинъ оказывается несогласіе, палата лордовъ въ извѣстный моментъ, который не можетъ быть точно опредѣленъ, должна уступить другой палатѣ. Если пэры (члены палаты лордовъ) не уступаютъ, а палата общинъ продолжаетъ пользоваться довѣріемъ страны, то долгъ короны—т.-е. отвѣтственныхъ ея совѣтниковъ (министровъ)—назначить или пригрозить назначеніемъ достаточнаго количества новыхъ пэровъ, чтобы такимъ образомъ преодолѣть сопротивленіе палаты лордовъ и возстановить согласіе между двумя составными частями законодательнаго собранія».

Для того, чтобы читатель вполнѣ ясно понялъ значеніе только-что приведенной цитаты, мы считаемъ не лишнимъ прибавить, что фактъ довѣрія страны къ палатѣ общинъ—если бы по этому поводу могли быть сомнѣнія—устанавливается распущеніемъ парламента и назначеніемъ новыхъ, выборовъ. Въ случаѣ, если эти выборы окажутся попрежнему благопріятными для министерства (и тѣмъ болѣе, какъ это было при выборахъ 1832 г. еще болѣе благопріятными, чѣмъ предшествующіе), тогда наступитъ тотъ моментъ, о которомъ говоритъ Фриманъ,—моментъ, когда надлежитъ пригрозить палатѣ лордовъ назначеніемъ необходимаго числа новыхъ пэровъ изъ числа единомышленниковъ министерства.

Что же, слѣдовательно, означаютъ приведенныя выше слова Фримана? Они означаютъ, что обстоятельства, при которыхъ совершилась реформа 1832 г., составили одну изъ важнѣйшихъ конституціонныхъ традицій Англіи, радикально измѣнившую взаимныя отношенія палатъ. Иначе сказать, палата общинъ стала доминирующимъ элементомъ въ парламентѣ. Что же касается палаты лордовъ, то она впредь можетъ лишь отсрочивать, отдалять на время законодательство, одобренное палатой общинъ, но, въ концѣ концовъ, при настойчивомъ желаніи нижней палаты, должна соглашаться на мѣры, угодныя нижней палатѣ или министерству, опирающемуся на довѣріе этой палаты.

Такова важнѣйшая сторона мирной революціи 1832 г. Только благо-

[1]) Freeman, «The Growth of English Constitution». По-русски имѣется нѣсколько переводовъ.

даря этой важнѣйшей сторонѣ пріобрѣтали весьма серьезное практическое значеніе и перемѣны, внесенныя закономъ въ процессъ выборовъ и въ систему народнаго представительства вообще. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣла бы реформа выборовъ въ палату общинъ, если бы палата лордовъ могла, какъ это случалось ранѣе, упрямо отвергать законы, вотированные народными представителями?

Такимъ образомъ, читатель видитъ, что въ 1832 г. въ Англіи дѣйствительно произошла политическая революція, которая, однако, лишь въ менѣе важной своей части вошла въ формальное законодательство страны. Такова вообще весьма оригинальная и весьма любопытная особенность развитія политическихъ учрежденій Англіи.

Ознакомимся теперь съ менѣе важной стороной изучаемой нами революціи, съ тѣми измѣненіями, которыя законъ 1832 г. внесъ въ систему выборовъ членовъ палаты общинъ и народнаго представительства вообще.

Во-первыхъ, были вовсе лишены права представительства въ парламентѣ 56 «гнилыхъ мѣстечекъ» (rotten boroughs) и такъ назыв. nomination boroughs [1]), какъ и вообще всѣ тѣ мѣстечки, гдѣ населенія было менѣе 2000. Такимъ образомъ, лишены были представительства все тѣ мѣстности, гдѣ въ сущности или вовсе не было выборовъ, такъ какъ представители ихъ прямо назначались мѣстнымъ ландлордомъ, или если выборы и были, то при условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для подкупа. Это освободило 111 мѣстъ въ парламентѣ (всѣ эти мѣстечки имѣли ранѣе по 2 представителя). Тридцати городамъ, гдѣ населеніе было отъ 2 до 4 тысячъ, и отъ которыхъ было ранѣе по два представителя въ парламентѣ, оставлено по одному представителю. Въ общемъ, въ парламентѣ благодаря этимъ измѣненіямъ освободилось 143 мѣста. Распредѣлили ихъ слѣдующимъ образомъ: 62 предоставили разнымъ графствамъ, т.-е., главнымъ образомъ, земледѣльческой Англіи, которая и безъ того была хорошо представлена въ парламентѣ, и 63 городскому населенію, причемъ города Манчестеръ, Бирмингамъ, Лидсъ и 19 другихъ значительныхъ городовъ, которые ранѣе вовсе не имѣли представителей въ парламентѣ, получили право посылать туда двухъ представителей; девятнадцать городовъ получили по одному представителю. Восемнадцать оставшихся вакантныхъ мѣстъ было рѣшено предоставить Шотландіи и Ирландіи, которыя—особенно послѣдняя—были ранѣе недостаточно представлены въ парламентѣ (если исходить изъ относительной населенности разныхъ частей Соединеннаго Королевства).

Болѣе важное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, какъ былъ великъ и разнообразенъ составъ лицъ, призванныхъ новымъ закономъ къ участію въ выборѣ членовъ парламента и, слѣдовательно, къ вліянію на характеръ законодательства и на весь ходъ управленія страной.

Не входя въ детали, которыя были бы непонятны безъ многихъ дополнительныхъ объясненій, отмѣтимъ, какъ самое главное, что число избира-

[1]) Значеніе этихъ выраженій было указано выше.

телей увеличилось въ 2 или $2^1/_2$ раза, и что при населеніи Соединеннаго Королевства въ то время около 24 милліоновъ избирательными правами стали пользоваться около милліона [1]). Кромѣ того, прежде чуть не въ каждомъ избирательномъ участкѣ избирательныя права регулировались особыми порядками; теперь эти права были поставлены въ зависимость отъ нѣкоторыхъ общихъ нормъ, распространяющихся на всю Англію. Вообще говоря, въ городахъ право участія въ выборахъ получила вся болѣе зажиточная часть населенія, живущая въ собственныхъ домахъ извѣстной стоимости или въ домахъ не ниже извѣстной высоты арендной платы. Въ деревенской Англіи право участія въ выборахъ было предоставлено всѣмъ лицамъ, владѣющимъ болѣе или менѣе значительными участками земли на правахъ собственности или снимающихъ землю въ аренду не ниже извѣстнаго размѣра послѣдней. Такъ какъ въ Англіи въ описываемое нами время аренда земли представляла, какъ представляетъ и теперь, одну изъ формъ помѣщенія капитала, и арендаторы, вообще говоря, люди со средствами, то изъ этого слѣдуетъ, что по новому закону какъ въ городской, такъ и въ сельской Англіи избирательныя права получили въ сущности только достаточные классы или буржуазія. Такимъ образомъ, поземельная аристократія которая до тѣхъ поръ безраздѣльно господствовала въ парламентѣ, теперь должна была уступить часть вліянія и власти среднему классу [2]).

На эту сторону билля о реформѣ указывали аристократическіе тори, стараясь удержать народную массу отъ союза со среднимъ классомъ, такъ какъ только поддержка, оказанная правительству виговъ народными массами, дала возможность Грею отстоять реформу.

«Что можетъ ждать для себя отъ избирательной реформы водовозъ или дровосѣкъ»?—говорили тори.—«Какая ему польза отъ того, что отнимутъ народныхъ представителей отъ стараго Сарума (Old Sarum) и дадутъ таковыхъ Бирмингаму» [3])?

Въ такомъ взглядѣ на билль о реформѣ сходились съ аристократами и наиболѣе крайніе радикалы, причемъ двое изъ радикаловъ, бывшихъ въ парламентѣ въ 1832 г., довели свою вражду противъ билля до того, что даже подали свои голоса противъ него. Извѣстный агитаторъ Хентъ заявилъ, что проведеніе билля это просто одурачиванье народа. Радикалы вообще осуждали реформу, говоря, что это «гнусный обманъ, который обѣщаетъ дать намъ столько тирановъ, сколько у насъ лавочниковъ». Средній классъ—говорили они—это «истинные тираны общества». «Все, что есть подлаго, низкаго, пресмыкающагося, себялюбиваго, корыстнаго, черстваго, холоднаго,

---

[1]) См. Dickinson, «Le Développement du parlement pendant le XIX siècle». Paris. 1906, p. 53.

[2]) Реформы 1832 г. ввели нѣкоторыя существенныя измѣненія въ самую технику выборовъ, устранивъ многіе вопіющіе ея недостатки. Мы, однако, не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на этой сторонѣ избирательной реформы.

[3]) См. A. Dicey, «Law and Public Opinion in England» p. 212.

жестокаго, принадлежитъ къ этому классу; и вотъ такимъ-то людямъ виги предоставили охрану нашей свободы и нашего труда» [1]).

Мы привели эти факты и слова, такъ какъ они показываютъ, какъ далеко можетъ иногда заходить партійное ослѣпленіе, и такъ какъ они служатъ нѣкоторымъ объясненіемъ начавшагося спустя 5—6 лѣтъ послѣ билля о реформѣ знаменательнаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ чартизма.

Прежде чѣмъ описывать, однако, это политическое движеніе, мы ознакомимся съ ближайшими результатами побѣды виговъ—съ тѣмъ, что ими было сдѣлано въ области законодательства для удовлетворенія важнѣйшихъ народныхъ нуждъ и потребностей. Это послужитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтомъ на тѣ возраженія противъ реформы парламентскаго представительства, которыя исходили изъ двухъ прямо противоположныхъ лагерей—отъ сторонниковъ сохраненія status quo и отъ лицъ, которые готовы были утверждать, что пришла пора обратить Англію въ демократическую республику.

ГЛАВА IX

Первые результаты избирательной реформы: девять лѣтъ царства виговъ (1832-41) и ихъ мѣры къ обновленію соціальнаго и политическаго строя Англіи.

Въ предшествующей главѣ мы дали общую принципіальную характеристику великаго акта 1832 г. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ ближайшими его результатами.

Политическая партія, которая провела билль о реформѣ и нѣкоторое время продолжала еще носить названіе партіи виговъ, оставалась у власти послѣ этого акта въ теченіе девяти лѣтъ. До половины 1834 г. во главѣ кабинета министровъ стоялъ попрежнему Грей; затѣмъ, когда Грей вышелъ въ отставку, мѣсто его занялъ бывшій его коллега, министръ внутреннихъ дѣлъ лордъ Мельбурнъ, причемъ остальной составъ кабинета остался почти безъ измѣненія: иначе сказать, во главѣ правительства продолжали оставаться люди, трудами которыхъ была проведена черезъ парламентъ избирательная реформа [2]).

Что же было сдѣлано за это время вигами? Какъ отразилась избира-

---

[1]) См. Roylance Kent, «The English Radicals», 332—333, 335. См. также Holyoke, «Sixty years of an Agitator's Life».

[2]) Впрочемъ, по причинамъ, которыя будутъ указаны ниже, съ декабря 1834 по апрѣль 1835 г. (въ теченіе ровно ста дней) во главѣ Англіи стояло министерство Пиля. Ему, однако, не удалось удержать въ своихъ рукахъ власть, и онъ долженъ былъ вскорѣ передать ее вновь Мельбурну.

тельная реформа на соотношеніи силъ двухъ главныхъ политическихъ партій (тори и виги) въ парламентѣ?

Осенью 1832 г., когда тремя отдѣльными парламентскими актами была совершенно измѣнена система выборовъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, послѣдній дореформенный парламентъ былъ распущенъ, и назначены новые выборы, согласно только-что изданнымъ законамъ. Какъ и можно было ожидать, результатъ выборовъ оказался въ высшей степени благопріятнымъ для правительства. Министерство, которое въ старомъ парламентѣ имѣло большинство въ 150 голосовъ, въ новомъ оказалось располагающимъ большинствомъ въ триста съ лишнимъ голосовъ. Эта подавляющая побѣда, обнаружившая настроеніе новаго состава избирателей, оказала сразу сильнѣйшее вліяніе на характеръ и лозунги партій, борющихся за преобладаніе въ парламентѣ и въ странѣ, въ особенности на партію тори. Болѣе дальновидные и умные тори, наиболѣе выдающимся представителемъ которыхъ былъ Пиль, поспѣшили заявить, что они вполнѣ мирятся съ новымъ порядкомъ вещей и впредь будутъ дѣйствовать, не стѣсняясь тѣми принципами торизма, которые уже отжили свое время и должны быть преданы забвенію. Съ этихъ поръ такіе умѣренные или здравомыслящіе тори стали даже избѣгать называть себя такимъ образомъ и, мало-по-малу, приняли новое названіе консерваторовъ.

Если болѣе здравомыслящая часть прежнихъ тори спѣшила отмежеваться такимъ образомъ отъ упрямыхъ сторонниковъ павшаго режима или черезчуръ рьяныхъ сторонниковъ поземельной аристократіи, то и виги, со своей стороны, увидѣвъ, что они могутъ доминировать въ парламентѣ и безъ поддержки радикаловъ, которая была имъ такъ необходима во время минувшей агитаціи, поспѣшили также дать понять обществу, что они вовсе не сторонники коренной ломки всѣхъ англійскихъ учрежденій, что билль о реформѣ составляетъ предѣлъ, до котораго можетъ быть допущено участіе народа въ управленіи страной. Все, что теперь требуется,—говорили многіе виги,—это освободить народъ отъ стѣсненій, оставленныхъ въ наслѣдіе старымъ режимомъ, который вовсе не нуждается въ какой-нибудь дальнѣйшей коренной ломкѣ.

Въ виду такихъ соображеній, желая показать, что съ проведеніемъ избирательной реформы вигизмъ отжилъ также свой вѣкъ, виги стали все чаще и чаще называть себя либералами, предоставляя имя радикаловъ завзятымъ новаторамъ, людямъ, желавшимъ совершеннаго уничтоженія дорогой старой Англіи.

Однимъ словомъ, обѣ главныя политическія партіи стали искать опоры въ среднемъ классѣ, который, конечно, не могъ стоять ни за сохраненіе обветшалыхъ и потерявшихъ всякій смыслъ и оправданіе прерогативъ аристократіи, ни за радикальную ломку всѣхъ учрежденій страны. Большинство этихъ учрежденій и раньше не было совершенно безвыгодно для средняго класса, теперь же—при значительно увеличившемся участіи средняго класса въ парламентскихъ выборахъ—можно было тѣ же учрежденія приспособить къ интересамъ и нуждамъ буржуазіи и въ то же время сдѣлать кое-что и для

народной массы. дѣятельное участіе которой въ только-что окончившейся агитаціи обезпечило ея успѣхъ.

Всѣ эти соображенія, на которыхъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ долѣе останавливаться, объясняютъ, мы полагаемъ, характеръ законодательной работы либеральнаго режима, державшагося, какъ мы говорили, въ теченіе девяти лѣтъ (министерство Грея и министерство Мельбурна, какъ мы знаемъ, были почти тожественны по своему составу).

Тотъ фактъ, что доминировавшій теперь въ парламентѣ средній классъ относился болѣе внимательно къ нуждамъ народа, чѣмъ господствовавшая ранѣе поземельная аристократія, сейчасъ же проявился въ томъ, что однимъ изъ первыхъ актовъ новаго парламента было вотированіе 200000 рублей (20000 фунт. стерл.) для выдачи субсидій двумъ главнымъ національнымъ просвѣтительнымъ обществамъ на постройку новыхъ школъ.

Нельзя не отмѣтить при этомъ того любопытнаго обстоятельства, что этимъ ничтожнымъ ассигнованіемъ англійское правительство въ первый разъ признало фактически за собой нѣкоторую обязанность оказывать матеріальную поддержку дѣлу народнаго образованія, которое—мы разумѣемъ начальное народное образованіе—было до тѣхъ поръ предоставлено всецѣло частной иниціативѣ. Правда, англійское правительство этой иниціативы нисколько не стѣсняло, выгодно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ государства континентальной Европы; однако, оно и не тратило государственныхъ денегъ на народныя школы. Такое невмѣшательство правительства въ дѣло народнаго образованія,—невмѣшательство, доходящее до полнаго воздержанія отъ какой-либо активной роли въ этомъ важномъ дѣлѣ,—объясняется многими причинами, изъ которыхъ мы можемъ здѣсь указать лишь наиболѣе существенныя [1]).

Это странное явленіе объясняется, главнымъ образомъ. тѣмъ, что доминировавшая въ парламентѣ аристократія не нуждалась, конечно, въ народныхъ школахъ. Затѣмъ, указываемое нами явленіе объяснялось выяснившейся невозможностью удовлетворить притязанія господствующей (епископальной) церкви на руководящую роль въ области народнаго образованія, не вызывая въ то же время рѣзкихъ и единодушныхъ протестовъ весьма многочисленныхъ въ Англіи диссидентовъ, т.-е. лицъ, принадлежащихъ къ исповѣданіямъ, отличнымъ отъ господствующей церкви. Этимъ же послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и крайняя осторожность перваго шага. Вотированная парламентомъ сумма была просто раздѣлена поровну между такъ наз. «Національнымъ Обществомъ» [2]), предсѣдателемъ котораго былъ (и остается) архіепископъ кентерберійскій, т.-е. оффиціальный духовный глава епископальной церкви, и

---

[1]) См. цитируемые нами въ приложеніи труды по описанію англійской начальной и средней школы.

[2]) Полный титулъ этого общества: «Національное общество для распространенія просвѣщенія въ духѣ господствующей церкви».

такъ наз. «Британскимъ Обществомъ» [1]), состоявшимъ исключительно изъ диссидентовъ разныхъ наименованій. Кромѣ того, какъ было сказано выше, эта субсидія могла быть затрачиваема названными обществами только на постройку школьныхъ зданій.

Само собой разумѣется, что, ставъ разъ на эту дорогу, правительство не могло оставаться долго въ столь жалкой роли. Въ самомъ дѣлѣ, ассигнованія парламента были затѣмъ увеличены, а въ 1839 г., т.-е. въ предѣлахъ обозрѣваемаго нами періода, при такъ наз. «Тайномъ Совѣтѣ» [2]) былъ основанъ особый комитетъ по народному образованію («Committee of Privy Council on Education»), на который была возложена обязанность слѣдить за правильностью выдачи вотируемыхъ парламентомъ субсидій. Самыя субсидіи стали выдавать не только на постройку школьныхъ зданій, но и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и классной мебели. Вмѣстѣ съ этимъ было положено начало организаціи правительственной инспекціи субсидируемыхъ школъ. Позволяя себѣ заглянуть немного впередъ, скажемъ, что черезъ двадцать лѣтъ (1854) размѣръ ассигнованій парламента на народныя школы доходилъ уже до 4 милл. рублей, причемъ школамъ при условіи общей ихъ удовлетворительности субсидіи выдавались просто по числу учащихся. Въ настоящее время на начальныя школы Англіи тратится изъ общественныхъ средствъ до 150 милл. рублей. Таковы оказались отдаленные результаты указаннаго нами скромнаго и черезчуръ, можетъ-быть, осторожнаго выступленія англійскаго правительства на поприще народнаго просвѣщенія; вслѣдствіе этого указанный нами актъ о 200-тысячномъ фондѣ на постройку школъ пріобрѣтаетъ крупную принципальную важность.

Другимъ шагомъ, чрезвычайно важнымъ въ принципіальномъ и весьма важнымъ въ практическомъ отношеніи, было изданіе въ томъ же 1833 г. такъ наз. Factory Act'a или закона о работѣ на фабрикахъ и заводахъ. Вѣроятно, большинству нашихъ читателей извѣстно, какія страданія причинила въ первое время рабочему классу такъ наз. промышленная революція (industrial revolution), т.-е. замѣна ручного ремесленнаго производства машиннымъ, фабричнымъ. Рабочіе не только лишились своихъ прежнихъ заработковъ, не только должны были отказаться отъ привычнаго, не лишеннаго извѣстной самостоятельности образа жизни съ перспективой завести впослѣдствіи собственную мастерскую, не только стали разобщены отъ личныхъ сношеній съ потребителями, каковыя были въ извѣстной мѣрѣ возможны при старомъ промышленномъ строѣ, не только, наконецъ, въ поискахъ работы должны были бросать родныя мѣста и стекаться въ быстро растущіе на сѣ-

---

[1]) Здѣсь было бы неумѣстно объяснять причины такого страннаго названія этого общества, которое, въ отличіе отъ только-что указаннаго, стремилось давать дѣтямъ въ своихъ школахъ общерелигіозное воспитаніе, не пріурочивая къ опредѣленному исповѣданію.

[2]) «Privy Council». Это крайне оригинальное учрежденіе съ функціями частью административными, частью судебными. Сами англичане не берутъ на себя смѣлости точно и кратко формулировать задачи этого учрежденія. См. Trail, «Central Government».

верѣ Англіи фабричные центры, но—это, пожалуй, самое главное,—попавъ на фабрику, они оказывались совершенно безсильными въ отстаиваньи своихъ самыхъ элементарныхъ правъ, такъ какъ, будучи тогда еще совершенно не организованными, они должны были имѣть дѣло съ богатыми и продолжающими быстро богатѣть фабрикантами.

Взаимная конкуренція рабочихъ низвела заработную плату до минимума, недостаточно развитое чувство солидарности мѣшало образованію профессіональныхъ союзовъ, которые могли бы постоять за интересы труда. Трагизмъ положенія усиливался въ особенности вслѣдствіе конкуренціи, которую взрослые рабочіе встрѣчали въ трудѣ дѣтей, который, за отсутствіемъ какихъ-либо ограниченій, примѣнялся на фабрикахъ въ самой широкой степени, причемъ продолжительность и обстановка дѣтскаго труда—труда дѣтей 6—7 лѣтъ—были таковы, что при чтеніи описанія фабрикъ и мастерскихъ того времени сердце сжимается, и волосы становятся дыбомъ.

Хотя первый англійскій фабричный законъ относится къ 1802 г., но дѣйствительнымъ началомъ фабричнаго законодательства Англіи, послужившаго впослѣдствіи образцомъ для такого же законодательства всѣхъ другихъ странъ культурнаго міра, слѣдуетъ считать законъ 1833 г., такъ какъ именно этимъ закономъ было положено начало особой фабричной инспекціи, не находящейся ни въ какомъ подчиненіи мѣстнымъ властямъ и потому способной противостоять даже всесильному вліянію мѣстныхъ фабрикантовъ и промышленниковъ.

О томъ, какъ далеко заходило злоупотребленіе дѣтскимъ трудомъ, и какъ немногаго нужно было для удовлетворенія общественнаго мнѣнія и для успокоенія общественной совѣсти, можно судить по содержанію фабричнаго закона 1833 г. Согласно этому закону, дѣти моложе 9 лѣтъ не могли вовсе работать на фабрикахъ, дѣти отъ 9 до 13 лѣтъ могли работать не болѣе 8 часовъ въ день, подростки отъ 13 до 18 лѣтъ и всѣ женщины вообще не могли работать болѣе 12 часовъ въ день. Такъ скромно было начало фабричнаго законодательства Англіи!

Впрочемъ, какъ мы сказали, важнѣйшей стороной акта 1833 г. было образованіе самостоятельнаго, независимаго фабричнаго инспектората съ весьма широкими полномочіями. Организація инспектората была важна, во-первыхъ, конечно, потому, что благодаря этому законъ не обратился въ пустой звукъ, какъ это можно было сказать съ извѣстнымъ правомъ про прежнія немногія аналогичныя мѣры [1]), а, во-вторыхъ, потому также, что публикуемые во всеобщее свѣдѣніе отчеты фабричныхъ инспекторовъ дали возможность парламенту при изданіи послѣдующихъ фабричныхъ законовъ исходить изъ достовѣрнаго матеріала, рисующаго со всѣхъ сторонъ обстановку труда въ промышленныхъ заведеніяхъ. Какъ, можетъ-быть, извѣстно нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, отчеты англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ и разныхъ правительственныхъ комиссій, которымъ было поручаемо изученіе положенія

[1]) H. Hutchins and A. Harrison, «A History of Factory Legislation». London 1903, chapter III.

фабричныхъ рабочихъ, дали Карлу Марксу драгоцѣннѣйшій фактическій матеріалъ для характеристики отрицательныхъ сторонъ промышленнаго строя Англіи и капиталистическаго режима вообще [1]).

Въ томъ же 1833 году, когда парламентомъ были изданы указанные нами законы, былъ вотированъ и великій актъ объ уничтоженіи рабства во всѣхъ владѣніяхъ Англіи, т.-е. во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ, причемъ для возмѣщенія рабовладѣльцамъ была ассигнована огромная сумма въ 200.000.000 руб. (20 милліоновъ фунт. стерл.). Это было, впрочемъ, слишкомъ щедрое возмѣщеніе, имѣвшее характеръ своего рода взятки или отступного. Правительство надѣялось, что это примиритъ съ освобожденіемъ негровъ вестъ-индскихъ и другихъ планчаторовъ, для которыхъ уничтоженіе рабства казалось посягательствомъ не только на одинъ изъ видовъ священной собственности, но и на весь установившійся укладъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, правительство хотѣло даже растянуть процессъ освобожденія рабовъ на 12 лѣтъ, установивъ на этотъ срокъ для негровъ какое-то промежуточное состояніе «временно обязанныхъ». Въ виду рѣшительныхъ протестовъ многихъ членовъ парламента этотъ срокъ былъ уменьшенъ въ законѣ до 7 лѣтъ, но на дѣлѣ и это оказалось неосуществимымъ, вслѣдствіе чего въ 1838 г. всякія обязательныя отношенія между неграми и ихъ бывшими господами были прекращены особымъ законодательнымъ актомъ.

«Освобожденіе негровъ въ англійскихъ колоніяхъ — писали мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ — является однимъ изъ замѣчательныхъ событій XIX вѣка, какъ въ виду принципіальной важности вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ бѣлой и цвѣтныхъ расъ, такъ и въ виду того, что этимъ закономъ Англія первая рѣшила покончить съ гнуснымъ учрежденіемъ рабовладѣнія. Извѣстно, что французы уничтожили рабовладѣніе въ своихъ колоніяхъ лишь въ 1848 г. (вслѣдъ за февральской революціей), голландцы даже только въ 1863 г.; около того же времени уничтожили рабство негровъ и американцы (указы Линкольна въ 1863 г.). Въ Бразиліи, какъ извѣстно, рабство негровъ существовало до 1888 года [2]).

Всѣ указанные выше парламентскіе акты были изданы въ теченіе 1833 года, т.-е. въ теченіе перваго же года существованія парламента, выбраннаго на основаніи новаго закона. Ирландія, какъ всегда, доставила наибольшія затрудненія министерству. Законъ объ эмансипаціи католиковъ устранилъ лишь одно изъ многихъ золъ, отъ которыхъ страдала Ирландія, и потому не могъ доставить странѣ полнаго успокоенія. Вслѣдствіе этого при общемъ подъемѣ либеральныхъ теченій въ началѣ тридцатыхъ годовъ и въ Ирландіи проявилось весьма сильное возбужденіе, результатомъ котораго была масса аграрныхъ и другихъ преступленій. Эти преступленія были столь много-

---

[1]) Мы разумѣемъ, конечно, «Капиталъ» Маркса.

[2]) См. нашу книгу, «Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи», 1901, стр. 83.

численны, что извѣстный историкъ Мэколэй, бывшій въ то время членомъ парламента, заявилъ на одномъ засѣданіи, что онъ «предпочелъ бы жить во время одной изъ многихъ гражданскихъ войнъ, о которыхъ ему случалось читать, чѣмъ находиться въ настоящій моментъ въ Ирландіи [1]). Помимо преступленій, обусловливаемыхъ экономическимъ положеніемъ страны, масса недоразумѣній возникала какъ результатъ ненормальнаго положенія церкви въ Ирландіи [2]). Прибавьте ко всему этому вліяніе агитаціи, поставившей своимъ лозунгомъ отмѣну акта о соединеніи Англіи и Ирландіи, агитацію, которую велъ открыто глава ирландской фракціи въ парламентѣ, О'Коннель. Это былъ энергичный и умный агитаторъ, усиліямъ котораго, какъ мы знаемъ, слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать проведеніе министерствомъ Веллингтона акта объ эмансипаціи католиковъ.

Что было дѣлать въ такомъ положеніи лорду Грею? Ни по своимъ взглядамъ, ни по характеру партіи, къ которой онъ принадлежалъ, Грей не могъ дѣйствовать только репрессивными мѣрами; къ тому же нѣкоторыя притязанія ирландцевъ были несомнѣнно основательны. Въ виду такихъ соображеній Грей рѣшилъ на ряду съ самой энергичной репрессіей—что повлекло за собой отставку его радикальнаго зятя, лорда Дургама — сдѣлать и кое-какія уступки менѣе важнымъ требованіямъ ирландцевъ, — что повлекло за собой отставку двухъ наиболѣе консервативныхъ коллегъ Грея. Король также не сочувствовалъ этой сторонѣ дѣятельности кабинета, а потому охотно разстался съ Греемъ, когда тотъ вслѣдствіе указанныхъ только-что внутреннихъ несогласій въ кабинетѣ и вслѣдствіе нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, имѣющихъ отношеніе къ тому же фатальному ирландскому вопросу, заявилъ Вильгельму IV (іюль 1834 г.) о своемъ желаніи сложить съ себя бремя власти, ссылаясь на свой преклонный возрастъ (свыше 70 лѣтъ).

Такъ какъ по настроенію парламента и взаимному отношенію партій власть могла находиться лишь въ рукахъ виговъ, то король, согласно совѣту Грея, предложилъ образовать совѣтъ министровъ лорду Мельбурну, занимавшему въ послѣднемъ кабинетѣ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Мельбурнъ весьма быстро образовалъ новый кабинетъ, составивъ его, главнымъ образомъ, изъ своихъ недавнихъ коллегъ. Весьма понятно поэтому, что Мельбурнъ продолжалъ политику Грея и довелъ, напр., до конца внесенный еще Греемъ законопроектъ о реформѣ призрѣнія бѣдныхъ. Этотъ законъ, какъ рядъ другихъ законовъ, относящихся къ описываемому времени, составляетъ нѣкоторую эпоху въ развитіи соціальнаго законодательства Англіи. Хотя народныя массы были сначала очень недовольны нѣкоторыми сторонами новаго закона, однако, онъ по своимъ конечнымъ результатамъ оказался благотворнымъ и съ теченіемъ времени пересталъ вызывать сколько-нибудь серьезную оппозицію. Это видно уже изъ одного того, что до самаго послѣдняго времени

---

[1]) Цитировано въ сочин. проф. Frank Bright, «History of England», vol. III, 1438.

[2]) Это обстоятельство будетъ изложено ниже.

этотъ законъ подвергся очень несущественнымъ измѣненіямъ. «Ни одна законодательная мѣра,—говоритъ по этому поводу англійскій историкъ Бродрикъ,—кромѣ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ, не сдѣлала такъ много для того, чтобы вывести рабочіе классы Великобританіи изъ состоянія жестокой нужды, въ которую повергли эти классы двадцать лѣтъ войны [1]). Эти слова, которыя мы считаемъ вполнѣ справедливыми, заставляютъ насъ сказать хотя нѣсколько словъ о старыхъ порядкахъ общественной благотворительности и о созданномъ закономъ новомъ режимѣ.

До закона 1834 г. помощь бѣднымъ лежала на приходѣ, какъ самой мелкой административной единицѣ. Приходъ выдавалъ всѣмъ впавшимъ въ бѣдность извѣстную сумму (конечно, не вездѣ одинаковую); если человѣкъ, впавшій въ бѣдность, былъ семейный, онъ получалъ особо на жену и на каждаго изъ маленькихъ дѣтей. Если человѣкъ, находящійся въ крайней нуждѣ все-таки кое-что зарабатывалъ, ему выдавалось пособіе не въ полной мѣрѣ, а въ размѣрѣ уменьшенномъ соотвѣтственно его заработку. Такой порядокъ, повидимому, не представляющій ничего дурного, имѣлъ, однако своимъ послѣдствіемъ чрезвычайное паденіе заработной платы, отъ которой страдали болѣе всего тѣ рабочіе, у которыхъсох ранилось чувство собственнаго достоинства, и которые всячески избѣгали попасть въ положеніе пауперовъ, т.-е. лицъ, живущихъ хотя бы отчасти на средства общественной благотворительности. Въ самомъ дѣлѣ, землевладѣльцы предпочитали, конечно, нанимать такихъ работниковъ, которые получали вспомоществованіе отъ прихода, такъ какъ эти рабочіе могли довольствоваться меньшей платой. Пауперы, понижая заработную плату, не только наносили неисчислимый вредъ той части рабочаго населенія, которая сохранила экономическую самостоятельность, но благодаря этому и сами пауперы оказывались не въ силахъ выбиться изъ своего незавиднаго положенія. Мѣстные землевладѣльцы—мы ограничиваемся здѣсь земледѣльческой Англіей, каковой было еще большинство ея въ описываемое нами время — въ сущности отъ этого также мало выигрывали, такъ какъ то, что они сберегали въ заработной платѣ, они, вообще говоря, уплачивали въ видѣ мѣстнаго налога на бѣдныхъ. «Въ одномъ приходѣ сумма, собираемая въ видѣ налога на бѣдныхъ, увеличилась за 30 лѣтъ съ 180 р. до 3670 р. (18—367 фун. стерл.). Изъ 139 жителей прихода 104 были пауперами» [2]). Такимъ образомъ, цѣлые приходы, т.-е. цѣлыя селенія, были пауперизованы.

Положеніе ухудшалось далѣе тѣмъ, что описанная система помощи бѣднымъ въ сущности поощряла ранніе браки, что, впрочемъ, казалось вѣроятно властямъ очень желательнымъ въ долгую эпоху наполеоновскихъ войнъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно въ это время впервые получила распространеніе система выдачи добавокъ—«пайковъ»—на дѣтей, притомъ не только законныхъ но даже и незаконныхъ.

[1]) Brodrick, «History of England etc.»,334 (vol XI,«Of the Political History of England»).

[2]) «Great Britain and Ireland» (1832—1841) — глава XX въ «Cambridge Modern History», vol. X, 661 (Cambridge, 1907)

Въ виду чрезмѣрнаго роста мѣстныхъ налоговъ на бѣдныхъ, приходы старались избавиться отъ лицъ, которыя могли оказаться бременемъ для общества, а это, въ свою очередь, создало крайнія стѣсненія для свободнаго движенія населенія. Между тѣмъ, свободное движеніе населенія было необходимо для быстраго, безпрепятственнаго развитія промышленности и торговли Англіи, занимавшихъ все болѣе и болѣе видное мѣсто въ ея государственномъ хозяйствѣ.

Однимъ словомъ, въ области общественнаго призрѣнія образовался гордіевъ узелъ взаимно переплетающихся соціальныхъ явленій отрицательнаго характера, и этотъ узелъ былъ разрубленъ героическимъ мѣропріятіемъ 1834 года.

Коротко говоря, сущность новаго закона состояла въ слѣдующемъ. Отдѣльные приходы въ цѣляхъ помощи бѣднымъ были соединены въ союзы (unions); въ каждомъ изъ такихъ союзовъ было постановлено содержать рабочій домъ, всякая выдача помощи на дому—кромѣ случаевъ болѣзни—была прекращена; лицо, оказывающееся не въ состояніи содержать себя, должно было поступать въ рабочій домъ, гдѣ мужья должны были жить отдѣльно отъ женъ и дѣти отдѣльно отъ родителей; для обученія дѣтей, содержащихся въ рабочихъ домахъ, были организованы спеціальныя школы.

Это была драконовская мѣра, но она достигла своей цѣли: въ короткое время сумма, которая шла на содержаніе бѣдныхъ и которая только для одной Англіи и Валлиса достигала огромнаго для того времени размѣра—86 милл. р., въ теченіе трехъ лѣтъ уменьшилась почти втрое. Вліяніе новаго закона на повышеніе заработной платы, на общій подъемъ матеріальнаго благосостоянія и на улучшеніе характера рабочаго класса было медленнѣе, но, тѣмъ не менѣе, и въ этомъ результатѣ новаго закона не можетъ быть никакихъ сомнѣній [1]).

Однако, народныя массы были недовольны новымъ закономъ, такъ какъ первые его результаты были для нихъ тяжелы. Это недовольство послужило, какъ это мы увидимъ ниже, однимъ изъ исходныхъ пунктовъ для начавшейся вскорѣ агитаціи, принявшей названіе чартизма.

Внесеніе министерствомъ билля о полной реорганизаціи призрѣнія бѣдныхъ уменьшило число сторонниковъ министерства въ палатѣ общинъ; въ самомъ дѣлѣ этотъ билль прошелъ значительно меньшимъ большинствомъ (157 противъ 50), чѣмъ другіе билли виговъ. Билль прошелъ палату общинъ еще при министерствѣ Грея, при Мельбурнѣ онъ поступилъ уже въ палату лордовъ, гдѣ былъ поддержанъ значительнымъ большинствомъ.

Королю, однако, уже надоѣла реформаторская горячка виговъ, и онъ искалъ случая отъ нихъ избавиться; только-что указанное нами ослабленіе вліянія виговъ въ нижней палатѣ, повидимому, благопріятствовало королю. Одинъ безтактный поступокъ лорда Брума, бывшаго однимъ изъ наиболѣе

[1]) Таково, по крайней мѣрѣ, единогласное сужденіе всѣхъ извѣстныхъ намъ англійскихъ экономистовъ и историковъ. Прекрасное и обстоятельное изложеніе закона 1834 г. можно найти въ только-что вышедшемъ трудѣ В. А. Гагена, «Право бѣднаго на призрѣніе», т. I (Германія, Франція, Англія). СПБ. 1907.

видныхъ членовъ кабинета Грея и Мельбурна, особенно раздражилъ короля: онъ поспѣшилъ придраться къ одному въ сущности маловажному разногласію, возникшему между нимъ (королемъ) и Мельбурномъ, и поставилъ дѣло такъ, что Мельбурну оставалось только уйти. Король сейчасъ же послалъ за герцогомъ Веллингтономъ, предлагая ему образовать новое министерство, на что Веллингтонъ заявилъ, что развѣ только одинъ Пиль имѣетъ настолько авторитета и вліянія въ обновленномъ парламентѣ, чтобы рискнуть на образованіе новаго кабинета и притомъ болѣе умѣреннаго, чѣмъ кабинетъ Мельбурна. Пиль, будучи далеко отъ какихъ-либо надеждъ на власть, уѣхалъ со всей семьей въ Италію; пришлось посылать за нимъ гонца и ждать цѣлыхъ три недѣли его возвращенія. Въ теченіе этихъ трехъ недѣль Веллингтонъ изображалъ въ своемъ лицѣ чуть не пять министровъ, такъ какъ весь его временный кабинетъ состоялъ вмѣстѣ съ нимъ самимъ изъ трехъ лицъ.

Пріѣхавъ въ Англію и уяснивъ себѣ положеніе дѣлъ, Пилль убѣдился сразу въ безнадежности затѣи короля: если, тѣмъ не менѣе, онъ не отказался образовать министерство, то лишь потому, что не желалъ ставить симпатизировавшаго ему короля въ болѣе чѣмъ глупое положеніе [1]). Задача, поставленная Пилю, была тѣмъ болѣе трудна, что парламентъ былъ возмущенъ въ сущности безосновательнымъ увольненіемъ Мельбурна; хотя поступокъ короля не противорѣчилъ никакому закону, но онъ, во всякомъ случаѣ, былъ несогласенъ съ установившейся конституціонной практикой. Въ самомъ дѣлѣ, король добился отставки кабинета изъ-за разногласія по второстепенному поводу, который даже не былъ хорошо извѣстенъ странѣ; между тѣмъ министерство Мельбурна имѣло за собой значительное большинство членовъ палаты общинъ.

Тщетны оказались поэтому попытки Пиля примирить съ совершившейся перемѣной націю и парламентъ. Пиль началъ съ того, что выпустилъ «открытое письмо» своимъ избирателямъ въ Тамуорсѣ, извѣстное подъ названіемъ Tamworth Manifesto. Въ этомъ «Манифестѣ» Пиль подробно изложилъ свою прежнюю государственную дѣятельность, перечислилъ реформы, за которыя онъ стоялъ, причемъ нельзя не сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ реформъ, какъ, напр., возобновленіе золотого обращенія, были даже тѣсно связаны съ именемъ Пиля. Онъ торжественно заявлялъ, что считаетъ недавнюю парламентскую (избирательную) реформу «окончательнымъ и безповоротнымъ рѣшеніемъ великаго конституціоннаго вопроса». Онъ писалъ, наконецъ, что находитъ нужнымъ «тщательно пересмотрѣть другія учрежденія страны съ цѣлью исправленія могущихъ при этомъ обнаружиться недостатковъ и злоупотребленій».

Хотя Пиль хотѣлъ этимъ показать, что его симпатіи на сторонѣ прогресса, тѣмъ не менѣе, онъ не рѣшился предстать въ качествѣ главы новаго министерства передъ парламентомъ, избраннымъ въ разгарѣ либеральнаго движенія 1832 г. Онъ предложилъ королю распустить прежній парламентъ и

[1]) См. цитированную выше статью въ X томѣ «Cambridge Modern History».

назначить новые выборы, надѣясь, очевидно, что общее увлеченіе реформами успѣло нѣсколько охладѣть, и что страна пошлетъ въ парламентъ людей болѣе умѣренныхъ

Разсчеты Пиля оказались справедливыми только отчасти: въ парламентѣ, выбранномъ въ декабрѣ 1832 г., было 172 тори (консерваторовъ), 486 виговъ (либераловъ) и лицъ, примыкавшихъ практически къ той же партіи (радикалы и проч.); въ парламентѣ, избранномъ въ началѣ 1835 г., тори или консерваторовъ оказалось 273 и виговъ или либераловъ 380. Такимъ образомъ, хотя страна сдѣлалась, правда, за два года болѣе консервативной, тѣмъ не менѣе, она послала въ парламентъ рѣшительное либеральное большинство.

Если бы это случилось теперь, то по современной конституціонной практикѣ министерство, какъ только выяснились неблагопріятные для него результаты выборовъ, поспѣшило бы выйти въ отставку. Въ описываемое же нами время такая практика еще не установилась, и Пиль сдѣлалъ въ сущности безнадежную попытку управлять страной. Однако, парламентъ показалъ сейчасъ же Пилю всю неумѣстность его пребыванія во главѣ правительства: народные представители систематически отвергали всѣ вносимые въ парламентъ мѣры и законопроекты, хотя, въ большинствѣ случаевъ, то были мѣры и законопроекты его либеральныхъ предшественниковъ. Такое положеніе не могло, конечно, долго длиться, и 8 апрѣля—ровно черезъ сто дней послѣ образованія министерства—Пиль оказался вынужденнымъ подать въ отставку, королю же пришлось принять ее и вновь обратиться къ Мельбурну. Это былъ весьма непріятный королю урокъ конституціоннаго права.

Мельбурнъ оставался у власти до 1841 г., причемъ во время его премьерства произошла 20 іюня 1837 г. смерть короля Вильгельма (William) III и вступленіе на престолъ принцессы Викторіи, племянницы покойнаго короля, дочери четвертаго сына Георга III, герцога Кентскаго. Молодой королевѣ передъ этимъ только-что исполнилось 18 лѣтъ (родилась 24 мая 1819).

Будемъ продолжать теперь нашъ обзоръ законодательной дѣятельности виговъ, прерванной ненадолго по прихоти короля эфемернымъ министерствомъ сэра Роберта Пиля.

Какъ мы говорили, Пиль пытался удержаться у власти и склонить парламентъ на свою сторону, предлагая на его утвержденіе мѣры, которыя въ сущности соотвѣтствовали скорѣе принципамъ его политическихъ противниковъ. Мы говорили также, что всѣ законопроекты Пиля провалились; однако, одинъ изъ нихъ, вводившій въ Англіи нѣчто въ родѣ гражданскаго брака, былъ принятъ парламентомъ, и послѣ нѣсколькихъ сравнительно маловажныхъ измѣненій, сдѣлавшихъ его болѣе либеральнымъ, обратился въ законъ въ 1836 г., т.-е. все-таки послѣ ухода Пиля. Надо сказать, что съ 1753 года въ Англіи [1]) считался законнымъ только такой бракъ, который былъ заключенъ священникомъ епископальной церкви;

[1]) Этотъ законъ не распространялся, конечно, на Шотландію или Ирландію.

исключеніе изъ общаго правила было сдѣлано лишь для квакеровъ и для евреевъ. Согласно закону 1836 г., бракъ считался дѣйствительнымъ, если онъ былъ совершенъ: 1) пасторомъ англійской (епископальной) церкви согласно обрядамъ этой церкви, 2) безъ какой-либо религіозной церемоніи, но въ присутствіи такъназ. «регистратора» (registrator), т.-е. особаго гражданскаго чиновника, 3) въ молитвенномъ домѣ, принадлежащемъ тому или иному исповѣданію, согласно обрядамъ этого исповѣданія, если этотъ молитвенный домъ былъ зарегистрованъ мѣстными властями [1]). Тогда же въ Англіи было введено регистрированіе (Birth and Deaths Registration Act, 1836) рожденій и смертей тѣмъ же «регистраторомъ», т.-е. гражданскимъ чиновникомъ, а не духовными властями, какъ это было ранѣе.

Эти законы имѣли не маловажное практическое значеніе, такъ какъ устраняли порядки, служившіе для многихъ источникомъ большихъ непріятностей, насилуя ихъ совѣсть. Тѣ же законы имѣли еще болѣе важное принципіальное значеніе, такъ какъ ослабляли унаслѣдованную отъ прошлаго слишкомъ тѣсную связь между государствомъ, которое по существу своихъ задачъ должно быть чисто-свѣтскимъ или, по меньшей мѣрѣ, нейтральнымъ въ дѣлахъ вѣры, и господствующей церковью.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть, что въ самой организаціи епископальной церкви съ теченіемъ времени образовалась масса вопіющихъ анахронизмовъ и злоупотребленій. епископы получали огромное жалованье, далеко превосходившее жалованье министровъ; многіе пасторы считались занимающими заразъ по нѣскольку приходовъ, причемъ, священнодѣйствуя фактически въ одномъ, они въ другихъ нанимали замѣстителей, получая, однако, все причитающееся жалованье и весь доходъ. Все это и многое другое, о чемъ было бы неумѣстно здѣсь распространяться, открыла комиссія, назначенная еще лордомъ Греемъ. Такъ какъ всѣ злоупотребленія имѣли такой характеръ, что были на руку высшимъ духовнымъ лицамъ, то единственнымъ выходомъ изъ положенія оказалось учрежденіе въ 1836 г. особой постоянной верховной Духовной Комиссіи (Ecclesiastical Commission), состоявшей на треть изъ духовныхъ лицъ и на двѣ трети изъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, главнымъ образомъ, членовъ кабинета министровъ. Этимъ достигалось заразъ двѣ цѣли: во-первыхъ распоряженіе всѣмъ многомилліоннымъ церковнымъ имуществомъ перешло изъ рукъ тѣсной корпораціи въ комиссію, гораздо болѣе способную стоять на стражѣ интересовъ всего общества; во-вторыхъ, министерство, имѣя въ комиссіи своихъ представителей, было всегда освѣдомлено о направленіи дѣятельности комиссіи и могло даже вліять на это направленіе въ желательномъ для парламента смыслѣ. Однимъ словомъ, государство, продолжая оставаться въ тѣсной связи съ епископальной церковью, приняло, вмѣстѣ съ тѣмъ, на себя принадлежащую ему роль охранителя общественныхъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, правительство, какъ органъ государственной власти, было все-

[1]) См. A. Dicey, «Law and Public Opinion in England», p. 344, гдѣ можно найти любопытныя соображенія по поводу этого закона.

таки отвѣтственно передъ народомъ, такъ какъ періодическіе парламентскіе выборы давали народу дѣйствительное средство для выраженія правительству порицанія или одобренія. Между тѣмъ, безъ упомянутой Духовной Комиссіи не было никакого пути къ тому, напр., чтобы побудить епископовъ поступиться своими стотысячными доходами [1]) въ пользу бѣдныхъ приходовъ, гдѣ доходъ пастора не достигалъ и 500 рублей въ годъ (300 такихъ приходовъ).

Въ какой мѣрѣ учрежденіе Ecclesiastical Commission соотвѣтствовало народнымъ нуждамъ и интересамъ, видно далѣе изъ того, что эта комиссія существуетъ до сего дня, причемъ организація ея подверглась сравнительно маловажнымъ измѣненіямъ. Наиболѣе существенное изъ этихъ измѣненій относится къ 1840 г., т.-е. все еще къ изучаемому нами періоду, который можно назвать первымъ царствованіемъ виговъ или либераловъ.

Ничто, можетъ-быть, не показываетъ столь ясно доминирующаго вліянія епископальной церкви въ Англіи, какъ тотъ фактъ, которому трудно даже вѣрится русскому человѣку, что въ описываемое нами время въ оксфордскій и кэмбриджскій университеты могли поступать только лица, принадлежащія къ епископальному исповѣданію. Въ самомъ дѣлѣ, всякій вновь поступающій въ университетъ долженъ былъ письменно удостовѣрить, что онъ признаетъ 39 основныхъ догматовъ епископальнаго исповѣданія. Надо сказать также, что въ названныхъ университетахъ совершалась ежедневно короткая служба по епископальному обряду, и присутствіе на этой службѣ было для студентовъ обязательно. Такъ какъ въ то время оксфордскій и кэмбриджскій были единственными англійскими университетами, то указанное ихъ требованіе было равносильно отказу въ высшемъ образованіи всѣмъ диссидентамъ. Послѣдніе должны были поступать въ одинъ изъ шотландскихъ университетовъ—что дѣлали многіе—или ѣхать на континентъ Европы, чего не дѣлалъ почти никто.

Въ 1834 г., т.-е еще при Греѣ, правительство внесло въ парламентъ билль, отмѣнявшій требованіе указанной подписки отъ поступающихъ въ Оксфордъ и Кэмбриджъ, и этотъ билль былъ принятъ въ третьемъ чтеніи большинствомъ (почти) ста голосовъ. Однако, въ палатѣ лордовъ законопроектъ былъ отвергнутъ почти такимъ же большинствомъ, и министерство, не видя въ народѣ слишкомъ рѣзкаго осужденія политики лордовъ, отказалось отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ томъ же направленіи. Такому рѣшенію правительства не мало содѣйствовали и взаимныя пререканія диссидентовъ относительно того, какъ надлежитъ разрѣшить вопросъ объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей студентовъ двухъ національныхъ университетовъ [2]).

Оставивъ, такимъ образомъ, безъ измѣненія хартіи двухъ старыхъ университетовъ, правительство организовало вскорѣ въ Лондонѣ два колледжа—University College и King College, первый для диссидентовъ, второй для студентовъ,

---

[1]) Архіепископъ Кэнтерберійскій и епископъ Дургамскій имѣли въ годъ до 200000 рублей; архіепископъ Іоркскій и три епископа имѣли до 110000 руб. въ годъ и т. д. См. цитированное сочиненіе проф. Dicey.

[2]) См. Brodrick, «History of England», etc., 430—33.

принадлежащихъ къ господствующей церкви. Это были въ сущности тѣ же университеты, но безъ права присужденія ученыхъ степеней. Это послѣднее право было предоставлено учрежденному въ 1835 г. такъ назыв. лондонскому университету, представлявшему не университетъ, а просто экзаменаціонную комиссію, производившую испытаніе всѣмъ лицамъ, желающимъ получить ту или иную ученую степень, причемъ комиссіи было безразлично, гдѣ кандидатъ получилъ необходимыя свѣдѣнія. Комиссія не требовала также подписки въ принадлежности къ господствующей церкви, между тѣмъ такое требованіе предъявлялось всѣмъ подвергающимся испытаніямъ на ученую степень въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ [1]). Однимъ словомъ, со средины 30-хъ годовъ диссиденты получили возможность изучать университетскія науки и пріобрѣтать ученыя званія.

Продолжая перечисленіе реформъ, произведенныхъ вигами въ достопамятные тридцатые годы, когда они впервые (въ XIX вѣкѣ) стали распоагать властью, слѣдуетъ указать на чрезвычайно важный Municipal Reform Act 1835 г., т.-е. законъ о реформѣ городского управленія. Какъ это всегда дѣлается въ Англіи, столь серьезной реформѣ предшествовало назначеніе Королевской комиссіи, которой было поручено изучить существующее положеніе дѣла и указать, какъ велики должны быть необходимыя измѣненія. Комиссія выяснила, что въ области городского управленія злоупотребленія и несообразности едва ли были меньше тѣхъ, которыя представляла до реформы система парламентскаго представительства. Во многихъ случаяхъ городскіе выборы являлись какимъ-то издѣвательствомъ надъ населеніемъ: такъ, въ городѣ Ипсвичѣ изъ 2000 лицъ, платившихъ мѣстные налоги, только 118 участвовали въ городскихъ выборахъ; такимъ же образомъ, изъ 46000 населенія Портсмута только 102 имѣли право на участіе въ городскихъ выборахъ [2]). Почти въ каждомъ городѣ существовали свои порядки выборовъ, и вся вообще система городского управленія Англіи представляла полный хаосъ. Такой порядокъ или, вѣрнѣе, такой безпорядокъ не могъ быть, конечно, терпимъ послѣ того, какъ новый законъ о парламентскихъ выборахъ предоставилъ болѣе зажиточной части городскихъ жителей весьма значительное вліяніе на національныя дѣла. Выбирать членовъ парламента и не имѣть въ то же время никакого вліянія на городскія дѣла — это была такая аномалія, какая оказалась у насъ въ Россіи послѣ закона 17 октября 1905 г, аномалія, ослабленная, но не устраненная и закономъ 3 іюня 1907 г. Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности, скажемъ лишь, что согласно новому закону во всѣхъ городахъ Англіи (кромѣ Лондона) былъ организованъ новый и вездѣ одинаковый порядокъ городского самоуправленія, причемъ право голоса было вездѣ предоставлено среднему (и, конечно,

[1]) Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ образовался настоящій университетъ въ обычномъ смыслѣ этого слова путемъ федераціи главныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Лондона.

[2]) См. цитированное сочиненіе Brodrick и главу «Great Britain and Ireland» въ X томѣ «Cambridge Modern History».

высшему) классу, т.-е. тому же самому классу, который сталъ теперь наиболѣе вліятельнымъ въ національномъ управленіи.

Municipal Reform Act былъ изданъ въ 1835 г. и относился только къ собственной Англіи. Затѣмъ министерство дѣлало неоднократныя попытки провести аналогичную реформу въ системѣ городского управленія въ Ирландіи, гдѣ всѣ другія аномаліи затмевала одна наиболѣе существенная, заключающаяся въ томъ, что въ этой странѣ, почти сплошь заселенной католиками, принадлежность къ католической религіи уничтожала всякое другое право на участіе въ городскихъ выборахъ. Послѣ упорнаго сопротивленія верхней палаты, послѣ многихъ и разнообразныхъ измѣненій билль о городскомъ самоуправленіи въ Ирландіи (Irish Municipal Act) сталъ, наконецъ, закономъ въ 1840 г. За два года передъ тѣмъ министерству лорда Мельбурна удалось провести билль о реформѣ законодательства о призрѣніи бѣдныхъ въ Ирландіи, причемъ въ основу этого закона были положены тѣ же принципы, которые характеризуютъ (знакомый намъ) аналогичный билль, изданный въ 1834 г. для Англіи.

Перечисляя важнѣйшіе законы, изданные въ министерства лордовъ Грея и Мельбурна, нельзя не упомянуть ряда парламентскихъ актовъ, значительно смягчившихъ уголовное законодательство Англіи и режимъ тюремъ. Въ 1837 г. было уничтожено жестокое, можно даже сказать, варварское наказаніе, извѣстное подъ названіемъ pillory: это было нѣчто въ родѣ пригвожденія къ позорному столбу. Въ это же время было значительно уменьшено число преступленій, наказываемыхъ смертью, и получилъ болѣе широкое примѣненіе принципъ состязательности предварительнаго слѣдствія. Извѣстно, что этотъ принципъ въ отношеніи предварительнаго слѣдствія до сихъ поръ еще не принятъ большинствомъ странъ континентальной Европы. Наконецъ, въ описываемое нами время прекратилось задержаніе въ тюрьмѣ за долги [1]).

Огромное значеніе для поднятія культуры и просвѣщенія имѣло уменьшеніе гербоваго сбора съ газетъ — съ 4 пенсовъ до одного — и уменьшеніе акциза на бумагу. Первое—т.-е. уменьшеніе сбора съ газетъ—отразилось самымъ благотворнымъ образомъ на ростѣ періодической печати, которая съ этихъ поръ стала доступна значительно болѣе широкимъ слоямъ населенія. Эти обстоятельства очень не нравились лордамъ, которые находили, что лучше было бы вмѣсто этого уменьшить акцизъ на мыло. Мыло есть необходимость.—говорили противники мѣръ, предлагаемыхъ правительствомъ,—а чтеніе газетъ и журналовъ роскошь, причемъ въ отношеніи чтенія газетъ излишества гораздо болѣе возможны и вѣроятны, чѣмъ въ употребленіи мыла. Когда, тѣмъ не менѣе, уменьшенъ былъ сборъ съ газетъ и съ бумаги, этимъ—такъ говорили разные реакціонеры—было сдѣлано все наиболѣе существенное для процвѣтанія низкопробныхъ политическихъ клу-

---

[1]) См. Goldwin Smith, «The United Kingdom. A Political History», vol. II, 369. См. также Acland and Ransome, «A Handbook of Political History of England», 186—187.

бовъ, а именно дешевая водка (джинъ), дешевыя газеты, грязныя руки и немытыя лица [1]). Такъ былъ привѣтствуемъ реакціей первый серьезный шагъ къ уничтоженію налоговъ, которые радикальная партія называла справедливо «налогами на знаніе» (taxes on knowledge): обложеніе газетъ гербовымъ сборомъ и бумаги акцизомъ. Впрочемъ, радикальная партія также была недовольна правительствомъ, негодуя на то, что гербовый сборъ съ газетъ и акцизъ на бумагу не были уничтожены совершенно [2]), а только значительно уменьшены.

Описываемое нами время можно съ значительнымъ правомъ назвать англійской «эпохой великихъ реформъ» и еще болѣе великихъ надеждъ и упованій, исполнить которыя министерству было, конечно, не по силамъ, особенно если принять во вниманіе, что страсть къ реформамъ захватила всѣ классы общества, всевозможныя политическія и иныя организаціи и, наконецъ, отдѣльныхъ лицъ, убѣжденныхъ въ необходимости того или иного нововведенія.

Такъ, въ 1837 г. нѣкій Ройландъ Хиллъ выпустилъ брошюру, въ которой старался доказать неразумность практиковавшагося тогда въ Англіи и въ другихъ странахъ взиманія почтоваго сбора съ писемъ не только по вѣсу, но и по разстоянію. Въ описываемое нами время письма вынимались только разъ въ день (7 час. вечера); затѣмъ чиновники дѣлали для каждаго письма сложные разсчеты стоимости доставки письма по адресу, причемъ стоимость доставки для обыкновеннаго письма доходила до 50 коп. и болѣе; напр., за письмо, посланное изъ Лондона въ Брайтонъ, т.-е. на разстояніе въ 80 верстъ (50 миль), взималось съ получателя (вообще почтовый сборъ уплачивалъ получатель) ни болѣе, ни менѣе какъ 8 пенсовъ или почти 32 коп. Хиллъ предлагалъ ввести плату въ одинъ пенсъ на обыкновенное письмо независимо отъ того, куда письмо посылается, взимать эту плату при отправленіи путемъ продажи соотвѣтствующихъ марокъ; онъ предложилъ далѣе и нѣкоторыя другія мѣры, способныя сдѣлать почту гораздо болѣе удобной и дешевой. Идеи Хилла произвели большое впечатлѣніе. Образовалась цѣлая агитація въ пользу предлагаемой имъ системы; въ парламентъ поступилъ рядъ петицій, и уже въ 1839 г. былъ изданъ законъ, осуществлявшій пожеланія Хилла. Въ слѣдующемъ году, когда законъ входилъ въ силу, Хиллъ былъ приглашенъ на службу въ почтовое вѣдомство для личной помощи новому и важному дѣлу. Черезъ годъ, когда все было устроено, Хиллъ ушелъ, но впослѣдствіи (1846), когда вновь во главѣ правительства стало либеральное министерство, Хиллу былъ снова предложенъ видный постъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, гдѣ онъ за двукратную свою службу оставилъ по себѣ прочную память рядомъ разныхъ усовершенствованій въ организаціи почтовыхъ сношеній. Когда въ 1864 г. Хиллъ долженъ былъ по болѣзни оставить

---

[1]) «Annual Register», 1836, p. 244. Цитировано въ указанномъ выше сочиненіи Бродрика.

[2]) Holland Rose, «Rise of Democracy». 1904, p. 74—75 (Victorian Era Series).

службу, парламентъ назначилъ ему единовременно 200000 р. и пенсію въ 20000 р. Когда въ 1879 г. Хиллъ умеръ, парламентъ постановилъ похоронить его прахъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ—усыпательницѣ великихъ людей Англіи. Такъ умѣютъ цѣнить англичане своихъ великихъ общественныхъ дѣятелей, хотя бы это величіе заключалось, какъ въ данномъ случаѣ, не въ какихъ-либо громкихъ дѣяніяхъ, а въ геніальной практичности, помогшей реорганизовать одну изъ отраслей государственнаго управленія, служащую для удовлетворенія обыкновенныхъ, повседневныхъ нуждъ общей обывательской массы.

Мы позволили себѣ нѣсколько увлечься и уклониться въ сторону, такъ какъ результатомъ дѣятельности Хилла была въ сущности радикальная перемѣна, революція почтоваго дѣла не только въ одной Англіи, но и во всемъ мірѣ; въ самомъ дѣлѣ, система, впервые принятая Англіей, быстро перешла и въ другія страны, дойдя подъ конецъ и до Россіи.

Хотя мы не исчерпали всего законодательства изучаемой нами эпохи, однако, и того, что нами сказано,—а нами сказано все важнѣйшее,—мы полагаемъ, слишкомъ достаточно, чтобы читатель могъ видѣть все многообразіе, всю важность послѣдствій великой избирательной реформы. Въ самомъ дѣлѣ, десятилѣтіе, послѣдовавшее за парламентской реформой, ознаменовалось полной революціей въ разныхъ сферахъ общественной жизни; въ области муниципальнаго управленія, въ законодательствѣ о призрѣніи бѣдныхъ, въ управленіи церковными имуществами и въ церковномъ управленіи вообще, въ области фабричнаго законодательства, въ области народнаго образованія (принципіальное значеніе закона 1839 г.), въ уголовномъ законодательствѣ и, что также весьма важно, въ организаціи почтовыхъ сношеній.

Въ эту же достопамятную эпоху, послѣ неудачнаго возстанія въ Канадѣ (1837—38 г.), была произведена радикальная реорганизація управленія этой колоніей Англіи, причемъ эту реорганизацію можно опять-таки съ полнымъ правомъ считать равносильной революціи. Въ самомъ дѣлѣ, достопамятнымъ «Актомъ объ управленіи Канадой», вотированнымъ парламентомъ въ 1840 г., Англія фактически предоставила Канадѣ почти полную автономію, показавъ другимъ культурнымъ странамъ великій примѣръ безграничной вѣры въ силу чисто-нравственной связи метрополіи и колоній [1]), связи, основанной на общности интересовъ и стремленій и, во всякомъ случаѣ, чуждой какихъ-либо элементовъ принужденія.

Послѣ всего сказаннаго о характерѣ дѣятельности виговъ въ десятилѣтнее управленіе ими страной мы не удивимся, что всѣ консерваторы и тѣмъ болѣе всѣ завзятые тори всячески стремились лишить власти виновниковъ парламентской реформы 1832 г. и водворить на ихъ мѣста другихъ министровъ, болѣе склонныхъ держаться учрежденій и завѣтовъ старой Англіи. Число сторонниковъ министерства въ парламентѣ постепенно уменьша-

[1]) См. объ этомъ нашу книгу, «Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи».

лось, число ихъ противниковъ возрастало; въ парламентѣ, собравшемся въ январѣ 1833 г., консерваторовъ было 172; когда этотъ парламентъ былъ въ 1834 г. распущенъ Пилемъ, то въ новый парламентъ, собравшійся въ февралѣ 1835 г., попало уже 273 консерватора; въ парламентъ, который былъ выбранъ, какъ это тогда требовалось, вслѣдствіе перехода короны къ другому лицу (королевѣ Викторіи), въ 1837 году, консерваторовъ было уже 310, т.-е. только на 38 человѣкъ менѣе, чѣмъ либераловъ (348). Столь малое большинство, конечно, сильно парализовало энергію министерства Мельбурна, такъ какъ онъ всегда могъ ожидать, что тѣмъ или инымъ путемъ его противники сумѣютъ произвести расколъ въ его партіи и оставить его въ меньшинствѣ.

Рядъ неурожайныхъ годовъ, которыми началось царствованіе юной королевы, вызвалъ народное недовольство. Этого недовольства не могли уменьшить однѣ политическія реформы, которыя къ тому же при всей своей значительности далеко не соотвѣтствовали радикальному кодексу, съ которымъ выступали передъ народомъ чартистскіе агитаторы, о чемъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ. Для успокоенія народа надо было сдѣлать ему уступки и въ области чисто-экономической; къ этимъ уступкамъ побуждали правительство и нѣкоторыя финансовыя соображенія, на которыхъ мы здѣсь не можемъ останавливаться [1]). Вотъ по какимъ соображеніямъ правительство заявило весной 1841 г. о своемъ желаніи уменьшить нѣкоторыя пошлины и въ томъ числѣ особенно непопулярныя въ народѣ и дѣйствительно весьма вредныя для массы населенія пошлины на ввозный сахаръ и на ввозный хлѣбъ.

Однако, первая мѣра задѣвала самымъ чувствительнымъ образомъ весьма богатыхъ владѣльцевъ сахарныхъ плантацій въ Вестъ-Индіи, вторая же могущественную поземельную аристократію Англіи. Придравшись къ одному предлогу, Пиль поставилъ въ парламентѣ вопросъ о довѣріи министерству, и министерство оказалось въ меньшинствѣ, правда, всего на одинъ голосъ. Мельбурнъ не согласился уступить власть оппозиціи и предложилъ королевѣ распустить парламентъ. Новые выборы дали консерваторамъ большинство въ 80 человѣкъ. Какъ только собрался новый парламентъ, оппозиція вновь поставила вопросъ о довѣріи министерству, и лорду Мельбурну не оставалось ничего другого, какъ уступить мѣсто своимъ противникамъ справа.

Прежде чѣмъ излагать исторію Англіи во время смѣнившаго Мельбурна министерства сэра Роберта Пиля, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ той кампаніей, которая велась противъ правительства его противниками слѣва, организовавшими въ высшей степени важное народное движеніе, извѣстное подъ названіемъ чартизма. Руководители этого движенія сумѣли дискредитировать правительство въ глазахъ народной массы, отсутствіе же народной поддержки облегчило пораженіе либераловъ.

---

[1]) См. Frank Bright, «A History of England», vol. IV. «Growth of Democracy» (London, 1905), p. 50—55.

Это пораженіе было произведено соединенными усиліями поземельной аристократіи съ ея все еще сильнымъ и многообразнымъ вліяніемъ на выборы, реакціонной части средняго класса и той части того же класса, которая, не чуждаясь реформъ, была не на шутку напугана эксцессами новаго народнаго движенія, описаніе котораго составляетъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА X.

Чартистское движеніе: первый періодъ (1837—1841).

Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы выяснили, какъ велики были измѣненія, которыя произвела реформа 1832 г. въ избирательной системѣ Англіи. Мы видѣли, что какъ съ принципіальной точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія обстоятельствъ, при которыхъ она была произведена, и тѣхъ конституціонныхъ прецедентовъ, которые она создала, эту реформу можно считать своего рода революціей. Мы видѣли, что и ближайшія практическія послѣдствія этой реформы—законодательные акты, изданные между 1833 и 1841 гг.—внесли существенныя измѣненія въ разныя сферы государственной и общественной жизни.

Какъ ни велико, однако, значеніе реформы 1832 г., тѣмъ не менѣе, и она носила на себѣ печать обычнаго англійскаго законодательнаго акта: она устраняла лишь важнѣйшія злоупотребленія, главнѣйшіе недостатки стараго порядка выборовъ народныхъ представителей. Это былъ, такъ сказать, компромиссъ между порядками, завѣщанными прошлымъ, и тѣми, о которыхъ мечтала и на которые нѣкоторое время разсчитывала наиболѣе радикальная часть англійскаго общества.

Такъ, во-первыхъ, хотя реформа значительно увеличила число лицъ, принимающихъ участіе въ выборѣ народныхъ представителей, все же это число не вполнѣ достигало и милліона (930.000), хотя общее число жителей Великобританіи составляло 24.000.000 [1]). Въ самомъ дѣлѣ, въ виду имущественнаго ценза, который, какъ мы видѣли, требовался отъ избирателей и по новому закону, политическія права, въ добавокъ къ прежней поземельной аристократіи, получила и болѣе обезпеченная часть среднихъ классовъ.

Во-вторыхъ, реформа, уничтоживъ представительство такъ наз. гнилыхъ мѣстечекъ и распредѣливъ освободившіяся вакансіи почти пополамъ между новыми промышленными городами и старыми графствами, т.-е. въ сущности сельскими областями съ доминировавшими тамъ землевладѣльцами, не произвела настоящей ломки въ системѣ народнаго представительства. По-

---

[1]) См. Lowes Dickinson, «Le Développement du Parlement pendant le XIX siècle». Paris, 1906, p. 53.

прежнему число депутатовъ отъ того или иного округа или города, вообще говоря, вовсе не было пропорціонально числу жителей. И послѣ реформы 16 городовъ, гдѣ была сосредоточена половина городского населенія Англіи, посылали въ парламентъ только 33 изъ 323 депутатовъ [1]), которыхъ вообще выбирала городская Англія. Это значитъ, что менѣе всего были представлены въ парламентѣ именно большіе города, гдѣ съ точки зрѣнія властей было наиболѣе безпокойное населеніе. Такимъ образомъ, и послѣ реформы оставалось незначительнымъ то косвенное вліяніе на выборы, которое могъ оказывать городской и промышленный пролетаріатъ, не допущенный новымъ закономъ къ непосредственному участію въ выборахъ.

Новый законъ оставилъ открытую подачу голосовъ со всѣми ея нежелательными послѣдствіями. Законъ не уменьшилъ продолжительности депутатскихъ полномочій, которыя, какъ и ранѣе, длились семь лѣтъ. Это обстоятельство, конечно, дѣлало возможнымъ постепенное образованіе значительной разницы между настроеніемъ народа и избранныхъ имъ (4—5 лѣтъ тому назадъ) представителей.

Если мы присоединимъ къ этому значительность расходовъ, которыхъ требовали отъ кандидатовъ парламентскіе выборы, если мы примемъ далѣе во вниманіе безплатность труда членовъ парламента, то мы убѣдимся, что и послѣ реформы 1832 г. система парламентскихъ выборовъ въ Англіи продолжала сохранять много наслѣдій стараго порядка и съ точки зрѣнія людей радикальнаго образа мыслей могла казаться совершенно неудовлетворительной и, пожалуй, даже никуда не годной.

Въ самомъ дѣлѣ, рабочій классъ, который своимъ массовымъ участіемъ въ агитаціи за избирательную реформу такъ сильно содѣйствовалъ конечному ея успѣху, не получилъ самъ политическихъ правъ, а помогъ добиться ихъ среднему классу или буржуазіи. Конечно, и эта побѣда оказалась далеко не безплодной для рабочаго класса, какъ это видно хотя бы изъ нашего обозрѣнія законодательной дѣятельности первыхъ парламентовъ, выбранныхъ по новому закону. Однако, тотъ фактъ, что народъ не принималъ попрежнему прямого участія въ выборахъ членовъ парламента—отразился, конечно, на характерѣ законодательства эпохи перваго царства виговъ (1833—41). Мы видѣли, что эти законы важны скорѣе въ принципіальномъ отношеніи, чѣмъ въ отношеніи ихъ ближайшихъ практическихъ результатовъ.

Мы знаемъ, что между новыми законами былъ одинъ, который, будучи, какъ показала дальнѣйшая исторія Англіи, въ общемъ весьма благотворнымъ для рабочихъ классовъ, былъ сначала даже источникомъ большихъ лишеній для народной массы. Говоря такимъ образомъ, мы разумѣемъ, конечно, изложенную нами выше реформу призрѣнія бѣдныхъ. Рѣзкость перехода отъ стараго режима къ новому [2]), подсказанная, можетъ-быть, сильнымъ жела-

---

[1]) Lowes Dickinson, 54.

[2]) См. книгу Е. Кувшинской, «Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи», 1907, глава IV.

нѣмъ парализовать возможно скорѣе чрезвычайно вредное дѣйствіе старыхъ порядковъ, очень раздражала рабочіе классы и направила вновь ихъ мысли на политическіе вопросы и въ томъ числѣ на вопросъ о реформѣ парламентскаго представительства, но уже въ болѣе радикальномъ духѣ, чѣмъ это было сдѣлано актомъ 1832 г.

Таковы были причины возникновенія въ 1836 г. въ Лондонѣ «Ассоціаціи или Общества Рабочихъ» (Workingmen's Association), которое поставило себѣ, между прочимъ, такія цѣли: «объединять сознательную и вліятельную часть городскихъ и сельскихъ рабочихъ и добиваться всѣми законными средствами предоставленія всѣмъ классамъ общества одинаковыхъ политическихъ и соціальныхъ правъ»... Ядро общества образовалось изъ людей весьма радикальныхъ, которые даже ввели въ уставъ пунктъ, согласно которому лица нерабочихъ классовъ допускались въ общество лишь въ качествѣ почетныхъ членовъ. Это, конечно, означало вовсе не особое почтеніе къ высшимъ классамъ, а просто нежеланіе дать имъ право голоса при вотированіи тѣхъ или иныхъ постановленій.

«Ассоціація рабочихъ» не довольствовалась попытками организовать сознательную часть рабочаго населенія только одного Лондона. Путемъ разсылки воззваній и командировки «миссіонеровъ» (missioners), ассоціація стремилась распропагандировать въ желательномъ ей направленіи рабочее населеніе другихъ городовъ Англіи. Моментъ для этого былъ весьма благопріятный, такъ какъ зима 1836—37 г. была чрезвычайно суровой [1]), и народныя лишенія и страданія достигли исключительныхъ размѣровъ. Лишенія, происходящія отъ необычайнаго холода, усугублялись плохимъ урожаемъ, безработицей и указаннымъ выше суровымъ примѣненіемъ новаго закона о призрѣніи бѣдныхъ. Поэтому общества на подобіе лондонскаго стали возникать повсемѣстно и притомъ не только въ большихъ, но даже во второстепенныхъ городахъ. По свидѣтельству извѣстнаго рабочаго дѣятеля этой эпохи Плэса (Place) число провинціальныхъ отдѣленій лондонской ассоціаціи скоро перешло за сто.

Въ 1837 г., какъ мы знаемъ, на англійскій престолъ вступила молодая неопытная дѣвушка. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, съ перемѣной престола оживаютъ надежды лицъ, жаждущихъ обновленія политическаго и соціальнаго строя государства. Это обстоятельство вдохнуло особую энергію въ дѣятельность ассоціаціи тѣмъ болѣе, что вліятельные ея члены находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ наиболѣе видными представителями радикализма въ парламентѣ.

Для того, чтобы придать новому движенію извѣстную опредѣленность и ясные лозунги, было рѣшено составить проектъ новаго избирательнаго закона, который удовлетворялъ бы основнымъ требованіямъ рабочаго класса. Въ теченіе того же 1837 г., когда возникла «Ассоціація рабочихъ», такой проектъ былъ составленъ и получилъ названіе «People's Charter» или «На-

[1]) Въ зиму 1836—37 г. Темза у Лондона была покрыта сплошь льдомъ, что случается два—три раза въ столѣтіе.

родной Хартіи», почему и движеніе, имѣвшее цѣлью добиться такого закона или такой хартіи, получило названіе чартизма (chartism), а лица, причастныя къ движенію, названіе чартистовъ.

Эта народная хартія много разъ передѣлывалась и въ окончательномъ своемъ видѣ (принятомъ на конференціи въ Бирмингамѣ въ декабрѣ 1842 г.) представляетъ превосходно редактированный обстоятельный законопроектъ почти въ полтора печатныхъ листа[1]). Однако, какъ въ первоначальной, такъ и во всѣхъ слѣдующихъ редакціяхъ имѣются слѣдующіе шесть основныхъ пунктовъ или положеній хартіи:

1) Право голоса предоставляется всѣмъ совершеннолѣтнимъ мужчинамъ [2]).

2) Всѣ избирательные участки имѣютъ по возможности одинаковое число жителей.

3) Члены парламента выбираются на одинъ годъ.

4) Подача голосовъ происходитъ тайно.

5) Члены парламента получаютъ за свой трудъ извѣстное вознагражденіе.

6) Членомъ парламента можетъ быть избранъ любой полноправный гражданинъ независимо отъ какого-нибудь имущественнаго ценза.

Какъ мы видимъ, избирательный законопроектъ, ставшій основнымъ лозунгомъ чартизма, былъ весьма радикаленъ не только для описываемаго нами времени, но даже и для нашихъ дней. Нашимъ читателямъ, можетъ-быть, извѣстно, что и въ современномъ мірѣ нѣтъ ни одной страны, гдѣ народные представители были бы избираемы только на годъ; да и двухгодичные парламенты существуютъ лишь въ американской и австралійской федераціяхъ. Ультрарадикализмъ народной хартіи отшатнулъ отъ новаго движенія значительную часть радикальной фракціи парламента, не говоря, конечно, объ остальной его части. Равнымъ образомъ, хартія не понравилась той части лицъ радикальнаго образа мыслей, которая по состоянію и общественному положенію принадлежала къ среднему классу. Руководителямъ новаго движенія пришлось поэтому искать поддержки, главнымъ образомъ, среди рабочаго класса и народной массы вообще, которая болѣе нуждалась въ хартіи и потому легче вѣрила въ ея осуществимость въ ближайшемъ будущемъ, какъ и въ то, что вслѣдъ за таковымъ осуществленіемъ исчезнутъ всѣ ея бѣды и несчастья.

Въ теченіе зимы 1837—1838 г. проектъ народной хартіи былъ разосланъ всѣмъ радикальнымъ обществамъ Англіи съ просьбой обсудить его и, если онъ окажется удовлетворительнымъ, оказать поддержку новому движенію. Хартія повсемѣстно вызвала полное одобреніе и сочувствіе. Особенно

---

[1]) См. приложеніе B. «The People's Charter» къ извѣстному сочиненію R. G. Gammage, «History of the Chartist Movement». London, 1894.

[2]) При составленіи первой редакціи хартіи нѣкоторые предлагали распространить политическія права и на женщинъ, но большинство не согласилось съ этимъ по практическимъ соображеніямъ.

важное значеніе имѣло присоединеніе къ чартизму уже знакомаго намъ бирмингамскаго политическаго союза, игравшаго, какъ, можетъ-быть, помнитъ читатель, столь выдающуюся роль въ движеніи за избирательную реформу 1832 г.

Въ это же время въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ появился рядъ газетъ, проповѣдывавшихъ «ultra democracy», т.-е. самые радикальные взгляды. Наибольшее вліяніе имѣли газеты «Полярная Звѣзда» (Northern Star), которую издавалъ ирландецъ Фергюсъ О'Коннеръ, которому вообще суждено было играть выдающуюся роль въ чартистскомъ движеніи. Въ періодъ наибольшаго увлеченія чартизмомъ газета О'Коннора расходилась въ 50000 экземплярахъ: для описываемаго нами времени это было нѣчто совершенно феноменальное.

Въ маѣ 1838 г. народная хартія была опубликована во всеобщее свѣдѣніе. По всей странѣ начались народные митинги, на которыхъ ораторы—часто это были лица, посланныя для пропаганды изъ Лондона—старались возбудить народный энтузіазмъ перспективой благъ, которыя должны были явиться результатомъ введенія хартіи въ законодательство страны. Само собой разумѣется, что на этихъ митингахъ жестоко доставалось правительству. Доставалось и буржуазіи, удовлетворившейся избирательнымъ закономъ 1832 г. Предметомъ наиболѣе страстныхъ нападокъ былъ знакомый намъ законъ о призрѣніи бѣдныхъ.

Одинъ изъ первыхъ значительныхъ митинговъ состоялся 28 мая 1838 года въ Глазго. По словамъ историка чартистскаго движенія, тамъ собралось «не менѣе 200000 человѣкъ» [1]) съ 40 оркестрами музыки, съ сотнями развѣвающихся знаменъ самыхъ различныхъ величинъ и съ самыми разнообразными надписями. Уже на этомъ первомъ значительномъ митингѣ былъ предложенъ планъ кампаніи, которая должна была обезпечить побѣду чартистамъ посылка петицій парламенту съ требованіемъ законодательной санкціи хартіи, подпись петицій всѣми истинными демократами, каковыхъ предполагалось въ Англіи два или даже три милліона. Если бы по истеченіи нѣкотораго времени парламентъ не осуществилъ этого желанія народа, то за этимъ должна была наступить всеобщая стачка, которая, предполагалось, заставитъ склониться передъ столь ясно выраженной народной волей всѣхъ его враговъ. «Противъ насъ—говорилъ Атвудъ, членъ парламента и предсѣдатель Бирмингамскаго Союза—вся аристократія, девять десятыхъ помѣщиковъ, духовенство, всѣ пенсіонеры, всѣ «синекуристы» и всѣ тѣ, кто живетъ, высасывая жизненные соки народа»... [2]). Тѣмъ не менѣе, ораторъ вѣрилъ въ близкую побѣду народа и умѣлъ вдохнуть такую же вѣру во многихъ своихъ слушателей.

Въ августѣ того же 1838 года состоялся значительный митингъ въ Ньюкэстлѣ, гдѣ собралось до 80000 человѣкъ, которыхъ О'Коннеръ, произнесшій въ высшей степени пламенную рѣчь, обѣщалъ привести «къ смерти или

---

[1]) Gammage, «History of the Chartist Movement», p. 20.

[2]) Gammage, цит. сочин., 21.

славѣ» [1]). Затѣмъ послѣдовалъ огромный митингъ въ Бирмингамѣ, гдѣ уже собралось до 200000 человѣкъ, передъ которыми были произнесены зажигательныя рѣчи разными ораторами, причемъ наибольшій успѣхъ имѣли О'Коннеръ и Атвудъ. Послѣдній сказалъ, между прочимъ, что, когда петиція парламенту будетъ готова, т.-е. подписана, надо будетъ собрать въ Лондонѣ 500000 гражданъ. Эти полмилліона гражданъ будутъ сопровождать его, Атвуда, когда онъ вмѣстѣ съ ними отправится въ парламентъ и въ качествѣ члена послѣдняго возьметъ на себя передачу петиціи. Народъ же будетъ ждать отвѣта, оставаясь на одной изъ ближайшихъ къ парламенту площадей. Что будетъ, если парламентъ откажется исполнить петицію, разумѣлось, вѣроятно, само собой. О'Коннеръ превзошелъ Атвуда, продекламировавъ, между прочимъ, стихи, которые прямо призывали народъ къ кровавому возстанію. Онъ обнаружилъ этимъ — говоритъ историкъ и видный участникъ чартистскаго движенія—«необдуманную рѣзкость» (recklessness), которая, мало-помалу, поселила раздоръ среди чартистовъ и оттолкнула отъ чартистскаго движенія болѣе сдержанную часть его первоначальныхъ участниковъ.

Не перечисляя митинговъ, которые были около того же времени, т.-е. во второй половинѣ 1838 г., въ другихъ частяхъ Англіи, скажемъ лишь, что центромъ всего движенія были чисто-промышленные округа—Ланкаширъ и Іоркширъ,—т.-е. округа, гдѣ главную массу населенія составляли фабричные рабочіе.

Изъ многихъ ораторовъ, выступавшихъ на огромныхъ митингахъ того времени, наиболѣе выдѣлялись, кромѣ уже названныхъ выше О'Коннора и Атвуда, Остлеръ, Винцентъ и Стифенсъ. Послѣдній былъ ранѣе пасторомъ весліанской (методистской) церкви, но лишился мѣста за чрезвычайную рѣзкость и революціонность своихъ проповѣдей. Примкнувъ къ чартистскому движенію, онъ содѣйствовалъ торжеству въ немъ болѣе крайняго направленія. Не упуская никакихъ случаевъ для пропаганды своихъ взглядовъ, онъ говорилъ на площадяхъ, базарахъ и вообще вездѣ, гдѣ только собирался почему-либо народъ. Отъ него жестоко доставалось министрамъ и всему правительству вообще, равно какъ и фабрикантамъ, купцамъ и всему имущему классу. Указывая однажды на огромную фабричную трубу, Стифенсъ сказалъ своимъ слушателямъ. «Вы видите вонъ тамъ фабрику съ ея высоко возвышающейся трубой; вѣдь каждый кирпичъ этой фабрики пропитанъ (cemented with) кровью женщинъ и маленькихъ дѣтей». Въ другой разъ онъ выразился такимъ образомъ: «Если права народа презираются, то долой тронъ, долой аристократію, долой епископовъ, долой все духовенство; жгите церкви, уничтожайте все, что носитъ титулы, чины, званія» [2]). Стифенсъ самъ себя называлъ «революціономъ огня, крови, ножа, мести» и «былъ дѣйствительно таковымъ»,— говоритъ одинъ историкъ англійскаго радикализма [3]). Стифенсъ прямо под-

---

[1]) Тамъ же, стр. 26.

[2]) Gammage, цит. сочин., 59.

[3]) Kent, «English Radicals», p. 367.

стрекалъ народъ, передъ которымъ онъ выступалъ почти ежедневно, къ грабежу богатыхъ и ссылался при этомъ на разные тексты Священнаго Писанія. Онъ говорилъ, напримѣръ, что восьмая заповѣдь «не укради» касается одинаково всѣхъ—богатыхъ и бѣдныхъ, и что, такъ какъ благодаря существующему порядку богатые имѣютъ возможность грабить бѣдныхъ на законномъ основаніи, отнятіе отъ богатыхъ ихъ дурно нажитаго и излишняго богатства есть не болѣе какъ актъ нравственной справедливости—отобраніе назадъ своего же собственнаго [1]).

Такъ характеризуетъ содержаніе и направленіе рѣчей Стифенса Гэммэджъ одинъ изъ болѣе сдержанныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно видныхъ участниковъ чартистскаго движенія. Описывая это движеніе въ симпатизирующемъ ему тонѣ, Гэммэджъ не считаетъ, однако, необходимымъ скрывать и «той горькой, но несомнѣнной истины, что въ чартистскомъ движеніи была немалая доля безумія» [2]).

Давъ приведенную нами характеристику рѣчей Стифенса и нѣкоторыхъ другихъ чартистскихъ ораторовъ, Гэммеджъ продолжаетъ далѣе слѣдующимъ образомъ:

«Значительная часть прессы, отмѣчая эти и подобныя рѣчи, заявляла, что правительство беретъ на себя часть вины тѣмъ, что позволяетъ такіе митинги. Эти нападки на правительство за его апатію продолжались изъ недѣли въ недѣлю и вызвали, наконецъ, отвѣтъ со стороны лорда Джона Росселя (министра внутреннихъ дѣлъ). Въ сентябрѣ 1838 г. лордъ Россель былъ приглашенъ на парадный обѣдъ городскимъ управленіемъ Ливерпуля. Онъ произнесъ на этомъ обѣдѣ рѣчь, въ которой заслуживаютъ нашего вниманія слѣдующія слова: «Въ настоящее время, господа, во всей странѣ происходятъ митинги. Есть лица, которыя находятъ, что правительство должно было бы ихъ запретить. Не таково, однако, мое мнѣніе и не таково мнѣніе правительства, къ которому я имѣю честь принадлежать. Народъ имѣетъ полное право собираться на митинги. Если не имѣется серьезныхъ основаній для народнаго неудовольствія, то здравый смыслъ возьметъ скоро верхъ, и митинги сами собой прекратятся. Правительству не приходится бояться свободнаго обсужденія, свободнаго проявленія общественнаго мнѣнія. Правительство должно испытывать страхъ только тогда, когда, опасаясь репрессій, граждане начинаютъ составлять тайныя организаціи и общества. Вотъ что дѣйствительно страшно, вотъ что въ самомъ дѣлѣ опасно, а никакъ не свободное, публичное обсужденіе народомъ своихъ нуждъ и неудовольствій» [3]).

Трудно, конечно, сказать, насколько эти слова были искренни, и насколько они представляли собой, какъ говорятъ французы, «bonne mine au mauveais jeu». Для объясненія сдержанности правительства достаточно, впро-

---

[1]) Gammage, цит. сочин., 93.

[2]) См. предисловіе къ цитированному сочиненію Gammage.

[3]) Gammadge, p. 93.

чемъ, одного соображенія: проведя свой главный законодательный актъ (избирательную реформу 1832) только благодаря необычайно широкому и энергичному народному движенію, правительство весьма естественно удерживалось до послѣдней возможности отъ какихъ-либо репрессій по отношенію къ другому такому же народному движенію, имѣвшему цѣлью лишь дальнѣйшее развитіе той самой политической реформы, которая была произведена великимъ актомъ 1832 года.

Долго, однако, это не могло продолжаться. Рѣчи и дѣйствія наиболѣе крайнихъ чартистовъ становились все болѣе и болѣе рѣзкими; вмѣстѣ съ этимъ росло безпокойство всѣхъ достаточныхъ классовъ общества; съ теченіемъ времени это безпокойство стало переходить въ страхъ передъ грядущей насильственной революціей.

Предоставимъ, однако, слово исторіографу этого движенія, чартисту Гэммеджу.

«Осенью 1838 года — говоритъ Гэммэджъ—митинги начали принимать ужасный характеръ (formidable character). Къ этому времени выяснились неудобства массовыхъ собраній въ теченіе дня. Народъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы охотно терять дневные часы на митинги. Отъ времени до времени можно было организовать многотысячные митинги и днемъ, но часто повторять такіе митинги было невозможно. Трудно было также находить помѣщеніе, гдѣ могли собираться густыя толпы, которыя каждый день горѣли желаніемъ выразить свою ненависть къ существующему строю общества. Городскія же управленія почти всегда отказывались предоставлять для этого свои залы.

«Изъ каждаго положенія есть выходъ. Руководители чартистовъ быстро додумались до такого выхода, который освободилъ ихъ отъ необходимости подыскивать какія-нибудь залы и другія помѣщенія для устраиваемыхъ ими митинговъ. Они предложили организовывать митинги на открытомъ воздухѣ, притомъ по вечерамъ, при факельномъ освѣщеніи; это было дешевле и удобнѣе, чѣмъ собираться въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

«Исполненіе этой мысли не заставило себя ждать. Въ теченіе короткаго времени въ фабричныхъ центрахъ состоялся рядъ такихъ внушительныхъ народныхъ демонстрацій, какихъ, вѣроятно, не было ни въ одну изъ прежнихъ агитацій. Болтонъ, Стокпортъ, Эштонъ, Гайдъ [1]), Стэлибриджъ, Лей и разные другіе города—большіе и малые—ознаменовались многочисленными собраніями при указанной обстановкѣ. Вездѣ рабочій народъ собирался тысячами и десятками тысячъ и торжественно клялся служить общему дѣлу.

«Невозможно представить себѣ то возбужденіе, которое вызывали эти манифестаціи: для этого надо было быть очевидцемъ всего происходившаго. Никто не приходилъ на собранія поодиночкѣ; отдѣльныя группы участниковъ митинга встрѣчались предварительно въ какомъ-нибудь пунктѣ, откуда въ зара-

[1]) Первые четыре города расположены близъ Манчестера и населены сплошь фабричными рабочими.

нѣе установленный часъ отправлялись на митингъ длинными процессіями, проходя по главнымъ улицамъ города. Они оглашали воздухъ громовымъ «ура», когда узнавали встрѣчавшихся на пути своихъ кумировъ-ораторовъ, которые должны были выступать съ рѣчами, и поднимали невообразимый свистъ и неистово шикали, когда проходили мимо редакціи враждебной газеты или мимо дома какого-нибудь пользующагося дурной славой муниципальнаго дѣятеля, фабриканта или другого предпринимателя. Знамена съ болѣе страшными изображеніями при красномъ свѣтѣ мерцающихъ факеловъ могли навести ужасъ; черепа, изображенные на нѣкоторыхъ знаменахъ, злобно усмѣхались (grinned) на подобіе привидѣній и напоминали служителямъ Мамоны о грозящей имъ участи. Грозный внѣшній видъ тысячъ рабочихъ, которые не имѣли времени сходить послѣ дневного труда домой и вымыться, грязныя лица рабочихъ, испачканныя саломъ и сажей, еще увеличивали впечатлѣніе отъ всей этой сцены. Процессіи часто растягивались на громадное пространство, такъ какъ число участниковъ доходило иногда до 50000 чел. По всей такой длинной линіи виднѣлся свѣтъ факеловъ, освѣщающій небо какъ-будто отъ горящаго большого города. Что касается самыхъ митинговъ, то они могли навести еще большій ужасъ. Видъ огромнаго числа пылающихъ факеловъ, повидимому, возбуждалъ какъ ораторовъ, такъ и ихъ слушателей.

«О'Коннеръ, Стифенсъ и Макъ Дуалль часто присутствовали на такихъ митингахъ и, повидимому, не старались сколько-нибудь сдерживать свои рѣчи въ виду необходимости извѣстнаго благоразумія. Послѣдніе двое чаще всего совѣтовали народу вооружаться. О'Коннеръ почти въ каждой своей рѣчи доходилъ до того, что указывалъ прямо день, когда хартія станетъ закономъ страны. Обыкновенно онъ заключалъ свою рѣчь заявленіемъ, что, если хартія не будетъ дана 29 сентября, то парламенту достанется на орѣхи на слѣдующій же день, т.-е. 30 сентября. Стифенсъ, не колеблясь, провозглашалъ, что высшіе классы (the ruling class) ни болѣе, ни менѣе какъ шайка убійцъ, кровь которыхъ требуется для удовлетворенія общественной справедливости» [1]).

На митингѣ, который состоялся ночью 14 ноября 1838 г. въ г. Гайдѣ [2]); главнымъ ораторомъ былъ Стифенсъ. Народу собралось до 15000 чел., во главѣ длинной процессіи шелъ хоръ музыкантовъ; отъ времени до времени показывались люди, которые несли знамена съ весьма внушительными надписями: «За дѣтей и жену мы обратимся и къ ножу». «У кого нѣтъ палаша, пусть продастъ одежду и купитъ на вырученныя деньги палашъ». «Эштонъ (фабричный городокъ) требуетъ всеобщей подачи голосовъ или всеобщаго мщенія». «Не забывайте кроваваго дѣла при Петерлоо»! «Трепещите, тираны» и т. д.

---

[1]) Gammage, цит. сочин., 94—95.

[2]) Въ то время фабричный городокъ (теперь настоящій городъ) въ 10 верстахъ отъ Манчестера.

Рѣчь Стифенса была въ соотвѣтственномъ духѣ. «Кончая ее, онъ обратился къ собравшимся и спросилъ, готовы ли они и вооружены ли они, на что отвѣтомъ было два или три выстрѣла. «Это все»?—спросилъ Стифенсъ, послѣ чего раздался уже цѣлый залпъ. Онъ, однако, продолжалъ испытаніе и потребовалъ, чтобы всѣ, кто собирается запастись оружіемъ, подняли вверхъ руки; тутъ поднялось великое множество рукъ, и снова раздался сильный залпъ»...

Давъ такую характеристику рѣчей, которыя произносились ораторами на ночныхъ митингахъ, Гэммэджъ заключаетъ эту характеристику такимъ соображеніемъ, которое объясняетъ успѣхъ ораторовъ. «Огромныя лишенія, которыя испытывалъ въ это время народъ, дѣлали для него чрезвычайно пріятными рѣчи въ родѣ тѣхъ, которыя произносилъ Стифенсъ. Въ самомъ дѣлѣ, не было, повидимому, въ англійскомъ языкѣ такихъ словъ, которыя могли бы казаться слишкомъ рѣзкими или черезчуръ зажигательными этимъ переутомленнымъ, плохо питавшимся дѣтямъ труда. Предложеніе воздѣйствовать на правительство нравственнымъ давленіемъ вызвало бы однѣ насмѣшки, только самые рѣзкіе призывы встрѣчали сочувственные отвѣты,—причемъ не только громогласными возгласами многотысячной толпы, но и, какъ мы видѣли, выстрѣлами и маханіемъ въ воздухѣ пиками (pikes), съ которыми являлись на митингъ многіе, желавшіе показать, что они готовы и на это послѣднее средство для отмщенія за попранныя народныя права [1]).

Ознакомившись со всѣми этими фактами, мы не можемъ, конечно, удивляться ни чрезвычайной тревогѣ, которую стали испытывать высшіе и средніе классы, ни тому, что правительство вняло, наконецъ, настояніямъ этихъ классовъ. Въ одинъ прекрасный день правительство запретило всякіе ночные митинги и арестовало для преданія суду Стифенса и нѣсколькихъ другихъ наиболѣе рѣзкихъ агитаторовъ.

Однако, эти аресты не остановили ни агитаціи, ни митинговъ; правда, ночные митинги съ факелами прекратились, но дневные митинги на открытомъ воздухѣ и вечерніе въ закрытыхъ помѣщеніяхъ продолжались всю зиму 1838—39 г., причемъ, какъ говоритъ Гэммэджъ, «рѣчи ораторовъ не измѣнились ни на одну іоту съ точки зрѣнія ихъ обычной рѣзкости» [2]).

Между тѣмъ въ чартистскомъ движеніи наступилъ новый и чрезвычайно важный моментъ. Этотъ моментъ въ высшей степени любопытенъ, такъ какъ онъ показываетъ, что въ то самое время, когда весь англійскій режимъ подвергался столь рѣзкимъ и огульнымъ нападкамъ, англичане, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи политической свободы, находились въ такомъ счастливомъ положеніи, о которомъ въ то время и не мечтала континентальная Европа

Въ самомъ дѣлѣ 4 февраля 1839 г. въ Лондонѣ собрался «Конвентъ» или, какъ его называли нѣкоторые, «Національный Конвентъ» представителей чартистскихъ организацій всей Англіи. Этотъ «Конвентъ» долженъ былъ

---

[1]) Gammage, цит. сочин., 97.

[2]) Тамъ же, стр. 105.

выработать общую тактику чартистовъ и наиболѣе цѣлесообразные пути для воздѣйствія на парламентъ съ тѣмъ, чтобы побудить послѣдній къ принятію извѣстной намъ хартіи. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ изъ членовъ «Конвента» была надежда на то, что «Конвентъ» можетъ при благопріятныхъ условіяхъ взять на себя роль «Учредительнаго собранія». Несмотря на волненіе, поднятое чартистами во всей странѣ и въ особенности въ фабричныхъ центрахъ, правительство не подумало стѣснить въ чемъ-либо занятій «Конвента».

На «Конвентѣ» сразу же выяснилась разнородность общественныхъ теченій, которыя собрались подъ общимъ знаменемъ чартизма—разнородность не съ точки зрѣнія конечныхъ цѣлей, поскольку послѣднія опредѣлялись извѣстной намъ хартіей, а съ точки зрѣнія тактики, тѣхъ пріемовъ, которыми можно было бы достичь успѣха. Одни—ихъ было значительное меньшинство—стояли за путь нравственнаго воздѣйствія; другіе считали такую тактику потерей времени и предлагали готовить народъ къ употребленію физической силы, т.-е., употребляя выраженіе, получившее недавно у насъ, въ Россіи, весьма опредѣленный смыслъ, предлагали путь «активныхъ выступленій».

«Конвентъ» выпустилъ нѣсколько воззваній къ обществу и отправилъ агитаторовъ въ разныя части Англіи для дальнѣйшаго распропагандированія населенія. Затѣмъ начались долгіе споры и пререканія между двумя указанными нами фракціями. Дѣло кончилось тѣмъ, что нѣкоторая часть болѣе умѣренныхъ членовъ «Конвента» вышла изъ его состава; хотя вмѣсто ушедшихъ на мѣстахъ были тотчасъ же выбраны другіе делегаты, тѣмъ не менѣе, этотъ расколъ несомнѣнно подорвалъ авторитетъ и вліяніе «Конвента».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ виду того, что Лондонъ съ его разношерстнымъ населеніемъ, съ лучше, чѣмъ гдѣ-либо (въ Англіи), организованной полиціей, съ значительнымъ числомъ войскъ представлялся вѣроятно не особенно удобнымъ мѣстомъ для какихъ-либо активныхъ выступленій, доминировавшая въ «Конвентѣ» партія сторонниковъ этой тактики предложила, слѣдуя совѣту знакомаго намъ Атвуда, перенести засѣданія «Конвента» въ Бирмингамъ, гдѣ, какъ въ крупнѣйшемъ рабочемъ центрѣ, обстановка была, конечно, гораздо болѣе благопріятной. Это было 13 мая 1839 г.

Прежде чѣмъ отправиться для продолженія своихъ занятій въ Бирмингамъ, «Конвентъ» постановилъ организовать въ Тріоицынъ день во всей Англіи возможно болѣе многолюдные митинги. Большинство членовъ «Конвента» взялось выступить лично на томъ или иномъ изъ этихъ митинговъ и предложить народу—до употребленія болѣе энергичныхъ средствъ—принять рядъ мѣръ, которыя, «Конвентъ» надѣялся, покажутъ достаточно ясно парламенту необходимость отнестись внимательно къ петиціи объ измѣненіи избирательнаго закона въ духѣ народной «хартіи». Вотъ эти мѣры, которыя были предложены народу: 1) потребовать изъ банковъ [1]) вкладовъ и притомъ непремѣнно

[1]) Которые въ то время исполняли функціи и сберегательныхъ кассъ.

золотой монетой; 2) воздерживаться отъ покупки предметовъ, съ которыхъ взимается акцизъ; 3) организовать всеобщую политическую забастовку.

Черезъ три дня «Конвентъ» уже собрался вновь въ Бирмингамѣ и, желая отнять у правительства всякій предлогъ къ недопущенію предполагаемыхъ одновременныхъ митинговъ, выпустилъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ народъ являться на эти митинги безъ оружія. Въ томъ же воззваніи были выражены весьма энергично нѣкоторыя угрозы правительству на тотъ случай, если бы оно вздумало силой помѣшать митингамъ. Тогда для народа, говорилось въ воззваніи, настанетъ «священный долгъ отвѣчать на силу силой» [1]).

Въ день, указанный «Конвентомъ», состоялись дѣйствительно громадныя манифестаціи въ разныхъ частяхъ Англіи, причемъ на наиболѣе многочисленномъ митингѣ, состоявшемся въ окрестностяхъ Манчестера (Kersall Moor), было до 300000 человѣкъ; въ Вестъ-Ридингѣ было до 200000 и т. д. О томъ, какой характеръ носили рѣчи, можно судить по слѣдующимъ словамъ, произнесеннымъ Дунканомъ, членомъ «Конвента», пріѣхавшимъ на митингъ въ Ньюкэстлѣ, гдѣ, кстати сказать, собралось слушать его и другихъ ораторовъ до 100000 человѣкъ.

«Я надѣюсь,—сказалъ Дунканъ, обращаясь къ толпѣ,—что наемные нравственные убійцы, стая подлыхъ льстецовъ тираническаго правительства, гнусные полицейскіе шпіоны, которые были посланы сюда изъ Лондона и которые находятся теперь среди васъ, имѣютъ настолько мозговъ, чтобы сдѣлать доносъ правильно. Я надѣюсь, что они скажутъ лорду Джону (т.-е. Джону Росселю—министру внутреннихъ дѣлъ) то, что я теперь бросилъ бы ему прямо въ лицо,—что онъ не смѣетъ попирать долѣе народныхъ правъ. Пусть онъ узнаетъ, что это требованіе не было голосомъ одного рабочаго, пусть онъ узнаетъ, что оно вызвало громогласное одобреніе десятковъ тысячъ товарищей. Да, господа, въ нашемъ отечествѣ десятки тысячъ людей находятся въ столь жалкомъ положеніи, что даже поле битвы и сама смерть для нихъ болѣе не страшны. Въ такое время безполезно заниматься пророчествомъ. Однако, позвольте мнѣ сказать напередъ, что въ слѣдующій разъ, когда вы соберетесь въ такомъ множествѣ, то уже для того, чтобы вотировать резолюцію совершенно иного характера. Вы будете тогда вести себя такъ, какъ подобаетъ держать себя народу, одушевленному однимъ великимъ рѣшеніемъ или освободить отечество, или погибнуть въ одномъ общемъ пожарищѣ [2]).

Таковы были митинги, которые, происходя одновременно во всей странѣ и сопровождаясь вотированіемъ приведенныхъ выше резолюцій, должны были составить могущественное воздѣйствіе на парламентъ и побудить его удовлетворить петицію о хартіи. Спустя двѣ недѣли, 14 іюня, Атвудъ и Фильденъ, видные чартисты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, члены парламента, представили,

[1]) См это воззваніе въ цитированномъ сочиненіи Gammage, стр. 112.

[2]) Gammage, цит. сочин. 115.

наконецъ, палатѣ общинъ петицію чартистовъ; Атвудъ произнесъ при этомъ длинную и весьма удачную рѣчь, въ которой объяснилъ вкратцѣ, почему народъ не можетъ удовлетвориться реформой 1832 г., и привелъ рядъ фактовъ, показывающихъ, какъ широко и глубоко чартистское движеніе. Наиболѣе очевиднымъ доказательствомъ этого являлось, по его мнѣнію, то обстоятельство, что петиція чартистовъ имѣетъ 1280000 подписей. Въ самомъ дѣлѣ, листы съ подписями составляли такую тяжесть, что понадобилось 12 человѣкъ, чтобы внести ихъ въ зало парламентскихъ засѣданій.

Хотя мы уже знаемъ, каковы были основные пункты той народной хартіи, или того новаго избирательнаго закона, принятію котораго парламентомъ чартисты придавали столь огромное значеніе, мы считаемъ нелишнимъ познакомить читателя съ самымъ текстомъ петиціи. Пожеланія народа были выражены въ ней не въ формѣ законопроекта, а въ видѣ просьбы, опирающейся на рядъ весьма серьезныхъ соображеній. Вотъ эта знаменитая петиція, приводимая нами почти цѣликомъ.

«Достоуважаемымъ Общинамъ Великобританіи и Ирландіи, собравшимся въ парламентъ, петиція нижеподписавшихся, ихъ страждущихъ согражданъ.

«Смиренно доводимъ до вашего свѣдѣнія:

«Что мы, обращающіеся къ вамъ съ просьбой, живемъ въ странѣ, которой коммерсанты извѣстны своей предпріимчивостью, фабриканты—искусствомъ, рабочіе—трудолюбіемъ. Земля наша благословенна, почва богата, климатъ здоровый. Въ ней находятся въ изобиліи всѣ продукты, необходимые для развитія промышленности и торговли. У насъ много удобныхъ гаваней. По удобству внутреннихъ сообщеній наше отечество не имѣетъ себѣ равныхъ. Наконецъ, вотъ уже 23 года, какъ мы наслаждаемся глубокимъ миромъ

«Однако, несмотря на всѣ эти благопріятныя условія для національнаго процвѣтанія, несмотря на готовность и способность народа пользоваться этими условіями, мы подавлены общественными и частными бѣдами. Мы изнемогаемъ подъ бременемъ налоговъ, которыхъ все-таки не хватаетъ на нужды нашихъ правителей. Купцы наши дрожатъ, ежеминутно опасаясь банкротства, рабочіе наши едва не умираютъ съ голода (are starving). Капиталъ не даетъ дохода, работа не кормитъ человѣка. Домъ рабочаго пустъ, склады ссудныхъ кассъ полны. Дома призрѣнія (рабочіе дома) переполнены, фабрики то-и-дѣло увольняютъ рабочихъ.

«Мы всюду искали причины своихъ бѣдъ. Мы тщетно пытались найти источникъ несчастій столь тяжелыхъ и столь продолжительныхъ. Мы не могли найти причинъ ни въ природѣ, ни въ попущеніи Всевышняго. Небо было всегда милостиво къ народу, и народъ не употреблялъ во зло даровъ Господа. Однако, благодаря безумію нашихъ правителей, дары Господа остались для народа безплодными. Труды могущественнаго королевства были расточаемы на то, чтобы создать извѣстную силу и затѣмъ предоставить ее въ пользованіе себялюбивыхъ и невѣжественныхъ людей; такимъ образомъ, рессурсы страны были безразсудно затрачены для возвышенія этихъ людей. Для обез-

печенія выгодъ одной части населенія было принесено въ жертву благосостояніе всей націи. Власть государства оказалась въ рукахъ немногихъ, и эти немногіе воспользовались для своей пользы; интересы же большинства остались въ пренебреженіи; даже болѣе того: эти интересы нагло и тиранически попирались.

«Друзья народа утѣшали себя надеждой, что законъ 1832 г. уничтожитъ большинство, если не всѣ народныя бѣды. Они смотрѣли на этотъ законъ какъ на хорошее средство, облегчающее достиженіе великой цѣли; они ожидали, что вслѣдствіе реорганизаціи парламента народная воля получитъ, наконецъ, возможность проявлять свою силу. Ихъ ожидало, однако, жестокое разочарованіе. Плодъ, который представлялся глазу такимъ привлекательнымъ, оказался на дѣлѣ никуда негоднымъ. Избирательная реформа повлекла за собой лишь переходъ власти отъ одной клики, которая доминировала ранѣе, къ другой, такой же кликѣ; народъ же остался столь же безпомощнымъ, какимъ онъ былъ прежде. Рабскій режимъ уступилъ мѣсто порядкамъ, которые только впослѣдствіи могутъ привести насъ къ свободѣ: горькое сознаніе соціальныхъ несправедливостей усугубляется теперь разочарованіемъ отъ не сбывшихся надеждъ.

«Мы обращаемся поэтому къ достопочтенному собранію и всепокорнѣйше заявляемъ, что такой порядокъ вещей долженъ прекратиться. Онъ не можетъ продолжаться, не создавая серьезной опасности для трона и для мира всего королевства... Законы, благодаря которымъ хлѣбъ становится дорогъ, законы, вслѣдствіе которыхъ ощущается общій недостатокъ въ деньгахъ, такіе законы должны быть уничтожены. Бремя налоговъ должно падать на собственность, а не на трудъ. Такъ какъ обезпеченіе блага всего народа есть единственная правильная цѣль правительства, то къ достиженію только этой цѣли и должны быть направлены всѣ заботы властей.

«Такъ какъ отъ насъ требуютъ, чтобы мы защищали законы и повиновались имъ, то справедливость и разумъ даютъ намъ право требовать со своей стороны, чтобы при изданіи законовъ принимались во вниманіе желанія всѣхъ. Мы несемъ обязанности гражданъ. Мы должны имѣть и права гражданъ. Мы требуемъ поэтому всеобщей подачи голосовъ. Самая подача голосовъ, чтобы парализовать подкупы богатыхъ и застращиванья сильныхъ, должна происходить тайно.

«Для того, чтобы связь между народомъ и его представителями въ парламентѣ была благотворной, эта связь должна быть возможно болѣе тѣсной. Законодатели и ихъ довѣрители должны приходить часто во взаимное соприкосновеніе. Это послужитъ неминуемо ко взаимной пользѣ и предупредитъ много печальныхъ ошибокъ. Даже сравнительно легкія ошибки, если народъ не можетъ ихъ быстро исправить, могутъ привести къ самымъ плачевнымъ результатамъ.. Такимъ образомъ, какъ для общественной безопасности, такъ и для общественнаго довѣрія существенно важно, чтобы выборы народныхъ представителей происходили часто. Мы требуемъ поэтому, чтобы члены парламента выбирались только на годъ.

«Имѣя право на выборы своихъ представителей, народъ не долженъ встрѣчать стѣсненій и въ отношеніи круга лицъ, на которыхъ можетъ пасть такой выборъ. Въ силу существующихъ законовъ мы принуждены искать своихъ избранниковъ среди лицъ, которыя или неспособны понять нашихъ невзгодъ и лишеній, или вообще мало намъ симпатизируютъ: среди коммерсантовъ, которые прекратили свои дѣла и уже сами не испытываютъ вліянія промышленныхъ или торговыхъ кризисовъ; среди землевладѣльцевъ, которые не знаютъ ни трудностей жизни рабочаго люда, ни тѣмъ болѣе способовъ борьбы съ этими трудностями; среди адвокатовъ, которые добиваются парламентскихъ полномочій лишь для того, чтобы увеличить свою извѣстность и повысить прибыльность своей практики. Между тѣмъ занятія народнаго представителя, который добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, многочисленны и обременительны. Справедливость, здравый смыслъ и другія элементарныя соображенія требуютъ поэтому, чтобы трудъ народныхъ представителей не былъ безплатнымъ».

Въ заключеніи петиціи повторяется вновь требованіе всеобщей подачи голосовъ. «Всеобщая подача голосовъ и только она одна можетъ доставить нашему отечеству дѣйствительный и прочный миръ; мы твердо вѣримъ также, что всеобщая подача голосовъ принесетъ странѣ прочный миръ и благоденствіе. Да соблаговолитъ поэтому достопочтенное собраніе разсмотрѣть самымъ серьезнымъ образомъ настоящую нашу петицію и употребить затѣмъ всевозможныя усилія исчерпать всѣ обезпечиваемыя конституціей средства, чтобы провести законъ, который предоставлялъ бы каждому совершеннолѣтнему мужчинѣ, не лишенному разсудка и не осужденному судомъ за какое-либо преступленіе, право участія въ выборѣ членовъ парламента, для которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ быть уничтоженъ всякій имущественный цензъ» [1])... и т. д.

Такова была петиція, которую Атвудъ и Филденъ представили парламенту 14 іюня 1839 г. Выслушавъ объясненія Атвуда и Филдена относительно происхожденія и содержанія петиціи, парламентъ согласно предложенію докладчиковъ постановилъ ее отпечатать, причемъ докладчики заявили что они намѣрены поднять вскорѣ вопросъ о разсмотрѣніи петиціи по существу.

Почти ровно черезъ мѣсяцъ—а именно 12 іюля—Атвудъ и Филденъ дѣйствительно подняли въ парламентѣ этотъ вопросъ. На этотъ разъ они говорили еще болѣе подробно и убѣдительно, чѣмъ при подачѣ петиціи, и доказывали необходимость самаго серьезнаго вниманія къ чартистскому движенію вообще и къ петиціи въ частности, какъ къ авторитетному выраженію важнѣйшихъ требованій чартистовъ.

Затѣмъ слово было предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ—лорду Дж. Росселю. Онъ сталъ упрекать чартистскихъ ораторовъ въ чрезмѣрной

[1]) Gammage, «History of Chartist Movement», p. 86—90. Петиція чартистовъ приведена полностью въ сочиненіи Gammage. Недавно это сочиненіе переведено на русскій языкъ.

рѣзкости; онъ говорилъ, что эти ораторы возбуждаютъ народныя страсти, разжигаютъ въ низшихъ классахъ ненависть къ высшимъ и вообще ко всѣмъ достаточнымъ слоямъ общества. Россель сказалъ далѣе, что парламентъ, который посланъ законодательствовать 700000 гражданъ, выражаетъ болѣе правильно народныя желанія, чѣмъ милліонъ съ лишнимъ петиціонеровъ, и т. д.

Послѣ Росселя говорили еще нѣсколько ораторовъ; затѣмъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли разсматривать петицію или нѣтъ, былъ поставленъ на голосованіе: въ пользу такового разсмотрѣнія подали свои голоса, считая съ Атвудомъ и Филденомъ, только 47 человѣкъ; 237 членовъ парламента рѣшительно отвергли петицію, которая такимъ образомъ провалилась совершенно. Насколько велико было враждебное отношеніе парламента къ петиціи, можно судить по тому факту, что въ описываемое нами время правительство лорда Мельбурна имѣло обыкновенно въ парламентѣ большинство въ 50 или 60 голосовъ.

Конечно, этотъ перевѣсъ объясняется, главнымъ образомъ, столь же преувеличеннымъ страхомъ достаточныхъ классовъ передъ всеобщей подачей голосовъ, сколько преувеличены были надежды чартистовъ и руководимой ими народной массы на универсальную благотворность этой политической реформы. Серьезное вліяніе на исходъ голосованія имѣли, конечно, и намъ знакомыя рѣзкости нѣкоторыхъ наиболѣе горячихъ чартистовъ. Наконецъ, указываемый нами фактъ объясняется и нѣкоторыми событіями, происшедшими въ Англіи въ теченіе іюня и іюля 1839 г. Это заставляетъ насъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Какъ мы знаемъ, въ Троицынъ день состоялись во всей Англіи огромные народные митинги; на нѣкоторыхъ изъ этихъ митинговъ выступали въ качествѣ ораторовъ члены «Конвента», предлагавшіе народу вотировать уже извѣстныя намъ резолюціи относительно событій, какія должны послѣдовать въ случаѣ неутвержденія парламентомъ хартіи.

1 іюля члены «Конвента» съѣхались снова въ Бирмингамъ для выслушанія докладовъ о настроеніи народа. Хотя значительное число членовъ «Конвента» убѣдилось на мѣстахъ, что едва ли есть серьезная надежда на единодушное принятіе такой энергичной мѣры воздѣйствія на парламентъ, какъ всеобщая политическая забастовка, и что полнаго единодушія нельзя ожидать и въ отношеніи другихъ мѣръ воздѣйствія на правительство, тѣмъ не менѣе, опасеніе прослыть трусомъ заставляло молчать многихъ изъ тѣхъ, кто былъ склоненъ къ осторожности [1]). Съ другой стороны, стремленіе къ популярности побуждало наиболѣе безразсудныхъ увѣрять, что народъ готовъ на все, что правительство находится въ критическомъ положеніи, и что можно даже перенести опять мѣсто засѣданій «Конвента» въ Лондонъ, чтобы подобрать ту власть, которая неминуемо выпадетъ изъ рукъ правительства въ самомъ непродолжительномъ времени. О'Коннеръ, который игралъ доминирующую роль въ «Конвентѣ»,

[1]) См. Gammage, цит. сочин., 138—139.

согласился съ этими соображеніями, но по нѣкоторымъ причинамъ совѣтывалъ только отложить отъѣздъ въ Лондонъ на недѣлю. Въ концѣ концовъ, по предложенію Тэйлора «Конвентъ» рѣшилъ подождать до 13 іюля, чтобы узнать исходъ предполагавшейся и, какъ мы знаемъ, состоявшейся дѣйствительно 12 іюля попытки Атвуда поднять въ парламентѣ вопросъ о разсмотрѣніи петиціи чартистовъ по существу. Согласно резолюціи Тэйлора, въ случаѣ отклоненія парламентомъ петиціи, 13 іюля должно было состояться засѣданіе «Конвента», чтобы назначить фактическое начало всеобщей политической стачки. Такой образъ дѣйствія «Конвента» и въ особенности заблаговременное рѣшеніе такого важнаго, такого рокового шага, какъ политическая стачка, и сведеніе засѣданія 13 іюля только къ назначенію начала забастовки,—все это вызвало рѣшительное осужденіе чартиста Гэммэджа. Въ своей исторіи этого движенія Гэммэджъ называетъ такой образъ дѣйствій «Конвента» черезчуръ поспѣшнымъ [1]) и безумнымъ (rash and foolish). Въ самомъ дѣлѣ, эта поспѣшность вѣроятно значительно увеличила число противниковъ петиціи въ парламентѣ, что и проявилось въ памятный день 12 іюля (1839).

Въ томъ же направленіи повліяли на парламентъ безпорядки, происшедшіе въ Бирмингамѣ 8 іюля. Дѣло въ томъ, что, несмотря на запрещеніе ночныхъ митинговъ, они продолжались тамъ попрежнему. Городскія власти рѣшили, наконецъ, прибѣгнуть къ силѣ. На этой-то почвѣ и возникли вечеромъ 8 іюля безпорядки, въ результатѣ которыхъ оказалось нѣсколько пострадавшихъ какъ со стороны полицейскихъ, разгонявшихъ толпу, такъ и со стороны самой толпы. Впрочемъ, среди участниковъ митинга серьезно пострадавшихъ не было [2]). Англичанъ, однако, въ такихъ случаяхъ возмущаютъ не увѣчья и не побои, а самый фактъ насильственнаго прекращенія митинга, въ чемъ они видятъ покушеніе на священное право народа свободно устраивать собранія. Негодованіе населенія Бирмингама было такъ велико, что въ ту же ночь съ 8 на 9 іюля послѣ того, какъ все, повидимому, уже кончилось, народъ сталъ снова собираться на улицахъ. Люди вооружились, чѣмъ попало, срывали прутья съ рѣшетокъ около домовъ и т. п. Было уже около 11 час. ночи. Трудно сказать, чѣмъ все это кончилось бы, если бы не энергичныя увѣщанія чартистовъ Тэйлора и Макъ Дуилля, которымъ удалось-таки уговорить толпу разойтись мирно по домамъ. Въ награду за такія свои старанія Тэйлоръ былъ въ два часа ночи арестованъ.

Конвентъ, созванный экстренно въ 9 час. утра, издалъ обращеніе къ населенію Бирмингама, въ которомъ выразилъ рѣзкое порицаніе городскимъ властямъ, оскорбившимъ народъ ничѣмъ не вызваннымъ посягательствомъ на неотъемлемое право гражданъ собираться гдѣ и когда угодно на митинги. Это обращеніе было расклеено по всему городу. Настроеніе народа могло отъ

---

[1]) Gammage, цит. сочин., 729.

[2]) Объ этомъ не говоритъ, по крайней мѣрѣ, исторіографъ чартистскаго движенія, чартистъ Гэммэджъ.

этого стать лишь еще болѣе напряженнымъ. Несмотря на запрещеніе, митинги устраивались каждый вечеръ, и каждый же вечеръ происходили столкновенія съ полиціей—правда, безъ кровопролитія.

Такъ дѣло продолжалось до 15 іюля, когда стало всѣмъ извѣстно о судьбѣ, постигшей петицію чартистовъ въ парламентѣ.

Вслѣдствіе ли этого послѣдняго обстоятельства, или просто вслѣдствіе возраставшаго изо дня въ день возбужденія толпа, собравшаяся вечеромъ 15 іюля на митингъ, пришла прямо въ ярость, когда къ ней подошла полиція и потребовала разойтись. Толпа, впрочемъ, разошлась, но не по домамъ, а направилась прямо въ городъ: митингъ происходилъ за городомъ. Войдя въ городъ, толпа стала поджигать дома и лавки, выбирая, главнымъ образомъ, тѣ, которые принадлежали наиболѣе непопулярнымъ лицамъ. Газъ былъ вездѣ потушенъ, такъ что городъ освѣщался только огнемъ пожарищъ.

На другой же день многіе предполагаемые участники поджоговъ были арестованы. Тѣмъ не менѣе, средніе классы очень напугались: многіе торговцы закрыли свои магазины, другіе даже выѣхали совсѣмъ изъ города. Митинги между тѣмъ продолжались попрежнему и попрежнему собирали толпы народа.

Событія въ Бирмингамѣ произвели огромное впечатлѣніе на всю страну; средніе и высшіе классы стали относиться еще враждебнѣе къ чартистамъ. Однако, послѣдніе винили въ событіяхъ въ Бирмингамѣ исключительно полицію. Во многихъ большихъ городахъ событія 15 іюля обсуждались на спеціальныхъ митингахъ. Эти митинги заканчивались принятіемъ резолюцій, о характерѣ которыхъ можно судить по слѣдующей резолюціи, вотированной на митингѣ въ Норсгамптонѣ.

«Настоящій митингъ предупреждаетъ кичащееся своей любовью къ свободѣ правительство виговъ, что, если оно будетъ упорно продолжать свою политику подавленія нашей мирной и совершенно законной агитаціи звѣрскимъ употребленіемъ силы, то оно, правительство, будетъ считаться отвѣтственнымъ за всѣ возможныя послѣдствія, хотя бы даже страждущій народъ, доведенный до ярости длиннымъ рядомъ обрушивающихся на него несправедливостей, вышелъ въ полночный часъ изъ своихъ охваченныхъ пламенемъ домовъ и обратилъ въ одно общее пепелище дворцы богатыхъ и лачуги бѣдныхъ [1]).

Когда предсѣдатель митинга прочелъ эту резолюцію, говоритъ Гэммэджъ, «въ толпѣ какъ бы прошелъ электрическій токъ. Нѣсколько мгновеній толпа была какъ бы внѣ себя. Затѣмъ всѣ подняли руки, а черезъ минуту собраніе огласилось громомъ рукоплесканій. Подобныя резолюціи были вотированы во многихъ другихъ городахъ демократами Великобританіи,—резолюціи, вызванныя чрезвычайными событіями въ Бирмингамѣ».

Теперь мы должны вернуться къ дѣятельности Конвента. Какъ было постановлено, 10 іюля Конвентъ выѣхалъ изъ Бирмингама и 13 іюля со-

[1]) Gammage. цит. сочин. 138.

брался въ Лондонѣ [1]). Парламентъ, какъ мы знаемъ, наканунѣ отвергъ петицію чартистовъ. Согласно извѣстной намъ также резолюціи Тэйлора, Конвенту предстояло теперь лишь назначить день начала всеобщей политической забастовки. Однако, когда приступили къ рѣшенію, нѣкоторые члены Конвента не могли скрыть своихъ сомнѣній въ готовности народа на столь крайнюю мѣру. Къ тому же, — говорили эти члены Конвента, — и промышленное состояніе страны не таково, чтобы можно было разсчитывать на успѣхъ всеобщей стачки. Атвудъ и Филденъ высказались въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ еще продолжать агитацію въ пользу петиціи о хартіи, собрать подписи подъ петиціей во всѣхъ приходахъ и затѣмъ представить ее вторично парламенту, но уже не съ милліономъ, а съ тремя милліонами подписей, какъ это было предположено въ самомъ началѣ чартистскаго движенія.

Нѣсколько дней прошло въ колебаніяхъ. О'Коннеръ стоялъ за болѣе рѣшительную тактику, хотя видно было, что онъ дѣлаетъ это просто изъ опасенія утратить свою популярность. О'Брайэнъ находилъ нужнымъ предоставить самому народу рѣшеніе такого дѣла, какъ всеобщая забастовка, такъ какъ она повлекла бы за собой, по всей вѣроятности, огромныя страданія и лишенія народной массы. Въ концѣ концовъ, рѣшили выбрать особую комиссію, которой поручили объѣхать главные центры агитаціи и затѣмъ довести до свѣдѣнія Конвента о настроеніи народа. Комиссія отправилась и черезъ 2 недѣли вернулась съ докладомъ. 6 августа состоялось засѣданіе Конвента для окончательнаго рѣшенія вопроса о всеобщей стачкѣ. Послѣ долгихъ споровъ была принята слѣдующая резолюція, предложенная О'Брайэномъ и поддержанная О'Коннеромъ.

«На основаніи свѣдѣній, собранныхъ нами въ разныхъ частяхъ страны, мы пришли къ единогласному убѣжденію, что народъ еще не готовъ на то, чтобы 12 августа начать всеобщую политическую забастовку. Однако, тѣ же свѣдѣнія убѣждаютъ насъ, что значительную часть рабочаго класса можно склонить къ прекращенію работы 12 августа на 2 или 3 дня съ тѣмъ, чтобы посвятить всецѣло эти дни торжественнымъ процессіямъ и митингамъ. На послѣднихъ надлежитъ обсудить современное ужасное состояніе страны и наилучшіе способы борьбы съ гнуснымъ деспотизмомъ, который проявляетъ большинство высшихъ и среднихъ классовъ въ своемъ отношеніи къ массѣ рабочаго люда, хотя именно обираніе этого люда и даетъ средство къ жизни названнымъ классамъ» [2]).

Резолюція Конвента была тотчасъ опубликована. Согласно этой резолюціи во многихъ центрахъ чартизма состоялись дѣйствительно 12 августа митинги, причемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ были вотированы обращенія къ

---

[1]) Впрочемъ, Конвенту все равно пришлось бы уѣхать изъ Бирмингама, такъ какъ тамъ вѣроятно частью вслѣдствіе давленія мѣстныхъ властей никто не хотѣлъ давать помѣщенія для засѣданій Конвента.

[2]) Gammage, цит. сочин., 155.

королевѣ съ просьбой объ увольненіи министровъ и назначеніи вмѣсто нихъ новыхъ, которые были бы болѣе способны понять народныя нужды и найти способы ихъ удовлетворенія. Кое-гдѣ дѣло не обошлось безъ небольшихъ безпорядковъ.

Въ это время, однако, невозможно уже было сомнѣваться въ томъ, что народное возбужденіе и энтузіазмъ быстро падаютъ. 6 сентября Конвентъ, состоявшій вслѣдствіе ухода однихъ членовъ, ареста другихъ и систематическаго абсентеизма третьихъ всего изъ 22 человѣкъ, постановилъ разойтись и считать свои полномочія прекратившимися.

«Таковъ оказался конецъ перваго Конвента, въ числѣ членовъ котораго было много людей высоко талантливыхъ. Однако, они такъ расходились въ своихъ мнѣніяхъ по вопросамъ тактики, что это разногласіе оказалось фатальнымъ для успѣха великой миссіи, которую они приняли на себя. Великое заблужденіе Конвента заключалось въ агитаціи въ пользу активныхъ выступленій, прежде чѣмъ народъ пріобрѣлъ такую силу, которая могла бы обезпечить успѣхъ такимъ выступленіямъ. Одна часть членовъ Конвента была слишкомъ робка и медлительна, другая слишкомъ тороплива и даже стремительна. Такихъ людей, которые обладали необходимой для успѣха дѣла энергіей и сумѣли бы найти путь между этими крайностями, было немного. Ихъ было, во всякомъ случаѣ, слишкомъ мало, чтобы дать движенію должное направленіе. Значительная часть членовъ Конвента постоянно колебалась между страхомъ передъ опасностью, съ одной стороны, и боязнью упрековъ въ трусости—съ другой; малое количество подписей подъ петиціей доказывало, что для пропаганды оставалось еще широкое поле. Если бы Конвентъ занялся серьезно этимъ дѣломъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить съ агитаціей въ пользу крайнихъ мѣръ, обращаясь къ народу, который пока къ этимъ мѣрамъ не былъ еще подготовленъ, то онъ, т.-е. Конвентъ, принесъ бы въ 50 разъ больше пользы и не надѣлалъ бы въ то же время десятой доли того вреда, который явился результатомъ неудачной его тактики.

«Нельзя не признать, однако, что Конвентъ могъ дѣйствовать и хуже. Неутомимая настойчивость О'Брайэна и немногихъ другихъ предупредила, во всякомъ случаѣ, страшную рѣзню, которая произошла бы неминуемо, если бы Конвентъ постановилъ всеобщую политическую забастовку. Если у Конвента были, такимъ образомъ, ошибки, то у него были и заслуги. Многіе изъ его членовъ проявили такую энергію, такую непоколебимую преданность идеѣ, такой патріотизмъ, что имъ нельзя отказать въ восхищеніи и уваженіи. Труды ихъ будутъ надолго запечатлѣны въ благодарныхъ сердцахъ многихъ тысячъ англичанъ» [1]).

Мы привели эти строки, полагая, что онѣ представляютъ серьезный интересъ даже помимо вопроса о томъ, насколько правиленъ перечень причинъ, объясняющихъ неудачу чартизма. Въ самомъ дѣлѣ, приведенная цитата заимствована изъ книги одного изъ довольно видныхъ участниковъ чартист-

[1]) Gammage, цит. сочин. 157.

скаго движенія, написанной въ 1854 г. [1]), т.-е. подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ описанныхъ только-что событій.

Итакъ, къ концу 1839 г. чартистское движеніе осталось безъ верховныхъ руководителей, безъ главнаго штаба. Этимъ, быть-можетъ, объясняется одно активное выступленіе чартистовъ, которое по своей рѣшительности и по отсутствію какихъ-либо шансовъ на успѣхъ, превзошло все, что было сдѣлано въ этомъ родѣ чартистами ранѣе.

Какъ извѣстно, въ княжествѣ Валлійскомъ или Уэльскомъ (Wales), составляющемъ юго-западную часть Англіи, находится весьма значительное горнорабочее населеніе. Чартизмъ нашелъ въ этомъ населеніи очень благопріятную почву. Запрещеніе или, вѣрнѣе, ограниченіе свободы митинговъ очень раздражило рабочихъ Уэльса. Это раздраженіе чрезвычайно обострилось, когда стало извѣстно, что въ тюрьмѣ Ньюпорта—одного изъ городовъ княжества—съ чартистами обращались какъ съ обыкновенными преступниками, не дѣлая абсолютно никакихъ льготъ въ пищѣ, въ костюмѣ, помѣщеніи и т. д. Всѣ ходатайства, съ которыми обращались по этому поводу остававшіеся на свободѣ лидеры чартистовъ, были безуспѣшны. Рабочіе не могли примириться съ этимъ фактомъ и рѣшились на весьма отчаянный поступокъ. Въ одну темную ноябрьскую ночь (1839) они собрались въ окрестностяхъ Ньюпорта въ количествѣ почти 10000 человѣкъ, причемъ значительная часть ихъ явилась съ огнестрѣльнымъ или другимъ оружіемъ; затѣмъ, они двинулись общей массой въ городъ, имѣя въ виду взять тюрьму приступомъ и освободить заключенныхъ. Тюрьма, однако, представляла собой старую крѣпость; въ ней оказался достаточный контингентъ солдатъ, которые, будучи сами хорошо укрытыми, уложили на мѣстѣ или тяжело ранили значительное число нападавшихъ. Въ дѣйствіяхъ послѣднихъ не было какого-либо хорошо обдуманнаго и точно выполняемаго плана, почему все дѣло кончилось полной неудачей, причемъ нѣкоторая часть нападавшихъ была арестована полиціей, какъ только она оправилась послѣ перваго испуга.

Между тѣмъ это столь неудачное «выступленіе» горнорабочихъ Уэльса дало правительству основаніе или, быть-можетъ, поводъ для энергичной борьбы съ уже замиравшей повсюду чартистской агитаціей. Въ это время были арестованы и отданы подъ судъ многіе изъ уцѣлѣвшихъ еще лидеровъ движенія, причемъ въ качествѣ основаній для ареста были выставляемы нерѣдко рѣчи, произнесенныя три или болѣе мѣсяцевъ тому назадъ. Слѣдуетъ сказать, однако, что какъ ни непріятна была для правительства чартистская агитація, кабинетъ Мельбурна не пытался ни разу, исходя изъ возбужденнаго состоянія страны, вызваннаго этой агитаціей, предлагать парламенту пріостановку Habeas Corpus Act'a или изданіе какихъ-либо иныхъ исключительныхъ законовъ. Благодаря этому значительная часть арестованныхъ за чартистскую агитацію была вскорѣ оправдана судомъ или была отпущена безъ суда, отдѣлавшись непродолжительнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ.

---

[1]) Въ 1854 г. вышло первое изданіе соч. Гэммэджа.

Во второй половинѣ 1840 г. сроки заключенія тѣхъ, кто былъ приговоренъ къ таковому, уже приходили къ концу, и изъ тюремъ стали выпускать то одного, до другого изъ лидеровъ чартистскаго движенія. Всякій такой случай служилъ поводомъ для организаціи болѣе или менѣе внушительныхъ манифестацій, многотысячныхъ митинговъ съ депутаціями отъ главныхъ центровъ чартизма для принесенія поздравленія выпущеннымъ изъ тюремъ. За этимъ слѣдовали резолюціи въ пользу продолженія великаго дѣла освобожденія народа, вечеромъ обыкновенно устраивался банкетъ. Такъ, 24 іюля 1840 г. были выпущены изъ тюрьмы въ Варвикѣ лидеры чартистовъ Ловетъ и Коллинсъ. Въ этотъ день ихъ привѣтствовали чартисты Варвика. Спустя три дня, въ честь ихъ была организована грандіозная манифестація съ процессіями, рѣчами и т. д., причемъ въ общемъ число участниковъ манифестаціи доходило до 200000 человѣкъ!

Въ августѣ того же (1840) года состоялся выходъ изъ тюрьмы еще нѣсколькихъ видныхъ чартистовъ; всѣ они, вмѣстѣ съ тѣми, кто былъ выпущенъ ранѣе, были приглашены въ Глазго, гдѣ ихъ привѣтствовала масса народа, не уступавшая въ численности той, которая собралась за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ въ Бирмингамѣ. «Товарищи-рабы»—такъ начинали иногда свою рѣчь къ народу только-что освобожденные чартисты, и уже по одному этому обращенію читатель можетъ судить о характерѣ рѣчей,—о томъ, какъ больно доставалось отъ этихъ ораторовъ правительству виговъ, т.-е. кабинету лорда Мельбурна.

Какъ это мы, русскіе, знаемъ хорошо изъ своего опыта, тюремное заключеніе—пріемъ обоюдо-острый и часто ведетъ лишь къ болѣе фанатическому отстаиванію, къ болѣе энергичной пропагандѣ своихъ идей. Иначе сказать, тюремное заключеніе часто не увеличиваетъ, а уменьшаетъ способность и охоту находить какой-нибудь компромиссъ съ дѣйствительностью. Надо думать, что подобное вліяніе тюремное заключеніе оказало и на чартистскихъ лидеровъ.

Во всякомъ случаѣ, когда въ 1841 г. въ странѣ происходили парламентскіе выборы, многіе видные чартисты не пожелали примкнуть ни къ одной изъ двухъ главныхъ партій, а предпочли выставить своихъ кандидатовъ, какъ ни были малы шансы послѣднихъ на успѣхъ. Если же, какъ это иногда случалось, тѣ или другіе изъ чартистовъ поддерживали какую-либо изъ двухъ главныхъ партій, то, во всякомъ случаѣ, не виговъ, а тори, т.-е. консерваторовъ. Главнымъ защитникомъ такой тактики былъ О'Коннеръ. О'Брайэнъ [1]), правда, стоялъ за то, чтобы чартисты, несмотря на преслѣдованія правительства, голосовали все-таки за виговъ, но вліяніе О'Коннора было значительнѣе, и его взгляды болѣе соотвѣтствовали народному настроенію.

Читатель, можетъ-быть, помнитъ, что правительство Мельбурна, желая поднять свой авторитетъ среди народныхъ массъ, рѣшило провести нѣсколько весьма полезныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью значительное удешевленіе хлѣба и сахара.

---

[1]) Впрочемъ, эти два главные лидера чартистовъ въ самый моментъ выборовъ находились еще въ тюрьмѣ и посылали оттуда инструкціи своимъ послѣдователямъ.

Эта попытка привлечь къ себѣ симпатіи народа оказалась безплодной; все, что находилось подъ вліяніемъ торизма, съ одной стороны, и чартизма съ другой, дѣйствовало противъ виговъ. Въ конечномъ результатѣ тори, какъ мы знаемъ, одержали на выборахъ блистательную побѣду; изъ чартистскихъ же кандидатовъ, конечно, ни одинъ не попалъ въ парламентъ.

Такой результатъ О'Коннеровской политики вызвалъ крайнее недовольство среди болѣе развитой и болѣе дальновидной части чартистовъ и послужилъ источникомъ роковыхъ разногласій какъ въ рядахъ руководителей чартистскаго движенія, такъ и въ самой массѣ чартистовъ, разногласій болѣе роковыхъ, чѣмъ даже прежнее разногласіе относительно преимуществъ тактики нравственнаго воздѣйствія или активныхъ выступленій [1]).

Итакъ, какъ и въ концѣ предшествующей главы, мы подошли къ тому моменту, когда послѣ болѣе чѣмъ десятилѣтняго нахожденія виговъ во главѣ правительства (1830—1841), они испытали рѣшительное пораженіе на парламентскихъ выборахъ лѣтомъ 1841 года. Какъ мы знаемъ, это почти тотчасъ повлекло собой паденіе министерства Мельбурна и образованіе консервативнаго кабинета сэромъ Робертомъ Пилемъ (сентябрь 1841).

Министерству Пиля пришлось уже имѣть дѣло не съ однимъ, а съ двумя народными движеніями—съ возродившимся одно время съ новой силой чартистскимъ движеніемъ и съ движеніемъ, имѣвшимъ цѣлью отмѣну такъ наз. хлѣбныхъ законовъ, приносившихъ такъ много нужды и лишеній народной массѣ и такъ много выгодъ поземельной аристократіи.

Изложеніе постепеннаго развитія этого чрезвычайно важнаго и любопытнаго движенія составитъ главное содержаніе слѣдующей главы.

ГЛАВА XI.

Агитація за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ (1838—46) и начало «новѣйшей» (modern) Англіи.—Новая волна чартизма (1840—42)

Если вторая половина 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія ознаменовалась въ Англіи описаннымъ только чартистскимъ движеніемъ, достигшимъ въ это время наибольшей силы и вліянія, то сороковые годы оставили по себѣ не менѣе прочную память благодаря великому общественному движенію, имѣвшему цѣлью добиться отмѣны пошлинъ, которыми, какъ мы знаемъ, былъ обложенъ въ то время въ Англіи привозный хлѣбъ. Для того, чтобы читатель могъ яснѣе понять происхожденіе и характеръ этого замѣчательнаго движенія, намъ придется вернуться немного назадъ.

---

[1]) Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе чартиста Гэммэджа. См цитированное сочиненіе, стр. 193—195.

Въ теченіе второй половины XVIII и первой половины XIX вѣка Англія пережила огромный экономическій переворотъ, благодаря которому она изъ страны полуземледѣльческой обратилась въ наиболѣе промышленное государство тогдашняго міра. Она покрылась фабриками и заводами, производившими всевозможные продукты въ огромныхъ количествахъ, и этимъ продуктамъ надо было, во что бы то ни стало, обезпечить сбытъ. Въ это же время если не народилась, то, во всякомъ случаѣ, достигла необыкновеннаго развитія желѣзодѣлательная промышленность; въ это же время въ первый разъ приняли форму фабричнаго производства бумагопрядильное и ткацкое дѣло. машиностроеніе и проч. Достаточно сказать, что въ 1740 г. вся желѣзная производительность Англіи не превышала 18000 тоннъ въ годъ; въ 1800 г. она достигла 150000 тоннъ, а въ 1840 году уже приближалась къ полуторамиллону [1]) тоннъ. Это количество едва ли многимъ уступало размѣру желѣзодѣлательной промышленности всей тогдашней континентальной Европы. Еще болѣе доминирующимъ было положеніе Англіи въ области производства хлопчатобумажныхъ тканей: ихъ Англія производила, въ всякомъ случаѣ, въ большемъ количествѣ, чѣмъ весь остальной міръ. Замѣчательно, кромѣ того, что эта народившаяся въ XIX вѣкѣ новая отрасль фабричнаго производства была сосредоточена, главнымъ образомъ, въ Манчестерѣ и въ окружающихъ Манчестеръ болѣе мелкихъ фабричныхъ городахъ [2]). Въ области машиностроенія Англія пользовалась даже фактически монополіей: она буквально поставляла машины для всего міра. Такъ велика была разница между уровнемъ техническихъ знаній и умѣній въ Англіи и въ другихъ странахъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Итакъ, фабричная промышленность Англіи развивалась, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, и ей нуженъ былъ, во что бы то ни стало, широкій сбытъ. Иначе сказать, для Англіи были необходимы весьма дѣятельныя торговыя сношенія, значительный торговый обмѣнъ съ другими государствами. Между тѣмъ таможенный тарифъ Англіи былъ построенъ на принципахъ протекціонизма, т.-е. характеризовался высокими пошлинами на иностранные товары, крайне затруднявшими ввозъ въ Англію не только какихъ-либо фабрикатовъ,—каковое стѣсненіе вслѣдствіе необыкновеннаго развитія англійской техники уже давно стало совершенно излишнимъ,—но даже и всякаго сырья, т.-е. всякаго рода матеріаловъ, въ которыхъ Англія часто весьма нуждалась для послѣдующей фабричной переработки.

Само собою разумѣется, что другія страны, которыя могли вывозить главнымъ образомъ или даже только сырье, встрѣчая затрудненія при сбытѣ своихъ продуктовъ въ Англію, старались уменьшить и свои покупки англійскихъ фабрикатовъ. Обыкновенно онѣ даже просто не имѣли для

---

[1]) См. статьи проф. Clapham, «Economic Changes» въ X томѣ «Cambrige Modern History». London. 1907, p. 734.

[2]) См. превосходный трудъ John Morley, «Life of Cobden».

этого средствъ, такъ какъ вслѣдствіе отсутствія или недостаточнаго развитія товарообмѣна, за покупки приходилось бы расплачиваться, главнымъ образомъ, наличными деньгами, т.-е. золотомъ, котораго у всѣхъ было мало и котораго не могло бы хватить ни одной странѣ, если бы ей пришлось переплачивать изъ года въ годъ за ввозимые продукты.

Мы уже имѣли случай указывать на первые робкіе шаги Англіи по пути уменьшенія своего таможеннаго тарифа. Мы видѣли, какъ это благотворно отразилось на промышленномъ развитіи Англіи. Министръ торговли Гескинсонъ, предлагая парламенту въ 1823 г. уменьшеніе нѣкоторыхъ таможенныхъ ставокъ, заключилъ свою рѣчь такими словами: «Заботы о развитіи нашего благосостоянія и промышленности должны побуждать насъ держаться политики свободной торговли, свободнаго торговаго обмѣна съ другими странами. Рекомендуя вамъ такой образъ дѣйствій, я исхожу изъ того убѣжденія, что это послужитъ для блага и пользы отчества [1]).

Однако, реформы, произведенныя Гескинсономъ, имѣли скорѣе принципіальную, чѣмъ практическую важность, такъ какъ и послѣ этихъ реформъ таможенный тарифъ Англіи оставался въ общемъ протекціонистскимъ, т.-е. характеризовался высокими пошлинами.

Изъ многихъ сотенъ предметовъ, обложенныхъ пошлинами, наиболѣе вредныя послѣдствія имѣло обложеніе зерновыхъ продуктовъ—пшеницы, ржи, овса и т. д.—и предметовъ животноводства. Во-первыхъ, благодаря этимъ пошлинамъ сильно удорожались предметы первой необходимости, что отражалось на питаніи народа и его здоровьѣ; во-вторыхъ, дороговизна хлѣба заставляла фабрикантовъ платить своимъ рабочимъ номинально высокую заработную плату, что, въ свою очередь, вело къ поднятію цѣнъ на всѣ мануфактурные товары и, слѣдовательно, затрудняло ихъ сбытъ въ другія страны.

Итакъ, хлѣбныя пошлины имѣли троякое вліяніе на экономическую жизнь Англіи: во-первыхъ, подобно всѣмъ весьма многочисленнымъ въ то время другимъ пошлинамъ, онѣ затрудняли развитіе торговаго обмѣна со странами, которыя, какъ, напр., Россія, могли вывозить въ Англію свой сравнительно дешевый хлѣбъ и дешевые предметы животноводства; во-вторыхъ, онѣ удорожали всю вообще мануфактурную промышленность Англіи, т.-е. повышали цѣну всѣхъ англійскихъ товаровъ; въ-третьихъ, онѣ были причиной плохого и недостаточнаго питанія англійскаго рабочаго, несмотря на получаемую имъ сравнительно весьма высокую заработную плату. Лишенія народной массы достигали наибольшей степени,—доходя до систематическаго недоѣданія и даже голоданія [2])—во время промышленныхъ кризисовъ и въ неурожайные годы. Впрочемъ, неурожай почти всегда велъ за собой болѣе или менѣе значительный промышленный кризисъ. Оно и понятно: неурожай вызывалъ естественно подъемъ цѣны на хлѣбъ и, слѣдовательно, сокращалъ до

---

[1]) Цитировано [въ сочиненіи И. И. Янжула, «Англійская свободная торговля», вып. II, стр. 5 (Москва, 1882).

[2]) См. любопытныя данныя о питаніи англійскаго народа въ 40-хъ годахъ въ недавно изданной книгѣ «The Hungry Forties», London, 1906, 2 ed.

минимума и безъ того незначительныя средства, остававшіяся обыкновенно у населенія послѣ удовлетворенія потребности въ пищѣ. Такимъ образомъ, фабриканты встрѣчали затрудненіе въ сбытѣ своихъ товаровъ, сокращали производство и были, конечно, менѣе всего склонны удовлетворять требованія повышенія заработной платы, хотя эти требованія вполнѣ оправдывались увеличеніемъ цѣнъ на основные жизненные продукты.

Кому же такой порядокъ вещей былъ выгоденъ? Онъ былъ выгоденъ только земельной аристократіи, для которой пошлины на хлѣбъ служили гарантіей постояннаго хорошаго дохода. Какъ читатель вѣроятно помнитъ, Веллингтону стоило великаго труда добиться согласія дореформеннаго парламента (1828) на отмѣну прежней почти запретительной пошлины на хлѣбъ и на введеніе вмѣсто нея такъ наз. подвижной скалы, въ силу которой пошлины на хлѣбъ повышались при низкихъ внутреннихъ цѣнахъ и падали при высокихъ.

Однако, этотъ законъ отнюдь не уничтожилъ въ корнѣ великаго зла, а только нѣсколько смягчилъ его: правда, хлѣбъ уже не могъ, какъ это бывало ранѣе, достигать «голодныхъ», т.-е. чрезмѣрныхъ цѣнъ, совершенно непосильныхъ для населенія, но все-таки хлѣбъ оставался всегда дорогимъ. Кромѣ того, вслѣдствіе измѣнчиваго размѣра пошлинъ хлѣбъ сталъ служить излюбленнымъ предметомъ спекуляцій.

Если, какъ мы только-что видѣли, даже дореформенный парламентъ, который, какъ мы знаемъ, находился почти всецѣло подъ вліяніемъ поземельной аристократіи, оказался все-таки вынужденнымъ уменьшить хлѣбныя пошлины, то, конечно, искусственное удорожаніе основного жизненнаго продукта не могло долго продержаться послѣ того, какъ избирательная реформа 1832 г. значительно расширила число политически полноправныхъ гражданъ и этимъ приблизила парламентъ къ народу.

Какъ мы знаемъ, въ концѣ 30-хъ годовъ, народная масса была увлечена чартистскимъ движеніемъ, преслѣдовавшимъ чисто-политическія реформы. Происходило это не отъ того, чтобы народъ не сознавалъ вреда хлѣбныхъ пошлинъ, а вслѣдствіе того, что руководители чартистскаго движенія неустанно внушали народу мысль, что стоитъ только добиться извѣстной намъ хартіи, т.-е. нѣсколько чисто-политическихъ реформъ, все остальное придетъ само собой. Съ этой точки зрѣнія добиваться отмѣны хлѣбныхъ законовъ значило тратить силы на борьбу со слѣдствіемъ, вмѣсто того, чтобы направить всѣ удары на самую причину народныхъ бѣдствій, заключавшуюся—такъ думали чартисты—въ устраненіи рабочаго класса и вообще всей народной массы отъ прямого вліянія на выборы народныхъ представителей, которые всегда, конечно, исполняютъ волю пославшихъ ихъ. Нельзя отрицать извѣстной справедливости этихъ разсужденій; однако, какъ показываетъ исторія чартистскаго движенія, получить хартію оказалось много труднѣе, чѣмъ думали руководители чартизма, и, во всякомъ случаѣ, много труднѣе, чѣмъ добиться отмѣны хлѣбныхъ законовъ.

Иниціатива движенія къ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ пришла совершенно не съ той стороны, съ которой началось движеніе чартистовъ; иначе

сказать, общественныя сферы, изъ которыхъ исходили оба эти движенія, были совершенно различны.

Въ томъ же 1838 г., когда народное недовольство, обусловленное плохимъ урожаемъ, безработицей и промышленнымъ кризисомъ, приняло форму чартистскаго движенія, началось и то общественное движеніе, которое имѣло цѣлью отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ.

Въ октябрѣ 1838 г. въ одной изъ гостиницъ Манчестера, поставлявшаго въ то время, какъ мы упоминали, бумажныя матеріи почти на весь міръ, собралось семь человѣкъ, игравшихъ болѣе или менѣе видную роль въ торгово-промышленной жизни города, для обсужденія тяжелаго положенія страны и способовъ борьбы съ переживаемымъ кризисомъ. Результатомъ этой бесѣды было основаніе Anti Corn Law Association, т.-е. «Общества для борьбы съ хлѣбными пошлинами» (законами) Черезъ нѣсколько дней къ кружку первыхъ организаторовъ Общества присоединился молодой, въ то время никому неизвѣстный, владѣтель хлопчатобумажной фабрики Ричардъ Кобденъ. Это былъ человѣкъ необыкновенной энергіи, ума и характера, родившійся въ бѣдности и успѣвшій къ описываемому нами времени благодаря многимъ своимъ выдающимся качествамъ нажить довольно крупное состояніе.

Кобденъ вѣроятно лучше, чѣмъ кто-либо другой въ Англіи, понималъ огромный вредъ хлѣбныхъ пошлинъ. Выросши въ бѣдности, онъ испыталъ самъ всѣ тѣ лишенія, которыя причиняла народной массѣ дороговизна хлѣба и другихъ основныхъ продуктовъ питанія. Въ бытность свою коммивояжеромъ крупной торговой фирмы, Кобденъ изъѣздилъ всю Англію, Шотландію и Ирландію и имѣлъ возможность убѣдиться, что страданія и лишенія, которыя выпали на долю семьи его родителей, составляли печальный удѣлъ огромнаго большинства жителей Соединеннаго Королевства и въ особенности, конечно, Ирландіи, какъ наиболѣе бѣдной его части.

Мы полагаемъ, что наши читатели помнятъ, что какъ-разъ за десять лѣтъ до излагаемыхъ нами теперь событій—въ министерство Веллингтона—парламентъ былъ также занятъ вопросомъ о хлѣбныхъ пошлинахъ, результатомъ чего было изданіе закона о подвижной скалѣ этихъ пошлинъ. Въ числѣ другихъ петицій, полученныхъ въ это время отъ разныхъ мѣстъ парламентомъ, была петиція отъ Торговой Палаты Манчестера, въ которой предлагалось вмѣсто того, чтобы ввести подвижную скалу, значительно уменьшить существовавшія пошлины на хлѣбъ.

Въ описываемое нами время въ виду переживаемаго страной кризиса Манчестерская Торговая Палата желала повторить свою прежнюю петицію. Ричардъ Кобденъ, который былъ членомъ Торговой Палаты и только-что образовавшейся Ассоціаціи (Anti Corn Law Association), говоря отъ имени послѣдней, рѣшительно протестовалъ противъ такого рода петиціи, стараясь убѣдить негоціантовъ Манчестера въ необходимости добиваться полной отмѣны пошлинъ на хлѣбъ и другіе жизненные продукты. Слова его были такъ энергичны, доводы такъ убѣдительны, что Палата поручила ему

составить проектъ соотвѣтственной петиціи. Собравшись черезъ недѣлю, Торговая Палата почти единодушно одобрила редакцію петиціи, предложенную В. Кобденомъ, и отправила ее въ парламентъ [1]). Это было въ декабрѣ 1838 года.

Въ теченіе слѣдующаго мѣсяца (январь 1839 года) только-что образованная Ассоціація обратилась ко всему англійскому обществу съ воззваніемъ, въ которомъ просила пожертвованій на предположенную ею агитацію въ пользу отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ. Около этого же времени состоялся въ Манчестерѣ митингъ, на которомъ было вотировано нѣсколько резолюцій по поводу волновавшаго всѣхъ вопроса. Одна изъ этихъ резолюцій гласила слѣдующее: «Пока существуютъ законодательные акты, благодаря которымъ становятся дорогими всѣ предметы первой необходимости, страна будетъ претерпѣвать всѣ бѣдствія, проистекающія отъ хроническаго народнаго недовольства... Имѣя въ виду бороться съ этимъ опаснымъ для страны состояніемъ, настоящій митингъ призываетъ всѣхъ къ единодушнымъ и энергичнымъ усиліямъ для того, чтобы добиться немедленной и полной отмѣны законовъ, стѣсняющихъ свободный ввозъ хлѣба». Въ короткое время Ассоціація собрала для цѣлей пропаганды около 60000 руб. Въ томъ же январѣ 1839 г. были окончательно формулированы задачи Ассоціаціи, а именно «добиваться всѣми законными способами—какъ-то: образованіемъ аналогичныхъ обществъ въ другихъ мѣстахъ, чтеніемъ лекцій, разлачей изданій, объясняющихъ цѣль общества, представленіемъ петицій парламенту—немедленной и полной отмѣны пошлинъ на хлѣбъ и другіе жизненные продукты» [2]).

18 февраля членъ парламента Вилліе, раздѣлявшій идеи Anti Corn Law Association и входившій въ ея составъ, заявилъ парламенту о своемъ намѣреніи внести на обсужденіе народныхъ представителей нѣсколько петицій направленныхъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Парламентъ сразу и наотрѣзъ отвергъ предложеніе Виллие. Такъ же отнесся парламентъ и къ заявленію Вилліе о томъ, что депутація отъ образовавшейся въ Манчестерѣ Ассоціаціи противъ хлѣбныхъ законовъ проситъ выслушать ея объясненія по поводу петиціи, представленной Ассоціаціей.

Спустя мѣсяцъ, Вилліе внесъ еще разъ въ парламентъ предложеніе о пересмотрѣ закона о хлѣбныхъ пошлинахъ. При этомъ онъ заявилъ, что въ Лондонъ съѣхались делегаты отъ 36 различныхъ городовъ съ петиціями объ уменьшеніи или полной отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ, причемъ совокупное число подписей подъ этими петиціями достигаетъ полумилліона. Пять дней продолжались пренія по этому вопросу, и, въ концѣ концовъ, предложеніе Вилліе было отвергнуто большинствомъ 342 голосовъ противъ 195. Въ теченіе дебатовъ первый министръ, лордъ Мельбурнъ, выразился слѣдующимъ образомъ: «Объявляю передъ Господомъ Богомъ, что мысль оставить безъ покровительства интересы земледѣлія (agricultural interest) я считаю самой дикой и нелѣпой, которая когда-либо приходила кому-нибудь въ голову» [3]).

---

[1]) John Morley, «Life of Cobden». p. 94.

[2]) Morley, цит. сочин., 95.

[3]) Цитировано въ сочиненіи Acland and Ransome, «A Handbook of English Political History», p. 190.

Если рѣшился такъ выразиться глава кабинета виговъ, то можно себѣ представить, какое отношеніе встрѣчали стремленія Кобдена и его товарищей среди партіи тори, гдѣ доминировала поземельная аристократія. Въ этомъ какъ нельзя болѣе ясно проявилось, что даже переформенный парламентъ находился подъ вліяніемъ землевладѣльческаго класса, причемъ въ этомъ отношеніи—въ отношеніи огражденія интересовъ землевладѣльческаго класса—не было существенной разницы между вигами и тори.

Встрѣтивъ такой отпоръ въ парламентѣ, Ассоціація, душой которой сталъ быстро Кобденъ, рѣшила пустить въ ходъ всѣ законные способы воздѣйствія на общественное мнѣніе. Во-первыхъ, были приложены всѣ необходимыя усилія для того, чтобы объединить всѣ существовавшія ранѣе—правда, пока немногія—ассоціаціи, преслѣдовавшія ту же цѣль, что и манчестерская Изъ нихъ имѣлось въ виду образовать Лигу—Anti Corn Law League,—которая могла бы заняться сначала выработкой общихъ для всей страны лозунговъ и затѣмъ дѣйствовать совмѣстно и вполнѣ солидарно. Для обезпеченія возможно болѣе быстраго успѣха въ этомъ дѣлѣ рѣшено было послать «миссіонеровъ», т.-е. агитаторовъ, въ разныя части Англіи, особенно въ тѣ ея части, которыхъ еще не коснулось движеніе, чтобы и тамъ создать какую-либо организацію, которая могла бы примкнуть къ общей работѣ Лиги. Наконецъ, тогда же былъ основанъ въ Манчестерѣ, служившемъ центромъ дѣятельности Лиги, журналъ Anti Corn Law Circular, который былъ всецѣло посвященъ пропагандѣ идей Лиги и хроникѣ всѣхъ ея дѣйствій, а также и всѣхъ тѣхъ событій общественной жизни, которыя имѣла то или иное отношеніе къ великому вопросу объ удешевленіи основныхъ жизненныхъ продуктовъ. Вскорѣ стали издавать подобныя періодическія изданія нѣкоторыя отдѣленія Лиги.

Объ энергіи, съ какой велась агитація, можно судить по слѣдующимъ итогамъ дѣятельности Лиги за 1840 г. Въ теченіе года было вотировано на митингахъ и послано въ Палату общинъ 763 петиціи, и произнесено ораторами Лиги болѣе 200 публичныхъ рѣчей въ разныхъ частяхъ Соединеннаго Королевства. Въ слѣдующемъ (1841) году митинги уже были настолько многочисленны, что, какъ говоритъ одинъ историкъ этого движенія, «простой перечень мѣстъ, гдѣ они происходили, занялъ бы цѣлыя страницы». Надо сказать при этомъ, что «миссіонеры» Лиги встрѣчали обыкновенно сильное противодѣйствіе со стороны поземельной аристократіи, со стороны тѣхъ многочисленныхъ лицъ, которыя находились въ зависимости отъ этой аристократіи, и отъ еще болѣе многочисленнаго круга лицъ, которымъ оказалось не трудно внушить, что организація Лиги—затѣя кучки своекорыстныхъ фабрикантовъ, желающихъ обезпечить себѣ большіе барыши цѣной гибели Англіи. Въ виду такого отношенія къ Лигѣ, «миссіонерамъ» ея приходилось весьма часто подвергаться во время рѣчей оскорбленіямъ; случалось также, что въ томъ или другомъ мѣстѣ никто не хотѣлъ давать помѣщеній для лекцій ораторовъ Лиги или даже для ихъ ночлега; весьма большія затрудненія доставляло даже простое печатаніе объявленій о предстоящихъ

чтеніяхъ [1]) и т. д. Такъ относились къ Лигѣ достаточные классы, особенно тѣ слои этихъ классовъ, которые принадлежали къ поземельному дворянству или находились подъ его вліяніемъ. Извѣстно, съ другой стороны, что и представители наиболѣе радикальныхъ теченій въ тогдашнемъ англійскомъ обществѣ — такъ назыв. чартисты — относились къ дѣятельности Лиги не только съ подозрѣніемъ, но даже прямо съ враждой. Ораторы чартистовъ являлись часто на митинги, организуемые Лигой. Они старались разбить аргументы «миссіонеровъ» Лиги и убѣждали слушателей, что только всеобщая подача голосовъ можетъ освободить англійскій народъ отъ порабощенія землевладѣльческой или, что еще хуже, денежной аристократіи, причемъ выразительницей желаній и стремленій послѣдней являлась, по мнѣнію чартистовъ, основанная въ Манчестерѣ Лига [2]). Противниками Лиги выступали иногда главные лидеры чартистовъ О'Брайэнъ, О'Коннеръ и друг., причемъ—такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ чартистъ Гэммэджъ—ораторамъ чартистовъ всегда удавалось срывать митинги-организуемые Лигой. О'Брайэнъ не довольствовался даже ораторскими турнирами съ дѣятелями Лиги, но написалъ рядъ весьма рѣзкихъ и весьма талантливыхъ статей противъ нея.

Такъ прошли 1840 и 1841 годы. Въ этомъ послѣднемъ году состоялись, какъ, быть-можетъ, помнитъ читатель, парламентскіе выборы, причемъ первый разъ въ парламентъ попалъ, между прочимъ, и главный дѣятель Лиги, Рич. Кобденъ. Онъ былъ выбранъ представителемъ отъ Стокпорта, составляющаго фактически одно изъ предмѣстій города Манчестера. Въ 1841 же году примкнулъ къ Лигѣ представитель отъ самого Манчестера, Джонъ Брайтъ. Своими рѣчами въ парламентѣ и на народныхъ митингахъ въ защиту идей Лиги Кобденъ и Брайтъ, ставшіе вскорѣ друзьями, пріобрѣли славу величайшихъ ораторовъ Англіи. Вообще Лига становилась понемногу крупной общественной силой. Лордъ Мельбурнъ, который въ 1839 г. выразился такъ рѣзко противъ всякой мысли о посягательствѣ на хлѣбныя пошлины, черезъ какихъ-нибудь 2 года самъ выступилъ передъ парламентомъ (1841) съ предложеніемъ уничтожить подвижную скалу пошлинъ и ввести взамѣнъ ея небольшую постоянную пошлину, которая могла бы составить нѣкоторое покровительство землевладѣльческому классу Англіи и устранить, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность голодныхъ цѣнъ на хлѣбъ, съ одной стороны, и спекуляцій скупщиковъ хлѣба—съ другой.

Мы знаемъ, что парламентъ отвергъ предложеніе Мельбурна, и что по совѣту послѣдняго онъ былъ затѣмъ распущенъ королемъ. Однако, страна послала въ парламентъ большинство, враждебное министерству Мельбурна, причемъ не малая доля отвѣтственности за такой исходъ выборовъ падаетъ на рѣзкую враждебную кампанію, которую вели противъ виговъ чартистскіе лидеры, которые

---

[1]) Morley, «Life of Cobden», p. 99—100. См. также составленную нами краткую біографію Кобдена (изд. М. М. Ледерле).

[2]) Gammage, цитированное сочиненіе, 104—105.

совѣтывали своимъ послѣдователямъ вотировать скорѣе за тори, чѣмъ за виговъ. Лига рекомендовала дѣйствовать въ прямо противоположномъ смыслѣ: такъ какъ правительство Мельбурна уже проявило свое желаніе идти на компромиссъ въ вопросѣ о хлѣбныхъ пошлинахъ проектомъ введенія небольшой постоянной пошлины, то Лига предлагала всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ ея задачамъ, подавать голоса за кандидата виговъ вездѣ, гдѣ нѣтъ надежды на проведеніе собственнаго кандидата, т.-е. лица, стоящаго за немедленную и безусловную отмѣну всякихъ пошлинъ на хлѣбъ. «По крайнему моему разумѣнію—писалъ Кобденъ въ оправданіе такой политики—нецѣлесообразно и несправедливо при всякаго рода политической борьбѣ нападать на тѣхъ, кто обнаруживаетъ желаніе содѣйствовать—хотя бы въ очень незначительной мѣрѣ—нашимъ попыткамъ сразить сильнаго врага, не допускающаго никакихъ компромиссовъ» [1]).

«Если вспомнить, что въ то время силы Лиги были еще очень умѣренны, и принять во вниманіе неопредѣленное состояніе общественнаго мнѣнія, то, повидимому, слѣдуетъ признать, что такая тактика была вполнѣ естественна и разумна»—говоритъ по этому поводу біографъ Кобдэна, Джонъ Морлей, который, будучи самъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей современной Англіи, способенъ оцѣнить эту тактику на основаніи данныхъ своего широкаго личнаго политическаго опыта.

Итакъ, парламентъ 1841 г. оказался въ общемъ враждебнымъ партіи виговъ, и Мельбурну пришлось-таки уступить власть сэру Роберту Пилю, наиболѣе даровитому и наиболѣе видному дѣятелю оппозиціи, состоявшей почти исключительно изъ завзятыхъ тори.

Прежде чѣмъ излагать дѣятельность Лиги во время министерства Пиля (1841—46), мы считаемъ необходимымъ ознакомить читателей съ ходомъ другого движенія за этотъ же періодъ, а именно движенія чартистовъ. Покончивъ съ этимъ послѣднимъ движеніемъ, мы будемъ въ состояніи не прерывать уже впослѣдствіи нашего изложенія дѣятельности Лиги за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ. Какъ мы уже говорили, тѣ изъ лидеровъ чартистовъ, которые были арестованы, а затѣмъ преданы суду въ 1839—40 г., скоро отбыли свое наказаніе и снова получили свободу. Тюремное заключеніе не сломило ихъ мужества; не могъ ихъ обезкуражить и фактъ выбора парламента съ преобладаніемъ въ немъ тори, такъ какъ раздраженіе на виговъ за преслѣдованія кабинетомъ Мельбурна чартистской агитаціи внушало лидерамъ чартистовъ надежду—конечно, совершенно неосновательную—на то, что они могутъ ожидать лучшаго къ себѣ отношенія отъ тори.

Въ концѣ 1841 г. чартистская агитація возобновилась съ новой энергіей, причемъ главная ея задача была сразу сведена къ собиранію массовыхъ подписей подъ новой петиціей о народной хартіи. На этотъ разъ въ петиціи было включено, кромѣ знакомыхъ намъ основныхъ требованій, нѣсколько новыхъ, изъ которыхъ наиболѣе важнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наибо-

[1]) Цитировано въ книгѣ Morley, «Life of Cobden», 112.

лѣе несбыточнымъ было требованіе автономіи для Ирландіи, т.-е. организаціи самостоятельнаго ирландскаго парламента.

Включеніе новыхъ требованій въ петицію—особенно только-что указаннаго—послужило причиной значительныхъ споровъ и разногласій среди лидеровъ чартизма; однако, какъ видимъ, и на этотъ разъ взяло верхъ болѣе рѣзкое теченіе... Надо сказать, что зима 1841—42 гг. была весьма сурова, и что промышленность Англіи находилась въ застоѣ, причемъ—само собой разумѣется—эти обстоятельства склоняли рабочихъ охотнѣе прислушиваться къ заманчивымъ обѣщаніямъ чартистскихъ ораторовъ. Вслѣдствіе ли указываемыхъ нами фактовъ, или просто вслѣдствіе болѣе умѣлой, чѣмъ ранѣе, организаціи подписки къ апрѣлю 1842 г., когда въ Лондонѣ вновь собрался чартистскій «Конвентъ», число подписей подъ петиціей о Народной Хартіи было близко къ 3 милліонамъ, т.-е. превосходило болѣе чѣмъ вдвое число подписей подъ первой петиціей. Самый конвентъ имѣлъ на этотъ разъ своей единственной цѣлью общее руководство дѣйствіями организаторовъ подписки.

Когда всѣ подписные листы были получены и классифицированы, состоялась церемонія торжественнаго перенесенія ихъ въ парламентъ. Это было 2 мая 1842 г. Огромныя толпы народа собрались на улицахъ, чтобы посмотрѣть на длинную процессію, состоящую изъ членовъ «Конвента», изъ делегатовъ отъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городовъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Власти распорядились, чтобы уже съ утра было прекращено движеніе экипажей по всѣмъ тѣмъ улицамъ, по которымъ должна была пройти процессія, во главѣ которой шли 16 человѣкъ, несшихъ подписные листы.

Когда груды подписныхъ листовъ были съ большимъ трудомъ внесены въ залъ засѣданій парламента, членъ парламента, выдающійся ораторъ Денкомбъ, который взялся передать петицію чартистовъ народнымъ представителямъ, произнесъ въ пользу ея превосходную рѣчь и просилъ парламентъ разрѣшить нѣсколькимъ делегатамъ отъ чартистовъ выяснить болѣе подробно главныя положенія петиціи Изъ числа ораторовъ, говорившихъ противъ этого предложенія, наибольшее впечатлѣніе на парламентъ произвелъ извѣстный историкъ Маколей. Онъ заявилъ, что протестуетъ рѣшительнымъ образомъ противъ одного только пункта народной хартіи, а именно противъ всеобщей подачи голосовъ, такъ какъ считаетъ это почти равносильнымъ конфискаціи имущества богатыхъ [1])—Если человѣкъ съ такимъ умомъ, съ такими знаніями, съ такимъ жизненнымъ опытомъ, какими въ то время обладалъ Маколей, могъ до такой степени преувеличивать бѣдствія, которыя, по его мнѣнію, должны были произойти отъ введенія всеобщей подачи голосовъ, мы не можемъ особенно удивляться и тѣмъ неосновательнымъ ожиданіямъ неисчислимыхъ благъ отъ всеобщей подачи голосовъ, ожиданіямъ, которыми были полны лидеры чартистовъ, и которыя они сумѣли внушить значительной части англійскаго народа. Вѣдь образованіе послѣдняго въ большинствѣ

[1]) Gammage, цит. сочин., 209.

случаевъ не шло далѣе простой грамотности, а иногда не заходило даже и такъ далеко.

Страхи Маколея раздѣляло громадное большинство другихъ членовъ парламента Вслѣдствіе такого своего настроенія, парламентъ, выслушавъ еще нѣсколько ораторовъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ отвергъ предложеніе Денкомба (въ пользу его предложенія былъ поданъ 51 голосъ). Этимъ опредѣлилась судьба второй петиціи о народной хартіи.

Иначе сказать, вторую петицію постигла участь болѣе печальная, чѣмъ первую. Читатель, можетъ-быть, помнитъ, что парламентъ, выслушавъ рѣчь Атвуда, внесшаго первую петицію, не принялъ никакого рѣшенія по существу, а просто постановилъ ее отпечатать. Только тогда, когда спустя мѣсяцъ былъ поднятъ вопросъ о разсмотрѣніи петиціи по существу, парламентъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе. Теперь петиція была сразу и безусловно отвергнута: таковъ оказался результатъ избирательной тактики чартистовъ.

Можно себѣ представить, какое произвело впечатлѣніе на массу чартистовъ такое отношеніе парламента къ тому, что они считали актомъ элементарной справедливости, и въ чемъ они видѣли единственный путь для мирнаго исхода разгорающейся общественной распри. Крайніе элементы чартизма достигли еще большаго вліянія, что обнаружилось весьма ясно осенью того же 1842 года.

Рядъ сбавокъ заработной платы, произведенныхъ въ этомъ году на многихъ фабрикахъ въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ, сильно раздражалъ рабочихъ, чему едва ли можно удивляться, если вспомнить, что и при прежнемъ уровнѣ платы рабочимъ приходилось терпѣть большія лишенія. Кое-гдѣ начались стачки. Скоро движеніе разрослось, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличились требованія рабочихъ. 12 августа въ Манчестерѣ состоялся съѣздъ 358 делегатовъ отъ фабричныхъ районовъ, окружающихъ Манчестеръ. Послѣ горячихъ преній съѣздъ огромнымъ большинствомъ голосовъ (320 противъ 38) рѣшилъ организовать всеобщую стачку. Предполагалось, что стачка начнется въ Манчестерѣ и прилегающихъ къ нему фабричныхъ центрахъ, и что затѣмъ будетъ сдѣлана попытка распространить стачку на всю Англію. Въ качествѣ основного требованія было рѣшено выставить принятіе парламентомъ народной хартіи. Иначе сказать, движеніе, имѣвшее въ основѣ экономическія причины, приняло сразу рѣзкій политическій характеръ. Такой поворотъ всего дѣла объясняется широко распространеннымъ среди чартистовъ убѣжденіемъ, что стоитъ только добиться хартіи, все остальное придетъ само собою

Делегаты долго совѣщались, составляя свое чрезвычайно рѣзкое обращеніе къ англійскому народу съ предложеніемъ всеобщей политической стачки. Одновременно съ этимъ значительныя толпы рабочихъ уже ходили по фабрикамъ и—гдѣ убѣжденіемъ, гдѣ силой—добивались прекращенія работы. Черезъ нѣсколько дней въ самомъ Манчестерѣ и на 80 верстъ вокругъ него бастовали почти всѣ фабрики и заводы.

Если мы примемъ во вниманіе, во-первыхъ, что, несмотря на только-что

указанный фактъ, значительная часть рабочихъ была въ существѣ недовольна тѣмъ оборотомъ, которое приняло стачечное движеніе, т.-е. выставленіемъ чисто-политическихъ требованій; во-вторыхъ, что часть рабочихъ вовсе не сочувствовала стачкѣ и примкнула къ ней только подъ вліяніемъ угрозъ и другихъ формъ насилія [1]); въ-третьихъ, наконецъ, что это стачечное движеніе охватило всего три промышленныхъ графства (Ланкаширъ, Іоркширъ, Стаффордширъ) и весьма мало затронуло остальную Англію, то мы не удивимся ни полному краху этой вспышки чартизма, ни той легкости, съ которой правительство арестовало, желая остановить движеніе, нѣсколько его лидеровъ. Ближайшимъ поводомъ для такихъ арестовъ послужили, конечно, безпорядки и всякія вообще столкновенія народа съ полиціей, неизбѣжныя во время такихъ массовыхъ движеній.

Полная неудача попытки организовать всеобщую политическую стачку сильно подорвала авторитетъ и вліяніе лидеровъ чартизма и нанесла такой ударъ всему этому движенію, что оно въ сущности не могло болѣе никогда вполнѣ оправиться Разногласія, которыхъ и раньше было очень много среди лидеровъ чартизма, теперь еще усилились. Рабочіе же стали утрачивать интересъ къ чисто-политическимъ вопросамъ. Понявъ, очевидно, происшедшую перемѣну, О'Коннеръ и О'Брайэнъ дополнили политическія требованія чартизма проектами аграрнаго законодательства, рѣзко расходящимися между собой. Изложивъ аграрный проектъ О'Коннора, Гэммэджъ говоритъ, что этотъ проектъ явился превосходнымъ средствомъ для внесенія раздора въ чартистское движеніе и для его окончательной гибели [2]). Между тѣмъ, предположенія О'Коннора были одобрены чартистскимъ Конвентомъ—правда, очень немногочисленнымъ,—собравшимся въ Бирмингамѣ въ сентябрѣ 1843 г. О'Брайэнъ, не сочувствовавшій проекту О'Коннора, велъ самую рѣзкую полемику съ О'Коннеромъ въ своемъ журналѣ «National Reformer», причемъ въ пылу полемики два лидера чартистовъ дошли до самыхъ рѣзкихъ личныхъ нападокъ.

Въ это время смертный часъ чартизма въ сущности пробилъ, такъ какъ, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ революціонная волна, пронесшаяся по всей Европѣ въ 1848 г., вдохнула на короткое время жизнь въ чартистское движеніе и объединила вновь старыхъ лидеровъ, но, какъ показали событія, это было не воскресеніе чартизма, а его предсмертныя судороги, которыя, будучи вызваны такимъ сильно дѣйствующимъ средствомъ, какъ примѣръ февральской революціи въ Парижѣ, только ускорили агонію умирающаго чартизма.

Вернемся, однако, немного назадъ и посмотримъ, каковъ былъ ходъ другой агитаціи,—агитаціи за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ.

Сэръ Робертъ Пиль, занявшій въ сентябрѣ 1841 г. постъ перваго ми-

---

[1]) «Участіе въ стачкѣ было, по большей части, насильственнымъ», говоритъ чартистъ Гэммэджъ. См. Gammage, «History of the Chartist Movement», 249.

[2]) Gammage, цит. сочин., 248.

нистра послѣ отставки лорда Мельбурна, былъ слишкомъ уменъ, чтобы брать на себя неблагодарную и безнадежную роль безусловнаго защитника интересовъ поземельной или денежной аристократіи. Въ началѣ 1842 г. онъ уже сообщилъ парламенту главныя основанія своей экономической политики. Коснувшись вопроса, который составлялъ наиболѣе чувствительную сторону торизма, Пиль заявилъ, что онъ намѣренъ удержать подвижную скалу хлѣбныхъ пошлинъ, но въ то же время разсчитываетъ уменьшить болѣе чѣмъ вдвое самыя нормы этихъ пошлинъ. «Интересы всѣхъ классовъ общества требуютъ,— оправдывалъ Пиль свои предположенія,—чтобы мы (вся Англія, П. М.) иногда платили немного дороже за предметы отечественнаго производства, если такимъ образомъ можно вѣрнѣе обезпечить себя отъ бѣдствій, которыя могли бы воспослѣдовать, если бы мы стали въ полной или хотя бы въ весьма большой зависимости отъ другихъ странъ въ отношеніи снабженія пищевыми продуктами [1]).

Итакъ, Пиль рѣшилъ если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить весьма существенно то покровительство, которое пошлины за ввозный хлѣбъ въ прежнемъ ихъ размѣрѣ доставляли поземельной аристократіи. Вмѣстѣ съ этимъ Пиль рѣшилъ значительно уменьшить падающее на народъ податное бремя: онъ заявилъ парламенту о твердомъ намѣреніи правительства установить—правда, временно, всего на пять лѣтъ—подоходный налогъ. Такой налогъ, какъ читатель, можетъ-быть, помнитъ, былъ впервые установленъ Вил. Питтомъ въ эпоху войнъ съ Франціей и уничтоженъ вслѣдъ за окончательнымъ паденіемъ Наполеона. Подоходный налогъ билъ по карману всѣхъ лицъ обезпеченнаго класса, такъ какъ его предполагалось распространить на всякіе доходы, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, если только общій размѣръ дохода того или иного лица превышалъ 1500 руб. въ годъ (150 фунт. стерл.). Наконецъ, Пиль сообщилъ парламенту о намѣреніи правительства подвергнуть генеральному пересмотру весь таможенный тарифъ съ цѣлью значительнаго уменьшенія или даже полнаго уничтоженія многихъ пошлинъ.

Оппозиція, конечно, поспѣшила обрушиться всей своей критикой на главу правительства. Лордъ Джонъ Россель внесъ предложеніе уничтожить совершенно подвижную скалу и ввести небольшую постоянную пошлину на хлѣбъ. Однако, парламентъ послѣ преній, продолжавшихся 4 дня, отвергъ это предложеніе большинствомъ 123 голосовъ. Нисколько не смущаясь этимъ обстоятельствомъ, Вилліе послѣ этого рѣшенія парламента внесъ свое предложеніе о полной отмѣнѣ пошлинъ на хлѣбъ. Рѣзкіе дебаты, вызванные предложеніемъ Вилліе, продолжались 5 дней и закончились, конечно, отклоненіемъ предложенія, но уже большинствомъ 300 голосовъ. «Я заявляю палатѣ,—сказалъ между прочимъ во время этихъ преній Кобденъ,—что, лишая населеніе дешевой пищи, вы рискуете подорвать не только его физическія силы, но и его умственныя дарованія. Не можетъ народъ, питающійся картофелемъ, идти

[1]) J. Morley, цит. сочин., 141.

впереди другихъ въ наукахъ и искусствахъ, въ военномъ дѣлѣ, торговлѣ или промышленности» [1]).

Уступки Пиля,—крайне непріятныя для земельной аристократіи, для нѣкоторыхъ довольно значительныхъ круговъ населенія—оказались недостаточными. «Вѣсть объ оставленіи подвижной скалы хлѣбныхъ пошлинъ — говоритъ Дж. Морли—вызвала крайнее неудовольствіе въ промышленныхъ округахъ Англіи: тысячи петицій съ сотнями тысячъ подписей были посланы Кобдену и другимъ народнымъ представителямъ для представленія ихъ парламенту. Обычныя мѣста собраній общественныхъ митинговъ оказались недостаточными, чтобы вмѣстить массы негодующихъ людей, узнавшихъ только-что изъ газетъ, что правительство не намѣрено идти на полный отказъ отъ подвижной скалы. Несмотря на холодъ и дождь (дѣло происходило въ февралѣ 1842 г.), народъ собирался толпами на открытомъ воздухѣ, чтобы слушать ораторовъ и вотировать резолюціи, въ которыхъ мѣры Роб. Пиля были объявляемы оскорбленіемъ изнемогающаго отъ нужды населенія, издѣвательствомъ надъ нимъ. Перваго министра прямо обвиняли въ презрѣніи къ рабочему классу; обвиняли въ томъ, что онъ права народа приноситъ въ жертву интересамъ безчувственной и жадной аристократіи; обвиняли въ томъ, что онъ создаетъ богатство и блескъ небольшого класса цѣной нищенства милліонной массы. Чучело перваго министра возили по улицамъ такихъ (фабричныхъ) городовъ, какъ Стокпортъ и Рокдэль [2]). Процессія двигалась по улицамъ подъ звуки барабановъ и рожковъ, причемъ, въ концѣ концовъ, чучело при оскорбительныхъ возгласахъ толпы бросалось въ разводимый среди улицы костеръ и торжественно сжигалось. Въ нѣкоторыхъ городахъ сожженію предшествовалъ заочный судъ надъ преступникомъ, послѣ короткаго процесса Пиль былъ приговариваемъ къ аутодафе какъ измѣнникъ отечества, причемъ стоящія кругомъ толпы народа громко призывали такую же судьбу на всѣхъ угнетателей [3]).

Подвергаясь такимъ нападкамъ за слишкомъ большія уступки земельной аристократіи, Пиль въ то же время очень раздражилъ сторонниковъ земельной и денежной аристократіи въ парламентѣ проектомъ бюджета, важнѣйшими особенностями котораго было значительное уменьшеніе пошлинъ на хлѣбъ и введеніе на три года налога въ 3% на всѣ вообще доходы. Впрочемъ, этимъ дѣло не ограничилось: черезъ нѣсколько недѣль послѣ массы кропотливой и упорной работы, которая была выполнена, главнымъ образомъ, молодымъ товарищемъ министра торговли Гладстономъ, парламенту былъ представленъ проектъ измѣненій во всемъ таможенномъ тарифѣ. Согласно этимъ измѣненіямъ на 750 изъ 1200 предметовъ, ввозъ которыхъ въ Англію былъ обложенъ пошлиной, эта послѣдняя была болѣе или менѣе сильно уменьшена. Это былъ огромный шагъ въ направленіи режима свободной торговли,

[1]) Morley, цит. сочин., 141.

[2]) Кобденъ, какъ мы знаемъ, былъ представителемъ отъ Стокпорта, составляющаго, какъ читатель помнитъ, предмѣстье Манчестера.

[3]) Morley, цит. сочин., 142.

принципіальное и практическое значеніе котораго не хотѣли, однако, признавать противники министерства, одни подъ вліяніемъ партійныхъ соображеній (напр., лордъ Джонъ Россель и многіе другіе виги), другіе, какъ, напр., Кобденъ, такъ какъ они считали все маловажнымъ по сравненію съ великимъ вопросомъ объ удешевленіи хлѣба, какъ основы народнаго питанія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь хлѣбъ и сахаръ подлежали и впредь пошлинамъ, и это обстоятельство заставляло Лигу преуменьшать значеніе фискальныхъ реформъ Пиля Между тѣмъ Морли, біографъ Кобдена, считаетъ первый бюджетъ Пиля «самымъ замѣчательнымъ изъ бывшихъ въ XIX столѣтіи до описываемаго времени» [1]).

Впрочемъ, надо сказать и то, что торгово-промышленный классъ, который создалъ Лигу, и которымъ она, главнымъ образомъ, держалась—по крайней мѣрѣ въ первое время,—сочувствовалъ принципамъ свободной торговли лишь постольку, поскольку это касалось ввоза въ Англію пищевыхъ продуктовъ или сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для разныхъ производствъ, и относился съ большимъ недовѣріемъ къ умѣстности распространенія тѣхъ же принциповъ (свободы торговли) на фабрикаты и полуфабрикаты [2]). Такимъ образомъ, перемѣны, произведенныя въ тарифѣ министерствомъ Пиля, какъ и удержаніе подвижной скалы хлѣбныхъ пошлинъ, показывали, что правительство опирается все-таки, главнымъ образомъ, на поземельный классъ и въ немъ ищетъ для себя опоры. Однимъ словомъ, при всѣхъ своихъ благихъ начинаніяхъ правительство Пиля было все-таки правительствомъ тори.

Насколько вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ возбуждалъ въ описываемое нами время общественное мнѣніе, видно изъ того, что въ весеннюю сессію 1842 г., когда парламентъ разсматривалъ указанные выше проекты Пиля, палата общинъ въ теченіе одного только мѣсяца получила до 3000 петицій съ полуторамилліономъ подписей. Все это было въ значительной мѣрѣ дѣломъ Лиги; Пиль, однако, опирался на прочное большинство въ парламентѣ, и всѣ его законопроекты были ⁞вотированы значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Надо сказать, что до этого времени Лига вела свою агитацію преимущественно среди среднихъ классовъ и въ нихъ же находила наибольшее сочувствіе. Мы видѣли, что чартисты, имѣвшіе наиболѣе сторонниковъ среди низшихъ классовъ и въ особенности среди фабричныхъ рабочихъ, противодѣйствовали агитаціи Лиги и старались даже срывать устраиваемые ею митинги. «Вслѣдствіе этого—говорилъ Кобденъ на собраніи Совѣта Лиги въ Манчестерѣ въ сентябрѣ 1842 г.—намъ пришлось направить свою агитацію на средній классъ; я не считаю нужнымъ скрывать этого теперь и вполнѣ откровенно и открыто заявлялъ это и раньше Я не отрицаю того, что и рабочій классъ, вообще говоря, посѣщаетъ наши митинги и подписываетъ наши петиціи; я утверждаю только, что, если имѣть въ виду увлеченіе агитацией и

---

[1]) Morley, «Life of Cobden», 150.

[2]) Morley, «Life of Gladstone», vol. I, p. 254—256.

успѣхи, ею достигнутые, то нельзя не признать, что она была и остается почти исключительно (eminently) агитаціей среднихъ классовъ» [1]).

Теперь Лига рѣшила направить свои усилія и на главную массу населенія. До тѣхъ поръ Совѣтъ Лиги затратилъ на агитацію до 250000 р., большая часть этой суммы была собрана въ Манчестерѣ и окружающихъ его городахъ; до 750000 руб. было употреблено на агитацію провинціальными отдѣлами Лиги. Иными словами, на пропаганду идей Лиги ушло уже до милліона рублей. Теперь Совѣтъ Лиги рѣшилъ организовать новую подписку на то же дѣло, причемъ, хотя англійская промышленность находилась все еще въ тяжеломъ положеніи, въ теченіе короткаго времени было собрано до полумилліона подписей. Совѣтъ Лиги постановилъ отпечатать въ огромномъ количествѣ брошюры, листки и проч., въ которыхъ отстаивались идеи Лиги, и разослать ихъ избирателямъ всей Англіи или, точнѣе, всего Соед. Королевства. На это предполагалось затратить до 200000 руб. Въ то же время Лига разослала повсюду «миссіонеровъ» для чтенія лекцій, для организаціи митинговъ. Обыкновенно передъ этими митингами или послѣ нихъ собравшихся угощали чаемъ (tea parties). Весной Лига отправила въ парламентъ особую депутацію. «Нечего скрывать отъ себя трудностей нашей задачи—писалъ Кобденъ одному изъ видныхъ дѣятелей Лиги,—вѣдь дѣло идетъ о воспитаніи 27 милліоновъ. Достичь этого можно лишь при искренней помощи всѣхъ просвѣщенныхъ и патріотически настроенныхъ гражданъ всего королевства».

Въ самомъ дѣлѣ, лидеры Лиги смотрѣли на устраиваемые ими митинги не какъ на демонстраціи, а какъ на одинъ изъ способовъ ознакомленія общества со своими идеями. «Руководители движенія противъ хлѣбныхъ пошлинъ—говоритъ проф. Дерюжинскій—смотрѣли на митинги какъ на могущественное орудіе для того, чтобы провести въ народныя массы правильные взгляды на предметы агитаціи, развить въ нихъ сознательное къ нимъ отношеніе и поселить прочное убѣжденіе въ необходимости полной отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Вслѣдствіе этого митинги, организуемые для составленія петиціи или выслушанія публичнаго чтенія, имѣли большое воспитательное значеніе, передъ которымъ нерѣдко совершенно стушевывался ихъ демонстративный характеръ. Часто на одномъ и томъ же митингѣ собирались представители противоположныхъ взглядовъ—сторонники и противники отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ; и вотъ между ними поднимались пренія, выяснявшія различныя точки зрѣнія на вопросъ и помогавшія присутствовавшимъ разобраться въ нихъ и придти къ извѣстному заключенію, которое выражалось либо въ рукоплесканіяхъ тому или другому оратору, либо въ вотированіи резолюцій. Изъ многочисленныхъ примѣровъ этого достаточно будетъ привести хотя нѣсколько. «Такъ,—читаемъ мы у Джефсона [2]),—въ Давенпортѣ въ апрѣлѣ 1843 г. состоялся публичный митингъ для выслушанія преній по вопросу о

[1]) Morley, «Life of Cobden», 160.

[2]) Здѣсь разумѣется сочиненіе Jephson, «The Platform», изъ котораго Дерюжинскій заимствовалъ указываемые имъ факты. Сочиненіе Джефсона переведено на русскій языкъ («Платформа», 1901).

хлѣбныхъ пошлинахъ между делегатами Лиги и защитниками монополіи, избранными въ качествѣ представителей мѣстной консервативной ассоціаціи. Одинъ священникъ въ теченіе двухъ часовъ говорилъ въ защиту покровительственной системы. Ему отвѣчалъ Дж. Брайтъ, говорившій также въ теченіе двухъ часовъ, затѣмъ была вотирована резолюція противъ хлѣбныхъ законовъ огромнымъ большинствомъ въ пропорціи 20 противъ одного Подобный же митингъ состоялся въ Оксбриджѣ. Здѣсь первымъ говорилъ Кобденъ, которому возражали сторонники существующаго законодательства; въ результатѣ митингъ вотировалъ нѣсколько резолюцій противъ пошлинъ... На митингѣ въ Эссексѣ, гдѣ участвовало до 6000 человѣкъ, Кобденъ говорилъ два часа, послѣ чего ему возражали нѣкоторые изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ; въ концѣ концовъ, митингъ высказался противъ пошлинъ на хлѣбъ [1]).

На всѣхъ такихъ митингахъ обѣ стороны, вообще говоря, выслушивались со вниманіемъ, и результатъ голосованія принимался съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣнію большинства. «Въ общемъ эти петиціи—говоритъ г. Дерюжинскій—отличались безусловно мирнымъ характеромъ и къ цѣли своей стремились исключительно моральными средствами вліянія на общественное мнѣніе. Брайтъ имѣлъ полное основаніе высказать по этому поводу слѣдующее: «монополисты говорятъ, что мы возбуждаемъ къ возстанію и революціи. Это заявленіе—ложь, какъ лживы вообще всѣ тѣ основанія, на которыя они опираются для защиты своей монополіи. Мы никогда не возбуждали къ возстанію. Мы обращаемся всегда къ разуму нашихъ согражданъ и къ ихъ чувству справедливости, и призывъ нашъ встрѣчаетъ отвѣтъ поразительный» [2]).

О томъ, съ какой поразительной энергіей велась кампанія «для просвѣщенія 27-милліоннаго населенія», какъ выразился Кобденъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ, характеризующимъ дѣятельность Лиги съ осени 1842 г. до осени 1843 г. Пятьсотъ человѣкъ были заняты разноской изданій Лиги, обходя систематически одинъ домъ за другимъ. Пять милліоновъ брошюръ было такимъ образомъ доставлено регистрированнымъ избирателямъ Англіи и Шотландіи и 9 милліоновъ лицамъ, не состоящимъ избирателями. Одной бумаги на эти изданія понадобилось до 100 тоннъ. Въ теченіе года ораторы Лиги объѣхали 140 городовъ, произнося вездѣ рѣчи на митингахъ [3]).

Неутомимыми и необыкновенно успѣшными ораторами лиги были Кобденъ и Брайтъ, особенно первый, которому случалось иногда 5—6 часовъ подъ-рядъ стоять передъ митингомъ, сначала въ качествѣ оратора, затѣмъ въ качествѣ предмета рѣзкихъ нападокъ монополистовъ, которые при этомъ не щадили личной репутаціи Кобдена, приписывая ему въ высшей степени жестокое и корыстное отношеніе къ рабочимъ своей фабрики. Едва ли нужно объяснять читателю, что эти слова представляли совершенную ложь, и что

---

[1]) В. Ф. Дерюжинскій, «Изъ исторіи политической свободы въ Англіи». СПБ. 1906. Статья «Публичные митинги въ Англіи».

[2]) Цитировано въ указанномъ сочиненіи проф. Дерюжинскаго, стр. 88.

[3]) Morley, «Life of Cobden», 186

Кобденъ по своему отношенію къ рабочимъ могъ служить образцомъ для другихъ фабрикантовъ. Мало того. такія слова Кобдену приходилось нерѣдко выслушивать въ то самое время, когда, будучи увлеченъ великимъ дѣломъ Лиги, онъ работалъ для нея день и ночь, рѣдко видѣлъ свою семью и такъ запустилъ всѣ свои личныя дѣла, что изъ богатаго человѣка быстро обращался въ банкрота [1]).

Прошли еще два года (1843—1844) агитаціи Лиги; Кобденъ, Брайтъ и рядъ менѣе значительныхъ ораторовъ не прекращали поднятаго ими крестоваго похода противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Въ парламентѣ Вилліе продолжалъ попрежнему одинъ разъ въ годъ вносить предложеніе о совершенной отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Кобденъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы напомнить парламенту о глубокомъ вредѣ для народа искусственнаго удорожанія основного предмета питанія. «Повѣрятъ ли грядущія поколѣнія,—сказалъ однажды Кобденъ во время обсужденія парламентомъ положенія Ирландіи,—что въ странѣ, гдѣ періодически бываютъ голодовки, гдѣ населеніе питается самой дешевой, самой плохой пищей (Кобденъ разумѣлъ картофель), что въ такой странѣ дѣйствуетъ законъ, фактически запрещающій ввозъ дешеваго хлѣба [2])?

Одной изъ главныхъ причинъ, по которымъ дѣятельность Лиги оставалась пока безуспѣшной, слѣдуетъ признать очень хорошіе урожаи въ 1843 и 1844 гг. Благодаря этому хлѣбъ въ Англіи былъ сравнительно не дорогъ, а это лишало силы главный аргументъ Лиги. Кобденъ хорошо это понималъ; онъ понималъ также, что именно это обстоятельство даетъ возможность министрамъ отсрочивать введеніе законодательства, глубокой пользы и даже необходимости котораго они не могли не сознавать.

Обращаясь однажды лѣтомъ 1845 г. къ многочисленному митингу, организованному Лигой, Кобденъ спросилъ своихъ слушателей: какъ вы полагаете, что думаютъ въ душѣ министры по поводу пошлинъ на хлѣбъ? «Господа, я знаю это такъ же хорошо, какъ-будто я могъ читать въ ихъ сердцахъ. Они всѣ боятся, что пошлины на хлѣбъ нельзя будетъ удержать ни на минуту, если наступитъ новый недородъ, если опять придутъ голодные годы, каковыми были 1839, 1840 и 1841 гг. Они это хорошо знаютъ. Они готовы на то, чтобы отмѣнить пошлины на хлѣбъ, когда наступитъ такое время. Это уже вопросъ рѣшеный. Въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣній. Повторяю вамъ, — и прошу васъ не забывать моихъ словъ, — министры отмѣнятъ хлѣбныя пошлины, когда наступитъ голодъ. А голодъ можетъ всегда наступить; вѣдь для этого надо только, чтобы шелъ дождь въ теченіе трехъ дней подрядъ и притомъ какъ-разъ въ то время, когда пшеница цвѣтетъ или колосится. Если это случится, пошлины на хлѣбъ исчезнутъ безвозвратно» [3]).

Что же могло вселить такую увѣренность Кобдену? Самое полное убѣжденіе въ очевидной несправедливости и вредѣ для народа хлѣбныхъ пош-

---

[1]) См. John Morley, «Life of Cobden».

[2]) Тамъ же, стр. 217.

[3]) J. Morley, «Life of Cobden», 209.

линъ и такое же убѣжденіе въ томъ, что, такой умный человѣкъ, какъ Пиль, не развивалъ далѣе провозглашенной имъ политики свободной торговли и не предлагалъ парламенту отмѣны пошлинъ на хлѣбъ лишь потому, что сомнѣвался въ поддержкѣ своей партіи, большинство которой нуждалось, очевидно, въ болѣе яркихъ доказательствахъ зловредности хлѣбныхъ пошлинъ для страны и опасности ихъ дальнѣйшаго существованія.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ первые же мѣсяцы 1845 г. Пиль ясно показалъ, каковы его взгляды на экономическую политику: онъ уменьшилъ значительно пошлины на сахаръ, уничтожилъ всѣ вывозныя пошлины, уменьшилъ значительно пошлины на хлопокъ и стекло, освободилъ отъ всякой пошлины 430 изъ 813 сырыхъ матеріаловъ, ввозъ которыхъ въ Англію былъ прежде затрудненъ пошлинами. Возможный дефицитъ, который могли бы причинить эти мѣры, Пиль предложилъ парламенту предупредить сохраненіемъ еще на два года подоходнаго налога. На всѣ эти предложенія Пиля парламентъ согласился

Однако, консервативные сторонники министерства — по крайней мѣрѣ, наиболѣе рьяные изъ нихъ—были крайне недовольны такой политикой Пиля, причемъ Дизраэли выразился даже относительно консерватизма правительства, что это «организованное лицемѣріе» [1]). Пиль все-таки удерживалъ за собой власть: главная масса консерваторовъ шла за нимъ, такъ какъ боялась, что съ переходомъ власти въ руки виговъ или либераловъ дѣло можетъ пойти еще хуже, т.-е. правительство можетъ оказаться еще менѣе склоннымъ ограждать интересы поземельной аристократіи въ прямой вредъ народной массѣ.

Такимъ образомъ, если Пиль могъ опасаться утратить поддержку своей партіи, т.-е. тори или консерваторовъ, то и консервативная партія, съ своей стороны, боялась потерять Пиля. Благодаря этому, употребляя выраженіе, примѣняемое часто англичанами къ Пилю, онъ получилъ возможность «воспитать свою партію».

Всѣ эти сужденія теперь,—когда опубликованы всякіе мемуары и другія данныя, относящіяся къ изучаемому нами времени, когда всѣмъ извѣстны послѣдующія событія англійской исторіи,—обратились въ Англіи въ общее мнѣніе. Тогда же понимали ясно положеніе дѣла весьма и весьма немногіе исключительно проницательные люди. Въ числѣ этихъ весьма немногихъ былъ Кобденъ, чѣмъ и объясняются приведенныя его слова.

Въ самомъ дѣлѣ, слова Кобдена сбылись гораздо раньше, чѣмъ онъ, вѣроятно, самъ это думалъ. Митингъ, на которомъ Кобденъ произнесъ свою знаменательную рѣчь, былъ, какъ мы сказали, лѣтомъ 1845 г. Лѣто еще не кончилось, какъ въ Англіи стало извѣстно о томъ, что картофель въ Ирландіи пораженъ какой-то болѣзнью, грозящей уничтожить весь урожай, а такъ какъ картофель составлялъ основу народнаго питанія ирландцевъ, это значило

[1]) Frank Bright, «History of England», vol. IV, 124 (London, 1905).

что Ирландію ожидаетъ формальный голодъ. Парламентъ въ это время уже заканчивалъ сессію и вскорѣ совсѣмъ разошелся. Между тѣмъ, извѣстія становились не лучше, какъ многіе ожидали, а день ото дня хуже. Та же самая картофельная болѣзнь появилась на островѣ Уайтѣ, затѣмъ перешла на югъ Англіи и, наконецъ, дошла даже до Шотландіи. Кромѣ того, урожай хлѣбовъ оказался значительно ниже средняго.

Пиль вмѣсто отдыха просиживалъ цѣлые дни за чтеніемъ газетныхъ извѣстій и донесеній спеціалистовъ, командированныхъ правительствомъ въ разныя части Англіи. Они сообщали, что не только урожай картофеля можно считать погибшимъ, но что нѣтъ никакой надежды, чтобы та же самая болѣзнь картофеля не повторилась и въ слѣдующемъ году. Къ концу октября вполнѣ уже выяснилось, что Англіи предстояло неминуемое и грозное бѣдствіе.

Въ началѣ ноября Пиль созвалъ всѣхъ министровъ, объяснилъ имъ положеніе дѣлъ и заявилъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ другого выхода, кромѣ немедленной отмѣны пошлины на всякаго рода жизненные продукты административнымъ порядкомъ и созыва парламента на экстренную сессію для утвержденія этого распоряженія и изданія соотвѣтственнаго закона. Въ это критическое время выяснилось, насколько Пиль былъ выше своихъ коллегъ: нѣкоторые члены кабинета рѣшительно протестовали противъ такой энергичной и вполнѣ дѣйствительной мѣры, какую предложилъ Пиль; несмотря на всѣ усилія, ему не удалось ихъ уговорить. То же самое повторилось и на рядѣ слѣдовавшихъ одно за другимъ засѣданій кабинета. У Пиля не хватило мужества пригрозить протестантамъ своей отставкой и, слѣдовательно, возможностью перехода власти къ ихъ политическимъ противникамъ.

Между тѣмъ, эти противники слѣдили также за ходомъ дѣлъ въ странѣ. Лидеру оппозиціи, лорду Дж. Росселю, было, конечно, извѣстно о частыхъ засѣданіяхъ кабинета, и ему не трудно было догадаться, какой вопросъ занималъ министровъ.

Мы знаемъ, что правительство лорда Мельбурна передъ своей отставкой внесло въ парламентъ проектъ замѣны подвижной скалы хлѣбныхъ пошлинъ небольшой постоянной пошлиной, и что Мельбурнъ и Россель отстаивали эту идею и впослѣдствіи, когда находились затѣмъ въ оппозиціи.

Теперь настроеніе общественнаго мнѣнія было таково, что, по мнѣнію Росселя, можно было рискнуть сдѣлать шагъ дальше и вовсе отказаться отъ какихъ бы то ни было пошлинъ на хлѣбъ, т.-е. принять точку зрѣнія Кобдена, Брайта и знаменитой Лиги. О перемѣнѣ въ своихъ взглядахъ Россель сообщилъ въ знаменитомъ письмѣ къ своимъ избирателямъ отъ 22 ноября 1845 г. «Соединимъ же — такъ заканчивалъ письмо Россель — наши усилія и положимъ конецъ системѣ, которая оказалась подрывомъ для торговли, проклятіемъ для земледѣлія, источникомъ рѣзкихъ раздоровъ между общественными классами, причиной бѣдности, чрезмѣрной болѣзненности и смертности народа, равно какъ и усиленной его преступности» [1]).

[1]) Цитировано въ сочин. проф. Bright, vol. IV, 133.

Это значило, что виги сожгли свои корабли и объявили себя солидарными съ Лигой въ ея требованіи немедленной и безусловной отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ.

Пиль еще разъ созвалъ совѣтъ министровъ и снова поставилъ на видъ безусловную необходимость отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ. Онъ скоро убѣдился, что можетъ достичь этого лишь цѣной потери нѣсколькихъ своихъ коллегъ, притомъ такихъ, которые пользовались большимъ вліяніемъ въ парламентѣ и странѣ. Пиль предпочелъ самъ подать въ отставку, предоставивъ, такимъ образомъ, королевѣ возможность поручить вигамъ управленіе страной и найти выходъ изъ критическаго состоянія страны.

Оказалось, однако, что и среди лидеровъ партіи виговъ были существенныя разногласія по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ,—хотя и не по вопросу о хлѣбныхъ пошлинахъ. Вслѣдствіе этого Дж. Россель, которому, какъ лидеру оппозиціи въ парламентѣ, королева предложила образованіе новаго министерства, послѣ переговоровъ съ выдающимися дѣятелями своей партіи долженъ былъ сообщить королевѣ о полной неудачѣ попытокъ его составить кабинетъ. Королевѣ оставалось теперь обратиться или къ одному изъ лидеровъ небольшой и невліятельной радикальной фракціи парламента, или же снова предложить власть сэру Роберту Пилю. Хотя Викторія лично не симпатизировала Пилю, радикалы, однако, ей нравились еще менѣе, и она предпочла обратиться къ Пилю.

Такимъ образомъ, 5 декабря Пиль подалъ въ отставку, а 20 декабря онъ уже стоялъ снова во главѣ правительства, значительно измѣнивъ, однако, прежній составъ министровъ. Послѣдніе знали, что Пиль идетъ на полный отказъ отъ прежней политики въ отношеніи условій ввоза зерновыхъ и другихъ жизненныхъ продуктовъ въ Англію. Однимъ изъ самыхъ молодыхъ министровъ новаго кабинета былъ В. Гладстонъ; однимъ изъ самыхъ старыхъ—герцогъ Веллингтонскій. Несмотря на свой весьма преклонный возрастъ, Веллингтонъ сумѣлъ понять критическое состояніе страны и, симпатизируя лично политикѣ протекціонизма, счелъ своимъ долгомъ поддержать своей огромной личной популярностью Пиля, государственнымъ дарованіямъ котораго онъ глубоко вѣрилъ. «Долженъ же кто-нибудь вывести страну изъ ея теперешняго тяжелаго положенія»,—сказалъ Веллингтонъ на предложеніе Пиля войти въ его кабинетъ. «Мы сдѣлали все, что могли для землевладѣльцевъ. Теперь мы должны сдѣлать все, что можемъ, для королевы» [1]). Иначе сказать, Веллингтонъ считалъ нужнымъ оказать посильную помощь королевѣ въ этотъ критическій для государства моментъ.

Что дѣлала въ это время Лига? Лишь только стали извѣстны размѣры грядущаго бѣдствія, лидеры Лиги удвоили свою энергію. Они подняли необыкновенно сильную агитацію противъ пошлинъ и добились того, что по всей странѣ раздался единодушный крикъ: «откройте порты» (для свободнаго ввоза хлѣба). Въ теченіе осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ агитація достигла пода-

[1]) См. J. Morley, «Life of Gladstone», vol. I, 283.

вляющихъ, феноменальныхъ размѣровъ. Въ началѣ декабря въ органѣ Лиги («The League») писали слѣдующее «Мы не имѣемъ возможности говорить подробно о происходившихъ въ послѣднее время митингахъ. Услѣдить за всѣми ими немыслимо, да и едва ли есть въ этомъ надобность. Раздающіяся на всѣхъ ихъ выраженія настроенія и убѣжденій народа въ сущности такъ сходны,—можно даже сказать, такъ тожественны,—что было бы безполезно стараться опредѣлить, чѣмъ одинъ митингъ отличался отъ другого. Исторія одного изъ нихъ есть исторія всѣхъ» [1]).

Десятки тысячъ народа собирались на митинги, чтобы послушать ораторовъ Лиги. Въ декабрѣ (1845) Кобдену почти не пришлось бывать дома: онъ все время разъѣзжалъ по Англіи, произнося вездѣ горячія и убѣдительныя рѣчи въ пользу немедленной и безусловной отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ. На одномъ митингѣ въ Лондонѣ, когда долженъ былъ говорить Кобденъ, собралось до 30000 человѣкъ. На митингѣ, устроенномъ Лигой въ Манчестерѣ въ самомъ концѣ 1845 г., энтузіазмъ, возбужденный рѣчами Кобдена и другихъ ораторовъ, былъ такъ великъ, сознаніе важности переживаемаго момента настолько проникло все собраніе, что, когда стали дѣлать подписку на усиленіе агитаціи Лиги, въ теченіе двухъ часовъ была собрана огромная сумма въ 600000 рублей!! [2]).

«Постоянное возбужденіе, рѣчи на открытомъ воздухѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подъ-рядъ сломили даже желѣзное здоровье Кобдена», писали мы въ своей біографіи этого замѣчательнаго англійскаго дѣятеля, имя котораго стало неотъемлемо связано съ описываемымъ нами движеніемъ. «Въ началѣ 1846 г. онъ слегъ въ постель, страдая заразъ головными болями, болями въ ушахъ и въ горлѣ. Съ тѣхъ поръ онъ на всю жизнь оставался съ нѣсколько хриплымъ голосомъ и глуховатъ. Къ счастью, дѣло, ради котораго Кобденъ пожертвовалъ своимъ здоровьемъ и своимъ состояніемъ, было уже близко къ осуществленію». Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ 1846 г. Пиль сообщилъ формально парламенту о намѣреніи правительства внести билль объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ.

Въ концѣ января Пиль представилъ палатѣ проектированный билль. Трудно представить себѣ то крайнее раздраженіе, которое вызвалъ этотъ билль въ рядахъ протекціонистовъ, которые остались совершенно глухи къ тѣмъ доводамъ, которыми первый министръ объяснялъ и оправдывалъ перемѣну своихъ взглядовъ на вопросъ о пошлинахъ на хлѣбъ. Тщетны были указанія Питта на критическое положеніе, въ которомъ очутилась страна вслѣдствіе недорода, и которое всегда могло бы повториться, если были бы удержаны пошлины на хлѣбъ. Тщетны оказались и весьма существенныя льготы, которыя долженъ былъ получить землевладѣльческій классъ отъ нѣкоторыхъ другихъ обѣщанныхъ Пилемъ фискальныхъ и иныхъ его проектовъ. Прежніе сто-

[1]) Цитировано въ книгѣ проф. Дерюжинскаго, «Изъ исторіи политической свободы» и т. д., 89.

[2]) См. выдержки изъ рѣчи Кобдена на этомъ митингѣ. Morley, «Life of Cobden», 226.

ронники Пиля стали въ огромномъ большинствѣ случаевъ смотрѣть на него какъ на предателя, какъ на отступника.

Едва оправившись отъ болѣзни, Кобденъ поспѣшилъ принять участіе въ обсужденіи билля объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Болѣе двухъ недѣль шли самыя горячія пренія: болѣе 100 рѣчей было произнесено ораторами за и противъ пошлинъ, и, наконецъ, билль прошелъ—327 голосовъ противъ 229. За билль голосовала вся оппозиція, т.-е всѣ виги, и сравнительно незначительная часть бывшихъ сторонниковъ Пиля, сумѣвшихъ понять значеніе его аргументовъ и положеніе страны. Билль перешелъ затѣмъ въ палату лордовъ, гдѣ также вызвалъ безконечный рядъ возраженій. Въ палатѣ лордовъ рѣшительнымъ защитникомъ билля явился самъ герцогъ Веллингтонскій. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что личный авторитетъ герцога, полная увѣренность въ томъ, что только сознаніе безусловной необходимости такой мѣры могло побудить его пойти за Пилемъ и фактически признать ошибочность прежнихъ своихъ сужденій по вопросу о хлѣбныхъ пошлинахъ, нельзя сомнѣваться, говоримъ мы, что это обстоятельство не мало содѣйствовало конечному успѣху билля въ палатѣ лордовъ, гдѣ въ третьемъ чтеніи билля подано было за него 211 голосовъ и противъ него 164 голоса.

Протекціонисты, однако, рѣшили отомстить Пилю за то, что они считали его предательствомъ, и, присоединившись въ массѣ къ вигамъ, провалили другой билль Пиля, которымъ усиливались права правительства по принятію репрессивныхъ мѣръ въ Ирландіи, гдѣ въ это время шла открытая и чрезвычайно энергичная агитація за законодательную самостоятельность (автономію). Потерпѣвъ неудачу въ этомъ биллѣ, Пиль 29 іюня сообщилъ парламенту о выходѣ министерства въ отставку. Въ тотъ же день былъ утвержденъ палатой лордовъ въ третьемъ чтеніи билль объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ, разставаясь съ властью, Пиль имѣлъ счастье узнать, что великое дѣло, ради котораго онъ пожертвовалъ своими связями съ могущественной партіей, увѣнчалось успѣхомъ. Тотъ же день ознаменовался далѣе фактомъ, дѣлающимъ величайшую честь Пилю и обнаружившимъ благородство его характера. Заявляя парламенту о сложеніи съ себя власти, Пиль сказалъ, между прочимъ, слѣдующія достопамятныя слова: «Что касается проведеннаго нами (министрами) закона объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ, я не хочу лишать заслуги этой мѣры никого изъ тѣхъ, кому эта заслуга принадлежитъ. Я могу сказать, однако, что эта честь не принадлежитъ ни джентльменамъ, сидящимъ противъ меня (оппозиціи), ни мнѣ, ни джентльменамъ, меня окружающимъ: никто изъ насъ не можетъ претендовать на эту заслугу. Здѣсь дѣйствовала комбинація партій, и эта комбинація вмѣстѣ съ вліяніемъ правительства обезпечила конечный успѣхъ этой мѣры. Но, господа между нами есть все-таки человѣкъ, имя котораго должно быть и будетъ навсегда связано съ этимъ важнѣйшимъ государственнымъ актомъ. Этотъ человѣкъ единственно изъ чистыхъ и благородныхъ побужденій съ не ослабѣвающей энергіей настаивалъ на этой мѣрѣ, обращаясь къ уму и сердцу своихъ согражданъ съ безыскусственнымъ краснорѣчіемъ, которое можетъ дать только

глубокое убѣжденіе въ истинѣ своихъ словъ. Этотъ человѣкъ—я говорю это безъ колебанія—есть среди насъ находящійся Рич. Кобденъ, и за нимъ несомнѣнно должна навсегда остаться вся слава этой мѣры». Эти слова произвели потрясающее впечатлѣніе на собраніе, впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильное, что еще не такъ давно парламентъ былъ свидѣтелемъ вспышки всегда владѣющаго собой Пиля, который въ рѣзкихъ нападкахъ Кобдена на политику правительства усмотрѣлъ желаніе нанести ему, Пилю, личное оскорбленіе, въ чемъ Кобденъ, конечно, поспѣшилъ разувѣрить министра.

Отмѣна пошлинъ на хлѣбъ вызвала взрывъ энтузіазма во всей Англіи. Одна изъ наиболѣе вліятельныхъ газетъ, подводя итоги движенія, выразилась слѣдующимъ образомъ: «Великая революція совершилась мирнымъ образомъ; революція, не запятнанная кровопролитіемъ,—такъ какъ цѣль ея была не въ низверженіи какой-нибудь династіи или замѣнѣ одной тираніи другой,—революція, которая не отправила никого на казни или въ изгнаніе, которая, однимъ словомъ, не имѣла въ себѣ никакихъ злыхъ элементовъ,—революція, которая была произведена только силой аргументаціи,—внутренней и неотразимой силой истины и справедливости».

Такъ понимали значеніе описываемыхъ нами событій болѣе проницательные изъ современниковъ, таковъ же отзывъ о нихъ и нелицепріятнаго суда исторіи. «Отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ, говоритъ одинъ американскій историкъ, «представляла собой самую важную политическую мѣру со времени билля о реформѣ 1832 г. Благодаря этой мѣрѣ Англія вступила на длинный и чудесный путь процвѣтанія. Кромѣ того, эта мѣра означала торжество народа надъ упрямой аристократіей, побѣду справедливости надъ корыстью... Эта побѣда предупредила, наконецъ, насильственную революцію, которая, безъ сомнѣнія, грозила въ то время Англіи, и которая—не будь пошлины на хлѣбъ отмѣнены—разразилась бы тамъ въ роковой 1848 годъ, когда на всемъ континентѣ Европы вспыхнулъ такой революціонный пожаръ, какого ранѣе міръ еще не видѣлъ [1]).

Одинъ современный англійскій историкъ, политическій дѣятель и публицистъ, членъ парламента, Гербертъ Поль, считая отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ «поворотнымъ пунктомъ» англійской исторіи, начинаетъ свою пятитомную «Исторію Новѣйшей Англіи» [2]) именно съ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ и паденія министерства Пиля.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ вторичный крахъ старой Англіи, послѣдовавшій черезъ 14 лѣтъ послѣ перваго—великой парламентской реформы 1832 г. Далѣе идетъ 20-лѣтній періодъ доминирующаго вліянія либеральной партіи въ парламентѣ и странѣ. Хотя этотъ періодъ не ознаменовался какимъ-либо высоко-драматическимъ моментомъ, какими полны 30-ые и 40-ые

---

[1]) B. Flower, «How England Averted a Revolution of Force». 1903 (Trenton, New Jersey), p. 192—194.

[2]) «A History of Modern England» by Herbert Paul. In five volumes. London 1904—907.

годы, когда происходили такія глубокія волновавшія весь англійскій народъ движенія, какъ агитація за избирательную реформу, чартизмъ и агитація за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ, тѣмъ не менѣе, и этотъ послѣдующій періодъ англійской исторіи представляетъ весьма значительный интересъ, какъ, мы надѣемся, убѣдятся наши читатели, ознакомившись съ содержаніемъ слѣдующихъ главъ.

ГЛАВА XII.

Общій взглядъ на политическую исторію Англіи во вторую треть XIX вѣка.—Годъ революціи въ континентальной Европѣ (1848 г.) и послѣдняя вспышка чартизма.

Въ предшествующей главѣ мы видѣли, что консервативное министерство сэра Роберта Пиля, смѣнившее либеральное министерство лорда Мельбурна въ 1841 году и остававшееся во главѣ правительства до 1846 года, произвело рядъ весьма важныхъ и весьма полезныхъ реформъ финансоваго и экономическаго характера. Благодаря этимъ реформамъ, Англія значительно приблизилась къ режиму такъ назыв. свободы торговли, такъ какъ уничтожила или сократила большинство пошлинъ, которыми былъ обложенъ ввозъ тѣхъ или иныхъ товаровъ. Неурожай 1845 года заставилъ Пиля сдѣлать шагъ исключительной важности въ томъ же направленіи—отмѣнить пошлины на хлѣбъ и на другіе жизненные продукты. Иначе сказать, Пиль отважился на такую мѣру, отъ которой за пять лѣтъ передъ тѣмъ всячески открещивались лидеры партіи виговъ или либераловъ [1]).

Вслѣдствіе такого характера дѣятельности министерства Пиля пятилѣтнее его управленіе Англіей только формально прерываетъ либеральный режимъ, который установился въ Англіи послѣ паденія [2]) министерства герцога Веллингтонскаго (1830). Въ 1841 году послѣ отставки лорда Мельбурна во главѣ правительства сталъ, правда, вождь умѣренныхъ тори, но въ сущности онъ оставался у кормила правленія только потому, что продолжалъ обновлять жизнь и учрежденія Англіи согласно тѣмъ же самымъ принципамъ, которые получили наиболѣе яркое выраженіе въ знаменитой парламентской реформѣ 1832 г. «Воспитывая» свою политическую партію, Пиль довелъ ее

---

[1]) Читатель, можетъ-быть, помнитъ знаменательныя слова лорда Мельбурна, произнесенныя имъ въ парламентѣ въ 1840 г. по поводу предложенія Вилліе выслушать делегатовъ Лиги для отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ (см. предшеств. главу).

[2]) Въ сущности и двухлѣтнее министерство герцога Веллингтонскаго можно отнести къ долгой эпохѣ доминированія либеральныхъ принциповъ въ политикѣ. Вѣдь Веллингтонъ провелъ великій актъ католической эмансипаціи и хотя не столь огромной важности, но все-таки весьма важный актъ о подвижной скалѣ хлѣбныхъ пошлинъ.

до того, что значительная часть ея пошла за нимъ даже тогда, когда онъ посягнулъ на хлѣбныя пошлины. Между тѣмъ именно эти пошлины обезпечивали доходы поземельной аристократіи, изъ которой состояла въ весьма значительной мѣрѣ партія тори. Какъ это ни странно, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что лорду Джону Росселю—главѣ виговъ—вѣроятно, не удалось бы провести такую либеральную мѣру, какъ отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ, которую провелъ Пиль. Въ самомъ дѣлѣ, если бы послѣ первой отставки Пиля, Россель смогъ составить министерство, и если бы даже онъ провелъ благополучно черезъ палату общинъ билль объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ, палата лордовъ не пропустила бы такого билля, и Росселю пришлось бы распустить парламентъ и произвести новые выборы. Иначе сказать, лорды могли принять такую реформу, какъ отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ, только изъ рукъ своего друга, но не согласились бы на нее, если бы она исходила отъ людей, къ которымъ они не имѣли такого же довѣрія. Такимъ образомъ, своевременная уступка Пиля требованіямъ времени, несомнѣнно, избавила страну отъ опасной агитаціи и волненій.

Раздраженіе значительной части сторонниковъ Пиля было все-таки велико и, какъ мы знаемъ, привело къ паденію Пиля въ самый день окончательнаго торжества его великой реформы.

Отставкой Пиля начался въ Англіи новый почти двадцатилѣтній періодъ (1846—1866) либеральнаго режима, лишь дважды (1852 и 1858—59) и на короткое время прерванный консервативными министерствами лорда Дерби. Да и третье министерство Дерби (который по болѣзни уступилъ въ 1868 г. премьерство Дизраэли) продержалось лишь $2^1/_2$ года и смѣнилось либеральнымъ министерствомъ Гладстона, продолжавшагося почти 6 лѣтъ. Такимъ образомъ, послѣ паденія Пиля либеральный режимъ съ небольшими перерывами длился почти тридцать лѣтъ.

Впрочемъ, во второй половинѣ XIX вѣка смѣна консерваторовъ и либераловъ въ управленіи Англіей вовсе не имѣла такого значенія, какъ это можно было бы думать, судя по одному названію партіи. Въ самомъ дѣлѣ—какъ это ни кажется на первый взглядъ парадоксальнымъ—можно утверждать съ значительнымъ основаніемъ, что консерваторы могли удерживать нѣкоторое время власть, лишь проводя по возможности либеральныя мѣры, а либералы держались долго только потому, что, наоборотъ, старались быть возможно консервативнѣе, не ломая безъ нужды установившихся учрежденій и традицій. Послѣдняя характеристика особенно справедлива по отношенію къ Росселю и Пальмерстону. Только въ первое министерство Гладстона либерализмъ правительства принялъ болѣе рѣшительный характеръ... Вернемся, однако, къ знаменательному акту 1846 г.

Ликвидація агитаціи противъ хлѣбныхъ пошлинъ составила, какъ мы сказали, великую заслугу Пиля, заслугу тѣмъ болѣе значительную, что вскорѣ Англіи пришлось пережить новый взрывъ народнаго волненія, отъ котораго отняли много остроты сравнительная дешевизна хлѣба и другихъ основныхъ продуктовъ, такъ ярко, такъ неопровержимо доказавшая, что дирижирующіе

классы, занимавшіе сплошь всю верхнюю палату парламента и доминировавшіе въ нижней его палатѣ, способны, не доводя дѣлъ до революціи, поступаться не только своимъ вліяніемъ на государственныя дѣла (реформа 1832 г.), но даже и матеріальными интересами, если только они видятъ, что этого настойчиво и единодушно требуетъ значительное большинство народа...

Получивъ отставку Пиля, королева предложила образовать новое министерство лорду Джону Росселю, которому на этотъ разъ удалось быстро подобрать себѣ коллегъ, изъ которыхъ наиболѣе вліятельнымъ былъ лордъ Пальмерстонъ, занявшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ году парламентъ былъ распущенъ, новые выборы дали 325 либераловъ, 105 консерваторовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сторонниковъ протекціонизма, которыхъ поэтому называли Пилитами, и 226, такъ сказать, «консерваторовъ чистой воды» или тори. Такимъ образомъ, либеральное министерство Росселя могло управлять страной лишь при поддержкѣ части консерваторовъ, которые, съ другой стороны, соглашались поддерживать министерство лишь при возможномъ ограниченіи либерализма [1]). Вотъ гдѣ кроется, между прочимъ, причина той умѣренности, которая характеризуетъ, какъ мы сказали, англійскій либерализмъ въ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ [2]).

Какъ мы знаемъ, ближайшимъ поводомъ паденія Пиля было отклоненіе парламентомъ его предложенія предоставить нѣкоторыя чрезвычайныя полномочія ирландскимъ властямъ для борьбы съ агитаціей. Надо сказать, что полный неурожай картофеля давалъ для послѣдней чрезвычайно благодарную почву; однако, либеральное министерство, смѣнившее министерство Пиля, не думало принимать какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ для устраненія основныхъ причинъ недовольства ирландцевъ. Правда, новое министерство назначило огромную сумму въ 100 милл. рублей на организацію «столовыхъ» и на производство общественныхъ работъ. Но вскорѣ послѣ этого правительство внесло въ новый парламентъ билль, ничѣмъ существеннымъ не отличавшійся отъ билля Пиля. На этотъ разъ проектируемыя для Ирландіи мѣры репрессіи были приняты значительнымъ большинствомъ голосовъ. Иначе сказать, либеральное правительство получило отъ новаго парламента согласіе на такія репрессивныя мѣры, въ которыхъ годъ тому назадъ было отказано консервативному правительству прежнимъ парламентомъ, гдѣ консерваторы играли доминирующую роль. Какъ справедливо сказалъ Пиль, это было лучшее доказательство [3]) безусловной необходимости предложенной имъ и отвергнутой парламентомъ мѣры, а слѣдовательно и того, что отклоненіе этой мѣры и, какъ результатъ этого, лишеніе его власти были актомъ мщенія прежнихъ его сторонниковъ.

Но вотъ насталъ роковой 1848 годъ. Подъ вліяніемъ головокружительныхъ событій, разразившихся въ февралѣ 1848 г. во Франціи, а затѣмъ и

[1]) См. по этому поводу Morley, «Life of Gladstone», vol. I, 350.

[2]) Только на выборахъ 1868 г. либералы получили полное и безусловное торжество надъ консерваторами, чѣмъ и объясняются смѣлость и рѣшительность реформаторской дѣятельности перваго министерства Гладстона.

[3]) Acland and Ransom, цит. сочин., 192.

на всемъ континентѣ Европы ирландцы прямо стали готовиться къ возстанію. Въ такомъ именно смыслѣ было сдѣлано обращеніе къ народу со стороны организаціи, носившей названіе «Молодой Ирландіи». За этимъ вскорѣ послѣдовали попытки получить помощь отъ французскаго «Временнаго Правительства»,—попытки, не имѣвшія, впрочемъ, успѣха [1]). Да и въ Ирландіи къ открытому возстанію были готовы немногіе, почему правительству удалось очень скоро подавить революціонное движеніе и арестовать его руководителей.

Революціонный вихрь, пронесшійся въ 1848 г. по всей Европѣ, распространился не только на Ирландію, но и на другія части Соед. Королевства. Чартистскія организаціи тотчасъ ожили. Началась новая эра митинговъ; кое-гдѣ (въ Глазго и др.) дѣло дошло даже до безпорядковъ и столкновеній съ полиціей. Въ Манчестерѣ состоялась огромная демонстрація, въ которой наиболѣе замѣтную роль игралъ О'Коннеръ, и на которой было рѣшено собрать 4 апрѣля новый Конвентъ чартистскихъ делегатовъ въ Лондонѣ. Черезъ нѣсколько дней состоялся новый митингъ, на которомъ былъ произведенъ выборъ делегатовъ на Конвентъ. Тогда же было вотировано привѣтствіе только-что образовавшейся французской республикѣ. Спустя еще нѣсколько дней, въ воскресенье 19 марта, состоялся третій огромный митингъ на открытомъ воздухѣ, причемъ, какъ утверждалъ впослѣдствіи О'Коннеръ, на этомъ митингѣ было четверть милліона народа. Снова раздались рѣчи за народную хартію, за необходимость добиваться политическихъ правъ. Въ концѣ митинга О'Коннеръ предложилъ собравшимся обнажить головы и поклясться «не оставлять дѣла свободы, пока она не станетъ народнымъ достояніемъ».

То, что было въ Манчестерѣ, происходило и во многихъ другихъ большихъ городахъ; вездѣ были митинги, вездѣ раздавались требованія народной хартіи и автономіи, т.-е. особаго парламента для Ирландіи; вездѣ доминирующую роль на митингахъ заняли люди крайнихъ мнѣній, вездѣ освистывали тѣхъ ораторовъ, которые убѣждали ограничиваться нравственнымъ воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе, не прибѣгая къ насиліямъ или застращиваніямъ.

4 апрѣля собрался, какъ было назначено, «Конвентъ» въ Лондонѣ, причемъ и здѣсь О'Коннеръ игралъ доминирующую роль. Послѣ продолжавшихся нѣсколько дней сообщеній делегатовъ о настроеніи на мѣстахъ и довольно рѣзкихъ преній между сторонниками и противниками «активныхъ выступленій» было рѣшено организовать подписку подъ новой петиціей парламенту съ требованіемъ народной хартіи. Эта третья петиція—таково было общее мнѣніе—будетъ и послѣдней; затѣмъ предполагалось принять другія, болѣе рѣшительныя мѣры. О'Коннеръ выражалъ надежду, что на этотъ разъ удастся собрать до 6 милл. подписей. Когда петиція будетъ готова, О'Коннеръ предлагалъ организовать многотысячный митингъ въ Лондонѣ и двинуться огромной процессіей къ парламенту для представленія петиціи. О'Коннеръ обѣщалъ быть «въ переднемъ ряду самаго авангарда процессіи». Онъ обѣщалъ также

[1]) Frank Bright, «History of England» vol. IV.

передать лично петицію парламенту, куда онъ былъ выбранъ въ качествѣ одного изъ представителей Манчестера (на выборахъ 1847 года).

А что если парламентъ оставитъ и эту петицію безъ вниманія?—спрашивали члены Конвента. Нѣкоторые ораторы болѣе или менѣе открыто рекомендовали въ такомъ случаѣ народное возстаніе, ссылаясь на то, что во всей Европѣ «троны рушатся», и что то же самое вполнѣ возможно и въ Англіи. Самъ О'Конноръ высказывался въ этомъ же смыслѣ, обѣщая скорѣе умереть, чѣмъ отказаться отъ хартіи. О'Брайэнъ и нѣкоторые другіе рѣшительно протестовали противъ такихъ рѣчей, говоря, что народъ вовсе не готовъ къ «активнымъ выступленіямъ», и что подбивать его теперь къ такимъ дѣйствіямъ значило обрекать все движеніе на неудачу. Угрозы—гововорилъ О'Брайэнъ—не сдѣлаютъ парламентъ болѣе склоннымъ къ принятію петиціи, а, напротивъ, дадутъ только властямъ поводъ для репрессій... Видя, что на Конвентѣ беретъ верхъ крайнее теченіе, О'Брайэнъ демонстративно покинулъ собраніе и уже болѣе на немъ не показывался.

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ преній, скажемъ лишь, что, въ концѣ концовъ, Конвентъ принялъ такую резолюцію.

1. Въ случаѣ если парламентъ отклонитъ Національную Петицію, Конвентъ составитъ «Національную Меморію» (National Memorial) королевѣ, въ которой будетъ выражена просьба распустить нынѣшній парламентъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначить новыхъ министровъ, которые поставили бы своей задачей провести черезъ парламентъ Народную Хартію.

2. Настоящій Конвентъ находитъ желательнымъ созывъ «Національнаго Собранія» (National Assembly) изъ делегатовъ, выбранныхъ на народныхъ митингахъ для представленія королевѣ вышесказанной Меморіи, «Національное Собраніе, должно продолжать свои засѣданія до тѣхъ поръ, пока Хартія не обратится въ законъ Англіи».

3. Настоящій Конвентъ приглашаетъ народъ собраться повсемѣстно на митинги 21 апрѣля для того, чтобы утвердить «Національную Меморію» и выбрать делегатовъ на Національное Собраніе.

4. Національное Собраніе соберется въ Лондонѣ 24 апрѣля.

5. Настоящій Конвентъ продолжаетъ свои засѣданія до открытія Національнаго Собранія.

Вотированіемъ этихъ резолюцій закончился второй день засѣданій Конвента.

Какъ только были объявлены резолюціи Конвента, правительство объявило, со своей стороны, что оно не допуститъ ни предполагаемаго митинга въ Лондонѣ, ни многотысячной процессіи съ петиціей. Конвентъ на это объявилъ, что митингъ все-таки состоится, несмотря на запрещеніе правительства. Вмѣстѣ съ этимъ Конвентъ выпустилъ воззваніе къ народу, приглашая его въ тотъ самый день (10 апрѣля), на который назначены митингъ и процессія съ петиціей въ Лондонѣ, организовать симпатическіе митинги во всей Англіи. Вмѣстѣ съ этимъ «Конвентъ» выбралъ депутацію къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой отмѣнить запрещеніе митинга и процессіи. Депу-

тація должна была объяснить министру, что, вопреки слухамъ, распускаемымъ буржуазными газетами, какъ митингъ, такъ и процессія будутъ состоять изъ людей, не имѣющихъ никакого оружія. Однако, министръ своихъ распоряженій не отмѣнилъ.

Наконецъ, настало знаменательное 10 апрѣля. Власти, имѣя, вѣроятно, въ виду событія, которыя происходили тогда на континентѣ, перепугались не на шутку. Въ Лондонѣ было собрано значительное число войскъ разнаго рода оружія, причемъ общее командованіе было поручено герцогу Веллингтонскому. Во многихъ публичныхъ зданіяхъ распорядились поставить военную охрану. На нѣкоторыхъ улицахъ было прекращено движеніе экипажей. Королевская семья изъ осторожности уѣхала на время на островъ Уайтъ.

На Кеннингтонскомъ полѣ, мѣстѣ собранія митинга и отправномъ пунктѣ процессіи, сталъ собираться съ утра народъ Въ 9 час. утра Конвентъ открылъ засѣданія, въ 11 час. всѣ делегаты отправились оттуда къ названному полю. Впереди ѣхала разукрашенная колесница, запряженная четвёркой лошадей: она везла петицію парламенту, за ней слѣдовала другая также разукрашенная карета, запряженная въ шестерку: на ней помѣстились делегаты. Значительная толпа народа по 8 человѣкъ въ рядъ провожала процессію. Прибывъ въ Kennington Common или на Кеннингтонскую площадь, процессія застала тамъ большую массу народа, численность которой, по свѣдѣніямъ чартистскаго историка, доходила до 150000 или даже 170000 человѣкъ [1]), но, по даннымъ весьма осторожнаго историка проф. Брайта, достигала только 30000 [2]). Во всякомъ случаѣ, собралось далеко менѣе полумилліона, на который разсчитывалъ О'Коннеръ, когда говорилъ въ Конвентѣ о предстоящей процессіи съ петиціей.

Затѣмъ произошло нѣчто уже совершенно неожиданное. Какъ только колесницы подъѣхали къ площади, къ О'Коннору подошелъ посыльный отъ находящагося неподалеку начальника лондонской полиціи, который приглашалъ О'Коннора для краткой бесѣды по поводу митинга и процессіи. О'Коннеръ отправился. Ему было сообщено, что митингъ можетъ продолжаться на площади, и делегаты могутъ отправляться въ парламентъ съ петиціей, но что шествіе толпы по городу не будетъ ни въ коемъ случаѣ допущено. Начальникъ полиціи объяснилъ О'Коннору характеръ и размѣры сдѣланныхъ правительствомъ приготовленій, указалъ на возможность столкновенія съ войсками и заявилъ, что, въ случаѣ такового столкновенія, правительство будетъ считать О'Коннора главнымъ виновникомъ. Вслѣдствіе ли недостатка личнаго мужества, или какихъ-нибудь иныхъ чувствъ и соображеній О'Коннеръ рѣшилъ подчиниться. Вернувшись къ собравшемуся народу, среди котораго уже распространились слухи объ арестѣ любимаго народнаго вождя, О'Коннеръ произнесъ длинную рѣчь, имѣвшую цѣлью, мало-по-малу, подготовить собраніе къ просьбѣ, которой онъ закончилъ свое обращеніе къ нему.

---

[1]) Gammage, цит. сочин., 314.

[2]) Frank Bright, цит. сочин., т. IV, стр. 177.

О'Коннеръ просилъ собравшихся отказаться отъ процессіи, предоставивъ ему лично передачу петиціи парламенту. «Да поможетъ мнѣ Богъ,—заключилъ О'Кенноръ.—я или умру въ парламентѣ, или достигну того, что ваши права, товарищи, получатъ, наконецъ, признаніе Вѣдь я люблю васъ больше, чѣмъ самую свою жизнь» [1]).

Вліяніе О'Коннора было такъ велико, онъ воспользовался этимъ вліяніемъ такъ умѣло, что толпа послѣ его словъ мирно разошлась. Петиціи сложили на трехъ извозчиковъ, на другихъ извозчикахъ поѣхали О'Коннеръ и члены делегаціи. Впрочемъ, небольшія группы манифестантовъ направились было къ мостамъ, ведущимъ въ центральную часть города, но ихъ безъ труда остановила полиція, дѣйствовавшая весьма энергично.

О'Коннеръ пріѣхалъ въ парламентъ; за нимъ внесли петицію съ подписями, которыхъ, по его увѣренію, было 5700000. Парламентъ выслушалъ петицію и, не обсуждая ея содержаніе, перешелъ къ очереднымъ дѣламъ. Правительство назначило 13 клерковъ для немедленнаго подсчета и разсмотрѣнія подписей, причемъ этотъ подсчетъ выяснилъ, что подписей всего только около 1975000, что многія подписи сдѣланы одной рукой, многія фамиліи неприличны, или весьма странны и, повидимому, вымышлены. Въ числѣ петиціонеровъ оказались сама королева Викторія, сэръ Роб. Пиль, герцогъ Веллингтонскій и т. п. На другой же день обо всемъ этомъ было сообщено парламенту, причемъ О'Коннеръ тщетно пытался опровергнуть результаты разслѣдованія.

Какъ бы то ни было, число петиціонеровъ было весьма далеко отъ той цифры, на которую указывалъ О'Коннеръ парламенту; число лицъ, собравшихся на митингъ и процессію, также было весьма далеко отъ того, какимъ тотъ же О'Коннеръ пугалъ парламентъ и высшіе классы общества, ссылаясь на свѣдѣнія делегатовъ Конвента. На О'Коннора высшіе классы стали поэтому смотрѣть какъ на хвастуна, вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ потерялъ довѣріе къ своему вождю. Въ самомъ дѣлѣ, въ глазахъ нѣкоторой части рабочихъ классовъ поведеніе О'Коннора на митингѣ 10 апрѣля было проявленіемъ трусости, причемъ эта трусость была тѣмъ менѣе простительна, что самъ же О'Коннеръ подбивалъ народъ къ этому митингу и, какъ мы знаемъ, обѣщалъ даже идти во главѣ процессіи. Какъ бы то ни было, событія 10—11 апрѣля показали рабочимъ классамъ—или, вѣрнѣе, довольно значительной части ихъ—что О'Коннеръ не годится для роли руководителя народнаго движенія, и что съ такимъ руководителемъ народъ не добьется желанной хартіи. Болѣе благоразумные элементы чартистскаго движенія отшатнулись отъ О'Коннора; онъ самъ, повидимому, понялъ это, но уже было поздно...

Согласно резолюціи, вынесенной Конвентомъ, въ Лондонѣ и въ другихъ частяхъ Англіи происходили митинги для выбора делегатовъ въ Національное Собраніе. 1 мая состоялось въ Лондонѣ первое засѣданіе этого Собранія. Теперь снова, но уже въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ проявилось разногласіе

---

[1]) Gammage, цит. сочин., 315.

во взглядахъ большинства делегатовъ на тактическіе вопросы. Несмотря на то, что они были выбраны на шумныхъ многолюдныхъ митингахъ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстій о революціи на континентѣ Европы, большинство высказалось рѣшительно противъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій. Однако, въ «Національномъ Собраніи» оказалось все-таки достаточно горячихъ головъ, настаивавшихъ на необходимости организовать народное возстаніе. Между тѣмъ, самъ О'Коннеръ не только не явился въ «Національное Собраніе», но, испугавшись, можетъ-быть, серьезныхъ послѣдствій народнаго волненія въ это чрезвычайно критическое время, протестовалъ противъ самаго созыва этого Собранія. Иначе сказать, О'Коннеръ въ сущности отказывался исполнять на дѣлѣ ту самую резолюцію, успѣху которой въ Конвентѣ онъ самъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ. Онъ продолжалъ вести открытую агитацію противъ Національнаго Собранія даже тогда, когда уже начались засѣданія этого собранія. Этимъ, конечно, О'Коннеръ внесъ немалую смуту въ среду членовъ Собранія и еще болѣе дискредитировалъ имъ же самимъ организованное движеніе. Народная масса смотрѣла съ крайнимъ недовольствомъ и недоумѣніемъ на столь рѣзкій разладъ между ея главнымъ лидеромъ, еще не вполнѣ утратившимъ своего прежняго ореола, и только-что выбранными представителями, собравшимися на проклинаемое О'Конноромъ «Національное Собраніе». Вліяніе О'Коннора было все еще такъ велико, что въ нѣкоторыхъ городахъ состоялись митинги, на которыхъ были вотированы резолюціи, порицавшія—иногда весьма рѣзко—Національное Собраніе или нѣкоторыхъ изъ отдѣльныхъ его членовъ.

Между тѣмъ это Собраніе, состоявшее изъ 60 человѣкъ (ожидалось 100 человѣкъ, но 40 по разнымъ причинамъ не явились), не будучи въ состояніи придти къ какимъ-либо практическимъ рѣшеніямъ, занималось безконечными разговорами, причемъ по иниціативѣ того или иного изъ болѣе энергичныхъ членовъ вотировало резолюціи общаго характера и въ весьма радикальномъ духѣ. объ упраздненіи постоянной арміи, представляющей «угрозу для свободы», объ отдѣленіи церкви и государства, о предоставленіи Ирландіи автономіи, о необходимости народнаго вооруженія и т. д.

Такъ прошло болѣе двухъ недѣль, когда, утомившись, наконецъ, безплодными общими резолюціями и рѣзкими взаимными спорами по поводу ближайшей тактики чартизма, Національное Собраніе рѣшило разойтись, заявивъ, однако, намѣреніе собраться вторично съ новыми народными полномочіями черезъ 6 недѣль. На самомъ же дѣлѣ «Національное Собраніе» никогда болѣе не собиралось, и самое чартистское движеніе съ этихъ поръ фактически прекратилось. Впрочемъ, разгорячившіяся страсти, конечно, не такъ-то легко успокоились: кое-гдѣ народъ дѣйствительно сталъ вооружаться и собираться съ оружіемъ на митинги. Это дало основаніе для насильственнаго прекращенія такихъ митинговъ и для ареста ихъ руководителей.

Такъ умеръ чартизмъ, какъ движеніе, имѣвшее цѣлью осуществленіе извѣстныхъ намъ шести основныхъ пунктовъ народной хартіи. Правда, въ

іюлѣ 1849 г. [1]) О'Конноръ поднялъ-было снова въ парламентѣ вопросъ о разсмотрѣніи петиціи чартистовъ, представленной имъ еще въ апрѣлѣ предшествующаго года, но за такое разсмотрѣніе подали голоса 15 изъ 658 членовъ парламента! Какъ извѣстно, въ 1849 г. въ Европѣ повсемѣстно торжествовала реакція, и это обстоятельство не могло не оказать извѣстнаго вліянія на настроеніе англійскаго парламента.

Почему же, однако, чартизмъ умеръ и болѣе не возрождался? Почему прекратилось навсегда движеніе, которое, какъ-ни-какъ, временами глубоко захватывало народныя массы? Гэммэджъ—самъ принадлежащій къ чартистскимъ дѣятелямъ, правда, умѣреннаго лагеря—выражается слѣдующимъ образомъ по поводу дѣятельности О'Коннора въ 1848 г., т.-е. въ послѣдніе дни чартизма. «Очевидно, массѣ чартистовъ не хватало единства, причемъ главнымъ источникомъ раздора слѣдуетъ признать образъ дѣйствій О'Коннора 10 апрѣля. Очевидно, партія «активныхъ выступленій» была въ совершенномъ разладѣ съ вождемъ чартизма. Она пыталась, насколько могла, скрыть этотъ фактъ, но ея чувства для этого были слишкомъ сильны. Было извѣстно, что Эрнстъ Джонсъ [2]), который въ этомъ отношеніи сдерживалъ себя больше, чѣмъ нѣкоторые изъ его коллегъ, былъ, тѣмъ не менѣе, глубоко возмущенъ политикой О'Коннора. Между тѣмъ, послѣдній поступилъ правильно, отказавшись идти во главѣ процессіи: въ самомъ дѣлѣ, народъ вовсе не былъ готовъ къ физической борьбѣ съ правительствомъ. О'Конноръ виноватъ не въ томъ, что онъ оставилъ процессію, а въ томъ, что онъ такъ долго поощрялъ, съ одной стороны, пустыхъ хвастуновъ (braggarts) и, съ другой, полныхъ энтузіазма, искренно заблуждавшихся членовъ Конвента. О'Конноръ виноватъ и въ томъ, что онъ почти вплоть до послѣдней минуты подавалъ поводъ для увѣренности, что онъ самъ пойдетъ во главѣ процессіи съ петиціей Палатѣ Общинъ. Раздававшіяся по этому поводу хвастливыя рѣчи и жалкій ихъ конецъ нанесли такой ударъ чартизму, отъ котораго онъ никогда уже не могъ оправиться. Послѣ того, что произошло 10 апрѣля, и послѣ разоблаченій относительно способа составленія петиціи Національному Собранію, вовсе не слѣдовало собираться. Ничего путнаго оно сдѣлать не могло, но своей безплодной болтовней успѣло сдѣлаться общимъ посмѣшищемъ. Чѣмъ болѣе люди думали, тѣмъ болѣе убѣждались, что О'Конноръ не таковъ, какимъ онъ сначала представлялся народному воображенію; мало-по-малу, онъ терялъ своихъ прежнихъ послѣдователей [3]).

Въ основѣ только-что приведенныхъ разсужденій лежитъ, повидимому,

---

[1]) Впрочемъ и въ 1851 и 1852 г. были попытки возродить чартизмъ, собирались даже (въ каждый изъ указанныхъ годовъ) Конвенты для выработки новыхъ программъ не только политическаго, но и соціально-экономическаго характера, но все было безуспѣшно: чартизмъ оказался окончательно умершимъ.

[2]) Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и наиболѣе крайнихъ лидеровъ чартизма въ этотъ періодъ ея существованія. Ему принадлежала иниціатива резолюціи Національнаго Собранія о необходимости народу немедленно вооружиться.

[3]) Gammage, цит. сочин., 331.

убѣжденіе, что при нѣсколько иной тактикѣ чартизмъ—т.-е., движеніе имѣвшее цѣлью одновременное достиженіе цѣлаго ряда политическихъ требованій—могъ восторжествовать. Мы полагаемъ, что это едва ли справедливо. Не отрицая значенія причинъ, указываемыхъ Гэммэджомъ, мы думаемъ, что есть и иныя болѣе глубокія, болѣе важныя причины полной неудачи той вспышки чартизма, которая проявилась въ 1848—49 г. въ Англіи.

Во-первыхъ, эта вспышка была въ сущности отзвукомъ событій, происходившихъ въ континентальныхъ странахъ Европы, населеніе которыхъ, вообще говоря, не пользовалось и десятой долей той политической свободы, которой фактически пользовался англійскій народъ. Во-вторыхъ—это обстоятельство можно считать въ извѣстной мѣрѣ слѣдствіемъ перваго,—англійскій народъ сталъ утрачивать интересъ къ лозунгамъ чисто-политическаго характера, каковой, какъ намъ извѣстно, носили всѣ 6 пунктовъ программы чартизма. Въ-третьихъ, и, можетъ-быть, въ самыхъ главныхъ, англійскій народъ не былъ склоненъ къ «активнымъ выступленіямъ», къ которымъ толкали его многіе лидеры чартизма. Во время только-что описаннаго нами фазиса этого движенія народъ былъ менѣе всего склоненъ къ такимъ дѣйствіямъ, такъ какъ исторія ближайшихъ предшествующихъ годовъ показала ему, какъ многаго можно достичь чисто-мирной агитаціей. Однимъ изъ такихъ событій, которыя произвели неизгладимое впечатлѣніе на современниковъ, была отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ, другимъ было состоявшееся въ 1847 г., т.-е., какъ-разъ передъ революціоннымъ 1848 годомъ, введеніе парламентскимъ актомъ девятичасового рабочаго дня на всѣхъ хлопчатобумажныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Эта мѣра явилась результатомъ долголѣтней и вполнѣ мирной агитаціи, съ которой мы не находимъ возможнымъ знакомить читателя, такъ какъ она относится не къ политической, а къ экономической исторіи Англіи.

Мы считаемъ все-таки нужнымъ сказать, что законъ о девятичасовомъ рабочемъ днѣ [1]), проведенный либеральнымъ министерствомъ лорда Джона Росселя, составляетъ эпоху въ развитіи фабричнаго законодательства. Онъ сразу поставилъ это законодательство на такую высоту, которая была долго недосягаема для всѣхъ странъ континента. Рабочіе, конечно, лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимали значеніе этого достопамятнаго парламентскаго акта. «Въ іюнѣ 1847 г., когда билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ обратился, наконецъ, въ законъ, —читаемъ мы въ одной превосходной исторіи англійскаго фабричнаго законодательства,—ликованія, начавшіяся по всѣмъ промышленнымъ округамъ, приняли такой бурный и шумный характеръ, какого раньше они никогда не имѣли. Демонстраціи для празднованія принятаго парламентомъ акта происходили почти во всѣхъ городахъ Ланкашира и Іоркшира [2]),

---

[1]) Законъ устанавливалъ десятичасовую продолжительность рабочаго дня только для женщинъ и подростковъ (13 - 18 лѣтъ), но, какъ всѣ хорошо понимали, онъ долженъ былъ неминуемо распространиться и на работающихъ на тѣхъ же фабрикахъ мужчинъ.

[2]) Это были также центры чартистскаго движенія.

члены комитетовъ, которые вели пропаганду въ пользу сокращенія рабочаго дня (Short Time Committees), созывали митинги рабочихъ, чтобы поздравить ихъ съ достигнутымъ успѣхомъ и убѣждать ихъ къ разумному пользованію своими часами досуга» [1]). Если читатель приметъ въ соображеніе, что Ланкаширъ и Іоркширъ, гдѣ происходили въ 1847 г. такія ликованія, были въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ центрами чартистскаго движенія, то онъ, мы надѣемся, согласится съ нами, что въ только-что указанномъ обстоятельствѣ кроется одна изъ существенныхъ причинъ безплодности послѣдней вспышки чартизма и послѣдовавшей вскорѣ его окончательной смерти.

Въ самомъ дѣлѣ, если успѣхъ агитаціи за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ можно было объяснить тѣмъ, что обложеніе ввознаго хлѣба пошлинами было не только крайне вредно для народной массы, но и весьма убыточно для очень вліятельнаго класса фабрикантовъ и промышленниковъ, повышая ихъ расходы на заработную плату, то къ агитаціи за сокращеніе рабочаго дня такія соображенія вовсе непримѣнимы. Сокращеніе рабочаго дня состоялось вопреки упорному и энергичному противодѣйствію фабрикантовъ и промышленниковъ, изъ которыхъ большинство слѣдовало въ этомъ случаѣ чисто-эгоистическимъ побужденіямъ, а меньшинство, къ которому принадлежали Дж. Брайтъ и Рич. Кобденъ, искренне заблуждалось, увлекаясь принципомъ «свободы торговли» и распространяя его не только на торговую политику въ тѣсномъ смыслѣ слова, но даже и на взаимоотношенія предпринимателей и рабочихъ [2]). Однако, несмотря на единодушное противодѣйствіе промышленныхъ классовъ, несмотря на необычайное краснорѣчіе Дж. Брайта и другихъ противниковъ билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, этотъ билль сталъ закономъ въ 1847 г. Какъ извѣстно, французамъ надо было пережить революцію 1848 г., чтобы вновь образованное правительство отважилось на ограниченіе максимальной продолжительности рабочаго дня... 12 часами. Смерть чартизма объясняется, наконецъ, отчасти и начавшимся въ 50-хъ годахъ быстрымъ ростомъ профессіональныхъ, т.-е. рабочихъ союзовъ (trade unions), которые привлекали вниманіе и силы рабочихъ, главнымъ образомъ, къ экономическимъ вопросамъ, къ экономической борьбѣ съ классомъ предпринимателей [3]).

Хотя мы и говоримъ, что въ 1858—60 гг. чартизмъ умеръ, но это послѣднее выраженіе справедливо только въ извѣстномъ смыслѣ. Какъ мы уже говорили, чартизмъ умеръ въ смыслѣ движенія, имѣвшаго цѣлью добиться единовременнаго осуществленія цѣлой политической программы; но это вовсе не значитъ, что въ Англіи не осталось людей, которые считали основныя требованія чартизма неосуществимыми вообще или принципіально

---

[1]) B. Hutchins and A. Harrison, «A History of Factory Legislation». London, 1903, p. 96.

[2]) См. Dicey, «Law and Public Opinion», 232—239, и только-что цитированное сочиненіе Hutchins, p. 96.

[3]) См. цитиров. сочин. проф. Дайси (Dicey).

нежелательными. Другіе люди, другія политическія организаціи взяли на себя пропаганду той или иной части чартистской программы; такимъ образомъ, незамѣтно, мало-по-малу, почти вся эта программа вошла въ жизнь. Изъ шести пунктовъ народной хартіи три получили полное осуществленіе: въ 1858 г. уничтоженъ имущественный цензъ для членовъ парламента, въ 1872 г. введена тайная подача голосовъ; избирательныя реформы 1867 и 1885 гг. привели Англію почти къ режиму всеобщей подачи голосовъ, который такъ пугалъ въ свое время Маколея, въ 1885 году страна была раздѣлена на равные избирательные округа, и, наконецъ, настоящее министерство Кэмпбелль-Баннермана, повидимому, склонно провести билль о назначеніи членамъ парламента денежнаго вознагражденія. Только одному требованію чартистовъ—требованію ежегодныхъ парламентскихъ выборовъ,—повидимому, не суждено осуществиться, но, впрочемъ, потому только, что никто уже не считаетъ подобную реформу необходимой или даже желательной.

Даже многолюдные и частые публичные митинги, которыми ознаменовалось чартистское движеніе, несмотря на иногда чрезмѣрную рѣзкость раздававшихся на нихъ рѣчей, оттолкнувшихъ отъ чартизма болѣе умѣренные элементы общества, принесли извѣстную долю пользы. «Въ это время — говоритъ Джефсонъ — болѣе, чѣмъ въ какую-либо изъ прежнихъ агитацій, вліяніе общества было привлечено къ соціальному и матеріальному положенію народа. Митинги съ полной ясностью показали правящимъ классамъ, что на аренѣ государственной жизни появился новый классъ съ нуждами, на которыя должно быть обращено вниманіе, съ потребностями, которыя не могутъ быть болѣе игнорируемы, съ чувствами, которыя не могутъ быть попираемы. Они заставили парламентъ заняться разсмотрѣніемъ и послѣдовавшимъ за этимъ принятіемъ мѣръ для улучшенія матеріальнаго и соціальнаго положенія народныхъ массъ, для подъема ихъ моральнаго и интеллектуальнаго уровня. Эти митинги раскрыли передъ парламентомъ совершенно новую сферу дѣятельности и новый кругъ обязанностей, которыя до тѣхъ поръ находились въ рѣшительномъ пренебреженіи; они предъявили государственнымъ дѣятелямъ новые запросы, игнорированіе которыхъ могло бы повлечь за собой огромныя опасности для государства» [1]).

Иначе сказать, даже парламентскій актъ (1847) о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, изданіе котораго такъ обрадовало рабочую массу, можетъ быть поставленъ въ извѣстномъ смыслѣ въ активъ чартистскаго движенія. Иначе сказать, чартизмъ далъ жизнь такому акту, который, вмѣстѣ съ другими аналогичными мѣропріятіями, содѣйствовалъ смерти чартизма, какъ чисто-политическаго движенія, какимъ онъ являлся, если имѣть въ виду знакомое намъ содержаніе народной хартіи, неоднократно вотированной «Конвентами», которые въ періодъ между 1838 и 1848 г. были выбираемы такъ назыв. у насъ «явочнымъ порядкомъ». Мы знаемъ, что ни этотъ «порядокъ» избранія, ни засѣданія этихъ съ точки зрѣнія формальнаго права

[1]) Джефсонъ, «Платформа. Ея возникновеніе и развитіе», т. II, стр. 419—420.

«самозванныхъ» Конвентовъ, вообще говоря, не встрѣчали сколько-нибудь серьезныхъ помѣхъ или препятствій со стороны полиціи или другихъ властей и притомъ независимо отъ того, было ли во главѣ правительства либеральное или консервативное министерство. Нужны ли еще какіе-нибудь факты и соображенія, чтобы понять, почему революціонный ураганъ 1848 г., глубоко потрясшій всю континентальную Европу, только слегка всколыхнулъ обычное теченіе политической жизни въ Англіи?

ГЛАВА XIII.

Министерство лорда Росселя (1846—52) и революціонныя движенія на континентѣ Европы.—Вопросъ о роли короны въ иностранной политикѣ (конфликты между королевой и Пальмерстономъ).

Революціонный вихрь 1848 года, глубоко взволновавшій всю Западную Европу, прошелъ, какъ мы видѣли, сравнительно весьма спокойно въ Англіи, во главѣ которой стояло въ то время правительство лорда Джона Росселя. Мы говорили, что однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ этого министерства былъ лордъ Пальмерстонъ, занимавшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Пальмерстонъ былъ либералъ весьма и весьма умѣренный Однако, и съ точки зрѣнія умѣреннаго англійскаго либерализма порядки, царившіе въ континентальныхъ странахъ Европы наканунѣ революціи 1848 года, казались вопіющими. Такой взглядъ былъ особенно справедливъ по отношенію къ режиму, созданному австрійцами въ принадлежавшихъ имъ итальянскихъ провинціяхъ и, пожалуй, въ неменьшей степени по отношенію къ политическому режиму Неаполитанскаго Королевства (королевства Обѣихъ Сицилій), герцогствъ Пармскаго, Моденскаго и въ особенности такъ наз. Папской Области, духовнымъ и свѣтскимъ государемъ которой былъ глава римско-католической церкви.

Только король Сардиніи, Карлъ-Альбертъ, относился серьезно къ своимъ обязанностямъ главы государства и своевременными реформами подготовлялъ королевство къ той великой роли, которую вскорѣ Сардинія стала играть въ дѣлѣ объединенія всей Италіи въ одно политическое цѣлое.

Если событія 1848 г. были совершенно неожиданными для большинства континентальныхъ государей и для ихъ оффиціальныхъ совѣтниковъ, то, повидимому, нельзя сказать того же про правительство лорда Росселя и въ особенности про англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, какъ не ожиданіемъ близкой бури, можно объяснить посылку въ ноябрѣ 1847 г. почти во всѣ столицы Европы одного изъ министровъ, лорда Минто. Ему была дана весьма обстоятельная инструкція, выработанная Паль-

мерстономъ и одобренная всѣмъ кабинетомъ. Въ этой инструкціи мы читаемъ, между прочимъ, такія слова, указывающія характеръ бесѣдъ, которыя предстояло имѣть при разныхъ дворахъ названному выше лорду. «Правительство ея величества позволяетъ себѣ выразить свое глубокое убѣжденіе, что благоразуміе требуетъ, чтобы государи и ихъ правительства въ управленіи страной слѣдовали системѣ прогрессивныхъ реформъ, чтобы всякія злоупотребленія по мѣрѣ ихъ выясненія были устраняемы, и чтобы унаслѣдованныя отъ прошлаго учрежденія были отъ времени до времени измѣняемы въ цѣляхъ установленія извѣстнаго соотвѣтствія ихъ съ ростомъ общественнаго развитія и распространеніемъ политическихъ знаній. Правительство ея величества считаетъ непоколебимой истиной, что, если какой-либо независимый государь во исполненіе твердаго своего рѣшенія сочтетъ умѣстнымъ произвести въ своихъ владѣніяхъ такія реформы законовъ и государственныхъ учрежденій, которыя, по его мнѣнію, соотвѣтствуютъ благу народа, то никакое другое правительство не имѣетъ права пытаться удерживать этого государя или вообще препятствовать такъ или иначе этому государю въ пользованіи однимъ изъ несомнѣнныхъ аттрибутовъ независимой верховной власти» [1]).

Изъ этихъ немногихъ строкъ, во всякомъ случаѣ, можно видѣть смѣлость и рѣшительность совѣтовъ, которые позволялъ себѣ давать иностраннымъ дворамъ Пальмерстонъ; ему, какъ мы сказали, принадлежала инициатива этой дипломатической миссіи и выработка текста инструкціи лорду Минто. Правда, какъ мы увидимъ это ниже, поводомъ для такой миссіи могли служить частыя обращенія иностранныхъ государей—конечно, менѣе значительныхъ—къ королевѣ Викторіи съ просьбой о помощи Англіи въ тѣхъ или иныхъ внутреннихъ или внѣшнихъ затрудненіяхъ.

Изъ содержанія инструкціи видно также, что Англія рѣшительно и откровенно стояла на сторонѣ реформъ, и что она столь же рѣшительно осуждала заранѣе всякія попытки столповъ тогдашней реакціи—императоровъ русскаго и австрійскаго,—если бы они, памятуя блаженныя времена «Священнаго Союза», возымѣли намѣреніе вмѣшаться во внутреннія дѣла другихъ государствъ въ случаѣ паденія въ нихъ деспотическаго режима и возникновенія режима конституціоннаго.

Мы не станемъ говорить о томъ, какой пріемъ встрѣтилъ при разныхъ дворахъ лордъ Минто, такъ какъ фактъ посылки его съ извѣстными инструкціями важенъ для насъ не съ точки зрѣнія вліянія на политику разныхъ государствъ Европы, а лишь для болѣе полнаго выясненія ближе касающагося насъ вопроса о характерѣ отношеній между главой англійскаго государства—королевой Викторіей—и ея министрами въ тѣ достопамятные годы, когда государи континентальныхъ странъ Европы оказались вынужденными сдѣлать первыя сколько-нибудь серьезныя уступки своимъ подданнымъ и отказаться отъ неприкрашеннаго никакими фикціями деспотическаго режима.

---

[1]) Цитировано въ сочиненіи проф. Bright, «History of England». vol. IV, p. 185.

Надо сказать, что королева Викторія очень внимательно слѣдила за иностранными дѣлами, причемъ къ этому влекли ее не только общія государственныя побужденія, но и соображенія чисто-личнаго характера. Дѣло въ томъ, что королева Викторія имѣла между коронованными особами много болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ и друзей; со многими царственными особами она породнилась черезъ своего мужа, принца Альберта, урожденнаго принца Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, за котораго она вышла замужъ въ 1840 году [1]). Мужа своего Викторія нѣжно любила и глубоко уважала и, естественно, переносила тѣ же чувства и на его родственниковъ. Хотя принцъ Альбертъ формально не игралъ никакой роли въ управленіи Англіей, однако, фактически, вслѣдствіе указанныхъ отношеній, существовавшихъ между супругами, королева ничего не предпринимала, не посовѣтовавшись съ мужемъ, который присутствовалъ всегда при ея бесѣдахъ съ министрами и всегда солидарно съ ней воздѣйствовалъ на нихъ въ томъ или иномъ направленіи. Альбертъ былъ очень образованъ, интересовался науками и искусствами и много сдѣлалъ для популяризаціи искусства въ Англіи [2]). Принцъ интересовался также общими государственными вопросами, особенно вопросами иностранной политики, что легко понять, если вспомнить, что онъ родился и выросъ на континентѣ Европы, и что туда же влекли его всѣ воспоминанія дѣтства и молодости и всѣ родственныя связи.

Такъ какъ королева также очень интересовалась внѣшней политикой, и такъ какъ этотъ ея интересъ находилъ сильную поддержку въ мужѣ, то естественно, что она желала оказывать большее личное вліяніе на внѣшнюю политику Англіи, чѣмъ на какую-нибудь иную сферу общественной жизни.

Однако, здѣсь ей пришлось столкнуться съ лордомъ Пальмерстономъ, человѣкомъ весьма властнымъ и энергичнымъ. Будучи чуть не на сорокъ лѣтъ старше королевы и ея супруга (послѣдній былъ ровесникомъ королевы) и проведя большую часть своей жизни въ управленіи тѣмъ или инымъ вѣдомствомъ государственнаго строя, Пальмерстонъ отнюдь не былъ расположенъ придавать большой вѣсъ мнѣніямъ королевы и ея супруга, привезшаго съ собой въ Англію, какъ думалъ не безъ основанія Пальмерстонъ, нѣкоторыя устарѣлыя политическія доктрины о прерогативахъ монарховъ,—доктрины, которыя царили невозбранно въ нѣмецкихъ королевствахъ и герцогствахъ и которыя могли заразить молодую англійскую королеву, если бы имъ не было дано сразу рѣшительнаго отпора.

При такихъ условіяхъ возникновеніе конфликта между королевой и

---

[1]) Положеніе принца Альберта было весьма трудное. Оффиціально онъ былъ только мужемъ англійской королевы и ничего больше. Первое время министры поэтому вовсе не желали считаться съ его мнѣніями. Королева сначала настояла на томъ, чтобы первый министръ, лордъ Мельбурнъ, формально согласился на то, чтобы она показывала мужу всѣ передаваемыя ей государственныя бумаги; затѣмъ она добилась того, что мужу ея было предоставлено право присутствовать при всѣхъ ея оффиціальныхъ бесѣдахъ съ министрами и принимать въ нихъ участіе. См. цитиров. сочиненіе S. Lee.

[2]) См. «Queen Victoria». A biography by Sidney Lee. London, 1904, 118—128.

лордомъ Пальмерстономъ было почти неизбѣжно, особенно если принять во вниманіе остроту политическаго положенія Европы въ срединѣ прошлаго вѣка. Предоставимъ, однако, слово выдающемуся англійскому публицисту, редактору въ высшей степени замѣчательнаго изданія «Dictionary of National Biography», Сиднею Ли, автору цитированной выше прекрасной біографіи королевы Викторіи.

«Отношенія между королевой и лордомъ Пальмерстономъ, занимавшимъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ лорда Мельбурна и въ кабинетѣ лорда Росселя, были обыкновенно таковы, что всегда можно было ожидать разрыва между королевой и кабинетомъ. Съ теченіемъ времени разладъ между королевой и Пальмерстономъ становился все болѣе и болѣе значительнымъ. Иностранныя дѣла привлекали возрастающій интересъ королевы и ея мужа по мѣрѣ того, какъ они становились старше и опытнѣе. Чѣмъ сложнѣе были вопросы иностранной политики, тѣмъ съ большимъ усердіемъ изучалъ ихъ принцъ Альбертъ. Онъ съ большой добросовѣстностью заполнялъ цѣлые листы меморандумами для того, чтобы потомъ поставить на видъ Пальмерстону тѣ или иные факты. Однако, Пальмерстонъ относился совершенно равнодушно къ трудамъ принца и къ его интересамъ. Онъ даже не скрывалъ своего презрительнаго отношенія къ усердію принца, игнорировалъ совершенно его услуги и поступалъ по своему собственному разумѣнію, не справляясь съ мнѣніемъ царственной четы (the Court). Иногда Пальмерстонъ не совѣтовался даже со своими коллегами.

«Антагонизмъ между взглядами принца Альберта, которые всегда и во всемъ раздѣляла королева, и взглядами Пальмерстона имѣлъ принципіальный характеръ. Пальмерстонъ систематически поддерживалъ либеральныя движенія, которыя въ Европѣ постоянно усиливались, причемъ усердіе его въ этомъ направленіи заходило иногда такъ далеко, что навлекало на него обвиненіе въ томъ, что онъ поощрялъ будто бы «революціонныя» движенія. Между тѣмъ, хотя королева и принцъ вполнѣ признавали преимущество англійскаго конституціоннаго режима и ни въ коемъ случаѣ не были возмущаемы распространеніемъ конституціонныхъ идей на континентѣ Европы, тѣмъ не менѣе, чисто-личныя связи съ иностранными династіями вызывали у нихъ сильныя симпатіи къ царствующимъ монархамъ. Къ революціямъ они относились съ рѣзкой антипатіей, между тѣмъ Пальмерстонъ, какъ имъ казалось, относился къ нимъ съ опасной благосклонностью.

«Въ теченіе 1848 года—года революцій во всей континентальной Европѣ—различіе между взглядами принца и министра иностранныхъ дѣлъ постоянно возрастало. Пальмерстонъ относился съ полнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ революціоннымъ возмущеніямъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Баденѣ въ 1848—49 г. и дѣлалъ видъ, что онъ якобы никакъ не можетъ понять, почему эти событія волнуютъ его царственную повелительницу. Онъ игнорировалъ горячее сострадание королевы къ ея царственнымъ родственникамъ или друзьямъ, жизнь и положеніе которыхъ подвергались серьезной опасности.

«Пальмерстонъ, вѣроятно, совершенно расходился съ принцемъ во взгля-

дахъ на прежнее и будущее всѣхъ странъ Европы. Во взглядахъ же на Италію и Пруссію—двѣ страны, которыя въ то время привлекали наибольшее вниманіе культурнаго міра—они были такъ далеки другъ отъ друга, какъ это только было возможно. Когда въ Италіи произошли первыя попытки достигнуть національнаго объединенія и сбросить австрійское иго, Пальмерстонъ отнесся благосклонно къ усиліямъ итальянскихъ патріотовъ и всегда выражалъ твердую вѣру въ ихъ успѣхъ. Хотя принцъ Альбертъ рѣзко порицалъ жестокости австрійскихъ правителей итальянскихъ областей и такую же жестокость итальянскихъ правителей тѣхъ частей Италіи, которыя были независимы, тѣмъ не менѣе, какъ онъ, такъ и королева горячо симпатизировали австрійскому императору и смотрѣли съ неудовольствіемъ на усилія сѣверной Италіи низвергнуть власть Австріи. Революціонныя попытки объединить Италію подъ властью одного государя представлялись имъ, во-первыхъ, стремленіемъ низвергнуть троны, которые были заняты лицами, имѣвшими право на ихъ симпатіи [1]).

«Разладъ между взглядами Пальмерстона и королевской четы на дѣла Германіи имѣлъ въ своей основѣ иныя обстоятельства. Принцъ очень сочувствовалъ объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Личныя отношенія принца и королевы Викторіи къ королю прусскому, который былъ крестнымъ отцомъ наслѣдника престола (Prince of Wales), и къ брату прусскаго короля, принцу Прусскому, который былъ крестнымъ отцомъ другого сына Викторіи,—эти чисто-личныя отношенія дѣлались все ближе и сердечнѣе, вслѣдствіе чего при англійскомъ дворѣ относились сочувственно ко всему, что содѣйствовало возвышенію Пруссіи въ Германіи и въ Европѣ вообще. Пальмерстонъ же видѣлъ въ прусскомъ королѣ лишь человѣка слабаго характера и реакціонныхъ взглядовъ. Другихъ нѣмецкихъ государей, союзниковъ прусскаго короля, Пальмерстонъ не считалъ заслуживающими большаго уваженія, чѣмъ и самого короля Пруссіи. Поэтому Пальмерстонъ относился подозрительно къ нѣмецкому національному движенію, которое находилось въ столь мало симпатичныхъ рукахъ и которому поэтому не стоило, по его мнѣнію, помогать...

«Пріемы внѣшней политики Англіи при Пальмерстонѣ были такъ же непріятны и оскорбительны для принца и королевы, какъ и самые его взгляды. При всякомъ удобномъ случаѣ Пальмерстонъ давалъ имъ понять, что ихъ личныя симпатіи и антипатіи не имѣютъ для него никакого значенія (of no interest for him), и онъ относился отрицательно къ предлагаемымъ ему совѣтамъ и постоянному, систематическому обмѣну взглядовъ съ королевской четой. Пальмерстонъ чрезвычайно раздражалъ королеву и ея мужа или повергалъ ихъ въ большое безпокойство, когда вовлекалъ Англію въ острый международный кризисъ, не предупредивъ даже королеву о близкой возможности такого кризиса. Такъ, въ 1848 г., не посовѣтовавшись съ королевой, Пальмерстонъ послалъ реакціонному испанскому правительству рѣшительное при-

[1]) Т.-е. въ силу личной дружбы или родственныхъ связей (П. М.).

казаніе произвести либеральныя реформы. Въ результатѣ англійскому посланнику сэру Бульверу, который долженъ былъ передать это энергичное посланіе министрамъ королевы Изабеллы, пришлось поспѣшно выѣхать изъ Мадрида. Такимъ же образомъ въ январѣ 1850 г., къ великому изумленію королевы, Пальмерстонъ посылкой британскаго флота въ греческія воды принудилъ греческое правительство исполнить требованіе Англіи объ удовлетвореніи претензій дона Пачифико и нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ гражданъ [1]). Между тѣмъ Франція уже взяла на себя попытку посредничества въ этой ссорѣ и потому сочла оскорбленіемъ для себя стремительность дѣйствій Пальмерстона, который какъ-будто хотѣлъ показывать, что онъ игнорируетъ мирный тонъ французскаго вмѣшательства. Французскій посланникъ былъ отозванъ изъ Лондона, и въ третій разъ за время царствованія Викторіи,—причемъ на этотъ разъ опасность наступила ранѣе того, какъ королева получила возможность узнать, въ чемъ дѣло,—Пальмерстонъ чуть не довелъ Англію до войны съ Франціей. Только, мало-по-малу, рѣзкій и опасный споръ между двумя державами потерялъ свой острый характеръ.

«Затруднительное положеніе королевы усугублялось личной ея близостью со многими коронованными особами. Иностранные государи полагали, что личное вліяніе королевы на государственныя дѣла гораздо значительнѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; они вели съ ней обширную переписку, въ основѣ которой лежало непониманіе истиннаго положенія англійской королевы. Обыкновенно они ей посылали собственноручныя письма политическаго содержанія, предполагая, что частнымъ образомъ, черезъ ея посредство, можно повліять въ благопріятномъ смыслѣ на иностранную политику Англіи. У королевы хватало благоразумія, чтобы не попасть въ неудобное положеніе: она прямо и открыто совѣщалась по затронутому вопросу съ Пальмерстономъ и только послѣ этого отвѣчала своимъ царственнымъ корреспондентамъ, если они не были ея родственниками. Пальмерстонъ всегда осмѣивалъ (derided) стремленіе королевы оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ иностранными дворами. Онъ зналъ, что во всѣхъ этихъ дворахъ его не видятъ, и не считалъ нужнымъ пытаться уменьшить страхъ, внушаемый Англіей.

«Совѣты, которые Пальмерстонъ давалъ часто королевѣ относительно такого рода иностранной корреспонденціи, создавали много разъ для нея чрезвычайно непріятныя положенія. Въ 1847 г. королевѣ португальской, по-

---

[1]) Для того, чтобы сдѣлать болѣе яснымъ любопытный эпизодъ, о которомъ здѣсь говоритъ С. Ли, мы считаемъ нужнымъ дать небольшую справку. Донъ Пачифико былъ португальскій еврей, принявшій впослѣдствіи англійское подданство. Его домъ пострадалъ во время происходившаго въ Аѳинахъ антиеврейскаго погрома. Претензіи на причиненные ему убытки были чрезмѣрны до нелѣпости. Не вполнѣ основательны были и претензіи другихъ англичанъ. Во всякомъ случаѣ, Пальмерстонъ проявилъ въ этомъ случаѣ неумѣстную поспѣшность и непростительную заносчивость по отношенію къ слабому государству. См. только-что вышедшее въ Англіи сочиненіе H. Paul, «History of Modern England», vol. I, 168—169, или Morley, «Life of Gladstone», vol. I.

другѣ Викторіи въ ея раннемъ дѣтствѣ и женѣ ея двоюроднаго брата, Фердинанда Саксенъ-Кобургскаго, стала грозить опасность лишиться трона вслѣдствіе революціоннаго настроенія ея подданныхъ. Она тотчасъ же обратилась за помощью къ королевѣ Викторіи. Послѣдняя пригласила для совѣщанія Пальмерстона. Онъ прямо заявилъ, что опасное положеніе португальской королевы слѣдуетъ приписать ея склонности слѣдовать абсолютистскимъ совѣтамъ нѣкоего Дица, выходца изъ Кобурга,... причемъ Пальмерстонъ настаивалъ на томъ, что единственное спасеніе для королевы Португаліи заключается въ немедленномъ удаленіи Дица. Такой совѣтъ былъ крайне непріятенъ для Викторіи и для ея саксенъ-кобургскихъ родственниковъ. Въ концѣ концовъ, Пальмерстонъ продиктовалъ написанное оффиціальнымъ тономъ письмо, полное конституціонныхъ совѣтовъ и предупрежденій относительно послѣдствій, къ которымъ могутъ привести несправедливости Дица. Царственной повелительницѣ Пальмерстона пришлось затѣмъ переписать письмо своей рукой и отправить своей несчастливой корреспонденткѣ въ Лиссабонъ.

«Нѣсколько позднѣе, но въ томъ же 1847 году, нерѣшительный и трусливый король прусскій послѣдовалъ примѣру португальской королевы. Онъ написалъ Викторіи частное письмо и поручилъ своему посланнику при С.-Джемскомъ дворѣ, барону Бунзену, передать письмо королевѣ во время частной аудіенціи въ отсутствіи англійскихъ министровъ. Прусскій король просилъ формальной помощи Викторіи тѣмъ слабымъ усиліямъ, которыя дѣлала тогда Пруссія для того, чтобы занять доминирующую роль въ германской федераціи. Однако, обойти Пальмерстона было очень трудно. Онъ узналъ отъ Бунзена про письма прусскаго короля и прямо заявилъ ему, что глава англійскаго государства не имѣетъ права личной переписки съ иностранными царственными особами, съ которыми не состоитъ въ родствѣ, и что такая корреспонденція должна проходить черезъ руки министровъ. Королева не могла не почувствовать при этомъ своего безсилія. Пальмерстонъ вмѣстѣ съ принцемъ Альбертомъ составилъ проектъ безцвѣтнаго отвѣта царственному корреспонденту королевы. Затѣмъ Пальмерстонъ предложилъ королевѣ переписать этотъ черновикъ собственной рукой.

«Этотъ инцидентъ долженъ былъ особенно задѣть за живое королеву и ея мужа. Дѣло въ томъ, что принцъ Альбертъ во многихъ своихъ частныхъ письмахъ къ прусскому королю подговаривалъ его къ болѣе энергичному отстаиванью правъ Пруссіи на руководство германскими дѣлами. Видимое противорѣчіе между горячимъ сочувствіемъ принца притязаніямъ Пруссіи и той холодностью, съ которой жена принца, исполняя желаніе Пальмерстона, отвѣчала на письмо прусскаго короля, было въ высшей степени непріятно какъ для королевы, такъ и для ея мужа...

«Къ несчастью для королевы общій тонъ (general lines) иностранной политики Пальмерстона былъ чрезвычайно популяренъ среди большинства парламента и всей націи вообще. Обстоятельная защита Пальмерстономъ своего

образа дѣйствій по отношенію къ Греціи въ дѣлѣ дона Пачифико [1]) въ іюнѣ 1850 года, когда Пальмерстонъ чуть не втянулъ Англію въ войну съ Франціей, вызвала сильнѣйшій энтузіазмъ въ палатѣ общинъ. При такихъ обстоятельствахъ королевѣ оставалось только ограничиваться громкими выраженіями своего неудовольствія по поводу испытываемыхъ ею униженій, когда ей случалось бесѣдовать по этому поводу со своими политическими друзьями, какъ, напр., съ лордами Эбердиномъ или Кларендономъ. Первый министръ, лордъ Джонъ Россель, относился холодно къ чувствамъ королевы. Хотя онъ самъ часто столь же мало, какъ и королева, симпатизировалъ пріемамъ иностранной политики Пальмерстона, онъ въ то же время зналъ, что его правительство не могло держаться безъ популярнаго министра иностранныхъ дѣлъ, какимъ былъ лордъ Пальмерстонъ. Въ виду всего этого королева, которая всегда избѣгала вызывать тѣ затрудненія, которыя влечетъ за собой обыкновенно смѣна министерства, часто приходила въ отчаяніе. Впрочемъ она все-таки не была склонна переносить это покорно» [2]).

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія королевы у Пальмерстона, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, было два крупныхъ недостатка, — во-первыхъ, стремленіе поддерживать либеральное движеніе на континентѣ Европы, и во-вторыхъ, склонность къ черезчуръ большой самостоятельности, выражавшейся не только въ томъ, что Пальмерстонъ не особенно считался съ мнѣніями ея, королевы, но не всегда даже ихъ спрашивалъ.

Противъ перваго недостатка королева ничего не могла подѣлать. Во главѣ Англіи стоялъ либеральный кабинетъ, и всѣ министры одобряли образъ дѣйствій своего коллеги, лорда Пальмерстона. Съ согласія кабинета Пальмерстонъ сталъ рѣшительно на сторону Турціи, не желавшей исполнять требованій австрійскаго и русскаго императоровъ выдать Кошута и другихъ вожаковъ венгерскаго возстанія, успѣвшихъ послѣ подавленія этого возстанія русскими войсками бѣжать въ Турцію. Благодарный Кошутъ пріѣхалъ въ 1851 году въ Англію, гдѣ встрѣтилъ полный энтузіазма пріемъ.

Только рѣшительный протестъ всего кабинета помѣшалъ Пальмерстону принять лично Кошута. Однако, онъ принялъ около этого времени депутацію лондонскихъ радикаловъ и сочувственно выслушалъ ихъ рѣчи, въ которыхъ послѣ выраженія благодарности Пальмерстону за освобожденіе Кошута два

---

[1]) Пальмерстонъ въ рѣчи, которую самъ Гладстонъ призналъ «поразительной, оправдывалъ свои дѣйствія, главнымъ образомъ, тѣмъ лестнымъ для своихъ слушателей соображеніемъ, что англичанинъ вездѣ долженъ пользоваться исключительными привилегіями въ охранѣ своихъ правъ. Какъ во времена могущества Римской Имперіи слова «Civis Romanus sum» ставили человѣка въ особое положеніе, нѣчто подобное должно быть обезпечено въ современномъ мірѣ англичанамъ. Пальмерстону возражали, между прочимъ, Пиль и Гладстонъ; особенно удачно говорилъ послѣдній. Самымъ сильнымъ аргументомъ въ пользу Пальмерстона могло быть указаніе на возмутительные порядки, царившіе тогда въ континентальныхъ странахъ Европы, но Пальмерстонъ, какъ оффиціальное лицо, не могъ, конечно, аргументировать такимъ образомъ. См. Morley, «Life of Gladstone», vol. I, 369—370.

[2]) Sidney Lee, «Queen Victoria», 208—215.

вышеуказанныхъ императора были названы «гнусными и омерзительными убійцами». Кабинетъ министровъ въ одномъ изъ своихъ ближайшихъ засѣданій указалъ Пальмерстону на крайнее неудобство сочувственнаго выслушиванія такихъ рѣчей лицомъ, руководящимъ иностранной политикой своего отечества. Пальмерстонъ понималъ, однако, что его образъ дѣйствій увеличиваетъ его популярность въ странѣ, гдѣ въ то время находили себѣ убѣжище испанскіе, итальянскіе, венгерскіе, русскіе (Герценъ) и нѣмецкіе (Марксъ, Энгельсъ) политическіе эмигранты, напоминавшіе своимъ присутствіемъ англичанамъ о торжествѣ реакціи на всемъ континентѣ Европы.

То, что королева считала вторымъ недостаткомъ Пальмерстона, являлось дѣйствительно нарушеніемъ конституціонныхъ правъ короны; поэтому королева рѣшила бороться съ этимъ недостаткомъ. Послѣ тщательнаго обсужденія вопроса со своимъ мужемъ и затѣмъ съ первымъ министромъ (лордомъ Росселемъ) королева послала черезъ послѣдняго Пальмерстону слѣдующій меморандумъ, въ которомъ указала тотъ образъ дѣйствій, котораго долженъ держаться въ отношеніи ея министръ иностранныхъ дѣлъ, чтобы не нарушать правъ ея, королевы, именемъ которой министръ ведетъ всѣ свои сношенія съ иностранными государствами.

«Королева требуетъ, чтобы 1) министръ иностранныхъ дѣлъ высказывалъ ясно, какъ онъ имѣетъ въ виду поступить въ томъ или иномъ случаѣ, чтобы королева знала столь же положительно, на что она дала свое королевское согласіе. 2) Когда она дала свою санкцію на извѣстную мѣру, то таковая не должна быть измѣняема отчасти или полностью (altered or modified) по произволу (arbitrarily) министра. Подобнаго рода актъ будетъ разсматриваемъ королевой какъ недостатокъ искренности въ отношеніи короны и какъ основательная причина для предоставляемаго конституціей королевѣ права увольнять министровъ въ отставку.

«Королева надѣется, что министръ будетъ всегда поставлять ее въ извѣстность о томъ, какого рода переговоры ведутся имъ съ послами иностранныхъ государствъ, прежде чѣмъ настанетъ необходимость принять тѣ или иныя мѣры, вытекающія изъ такихъ переговоровъ. Королева ожидаетъ, что ей будутъ своевременно доставляться депеши отъ иностранныхъ государствъ, и что проекты отвѣтовъ на нихъ, представляемые ей для одобренія, будутъ ей посылаемы съ такимъ разсчетомъ, чтобы она имѣла достаточно времени для ознакомленія съ ними прежде, чѣмъ настанетъ срокъ для отправленія ихъ по назначенію» [1]).

Два дня спустя принцъ Альбертъ имѣлъ случай объяснить Пальмерстону въ личной бесѣдѣ, что собственно вызываетъ недовольство королевы. «Королева часто, а въ послѣднее время даже почти всегда, расходилась съ вами во взглядѣ на иностранную политику—сказалъ Альбертъ—Она всегда открыто высказывала свои возраженія, но, если кабинетъ министровъ держался иного мнѣнія, или если королева сама убѣждалась, что, по политическимъ соображе-

[1]) Sidney Lee, «Queen Victoria», p. 216.

ніямъ, было бы благоразумнѣе взять назадъ свои возраженія, она слишкомъ хорошо понимала свои обязанности и оказывала полную поддержку всему, что дѣлалось именемъ правительства. Она знала, что имъ (т.-е. королевѣ и ея министрамъ, П. М.) придется вести борьбу сообща, и что и на нее падутъ удары, направляемые на правительство. Въ послѣдніе годы ей уже случалось подвергаться такимъ нападкамъ, которыхъ не приходится выносить ни одному другому королю, и которыя были для нея крайне тяжелы. Но зато она считаетъ себя, по крайней мѣрѣ, въ правѣ требовать, чтобы прежде, чѣмъ та или иная политическая мѣра была принимаема или предлагаема для ея санкціи, ей были предоставлены всѣ относящіеся факты и побужденія. Она находитъ, однако, что въ этомъ отношеніи къ ней относятся некорректно» [1])...

Какъ въ бесѣдѣ съ Росселемъ, такъ и въ разговорѣ съ принцемъ Альбертомъ, Пальмерстонъ увѣрялъ, что считаетъ все это недоразумѣніемъ, и что королева просто неправильно истолковываетъ его образъ дѣйствій. Во всякомъ случаѣ, онъ обѣщалъ впредь держаться тактики, которая была указана въ меморандумѣ королевы.

На самомъ же дѣлѣ Пальмерстонъ, вообще говоря, продолжалъ дѣйствовать почти съ прежней самостоятельностью, доставляя этимъ не мало непріятныхъ часовъ королевѣ и ея мужу. Такъ прошло болѣе года. Какъ извѣстно, 2 декабря 1851 г. президентъ французской республики, Наполеонъ Бонапартъ, произвелъ государственный переворотъ, захвативъ фактически власть въ свои руки. Многіе проницательные люди—и въ числѣ ихъ Пальмерстонъ—были готовы къ возможности подобныхъ событій и въ переворотѣ 2 декабря ясно видѣли предвѣстіе близкаго возстановленія во Франціи имперіи. Вслѣдствіе ли опасенія торжества анархіи во Франціи, или по какимъ-нибудь инымъ причинамъ Пальмерстонъ отнесся сочувственно къ государственному перевороту и, не узнавъ даже хорошенько подробностей гнуснаго предательства Наполеона въ отношеніи республики, учрежденія которой онъ присягалъ охранять, Пальмерстонъ уже 3 декабря выразилъ въ бесѣдѣ съ французскимъ посланникомъ свое одобреніе поступку Наполеона. Онъ сдѣлалъ это раньше, чѣмъ переговорилъ по этому поводу съ первымъ министромъ и королевой, и прежде, чѣмъ событія во Франціи были обсуждены всѣмъ кабинетомъ, который собрался 4 декабря для того, чтобы установить отношеніе Англіи къ событіямъ чрезвычайной важности въ сосѣднемъ государствѣ. Между тѣмъ французскій посланникъ при англійскомъ дворѣ уже поспѣшилъ сообщить во Францію о содержаніи своей бесѣды съ Пальмерстономъ. Такимъ образомъ, рѣшеніе кабинета, которое Пальмерстонъ 5 декабря сообщилъ въ качествѣ инструкціи англійскому посланнику въ Парижѣ, «не измѣнять ни въ чемъ обычнаго отношенія къ французскому правительству», было лишь формальнымъ подтвержденіемъ того, что уже раньше было извѣстно французскому министру иностранныхъ дѣлъ.

---

[1]) Sidney Lee, цит. сочин., 216—217.

По обстоятельствамъ, на которыхъ мы не находимъ нужнымъ здѣсь останавливаться [1]), все это стало скоро общеизвѣстнымъ. Это крайне раздражило не только королеву, но и перваго министра тѣмъ болѣе, что они оба были возмущены какъ самимъ поступкомъ Наполеона, такъ и обстоятельствами произведеннаго переворота. Лордъ Россель предложилъ Пальмерстону выйти въ отставку къ великому удовольствію королевы, которая, такимъ образомъ, избавилась, наконецъ, отъ непріятнаго ей министра.

Мы изложили сравнительно очень подробно обстоятельства, которыя привели, въ концѣ концовъ, къ отставкѣ Пальмерстона не потому, конечно, что придаемъ серьезное значеніе самому этому факту, а потому, что считаемъ эти обстоятельства чрезвычайно важными и чрезвычайно любопытными въ качествѣ характеристики политическаго режима Англіи въ царствованіе королевы Викторіи, т.-е. въ продолженіе большей части XIX вѣка. Мы полагаемъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше подробностей болѣе цѣнны и поучительны, чѣмъ какія-либо общія разсужденія.

Надо сказать, однако, что отставка Пальмерстона не лишила его вліянія ни въ странѣ, ни въ парламентѣ. Если отношеніе Пальмерстона къ государственному перевороту 2 декабря отшатнуло отъ него радикальную часть англійскаго общества, то, съ другой стороны, прочное установленіе во Франціи власти Наполеона Бонапарта и ожидаемое всѣми возстановленіе имперіи вызвало среди значительно болѣе многочисленныхъ и болѣе вліятельныхъ круговъ англійскаго общества опасенія возможности возрожденія воинственной политики Наполеона I и попытокъ реванша. Между тѣмъ Пальмерстонъ успѣлъ пріобрѣсть репутацію чрезвычайно энергичнаго и смѣлаго политическаго дѣятеля, сумѣвшаго поднять на необыкновенную высоту внѣшній престижъ Англіи. Вслѣдствіе всего этого выходъ въ отставку Пальмерстона значительно уменьшилъ авторитетъ министерства. Въ самомъ дѣлѣ, самъ же Пальмерстонъ явился вскорѣ ближайшимъ виновникомъ паденія кабинета лорда Росселя. Это случилось всего черезъ два мѣсяца послѣ выхода Пальмерстона въ отставку.

16 февраля 1852 года лордъ Россель въ виду указанныхъ выше опасеній внесъ въ парламентъ билль о реорганизаціи милиціи; этотъ билль вызвалъ много возраженій. Наиболѣе вѣскими и убѣдительными показались парламенту нападки на билль со стороны Пальмерстона: ему удалось погубить не только билль, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и министерство лорда Росселя, такъ какъ послѣдній имѣлъ неосторожность заявить, что кабинетъ считаетъ недопустимыми поправки, предложенныя Пальмерстономъ.

Прежде чѣмъ излагать дальнѣйшій ходъ событій, характеризующій политическую исторію Англіи въ срединѣ только-что истекшаго вѣка, мы считаемъ необходимымъ указать вкратцѣ на нѣкоторые факты высокой важности, которыми ознаменовались тѣ годы (1848—1852), когда постепенно обострялись

---

[1]) См. Herbert Paul, «History of Modern England», vol. I, 23—40, или Frank Bright, «History of England», vol. IV, 214.

отношенія между королевой и лордомъ Пальмерстономъ, какъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести образованіе въ Австраліи отдѣльныхъ колоній Викторіи и Тасманіи, выдѣленныхъ изъ Новаго Южнаго Валлиса, и предоставленіе этимъ новымъ колоніямъ, равно какъ Нов. Юж. Валлису и Нов. Зеландіи возможности самостоятельно составить свои конституціи. Эта возможность была предоставлена имъ достопамятнымъ «Australian Government Act» 1850 г., съ котораго начинается автономное развитіе въ Австраліи замѣчательныхъ политическихъ обществъ, ставшихъ съ теченіемъ времени передовыми демократіями всего культурнаго міра [1]). Въ слѣдующемъ году (1851) въ Австраліи было открыто золото, что вызвало быстрый притокъ иммигрантовъ, которыхъ ранѣе сильно пугала огромность разстоянія, отдѣляющаго южный материкъ отъ Европы.

Въ томъ же 1851 г. въ Лондонѣ была организована первая всемірная выставка, иниціатива которой принадлежала супругу королевы, принцу Альберту. Онъ много потрудился для ея успѣха и сумѣлъ внушить королевѣ такой же интересъ къ совершенно новому еще въ то время предпріятію. Выставка имѣла огромный успѣхъ какъ въ финансовомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ (ее посѣтило до 6000000 человѣкъ). Съ этого времени начинается длинный рядъ всемірныхъ выставокъ, которыя были организованы впослѣдствіи разными странами Стараго и Новаго Свѣта. Организація лондонской выставки оставила, между прочимъ, слѣдъ въ области народнаго образованія въ Англіи, такъ какъ нѣкоторые факты, связанные съ выставкой, заставили англійское правительство начать систематическія заботы о распространеніи среди населенія техническихъ знаній и навыковъ и художественно-промышленнаго образованія [2]).

Для полноты характеристики министерства лорда Росселя мы укажемъ на тотъ фактъ, что одновременно съ биллемъ о реорганизаціи милиціи Россель внесъ въ парламентъ и билль объ избирательной реформѣ. Хотя этотъ проектъ былъ весьма умѣренный, и предполагавшееся увеличеніе числа избирателей было незначительно, во всякомъ случаѣ, изъ этого любопытнаго обстоятельства видно, что хотя, какъ мы знаемъ, чартизмъ къ описываемому нами теперь времени, окончательно погибъ, идеи, которыя одушевляли чартистовъ, нашли себѣ другихъ выразителей—правда, въ сравнительно весьма умѣренной формѣ—среди наиболѣе авторитетныхъ государственныхъ дѣятелей Англіи. Къ числу таковыхъ относился, конечно, лордъ Джонъ Россель, которому, какъ читатель, можетъ-быть, этого не забылъ, принадлежитъ честь внесенія въ парламентъ великаго билля о реформѣ, ставшаго закономъ въ 1832 г.

---

[1]) См. нашу книгу, «Передовая демократія современнаго міра», 4-ое изд.

[2]) См. нашу книгу, «Очеркъ развитія средняго образованія въ Англіи» и другія наши книги объ англійской школѣ

ГЛАВА XIV.

Начало эпохи преобладающаго вліянія Пальмерстона (Palmerstonian Era).—Министерства лордовъ Дерби (1852), Эбердина (1852—55), Пальмерстона (1855—58) и (вторично) Дерби (1858—59).—Крымская кампанія (1854—55).

Изъ предшествующей главы мы знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ пало министерство лорда Росселя. Получивъ отставку Росселя, королева, держась строго своихъ конституціонныхъ обязанностей, предложила образованіе новаго министерства главѣ консервативной партіи, лорду Дерби. Послѣднему удалось быстро составить новый кабинетъ, наиболѣе замѣтной фигурой котораго былъ лидеръ оппозиціи въ палатѣ общинъ, Дизраэли, занявшій въ новомъ кабинетѣ постъ министра финансовъ.

Однако, лордъ Дерби сознавалъ, что власть ему досталась, главнымъ образомъ, вслѣдствіе несогласій въ рядахъ его политическихъ противниковъ (Росселя и Пальмерстона), и что при тогдашнемъ составѣ парламента онъ всегда можетъ быть низвергнутъ, какъ только установится большее единство въ либеральной партіи. Поэтому лордъ Дерби поспѣшилъ распустить парламентъ [1]), надѣясь, что его противники утратили довѣріе націи. Разсчеты оказались ошибочными: выборы дали 315 либераловъ и 40 такъ наз пилитовъ, т-е. лицъ, не принадлежащихъ формально къ либеральной партіи, но готовыхъ поддерживать ее въ политикѣ свободной торговли и въ нѣкоторыхъ другихъ основныхъ вопросахъ. Консерваторовъ было выбрано только 299. Иначе сказать, дѣло лорда Дерби, какъ главы этой партіи, было проиграно. Министерству слѣдовало бы въ сущности выйти въ отставку, не дожидаясь начала сессіи и формальнаго пораженія въ парламентѣ. Однако, въ описываемое нами время такой образъ дѣйствій, такая традиція еще не установились, и правительство лорда Дерби продолжало пользоваться до поры до времени властью, которая въ сущности ему болѣе не принадлежала.

Въ ноябрѣ (1852) открылась первая сессія новаго парламента; и правительство, все еще на что-то надѣясь, внесло проектъ бюджета, составленный Дизраэли. Этотъ проектъ подвергся безпощадной критикѣ, съ одной стороны, Гладстона—весьма виднаго представителя указанной группы пилитовъ—и, съ другой стороны, Кобдена, болѣе тѣсно примыкавшаго къ либеральной партіи. Проектъ бюджета провалился, и лордъ Дерби долженъ былъ подать

[1]) Этотъ парламентъ былъ выбранъ въ 1846 г.; нормальный срокъ истеченія его полномочій истекалъ, слѣдовательно, только въ 1853 г.

въ отставку, пробывъ во главѣ правительства всего около восьми мѣсяцевъ,—такъ сказать, въ междуцарствіе между роспускомъ одного парламента и началомъ дѣятельности другого.

Принимая во вниманіе соотношеніе партій въ парламентѣ и то обстоятельство, что кабинетъ лорда Дерби былъ низвергнутъ соединенными усиліями виговъ и пилитовъ, королева, обратилась къ вождю пилитовъ, лорду Эбердину, съ предложеніемъ составить коалиціонное министерство. Королева обѣщала лично содѣйствовать тому, чтобы въ составъ новаго министерства вошелъ бывшій премьеръ, лордъ Джонъ Россель, и заявила безъ обиняковъ, что она вполнѣ мирится и съ тѣмъ, чтобы въ комбинацію вошелъ и лордъ Пальмерстонъ [1]), какъ человѣкъ необходимый для поднятія авторитета новаго кабинета. Мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, чтобы лишній разъ показать, въ какой мѣрѣ королевѣ приходилось поступаться личными симпатіями при назначеніи министровъ. Лорду Эбердину удалось—правда, не безъ труда—составить дѣйствительно коалиціонное министерство, которое было названо «министерствомъ всѣхъ талантовъ» [2]). Дѣйствительно, это было собраніе всѣхъ наиболѣе даровитыхъ людей въ парламентѣ, причемъ для полноты коллекціи не хватало развѣ только одного Дизраэли. Наиболѣе видными пилитами въ министерствѣ были первый министръ, лордъ Эбердинъ, и Вильямъ Гладстонъ; наиболѣе видными вигами Пальмерстонъ и Россель, изъ которыхъ первый принялъ постъ министра внутреннихъ, второй министра иностранныхъ дѣлъ. Между министрами былъ даже одинъ радикалъ. сэръ Вил. Молесвортъ.

Все это происходило въ декабрѣ 1852 года, когда во Франціи была формально возстановлена имперія, и Наполеонъ провозглашенъ императоромъ французовъ подъ именемъ Наполеона III. Событія во Франціи, какъ мы увидимъ сейчасъ, оказали роковое вліяніе на ближайшую исторію Англіи... Въ самомъ дѣлѣ, новому императору для укрѣпленія трона нужна была военная слава. Онъ затѣялъ поэтому войну съ Россіей и сумѣлъ втянуть въ эту войну англичанъ, воспользовавшись вполнѣ основательной непопулярностью въ Европѣ вообще и въ Англіи въ особенности русскаго императора Николая, какъ наиболѣе рѣшительнаго и сильнаго (по крайней мѣрѣ, считавшагося таковымъ) сторонника принциповъ абсолютизма и, такъ сказать, столпа реакціи.

Не случись войны съ Россіей, министерство лорда Эбердина могло бы, повидимому, оставить послѣ себя самое свѣтлое воспоминаніе. Гладстонъ—одинъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ новаго кабинета—составилъ планъ реформъ, которыя могли обезпечить странѣ значительный ростъ матеріальнаго благосостоянія. Работая по 13—15 часовъ въ сутки, онъ приготовилъ къ апрѣлю 1853 года проектъ государственной росписи, который составляетъ одинъ изъ наиболѣе прочныхъ памятниковъ его славы, какъ министра финансовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гладстонъ именно съ этого времени сталъ пользоваться

---

[1]) См. Sidney Lee, «Queen Victoria». A biography, 234.

[2]) H. Paul, «History of Modern England», vol. I, 270—280.

репутаціей перваго финансиста своего времени и образцоваго министра финансовъ. Продолжая развивать принципы свободной торговли, Гладстонъ предложилъ совершенно уничтожить пошлины по 123 статьямъ и значительно ихъ понизить по 143 статьямъ [1]). Онъ предложилъ совершенно уничтожить акцизъ на мыло, значительно сократить пошлину на чай, уничтожить довольно значительные налоги на объявленія и на страховые полисы. Онъ имѣлъ также въ виду ввести совершенно новый налогъ на наслѣдство и временно удержать подоходный налогъ. Положительное обѣщаніе уничтожить вскорѣ этотъ послѣдній налогъ, надо думать, обезоружило оппозицію, такъ какъ именно это обстоятельство примирило высшіе классы съ остальными реформами Гладстона, которыя были принесены въ пользу, главнымъ образомъ, народной массѣ.

Какъ бы то ни было, рѣчь, въ которой Гладстонъ изложилъ парламенту свои финансовые проекты, произвела неизгладимое впечатлѣніе на членовъ парламента и чрезвычайно подняла какъ авторитетъ министерства, такъ и въ особенности авторитетъ самого Гладстона. Успѣхъ Гладстона былъ безпримѣрный: всѣ поняли, что на политическомъ горизонтѣ Англіи взошла звѣзда первой величины, которой суждено играть крупную роль. Королева поздравила Гладстона чрезъ лорда Эбердина. Принцъ Альбертъ послалъ ему письмо, въ которомъ выразился такимъ образомъ: «я не могу удержаться, чтобы не написать вамъ нѣсколько строкъ и не поздравить съ успѣхомъ вашей вчерашней рѣчи. Я только-что прочиталъ самымъ тщательнымъ образомъ вашу рѣчь, и, будь я членомъ парламента, я бы апплодировалъ вамъ вмѣстѣ со своими коллегами» [2]).

На ряду съ этими реформами экономическаго характера шла подготовка избирательной реформы, проектъ которой былъ внесенъ формально министерствомъ въ парламентъ менѣе чѣмъ черезъ годъ (въ началѣ 1854 г.) послѣ образованія новаго кабинета. Однако, впослѣдствіи, въ виду быстраго приближенія войны, проектъ былъ взятъ назадъ... Такая же участь постигла предположенія объ отмѣнѣ подоходнаго налога, да и вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи политики свободной торговли самъ собой заглохъ. Таковы были результаты войны, о которой намъ теперь придется сказать нѣсколько словъ, хотя, вообще говоря, мы въ настоящемъ своемъ трудѣ оставляемъ безъ вниманія внѣшнюю политику Англіи и ея войны.

Мы уже говорили, что Наполеону III нужно было такъ или иначе заставить французовъ забыть преступное происхожденіе его власти и примириться съ возстановленіемъ имперіи (послѣ почти 40-лѣтняго промежутка). Въ этомъ отношеніи ему могло быть особенно полезно поднятіе внѣшняго престижа Франціи, возстановленіе ея прежней военной славы. Хроническія недоразумѣнія, происходившія въ Палестинѣ, между католическими и православными (греческими) монахами изъ-за права высшаго распоряженія въ разныхъ

---

[1]) См. John Morley, «Life of Gladstone», vol. I, и И. Янжулъ, «Англійская свободная торговля», т. II, 387.

[2]) Morley, «Life of Gladstone», vol. I, 469.

мѣстностяхъ, которыя считались святыми въ силу предполагаемой ихъ связи съ земной жизнью Христа Спасителя, дали Наполеону удобный предлогъ вмѣшаться въ это дѣло и попытаться унизить Россію, которая отстаивала интересы греческаго духовенства. Поступая такимъ образомъ, Наполеонъ имѣлъ, кромѣ того, возможность показать себя ревнителемъ католической вѣры...

Турція, во владѣніи которой находится, какъ извѣстно, Святая Земля (Палестина), была поставлена требованіями Наполеона въ большое затрудненіе: не рѣшаясь отказывать наотрѣзъ Наполеону, она не смѣла также раздражать и своего сосѣда, императора Николая, считавшагося въ то время сильнѣйшимъ государемъ на континентѣ Европы. Такъ какъ въ основѣ дѣйствій Наполеона въ виду указанныхъ выше чисто-династическихъ соображеній было просто желаніе унизить Николая, поколебать вообще авторитетъ Россіи и этимъ поднять престижъ Франціи, и такъ какъ англичане это прекрасно понимали и, вообще говоря, вполнѣ сочувствовали отношенію Наполеона къ Россіи, то ему не трудно было склонить Англію къ поддержкѣ его затѣямъ оградить Турцію отъ якобы чрезмѣрныхъ посягательствъ Россіи на вмѣшательство въ турецкія дѣла. Однимъ изъ примѣровъ такого отношенія Россіи къ Турціи послужило требованіе Николая безусловнаго и категорическаго отказа Турціи отъ удовлетворенія ходатайства Наполеона въ пользу католическихъ монаховъ въ Святыхъ Мѣстахъ.

Пальмерстонъ, который, какъ мы знаемъ, даже пострадалъ за слишкомъ поспѣшное признаніе продѣланнаго Наполеономъ государственнаго переворота, и теперь оказался рѣшительнымъ сторонникомъ Наполеона. Въ совѣтѣ министровъ онъ настаивалъ на необходимости поддержать стремленія Наполеона унизить Россію. Пальмерстонъ встрѣчалъ, однако, сильное противодѣйствіе со стороны лорда Эбердина, да и королева вовсе не была склонна къ разрыву съ Россіей, а желала, напротивъ, чтобы споръ между Франціей и Россіей закончился какимъ-нибудь компромиссомъ.

Можетъ-быть, дѣло и не дошло бы до войны, если бы императоръ Николай не послалъ въ мартѣ 1853 г. въ Константинополь съ чрезвычайными полномочіями князя Меньшикова, который, не имѣя рѣшительно никакихъ качествъ, необходимыхъ для дипломата, сумѣлъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ довести споръ съ Турціей до формальнаго съ ней разрыва. Вскорѣ послѣдовали первыя враждебныя дѣйствія Россіи (занятіе придунайскихъ княжествъ), которая, впрочемъ, все еще не объявляла формально войны Турціи. Главныя европейскія державы сдѣлали еще попытки предупредить войну, но эти попытки оставались безплодными частью потому, что, поскольку, по крайней мѣрѣ, онѣ исходили отъ Франціи, онѣ были не искренни.

Хорошо сознавая это послѣднее обстоятельство, Турція сама взяла на себя иниціативу формальнаго разрыва, объявивъ 11/23 октября войну Россіи—на слѣдующій же день послѣ входа союзнаго, т.-е. англо-французскаго, флота въ Дарданеллы. На это Россія, все еще не объявляя формально войны,

отвѣтила нападеніемъ на турецкую эскадру въ Синопѣ, причемъ это нападеніе кончилось, какъ извѣстно, сожженіемъ всего турецкаго флота (18 ноября 1853 г.).

Между тѣмъ общественное мнѣніе въ Англіи было крайне возбуждено, и голоса въ пользу войны съ Россіей стали раздаваться все громче и громче. Пальмерстонъ ясно это видѣлъ и явился выразителемъ этого настроенія въ кабинетѣ. Не встрѣчая поддержки въ кабинетѣ, Пальмерстонъ подалъ въ отставку, хотя, впрочемъ, формально эта отставка была мотивирована иными соображеніями [1]). Лордъ Эбердинъ пытался-было противостоять охватившему всю націю воинственному задору, но не могъ: какъ ему, такъ и королевѣ, стоявшей долго на той же точкѣ зрѣнія, пришлось склониться передъ требованіемъ общественнаго мнѣнія. Дѣло дошло даже до необходимости просить Пальмерстона вернуться и дать ему рядъ обѣщаній относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій правительства.

«Зима 1853—54 г. кончилась—говоритъ біографъ королевы Викторіи,—а англійское правительство все еще не дѣлало никакихъ рѣшительныхъ шаговъ. Народное негодованіе удвоилось и обрушилось съ ужасною яростью на голову принца Альберта и королевы. Принца называли главнымъ агентомъ австро-бельгійско-кобургско-орлеанской клики европейскаго континента. Его поносили какъ завѣдомаго врага Англіи и прислужника Россіи. Нѣкоторые серьезно увѣряли, что царь Николай сообщалъ свои желанія принцу черезъ родственниковъ послѣдняго въ Готѣ и Брюсселѣ. «Увѣряютъ—писалъ принцъ своему брату (іюнь 1854),—что я нашептываю Викторіи желанія русскаго царя, и что она затѣмъ вліяетъ въ томъ же смыслѣ на стараго лорда Эбердина, и что, напротивъ, голосъ единственнаго англійскаго министра Пальмерстона совершенно игнорируется; мало того, Пальмерстона не только будто бы игнорируютъ, весь дворъ противъ него всегда интригуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мужъ королевы былъ въ это время козломъ отпущенія за нерѣшительную политику министерства. Многіе думали, что онъ виновенъ въ государственной измѣнѣ, нѣкоторые имѣли даже серьезныя сомнѣнія относительно полной невиновности въ этомъ отношеніи самой королевы» [2]).

Если мы примемъ въ соображеніе такое настроеніе англійскаго общества, мы не удивимся тому, что весной 1854 г. послѣдовало, наконецъ, формальное объявленіе Франціей и Англіей войны Россіи, и союзники начали свои первыя агрессивныя дѣйствія въ Черномъ морѣ. За Пальмерстономъ стояла теперь вся Англія... Неуспѣшныя дѣйствія союзныхъ войскъ въ Крыму осенью 1854 года общество приписало, главнымъ образомъ, недостаточно энергичному веденію войны Эбердиномъ, которой, какъ всѣмъ было

---

[1]) Sidney Lee, цит. сочин., 248.

[2]) «Queen Victoria». A biography by S. Lee, 248.

извѣстно, онъ не сочувствовалъ. Въ январѣ 1855 года Эбердину пришлось даже выйти въ отставку [1]).

Новый кабинетъ былъ организованъ лордомъ Пальмерстономъ, который съ этого времени и до самой смерти (1865)—т.-е. въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ—оставался доминирующей фигурой въ англійской политической жизни, почему это десятилѣтіе называется часто «Пальмерстоновской эрой» [2]).

Принципіальное значеніе этого послѣдняго обстоятельства—значеніе его въ качествѣ характеристики англійскаго политическаго режима—можетъ быть правильно понято лишь въ связи съ вышеприведенными фактами, выясняющими отношенія между Пальмерстономъ и королевской четой. Къ описываемому нами теперь времени отношенія между Пальмерстономъ, съ одной стороны, и королевой и ея супругомъ, съ другой, правда, измѣнились, но измѣнились, главнымъ образомъ, потому, что королевская чета по нѣкоторымъ своимъ политическимъ взглядамъ значительно приблизилась къ Пальмерстону.

Итакъ, хотя Англія была втянута въ войну съ Россіей Наполеономъ, эта война была въ Англіи очень популярна. Чѣмъ же объясняется эта популярность? Не имѣя возможности долго останавливаться здѣсь на выясненіи этого вопроса, мы ограничимся напоминаніемъ нашимъ читателямъ уже указаннаго выше крайне важнаго, основного факта, заключающагося въ томъ, что Россія была тогда главнымъ оплотомъ европейской реакціи. Значительная часть англичанъ не могла простить императору Николаю ни его рѣшающей роли въ подавленіи венгерскаго возстанія, ни его послѣдующаго совершенно несправедливаго и въ то же время высокомѣрнаго требованія отъ Турціи, чтобы она выдала венгерскихъ патріотовъ австрійскому правительству. Нѣкоторая часть англичанъ, отнюдь не симпатизировавшая революціоннымъ движеніямъ, желала просто ослабить Россію и освободить Турцію отъ заходившаго слишкомъ далеко вмѣшательства Николая въ турецкія дѣла. Наконецъ, были и такіе—они, вѣроятно, составляли даже большинство,—которые полагали, что всякое ослабленіе Россіи уменьшаетъ шансы посягательствъ Россіи на владѣнія англичанъ въ Индіи [3]).

Въ основѣ всѣхъ этихъ чувствъ и опасеній лежало преувеличенное представленіе о военномъ могуществѣ Россіи, которое, какъ это обнаружила вскорѣ Крымская война, оказалось пуфомъ. Какъ извѣстно, Россія была совершенно не въ состояніи противостоять соединеннымъ силамъ Франціи и Англіи (которымъ сравнительно малую пользу приносило участіе въ войнѣ самой Турціи и Сардинскаго королевства). Русскій флотъ не посмѣлъ даже выйти навстрѣчу союзникамъ и былъ затопленъ самими же русскими моряками. Севастополь—правда, послѣ весьма продолжительной осады—былъ взятъ 27 августа

[1]) Вмѣстѣ съ Эбердиномъ ушли другіе члены кабинета изъ такъ наз. «пилитовъ»; къ числу ихъ, какъ мы уже знаемъ, принадлежалъ и Гладстонъ.

[2]) Palmerstonian Era.

[3]) См. Morley, «Life of Cobden». Кобденъ и Брайтъ протестовали противъ войны съ Россіей, но ихъ протесты были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

1855 г. и вслѣдъ затѣмъ весь Крымъ оказался фактически во власти союзныхъ державъ. Послѣ переговоровъ, длившихся нѣсколько мѣсяцевъ, воюющія стороны заключили (мартъ 1856) такъ наз. Парижскій миръ, согласно которому Черное море было объявлено нейтральнымъ, и Россія (какъ и Турція) утратила право держать въ этомъ морѣ военный флотъ.

Такимъ образомъ, русскій абсолютизмъ обнаружилъ полную свою несостоятельность даже въ смыслѣ обезпеченія внѣшняго могущества государства. Сторонники реформы подняли голову и въ Россіи, и тамъ начались тогда событія, которыя, мало-по-малу, привели къ великому акту освобожденія крестьянъ и къ другимъ достопамятнымъ реформамъ 60-хъ годовъ. Какъ мы то только-что видѣли, русское общество этимъ не мало обязано Наполеону III и Пальмерстону, ускорившимъ процессъ разложенія крѣпостнической Россіи.

Правда, тѣ же Наполеонъ и Пальмерстонъ повинны и въ томъ, что войной съ Россіей они оказали поддержку турецкому абсолютизму [1]) и замедлили освобожденіе балканскихъ народностей. Какъ извѣстно, это освобожденіе произошло двадцать лѣтъ спустя, начавшись возстаніемъ въ Босніи и Герцеговинѣ. На этотъ разъ оно также было нѣсколько задержано вмѣшательствомъ Англіи, которая не имѣла уже, однако, тѣхъ оправданій для своего образа дѣйствій, на которыя она могла сослаться въ описываемую нами эпоху Крымской кампаніи.

Вернемся, однако, къ прерванной нити нашего изложенія.

30 марта 1856 г. были подписаны въ Парижѣ условія мира представителями Россіи, съ одной стороны, и Турціи, Англіи, Франціи и Сардиніи—съ другой. Пальмерстонъ былъ въ это время на высотѣ славы. Онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы распустить парламентъ (выбранный въ 1852 г.) и назначить новые выборы. Въ новомъ парламентѣ, собравшемся въ апрѣлѣ, либеральная партія насчитывала 366 членовъ, консервативная 287: иначе сказать, Пальмерстонъ имѣлъ прочное большинство въ 80 человѣкъ и не нуждался въ какой-либо другой поддержкѣ. Въ теченіе цѣлаго года Пальмерстонъ спокойно наслаждался властью, но въ началѣ 1857 г. стали приходить одна за другой весьма тревожныя извѣстія изъ Индіи, гдѣ началось возстаніе туземныхъ войскъ (сипаевъ), къ которымъ примкнули народныя массы. Осенью 1857 г. можно было даже думать, что власти англичанъ въ Индіи пришелъ конецъ. Съ немалымъ трудомъ и не безъ значительной жестокости возстаніе къ концу года все-таки было подавлено. Пальмерстонъ внесъ въ парламентъ билль объ упраздненіи Остъ-Индской компаніи, неумѣлое пользованіе которой своими исключительными правами какъ территоріальнаго властелина послужило одной изъ причинъ [2]) возстанія.

---

[1]) Эта сторона политики Пальмерстона плохо сознавалась тогда общественнымъ мнѣніемъ Англіи: на Кобдена и Брайта, рѣзко протестовавшихъ противъ войны съ Россіей, смотрѣли какъ на неуравновѣшенныхъ энтузіастовъ, которые, какъ говорится, «не вѣдаютъ, что творятъ»; нѣкоторые готовы были даже видѣть въ нихъ измѣнниковъ своему отечеству. См. Morley, «Life of Cobden», London, 1883, p. 398—399.

[2]) См. нашу книгу, «Исторія колоніальной имперіи Англіи».

Все предвѣщало успѣхъ Пальмерстону и продолжительное пользованіе властью.

Въ это время произошло, однако, одно событіе во Франціи, послужившее ближайшей причиной скораго паденія Пальмерстона. 2 января 1858 года въ Наполеона, когда онъ ѣхалъ съ императрицей въ оперу, было брошено три бомбы. Императорская чета осталась невредима, но взрывомъ было убито 10 и ранено до 160 человѣкъ. Покушеніе вызвало во Франціи крайнее негодованіе; въ Англіи общественное неудовольствіе было также значительно. Послѣднее объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что главный изъ заговорщиковъ, итальянецъ Орсини, жилъ передъ покушеніемъ въ Лондонѣ въ качествѣ эмигранта вмѣстѣ со многими своими соотечественниками, и что въ Лондонѣ же были изготовлены бомбы, и подготовлено все покушеніе. Между тѣмъ, чрезвычайныя затрудненія англичанъ въ Индіи парализовали дѣятельность Англіи въ Европѣ и вообще ослабили ея внѣшній авторитетъ. Наполеонъ III поэтому не постѣснился весьма рѣзко выразить свое неудовольствіе своимъ недавнимъ союзникамъ за ихъ неумѣренное гостепріимство, которымъ не такъ давно онъ, какъ извѣстно, самъ пользовался, когда во время іюльской монархіи измышлялъ средства, которыя могли бы вернуть ему власть, утраченную его великимъ дядей.

8 января графъ Валевскій, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, отправилъ ноту англійскому правительству, въ которой выражался такимъ образомъ: «Правительство Ея Величества должно бы помочь Франціи въ ея стремленіи предотвратить возможность повторенія такихъ замысловъ. Въ такого рода гарантіи не можетъ отказать ни одно сосѣднее государство, и французы тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать подобной гарантіи отъ своихъ союзниковъ». Указавъ на то, что покушеніе Орсини, какъ и предшествующія аналогичныя попытки, было подготовлено въ Англіи, Валевскій далъ такую характеристику людямъ, которымъ Англія оказываетъ пріютъ. «Это—люди, которые возвели убійство въ принципъ, которые постоянно проводятъ этотъ принципъ въ практику; послѣдняя изъ этихъ попытокъ только-что поразила ужасомъ всю Европу. Неужели право убѣжища можетъ покрывать такія дѣла? Неужели и убійцамъ надлежитъ оказывать гостепріимство? Неужели слабость англійскаго уголовнаго законодательства будетъ попрежнему потворствовать такого рода злоумышленіямъ? Неужели англичане будутъ укрывать людей, которые своими ужасными дѣлами ставятъ себя внѣ общихъ правъ, заслуживая, чтобы ихъ гнало все человѣчество»?

Англичане не привыкли, чтобы кто-нибудь разговаривалъ съ ними въ такомъ тонѣ. Кромѣ того, мысль о какихъ-нибудь ограниченіяхъ права убѣжища была въ Англіи крайне непопулярна. Между тѣмъ тотъ же самый Пальмерстонъ, который охотнѣе, чѣмъ кто-либо иной изъ крупныхъ политическихъ дѣятелей, игралъ на струнѣ національной гордости и тщеславія, не далъ никакого отпора только-что приведенной непрошенной и совершенно неумѣстной оцѣнкѣ французами англійскихъ порядковъ и не послалъ никакого письменнаго отвѣта на ноту Валевскаго.

Покушеніе на жизнь императора вызвало во Франціи приливъ вѣрноподданническихъ чувствъ, особенно среди военныхъ. Одинъ полкъ за другимъ посылалъ императору поздравленія съ избавленіемъ отъ опасности, причемъ тутъ же самимъ рѣзкимъ образомъ выражалось порицаніе Англіи и готовность разгромить этотъ «притонъ убійцъ». Французское правительство нимало не смущалось этой рѣзкостью и печатало телеграммы цѣликомъ въ «Moniteur Officiel», чѣмъ какъ бы выражало нѣкоторое одобреніе высказываемымъ въ адресахъ рѣзкостямъ по адресу Англіи.

Англійская пресса, конечно, отмѣтила эту крайнюю безтактность и безцеремонность французскаго правительства; общественное мнѣніе стало рѣзко порицать Пальмерстона за то, что онъ не осадилъ сразу французовъ, оставивъ безъ отвѣта ноту Валевскаго. Поэтому, когда Пальмерстонъ черезъ мѣсяцъ послѣ покушенія Орсини внесъ въ парламентъ билль объ усиленіи наказанія за подготовку заговоровъ, имѣющихъ цѣлью убійство кого-либо въ Англіи или внѣ ея предѣловъ, парламентъ, поддаваясь общему настроенію, отвергъ билль, и Пальмерстонъ оказался вынужденнымъ выйти въ отставку.

Получивъ отставку Пальмерстона, королева предложила образованіе новаго министерства лорду Дерби, который, такимъ образомъ, вторично оказался во главѣ правительства, но, впрочемъ, какъ и въ первый разъ, не надолго Въ самомъ дѣлѣ, положеніе министерства Дерби было съ самаго начала весьма двусмысленнымъ. Пальмерстонъ былъ свергнутъ весьма незначительнымъ большинствомъ (19 голосовъ) и притомъ по такому вопросу, который представлялъ важность скорѣе въ принципіальномъ, чѣмъ въ практическомъ отношеніи. Однимъ словомъ, въ парламентѣ большинство попрежнему принадлежало въ сущности либеральной партіи, и Пальмерстонъ лишился власти именно за то, что недостаточно энергично отстаивалъ отъ посягательства Наполеона одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ либеральнаго символа вѣры—права убѣжища для политическихъ эмигрантовъ изъ континентальныхъ странъ Европы... И вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ—въ силу особенностей политическаго режима Англіи съ чередованіемъ во главѣ правительства двухъ главныхъ политическихъ партій — государственная власть оказалась въ рукахъ к о н с е р в а т и в н а г о министерства.

Что же долженъ былъ дѣлать лордъ Дерби, чтобы удержать за собой эту власть?— Осуществлять по возможности программу либераловъ, стараясь не очень раздражать въ то же время и своихъ дѣйствительныхъ сторонниковъ, для которыхъ могло служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ то соображеніе, что при иныхъ условіяхъ размахъ прогрессивнаго движенія могъ бы оказаться шире и сильнѣе...

Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать объясненія слѣдующихъ на первый взглядъ странныхъ фактовъ. Во-первыхъ, министерство лорда Дерби внесло въ парламентъ билль объ уничтоженіи Остъ-Индской компаніи и объ организаціи новой системы управленія Индіей, причемъ этотъ билль только въ второстепенныхъ подробностяхъ отличался отъ такого же билля Пальмерстона.

Министерство Дерби внесло далѣе (по счету десятый) билль о допущеніи евреевъ въ парламентъ: первыя бывшія до тѣхъ поръ попытки этого рода гибли въ палатѣ общинъ; впослѣдствіи, когда палата общинъ измѣнила свой взглядъ на этотъ вопросъ, билли о допущеніи евреевъ въ парламентъ были систематически отвергаемы палатой лордовъ. Только въ 1858 г. консервативному министерству лорда Дерби удалось провести эту мѣру, считавшуюся въ свое время весьма либеральной. Въ то же время была проведена другая, гораздо болѣе важная либеральная реформа: въ силу акта 1858 г. былъ уничтоженъ имущественный цензъ, который ранѣе требовался отъ членовъ парламента. Читатель помнитъ, быть-можетъ, что это было однимъ изъ шести пунктовъ знаменитой народной хартіи чартистовъ, когда-то такъ пугавшей либераловъ, а теперь не пугавшей болѣе и консерваторовъ.

Не довольствуясь этимъ, министерство въ лицѣ наиболѣе талантливаго своего члена Дизраэли заявило о своемъ твердомъ желаніи внести въ парламентъ билль объ избирательной реформѣ,—конечно, въ смыслѣ расширенія числа избирателей. Правда, этотъ шагъ министерства вызвалъ въ его средѣ нѣкоторый разладъ, закончившійся выходомъ въ отставку болѣе упрямыхъ или, быть-можетъ, болѣе искреннихъ консерваторовъ.

Въ мартѣ 1859 г. Дизраэли представилъ дѣйствительно парламенту проектъ избирательной реформы. Мы находимъ, однако, излишнимъ знакомить читателя съ этимъ мертворожденнымъ проектомъ: скажемъ лишь, что, не удовлетворивъ либераловъ, проектъ оттолкнулъ отъ министерства и консерваторовъ, которые въ поступкахъ Дизраэли видѣли прямую измѣну основнымъ принципамъ консерватизма. При второмъ чтеніи билля министерство осталось къ меньшинствѣ (330 голосовъ за билль и 291 противъ), но не пожелало, однако, разстаться съ властью, а предпочло распустить парламентъ и назначить новые выборы. Въ маѣ 1859 г. открылась первая сессія новаго парламента, въ которомъ оказалось 348 либераловъ и 305 консерваторовъ. Вскорѣ (іюнь 1859) парламентъ принялъ формально резолюцію, выражавшую недовѣріе правительству, и оно оказалось въ прямой необходимости уступить власть другимъ.

ГЛАВА XV.

Второе министерство Пальмерстона (1859—65).—Заря эры Гладстона: министерство Росселя—Гладстона (1865—1866).—Смерть Р. Кобдена (1865).

Мы только-что видѣли, что обращеніе министерства Дерби къ странѣ, каковымъ слѣдуетъ считать всякое распущеніе парламента и назначеніе новыхъ выборовъ, оказалось для него неблагопріятнымъ. Хотя при новыхъ выборахъ въ парламентъ попало больше (305) консерваторовъ, чѣмъ при выборахъ 1857 г. (287), тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ большинство—правда, очень незначительное (43)—оказалось на сторонѣ либераловъ. При всемъ своемъ нежеланіи министерству Дерби пришлось, какъ мы знаемъ, весьма скоро разстаться съ властью.

Получивъ сообщеніе лорда Дерби о пораженіи его въ парламентѣ и о выходѣ министерства въ отставку, королева оказалась въ большомъ затрудненіи. Пальмерстонъ былъ самымъ вліятельнымъ членомъ оппозиціи, поэтому наиболѣе естественно было бы предложить ему образованіе новаго министерства. Другимъ возможнымъ кандидатомъ могъ быть только лордъ Россель Королевѣ между тѣмъ очень не хотѣлось видѣть первымъ министромъ кого-либо изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что начавшаяся война Франціи и Сардиніи съ Австріей ставила на первый планъ вопросы внѣшней политики, по которымъ такъ часто и такъ рѣзко расходились королева и ея мужъ, съ одной стороны, и Пальмерстонъ и лордъ Дж. Россель—съ другой. Королева сдѣлала попытку найти выходъ изъ своего затруднительнаго положенія, предложивъ образованіе кабинета весьма видному члену либеральной партіи, лорду Гренвилю, занимавшему уже нѣсколько разъ постъ министра (въ кабинетахъ Росселя, Эбердина и Пальмерстона). Лордъ Гренвиль, между прочимъ, замѣнилъ Пальмерстона въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, когда Пальмерстонъ (1851) оказался вынужденнымъ выйти въ отставку за свое слишкомъ поспѣшное признаніе наполеоновскаго государственнаго переворота. Королева сохранила съ этого времени самыя лучшія воспоминанія о лордѣ Гренвилѣ, который, кстати сказать, въ первое министерство Пальмерстона занималъ весьма высокое положеніе президента Тайнаго Совѣта.

Желая лучше обезпечить успѣхъ переговоровъ Гренвиля съ лидерами либеральной партіи, королева написала даже собственноручно письма Пальмерстону и Росселю, прося ихъ не отказаться отъ участія въ предполагаемомъ кабинетѣ лорда Гренвиля. Пальмерстонъ—какъ это ни удивительно—согласился на такую комбинацію, но лордъ Россель рѣшительно отказался [1]).

[1]) См. Sidney Lee, «Queen Victoria», 298—300.

Между тѣмъ, хотя вліяніе Росселя въ парламентѣ было меньше, чѣмъ вліяніе Пальмерстона, тѣмъ не менѣе, и оно было слишкомъ значительно, чтобы могла имѣть шансы на прочный успѣхъ какая-либо комбинація безъ участія Росселя. Возможно, что Гренвиль встрѣтилъ еще какія-нибудь затрудненія, которыя остаются пока неизвѣстными. Во всякомъ случаѣ, онъ скоро сообщилъ королевѣ о своей неудачѣ, и Викторіи волей-неволей пришлось снова предложить власть лорду Пальмерстону, какъ наиболѣе вліятельному, хотя для нея лично весьма мало симпатичному государственному дѣятелю. Мы считали необходимымъ изложить всѣ только-что указанныя обстоятельства, такъ какъ они прекрасно характеризуютъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ политическаго режима Англіи.

Пальмерстонъ быстро составилъ новое министерство. Наиболѣе видными членами его были лордъ Россель и Гладстонъ; лордъ Гренвиль занялъ въ новомъ министерствѣ то же самое мѣсто, какое онъ занималъ въ первомъ кабинетѣ Пальмерстона (президентъ Тайнаго Совѣта). Вступленіе Вил. Гладстона къ кабинетъ Пальмерстона было фактомъ весьма важнымъ, такъ какъ оно ознаменовало рѣшительный поворотъ въ политической карьерѣ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Начавъ свою активную политическую жизнь рѣшительнымъ тори, Гладстонъ, какъ мы знаемъ, послѣдовалъ за Пилемъ, когда тотъ отважился отказаться отъ одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ торійской программы—отъ пошлинъ на хлѣбъ. Гладстонъ вошелъ впослѣдствіи въ кабинетъ лорда Эбердина, который, какъ мы знаемъ, состоялъ на половину изъ пилитовъ. Вмѣстѣ съ другими пилитами Гладстонъ ушелъ вмѣстѣ съ Эбердиномъ, когда тотъ долженъ былъ уступить власть Пальмерстону, какъ вождю либеральной партіи, не нуждавшемуся ни въ чьей посторонней помощи и опиравшемуся на поддержку одной только (либеральной) части парламента.

Согласившись теперь принять портфель министра финансовъ въ новомъ кабинетѣ лорда Пальмерстона, Гладстонъ этимъ показалъ, что онъ пошелъ еще дальше въ эволюціи своихъ взглядовъ и окончательно порвалъ со своими прежними единомышленниками. Мало того: къ описываемому нами времени Гладстонъ въ сущности былъ гораздо либеральнѣе своего шефа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оффиціальнаго главы либеральной партіи. Сходясь съ нимъ во взглядахъ на занимавшій тогда всѣхъ итальянскій вопросъ (т.-е. вопросъ объ объединеніи Италіи), Гладстонъ относился болѣе сочувственно, чѣмъ Пальмерстонъ, къ проектамъ избирательной реформы. Кромѣ того, Гладстонъ въ это время имѣлъ уже въ головѣ цѣлый планъ реформъ экономическаго характера; Пальмерстонъ же вовсе не былъ расположенъ спѣшить съ какими бы то ни было реформами.

Это послѣднее обстоятельство, помимо характера и возраста Пальмерстона, можно поставить въ связь со сравнительно незначительнымъ большинствомъ (43), которымъ располагала либеральная партія въ парламентѣ. Это большинство легко могло даже вовсе растаять, если бы Пальмерстонъ принялся слишкомъ энергично за реформы, которыя могли бы привести къ существен-

нымъ измѣненіямъ въ политическомъ и соціальномъ строѣ Англіи [1]). Однимъ словомъ, либеральная партія могла оставаться во власти лишь при крайней осторожности всѣхъ своихъ дѣйствій, и Пальмерстонъ, какъ опытный политическій дѣятель, понималъ это лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. Онъ всегда помнилъ, что имѣетъ дѣло въ парламентѣ съ весьма многочисленной оппозиціей, искусно руководимой Вен. Дизраэли.

Въ области иностранной политики между взглядами консерваторовъ и либераловъ не было существенной разницы; поэтому Пальмерстонъ, какъ глава кабинета, и лордъ Россель, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, дѣйствовали въ этой области весьма энергично и, что особенно важно отмѣтить, вообще говоря, наперекоръ желаніямъ и взглядамъ королевы. Въ 1859 г., какъ извѣстно, была война Франціи и Сардиніи съ Австріей, причемъ Пальмерстонъ и Россель, за которыми въ этомъ случаѣ стояло огромное большинство англійскаго народа, оказывали всякую возможную моральную поддержку противникамъ Австріи, хотя королева энергично заступалась за Австрію и не скрывала своего рѣзкаго несочувствія итальянскому объединительному движенію и своего недовѣрія Наполеону. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи королева, впрочемъ, оказалась права, какъ это выяснилось, когда Наполеонъ за свою помощь Италіи присоединилъ къ владѣніямъ Франціи Савойю и Ниццу. Впрочемъ, съ другой стороны, такая смѣлость Наполеона объяснялась въ значительной мѣрѣ именно тѣмъ, что Англія уклонилась отъ прямого вмѣшательства въ войну за итальянскіе интересы, причемъ эту политику невмѣшательства слѣдуетъ всецѣло приписать вліянію королевы и ея мужа [2]).

Какъ бы то ни было, поступокъ Наполеона возбудилъ крайнее негодованіе въ Англіи, гдѣ ранѣе многіе искренно радовались успѣхамъ французскаго оружія, полагая, что Наполеонъ безкорыстно служилъ великому дѣлу объединенія Италіи и освобожденія ея отъ иноземнаго ига.

Не прошло еще возбужденіе, вызванное событіями на югѣ Европы, какъ въ Сѣверной Америкѣ началась великая драма, грозившая распаденіемъ Соединенныхъ Штатовъ на двѣ самостоятельныя республики. Какъ извѣстно, въ 1860 г. президентомъ Соед. Штатовъ былъ выбранъ кандидатъ республиканской партіи Авраамъ Линкольнъ, въ чемъ южные штаты увидѣли серьезную опасность для дальнѣйшаго существованія рабства негровъ въ Америкѣ. Не дожидаясь даже формальнаго вступленія во власть новаго президента республики (въ мартѣ 1861), штатъ Южная Каролина объявилъ себя независимой республикой и предложилъ другимъ южнымъ штатамъ послѣдовать ея примѣру. Въ февралѣ 1861 г. на югѣ уже дѣйствительно образовалось новое федеральное государство—Confederate States of America,—въ которое вошли семь штатовъ (къ нимъ вскорѣ присоединились еще четыре штата). Эта южная конфедерація быстро организовала свое особое правительство, во главѣ котораго сталъ

---

[1]) См. Herbert Paul, «History of Modern England», vol. II, 316—318.

[2]) Sidney Lee, «Queen Victoria», 300—303.

избранный населеніемъ возставшихъ штатовъ президентъ Джефферсонъ Девисъ. 12 апрѣля 1861 г. между двумя частями великой заатлантической республики началась междоусобная война, такъ какъ федеральное правительство, которому остались вѣрны всѣ сѣверные и западные штаты, не согласилось, конечно, признать независимости отдѣлившихся штатовъ.

Можно себѣ представить, какое огромное возбужденіе вызвалъ во всей Европѣ этотъ грандіозный конфликтъ. Особенно велико это возбужденіе было, конечно, въ Англіи, съ которой Соед. Штаты связаны общностью происхожденія языка, многихъ основныхъ политическихъ и соціальныхъ учрежденій и т. д. Въ отношеніи симпатій къ воюющимъ сторонамъ англійское общество рѣзко раздѣлялось на двѣ части: высшіе классы общества и правительственной сферы открыто симпатизировали югу, частью потому, что были увѣрены въ торжествѣ южныхъ штатовъ, частью по нѣкоторымъ инымъ соображеніямъ и чувствамъ.

Дѣло въ томъ, что многіе англичане опасались чрезмѣрнаго увеличенія богатства и могущества Соед. Штатовъ, которые становились все болѣе и болѣе грознымъ соперникомъ Англіи въ области промышленности и торговли. Немалое вліяніе на отношеніе англійской буржуазіи къ конфликту имѣло, конечно, и принципіальное несочувствіе этой буржуазіи тѣмъ якобы ультрадемократическимъ принципамъ, которые были положены въ основу не только политическаго, но и соціальнаго строя сѣверныхъ и въ особенности западныхъ штатовъ, и которые—съ уничтоженіемъ рабовладѣнія—должны были восторжествовать и на югѣ.

Впрочемъ, какъ бы ни объяснялось сочувствіе высшихъ классовъ и правительственныхъ сферъ Англіи къ южнымъ штатамъ, въ самомъ фактѣ такового сочувствія не могло и не можетъ быть никакихъ сомнѣній [1])

Не таково было отношеніе къ событіямъ въ Америкѣ народныхъ массъ Англіи. Съ самаго же начала междоусобной войны главная масса англійскаго народа и въ особенности рабочій классъ приняли рѣшительно сторону сѣверныхъ штатовъ, выражали горячія пожеланія имъ успѣха и твердо надѣялись на конечное торжество сѣвера и послѣдующее уничтоженіе рабовладѣнія негровъ. Какъ мы увидимъ ниже, рабочіе доказали свое сочувствіе дѣлу освобожденія негровъ и другимъ, болѣе осязательнымъ способомъ.

Каково же было отношеніе правительственныхъ властей Англіи къ американскому конфликту? Глава кабинета, лордъ Пальмерстонъ, и многіе его коллеги, въ томъ числѣ и Гладстонъ, симпатизировали югу; это выразилось, между прочимъ, въ поспѣшномъ признаніи южныхъ штатовъ не повстанцами, а воюющей стороной. Вскорѣ фактическое сочувствіе англійскаго правительства въ югу—хотя оффиціально Англія объявила, что она намѣрена соблюдать строгій нейтралитетъ — проявилось уже вполнѣ недвусмысленно. Конфедерація послала двухъ агентовъ въ Англію и Францію, чтобы склонить

---

[1]) См. объ этомъ цитированныя сочиненія S. Lee, Herbert Paul (vol. II) и проф. Bright'a. См. также James Bryce, «The American Commonwealth», vol. III.

правительства этихъ странъ къ активной поддержкѣ южныхъ штатовъ. Агенты не безъ большихъ трудностей пробрались на Кубу; тамъ они 8 ноября 1861 г. сѣли на англійское коммерческое судно «Трентъ» и отправились въ Англію. Однако, на другой же день послѣ выхода изъ Гаванны (Куба) «Трентъ» былъ остановленъ американскимъ военнымъ судномъ, которое принудило командира «Трента» выдать агентовъ конфедераціи. Когда, по прибытіи «Трента» въ Англію, это стало извѣстно, въ англійскихъ газетахъ поднялась цѣлая буря негодованія, что̀ правительству Пальмерстона было очень на руку. Пальмерстонъ поспѣшно составилъ крайне рѣзкую ноту американскому правительству съ требованіемъ извиненія и немедленной выдачи агентовъ конфедераціи. Когда проектъ этой ноты былъ представленъ на просмотръ и одобреніе королевѣ, она рѣшительно протестовала противъ чрезмѣрной ея рѣзкости, справедливо опасаясь, что такая нота можетъ раздражить до-нельзя американцевъ и повести къ формальному разрыву и даже войнѣ. Королева этого вовсе не желала, тѣмъ болѣе, что личныя ея симпатіи, какъ и личныя симпатіи ея мужа, были рѣшительно на сторонѣ сѣверныхъ штатовъ. Принцъ по соглашенію съ королевой значительно смягчилъ текстъ ноты. на что согласился затѣмъ и Пальмерстонъ. Американское правительство получило, такимъ образомъ, возможность безъ особаго для себя униженія удовлетворить требованія Англіи; вмѣстѣ съ этимъ исчезла опасность войны, которая могла бы имѣть роковое вліяніе на борьбу сѣвера съ рабовладѣльческими штатами. Этимъ Америка и Англія обязаны, главнымъ образомъ, королевѣ и въ особенности ея мужу, что стало сейчасъ же извѣстно въ сѣверныхъ штатахъ. Принцъ Альбертъ сразу пріобрѣлъ огромную популярность [1]) въ Америкѣ.

Непріязненное отношеніе англійскихъ властей къ сѣвернымъ штатамъ выразилось, между прочимъ, и въ той небрежности, съ которой эти власти относились къ заявленіямъ американскаго посланника о томъ, что на англійскихъ верфяхъ происходитъ постройка судовъ, заказанныхъ правительствомъ конфедераціи. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ такихъ судовъ, предназначенныхъ якобы для иныхъ цѣлей, выходилъ одинъ за другимъ въ море, грузя гдѣ-нибудь въ условленномъ мѣстѣ пушки и другое вооруженіе, поднималъ флаги конфедераціи и начиналъ затѣмъ преслѣдовать и уничтожать американскія коммерческія суда. Англійскія власти смотрѣли на все это сквозь пальцы. Наиболѣе рѣзкій и совершенно непростительный примѣръ такой небрежности представлялъ выходъ въ море крейсера «Алабамы», о дѣйствительномъ назначеніи котораго американскій посланникъ представилъ своевременно англійскому правительству самыя убѣдительныя данныя.

Американскій торговый флотъ понесъ вслѣдствіе этого огромныя потери; отношенія между правительствами Англіи и Америки оставались во все время войны крайне натянутыми. Однако, американское федеральное правитель-

---

[1]) Sidney Lee, «Queen Victoria». A Biography, 317. Въ описываемое время принцъ былъ не совсѣмъ здоровъ; вскорѣ его болѣзнь приняла серьезный характеръ. 2 декабря 1861 г. принцъ умеръ послѣ 20 лѣтъ въ высшей степени счастливаго супружества.

ство ограничивалось только формальными протестами, не имѣя возможности, вслѣдствіе борьбы съ югомъ, употребить болѣе энергичныя мѣры. Взаимныя пререканія обоихъ правительствъ продолжались долгое время и послѣ окончанія междоусобной войны. Эти пререканія прекратились лишь въ первое министерство Гладстона (1873), когда выбранный спорящими сторонами третейскій судъ приговорилъ Англію къ уплатѣ Соед. Штатамъ весьма значительнаго денежнаго вознагражденія (30 милліоновъ рублей) въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ «Алабамой» и другими крейсерами.

Однимъ изъ послѣдствій междоусобной войны въ Америкѣ было почти полное прекращеніе подвоза хлопка [1]) въ Англію, а, слѣдовательно, невольная остановка огромной англійской хлопчатобумажной промышленности, поставлявшей бумажныя матеріи чуть не на весь міръ. Сотни тысячъ рабочихъ оказались вдругъ безъ средствъ къ жизни, и хлопчатобумажный голодъ (cotton famine) могъ, такимъ образомъ, легко обратиться для многихъ въ голодъ въ прямомъ смыслѣ слова. Въ 1862 г. въ Ланкаширскомъ графствѣ число лицъ, нуждавшихся въ общественной благотворительности, доходило одно время до полумилліона. Бѣдствіе было такъ громадно, потребность въ помощи такъ велика, что общественная благотворительность, какъ ни велики сравнительно ея рессурсы въ Англіи, не могла бы справиться съ этимъ бѣдствіемъ, если бы на ряду съ ней не работала весьма энергично и частная благотворительность. Комитетъ по оказанію помощи безработнымъ подъ предсѣдательствомъ лорда Дерби (бывшаго перваго министра) имѣлъ до ста отдѣленій въ Англіи; къ нему притекали весьма значительныя пожертвованія, притомъ не только изъ разныхъ частей Англіи, но и изъ англійскихъ колоній, изъ иностранныхъ государствъ и, наконецъ, даже изъ сѣверныхъ штатовъ американской федераціи. Самъ лордъ Дерби пожертвовалъ на помощь безработнымъ не одинъ десятокъ тысячъ рублей изъ своихъ личныхъ средствъ [2]).

Какъ ни велики были усилія общественной и частной благотворительности, все-таки десятки тысячъ семействъ испытывали долгое время весьма острую нужду, смѣнившую ихъ прежній полный достатокъ. Надо сказать, что уже въ описываемое нами время рабочіе хлопчатобумажной промышленности въ Англіи были хорошо организованы и получали сравнительно очень хорошую заработную плату.

Однако, несмотря на всѣ свои лишенія, англійскіе рабочіе съ самаго начала американскаго конфликта и до его конца продолжали стоять на сторонѣ сѣвера, суда котораго блокировали южные порты и мѣшали вывозу хлопка. Среди своихъ лишеній ланкаширскіе (манчестерскіе) рабочіе послали привѣтственный адресъ Линкольну съ пожеланіемъ успѣха великому дѣлу освобожденія негровъ. Этотъ адресъ глубоко тронулъ Линкольна, который поспѣшилъ прислать на него отвѣтъ, въ которомъ выразился такимъ образомъ: «Вслѣд-

[1]) Хлопокъ привозили въ Англію почти исключительно изъ южныхъ, т.-е. рабовладѣльческихъ штатовъ. Съ началомъ войны все побережье южныхъ штатовъ было блокировано военными судами сѣвера.

[2]) Herbert Paul, цит. сочин., vol. II, 326—327 и 350.

ствіе мятежныхъ дѣйствій нѣкоторой части нашихъ гражданъ, рабочимъ Европы приходится испытывать суровыя лишенія... Имѣя въ виду это обстоятельство, я не могу не видѣть въ вашихъ энергичныхъ заявленіяхъ замѣчательнаго примѣра христіанскаго героизма, равнаго которому трудно было бы найти въ лѣтописяхъ какой-либо иной эпохи или какого-либо иного народа» [1]).

Итакъ, въ описываемомъ нами случаѣ народныя массы Англіи обнаружили безкорыстіе и политическую принципіальность, тогда какъ буржуазія и оффиціальныя сферы проявили, наоборотъ, эгоизмъ и близорукость, на что со справедливой гордостью указываютъ нѣкоторые сторонники демократической формы правленія.

Хотя американская междоусобная война принесла серьезныя страданія для весьма замѣтной части рабочаго класса, въ конечномъ результатѣ эта война была, пожалуй, даже выгодна Англіи: полный разгромъ американскаго торговаго флота крейсерами конфедераціи чрезвычайно усилилъ доходы англійскихъ судовладѣльцевъ [2]), прекращеніе подвоза хлопка изъ Америки заставило англійскихъ негоціантовъ искать новыхъ рынковъ или усилить торговыя сношенія со старыми. И то и другое было достигнуто очень скоро: уже въ 1863 г. въ Англію было ввезено значительное количество хлопка изъ Египта и Индіи.

Въ теченіе второго министерства Пальмерстона (1859 — 65), почти совпавшаго съ эпохой междоусобной войны въ Америкѣ (1861 — 65), матеріальное благосостояніе Англіи, вообще говоря, быстро увеличилось. Это выразилось въ чрезвычайномъ ростѣ вывоза и ввоза товаровъ, въ весьма значительномъ ростѣ доходовъ, подлежащихъ подоходному налогу, и въ увеличеніи достатка рабочихъ классовъ—по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Англія справилась, наконецъ, съ «хлопчатобумажнымъ голодомъ».

Указываемое нами явленіе объясняется отчасти рядомъ превосходныхъ экономическихъ и финансовыхъ мѣръ, принятыхъ по иниціативѣ Гладстона или, по крайней мѣрѣ, нашедшихъ въ немъ весьма талантливаго и энергичнаго защитника. Важнѣйшей среди этихъ мѣръ слѣдуетъ признать заключеніе торговаго договора съ Франціей, имѣвшаго громадное практическое и еще больше принципіальное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, заключеніе этого договора составляетъ нѣкоторую эпоху въ развитіи внѣшней торговли не только Англіи, но и другихъ странъ, такъ какъ оно послужило исходнымъ пунктомъ для заключенія подобныхъ договоровъ Англіи съ другими государствами и этихъ послѣднихъ между собой.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что иниціатива торговаго договора съ Франціей принадлежала собственно Ричарду Кобдену, который воспользовался своимъ

---

[1]) Herbert Paul, цит. сочин., vol. II, 351.

[2]) Этимъ, конечно, объясняется въ значительной степени небрежность, съ которой англійскія власти слѣдили за судостроительными заводами, исполнявшими заказы конфедераціи южныхъ штатовъ.

объясняемымъ чисто-личными обстоятельствами пребываніемъ въ Парижѣ въ зиму 1859—1860 г., чтобы сначала въ качествѣ частнаго человѣка позондировать оффиціальныя французскія сферы по вопросу о способахъ расширенія торговыхъ сношеній между Франціей и Англій, сношеній, крайне стѣсняемыхъ высокимъ французскимъ таможеннымъ тарифомъ. Не будетъ лишнимъ сказать, что къ описываемому нами времени Кобденъ сталъ пользоваться прежней своей популярностью, утраченной имъ, какъ мы знаемъ, во время крымской военной горячки. Общественное вліяніе Кобдена было теперь такъ велико, что Пальмерстонъ, составляя свое второе министерство, счелъ даже необходимымъ, уступая, вѣроятно, отчасти настояніямъ Гладстона, предложить Кобдену постъ министра торговли. Кобденъ рѣшительно отказался, заявивъ, что разсчитываетъ принести странѣ большую пользу, если не будетъ связанъ никакимъ оффиціальнымъ положеніемъ. Пребываніе въ Парижѣ дало какъ-разъ Кобдену такой случай скорѣе даже, чѣмъ вѣроятно онъ самъ этого ожидалъ. Встрѣтивъ нѣкоторую поддержку во французскомъ министрѣ финансовъ, Кобденъ испросилъ затѣмъ аудіенцію у императора Наполеона и сумѣлъ выяснить ему обоюдныя выгоды, которыхъ могли съ увѣренностью ожидать Франція и Англія въ случаѣ заключенія между собой торговаго договора, основаннаго на взаимныхъ уступкахъ.

Подготовивъ, такимъ образомъ, почву, Кобденъ сообщилъ о результатахъ своихъ переговоровъ Гладстону, который могъ уже повести дѣло оффиціально. Однако, Кобдену пришлось все-таки взять на себя роль представителя Англіи въ заключеніи торговаго договора съ Франціей. Идея торговаго договора была крайне непопулярна среди французскихъ промышленниковъ, хотя Кобденъ при переговорахъ съ ними могъ сослаться на обѣщаніе Гладстона уничтожить совершенно пошлины на французскіе мануфактурные товары, если Франція согласится на значительное уменьшеніе своихъ пошлинъ на англійскіе товары. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ томъ, что Кобденъ обсуждалъ каждую статью предполагаемаго договора съ представителями различныхъ отраслей французской промышленности, созванныхъ для этого Наполеономъ III. Какъ видно изъ писемъ, которыя Кобденъ писалъ женѣ изъ Парижа, ему приходилось работать въ это время едва ли меньше, чѣмъ въ самый разгаръ дѣятельности «Лиги для отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ» [1]).

Усилія Кобдена увѣнчались, въ концѣ концовъ, полнымъ успѣхомъ, причемъ торжеству его дѣла во Франціи сильно помогло личное сочувствіе его предпріятію Наполеона III. Когда Гладстонъ, въ качествѣ министра финансовъ, докладывалъ проектъ торговаго парламента, предлагая принять его безъ измѣненій, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими знаменательными словами: «Рѣдко случается, господа, чтобы человѣку, оказавшему однажды великую услугу своему отечеству, удалось четырнадцать лѣтъ спустя оказать новую услугу, едва ли менѣе важную. Нельзя забывать при этомъ, что человѣкъ, о которомъ я говорю, не украшенъ ни титуломъ, ни какимъ-либо высокимъ

[1]) См. J. Morley, «Life of Cobden», и H. Paul, «Modern England», vol. II, p. 256.

званіемъ. Онъ ничѣмъ кромѣ своихъ заслугъ, не отличается отъ массы народа, которому онъ такъ преданно служитъ».

Въ самомъ дѣлѣ, Кобденъ только-что передъ этимъ отказался отъ предложеннаго ему Пальмерстономъ—на выборъ—титула баронета или чрезвычайно высокаго и почетнаго званія члена Тайнаго Совѣта. Кобденъ отказался также и отъ денежной награды, согласившись лишь на то, чтобы ему были возмѣщены расходы, вызванные его чрезвычайно затянувшимся изъ-за договора пребываніемъ въ Парижѣ. Между тѣмъ матеріальное положеніе Кобдена въ это время было весьма плохо, такъ какъ увлеченіе общественными дѣлами совершенно не оставляло ему времени для устройства своихъ личныхъ дѣлъ и для какой-либо профессіональной дѣятельности, которая могла бы дать ему средства къ жизни. Когда это стало извѣстно многочисленнымъ друзьямъ и почитателямъ Кобдена, они устроили подписку и принудили Кобдена взять собранную сумму въ 400000 рублей.

Такимъ образомъ, заключеніе перваго торговаго договора есть въ извѣстномъ смыслѣ дѣло частной иниціативы; частная же иниціатива оплатила услуги человѣка, который по доброму своему желанію взялъ на себя рискъ такихъ переговоровъ, на которые, вѣроятно, долго бы еще не рѣшились оффиціальныя лица заинтересованныхъ странъ. Все это переноситъ насъ, русскихъ,—да, впрочемъ, и не насъ однихъ—въ такую политическую и соціальную атмосферу, которая выдѣляетъ Англію изъ всѣхъ остальныхъ странъ Европы.

Какъ велико было практическое значеніе перваго торговаго договора (1861), видно изъ одного того факта, что на второй годъ послѣ его заключенія цѣнность англійскаго экспорта во Франціи увеличилась ровно вдвое—съ 47 до 92 милл. руб. [1]).

Заключеніе торговаго договора съ Франціей было наиболѣе важной въ практическомъ и принципіальномъ отношеніи мѣрой Гладстона, какъ министра финансовъ. На ряду съ этой важнѣйшей своей мѣрой онъ осуществилъ и нѣкоторыя другія, имѣвшія большое значеніе для народной массы. Таковы были послѣдовательныя уменьшенія пошлинъ на чай и на сахаръ и совершенное уничтоженіе акциза на бумагу. Надо сказать, что этотъ послѣдній акцизъ былъ очень значителенъ и оказывалъ большое вліяніе на цѣну книгъ и газетъ, вслѣдствіе чего радикальная часть англійскаго общества смотрѣла на него, какъ на «налогъ на знаніе» (tax on knowledge), какъ на одно изъ средствъ, препятствующихъ народному просвѣщенію. Палата лордовъ, очевидно, такъ же смотрѣла на значеніе акциза на бумагу, такъ какъ значительнымъ большинствомъ (89) отвергла поступившій къ ней изъ нижней палаты билль объ отмѣнѣ этого акциза [2]). Гладстонъ былъ возмущенъ поступкомъ лордовъ, навязывавшихъ ему такой источникъ дохода, который

---

[1]) Frank Bright, «History of England», vol. IV, p. 388.

[2]) Правда, такая смѣлость лордовъ объясняется отчасти тѣмъ, что билль объ отмѣнѣ акциза на бумагу прошелъ въ палатѣ общинъ только большинствомъ 9 голосовъ.

онъ, министръ финансовъ, а равно и весь кабинетъ находили излишнимъ. Вопросъ объ отклоненіи билля принялъ сразу принципіальный характеръ спора о взаимныхъ правахъ обѣихъ палатъ въ отношеніи податного обложенія. Не находя возможнымъ посвящать читателя въ сложныя соображенія, которыми пытались оправдать свою точку зрѣнія и та и другая стороны, скажемъ лишь, что Гладстонъ нашелъ простой практическій выходъ изъ этого положенія. Проектъ отмѣны акциза на бумагу онъ внесъ въ общій проектъ бюджетной смѣты, представленной парламенту въ слѣдующемъ (1861) году. Такимъ образомъ, лордамъ, если бы они вновь пожелали не допустить отмѣны акциза на бумагу, пришлось бы отвергнуть весь проектъ бюджета. На это, конечно, они не могли рѣшиться, и съ 1862 г. прекратился навсегда этотъ «налогъ на знаніе». Отмѣна акциза на бумагу составляетъ прямую заслугу Гладстона, такъ какъ кабинетъ относился къ этому вопросу довольно пассивно, а Пальмерстонъ даже прямо несочувственно, не рѣшаясь, однако, противорѣчить своему талантливому [1]) и уже весьма популярному министру финансовъ.

Описываемое нами время—шестидесятые годы прошлаго столѣтія—знаменуется значительнымъ прогрессомъ рабочаго класса, который, охладѣвъ нѣсколько къ чисто-политическимъ вопросамъ, направилъ свои усилія, главнымъ образомъ, на поднятіе своего экономическаго положенія. Къ этому времени относится необыкновенный ростъ такъ наз. профессіональныхъ союзовъ (trade union), число которыхъ заходило за 2000, и годовой доходъ отъ членскихъ взносовъ за 12 милл. руб. Организуя свои силы, рабочіе затѣмъ довольно искусно ими пользовались, чтобы путемъ стачекъ и иными способами добиваться повышенія платы и сокращенія рабочаго дня.

Къ этому же времени относится быстрый ростъ потребительныхъ обществъ среди рабочаго класса.

Этимъ послѣднимъ путемъ — путемъ основанія потребительныхъ обществъ—рабочій классъ давалъ дальнѣйшее развитіе идеѣ организаціи своихъ силъ, но уже какъ огромной массы потребителей. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1864 г. въ Англіи насчитывалось до 500 потребительныхъ обществъ съ совокупнымъ капиталомъ въ 7 милл. руб. и съ оборотомъ, приближавшимся къ 30 милл. Въ этомъ же году произошло федеративное объединеніе всѣхъ потребительныхъ обществъ Англіи въ одинъ союзъ.

Къ описываемому нами времени относятся нѣкоторыя реформы въ области начальнаго образованія, имѣвшія цѣлью не столько увеличеніе числа школъ, сколько улучшеніе качества преподаванія и ослабленіе вліянія духовенства на народную школу [2]).

Къ тому же времени относится организація сберегательныхъ кассъ при почтовыхъ конторахъ, что такъ облегчаетъ мелкія сбереженія. Наконецъ, съ этого же времени начинаются первыя попытки устройства дише-

[1]) H. Paul, «Modern England», vol. II, 248—249.

[2]) См. нашу брошюру, «Очеркъ развитія начальнаго образованія въ Англіи». См. также H. Paul, «Modern England», vol. II.

выхъ и гигіеничныхъ жилищъ для рабочихъ и организація дешевыхъ пригородныхъ сообщеній. Это было достигнуто требованіемъ отъ всѣхъ разрѣшаемыхъ вновь желѣзнодорожныхъ компаній, чтобы онѣ въ извѣстные часы—около времени начала и конца работъ на фабрикахъ—пускали особые поѣзда съ значительно удешевленнымъ тарифомъ. Нельзя не упомянуть при этомъ, что иниціатива поднятія этого вопроса въ парламентѣ принадлежала вождю консервативной партіи, лорду Дерби.

Незначительное большинство, которымъ располагало министерство въ парламентѣ, не позволяло ему отваживаться на болѣе рѣшительныя и смѣлыя реформы, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣла бы, конечно, избирательная реформа. Въ 1860 г. правительство внесло-было въ парламентъ билль о такой реформѣ, но затѣмъ по разнымъ соображеніямъ взяло его назадъ. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ нѣкоторые отдѣльные члены парламента пытались поднять этотъ вопросъ, но всѣ эти попытки были отклоняемы парламентомъ, хотя иногда и сравнительно незначительнымъ числомъ голосовъ.

Въ 1865 году пришло время распускать парламентъ (избранный въ 1859 г.) и назначить новые выборы, причемъ для всѣхъ было ясно, что всякое усиленіе либеральной партіи въ парламентѣ должно неминуемо поставить на очередь вопросъ объ избирательной реформѣ. Выборы происходили осенью, но прежде, чѣмъ новый парламентъ успѣлъ собраться, умеръ на 81 году жизни лордъ Пальмерстонъ, огромное личное вліяніе котораго было въ послѣднее время всегда на сторонѣ тѣхъ, кто стоялъ противъ какихъ бы то ни было рѣшительныхъ реформъ соціальнаго или политическаго характера. Единственнымъ возможнымъ преемникомъ Пальмерстона могъ быть лишь ветеранъ либеральной партіи, лордъ Джонъ Россель, имя котораго, какъ мы знаемъ, тѣсно связано съ первой избирательной реформой (1832).

Новый кабинетъ въ общемъ мало отличался отъ предшествующаго. Однако, роль Гладстона была въ немъ гораздо болѣе значительна, такъ какъ между нимъ и первымъ министромъ было болѣе единства во взглядахъ и желаніяхъ, чѣмъ въ то время, когда главой кабинета былъ престарѣлый Пальмерстонъ. Имѣя всегда поддержку перваго министра и будучи исполненъ силъ и энергіи, Гладстонъ, въ сущности, являлся центральной фигурой кабинета. Такимъ образомъ, со смертью Пальмерстона началась другая эпоха политической исторіи Англіи, эпоха преобладающаго вліянія Гладстона,—«Gladstonian Era», какъ говорятъ англичане.

Въ февралѣ 1866 года собрался въ первый разъ новый парламентъ: въ немъ оказалось либераловъ 361 вмѣсто 348 въ предыдущемъ парламентѣ и консерваторовъ 294 вмѣсто 305 прежняго парламента. Такимъ образомъ, правительственное большинство значительно увеличилось, и явилось больше шансовъ для проведенія избирательной реформы. Къ тому же Дерби и Дизраэли, лидерамъ оппозиціи въ одной и другой палатѣ парламента, трудно было бы выступить въ качествѣ принципіальныхъ противниковъ избирательной реформы, такъ какъ сами они въ 1859 году внесли на одобреніе народныхъ представителей аналогичный проектъ, хотя, правда, они за это были покинуты нѣкоторой частью своей партіи.

Какъ бы то ни было, въ мартѣ 1866 года Гладстонъ, будучи лидеромъ либеральной партіи въ палатѣ общинъ (лордъ Джонъ Россель засѣдалъ въ верхней палатѣ), внесъ билль объ избирательной реформѣ. Не находя возможнымъ входить въ подробности этого билля, такъ какъ ему не суждено было стать закономъ, скажемъ лишь, что, въ общемъ, онъ долженъ былъ увеличить число избирателей на 400000. Если бы эта реформа осуществилась, то общее число избирателей въ Соед. Королевствѣ достигло бы приблизительно 1800000 [1]), что составило бы около трети всего взрослаго мужского населенія Англіи въ описываемое нами время [2]).

Не удовлетворивъ радикаловъ, которые составляли замѣтную фракцію либеральнаго большинства въ парламентѣ, этотъ проектъ сильно напугалъ консерваторовъ и нѣкоторую часть болѣе умѣренныхъ либераловъ, которые поэтому примкнули къ консерваторамъ въ своей оппозиціи биллю.

Возражая Гладстону, Дизраэли вспомнилъ даже, что, когда Гладстонъ былъ въ оксфордскомъ университетѣ, то онъ, Гладстонъ, нападалъ на всеобщее стремленіе къ новшествамъ, которое тогда выразилось въ агитаціи за избирательную реформу. Замѣтимъ, что это было въ 1831 г., т.-е. въ описываемое нами время этому факту насчитывалось 36 лѣтъ.

Отвѣчая на этотъ упрекъ въ непослѣдовательности, Гладстонъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующія замѣчательныя слова: «Достопочтенный джентльменъ, твердо помня постоянство своихъ политическихъ убѣжденій (это была иронія: Дизраэли началъ свою политическую карьеру демократомъ), упрекаетъ меня за ошибку моей юности. Достопочтенный представитель отъ Вестминстера не могъ устоять отъ искушенія упрекнуть меня за сужденія, высказанныя 36 лѣтъ тому назадъ. Мой юный умъ находился тогда подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ идей и мнѣній, которыя, очевидно, вліяютъ до сихъ поръ на зрѣлый умъ достопочтеннаго моего противника. Правда, при первой избирательной реформѣ я чувствовалъ тѣ же опасенія, которыя достопочтенный джентльменъ испытываетъ въ настоящее время, съ той, однако, разницей, что я свои взгляды выразилъ ясно, рѣзко и рѣшительно въ студенческомъ обществѣ, тогда какъ достопочтенный джентльменъ уклоняется отъ рѣшительнаго протеста и скрываетъ свои дѣйствительныя намѣренія подъ видомъ частичной поправки къ предлагаемому нами биллю.... Мы (т.-е. кабинетъ министровъ) настаиваемъ на нашемъ проектѣ и выходимъ въ отставку въ случаѣ его отклоненія. Но если бы даже насъ постигла въ настоящую минуту неудача, пройдетъ нѣкоторое время, и билль о реформѣ будетъ снова внесенъ въ парламентъ нами же или, быть-можетъ, кѣмъ-нибудь другимъ... Вы не можете бороться съ будущимъ.. Время на нашей сторонѣ. Великія общественныя силы, передъ которыми и мы и вы одинаково безсильны, направлены противъ васъ, и если падаетъ теперь знамя, развѣвающееся надъ нашими головами, оно взовьется снова передъ лицомъ Неба, и его понесутъ крѣпкія

[1]) Taswell-Longmead, «English Constitutional History», p. 574.
[2]) H. Paul, цитиров. сочин., т. III, стр. 30.

руки всѣхъ трехъ національностей къ вѣрной, хотя, быть-можетъ, и не легкой побѣдѣ» [1]).

Послѣ этой рѣчи, произнесенной въ 2 часа ночи и закончившей пренія, продолжавшіяся цѣлыхъ двѣ недѣли при переполненной палатѣ, было приступлено къ вотированію билля: 318 либераловъ и 2 консерватора подали свои голоса за билль, 283 консерватора и 32 либерала вотировали противъ билля. Такимъ образомъ, министерское большинство оказалось всего въ 5 голосовъ. Это было важнымъ предзнаменованіемъ пораженія при послѣднемъ (третьемъ) чтеніи билля,—пораженія, вызваннаго неожиданнымъ расколомъ въ рядахъ либеральной партіи. Вслѣдствіе этого раскола при послѣдовавшемъ вскорѣ голосованіи билля о перераспредѣленіи избирательныхъ участковъ,—билля, входившаго въ общій планъ предполагаемой избирательной реформы, министерство осталось въ меньшинствѣ (въ 11 голосовъ). Лордъ Россель послалъ тогда королевѣ, находившейся въ то время въ Балморалѣ (Шотландія), подробное сообщеніе о томъ, что произошло въ парламентѣ, и объ отставкѣ кабинета.

Королева была этимъ крайне недовольна и озабочена. Дѣло въ томъ, что какъ-разъ во время обсужденія избирательной реформы въ парламентѣ на континентѣ Европы разразилась политическая буря: между Пруссіей и Австріей началась война, которая могла принять серьезныя осложненія и увлечь въ распрю другія государства. Поэтому королева поспѣшила отвѣтить Росселю и просила его сохранить за собою власть, основывая свое желаніе на критическомъ положеніи Европы и на томъ, что большинство, враждебное министерству, было незначительно и вопросъ сравнительно второстепенный. Королева оставила даже Балморалъ и 26 іюня была уже въ Лондонѣ (Виндзоръ). Она стала вновь уговаривать лорда Росселя, разрѣшая ему даже сообщить формально парламенту, что она остается во главѣ правительства, уступая личному ея желанію. Это послѣднее Россель считалъ неудобнымъ, но онъ все-таки собралъ еще разъ кабинетъ и, объяснивъ положеніе дѣла, заявилъ, что онъ, лично, согласенъ отказаться пока отъ билля о реформѣ и продолжать управленіе страной. Однако, Гладстонъ и нѣкоторые другіе рѣшительно отказались оставаться въ кабинетѣ при такихъ условіяхъ, и лорду Росселю пришлось сообщить королевѣ объ окончательномъ и безповоротномъ выходѣ кабинета въ отставку.

Прежде чѣмъ переходить къ дальнѣйшему изложенію политической исторіи Англіи, мы считаемъ необходимымъ упомянуть о происшедшей около описываемаго нами времени смерти Ричарда Кобдена, въ лицѣ котораго Англія лишилась одного изъ своихъ наиболѣе благородныхъ сыновъ и дѣло избирательной реформы и многія другія прогрессивныя начинанія—одного изъ наиболѣе горячихъ, наиболѣе искреннихъ, наиболѣе краснорѣчивыхъ защитниковъ.

---

[1]) См. нашу статью, «Вил. Гладстонъ», въ журналѣ «Міръ Божій» 1892. См. также John Morley, «Life of Gladstone», vol. II, 204.

Кобденъ умеръ въ двухъ шагахъ отъ парламента, прибывъ въ Лондонъ почти больной, чтобы принять участіе въ обсужденіи билля объ увеличеніи расходовъ на постройку крѣпости въ Канадѣ и по возможности воспрепятствовать принятію этого билля.

Смерть Кобдена глубоко поразила и друзей и враговъ его. Всѣ одинаково почувствовали громадность потери, и среди членовъ парламента, поспѣшившихъ публично выразить національное горе, особенно удачно сумѣлъ охарактеризовать охватившее всѣхъ чувство Дизраэли. «Есть одно утѣшеніе,— сказалъ Дизраэли, обращаясь къ парламенту, — которое мы испытываемъ, когда вспоминаемъ о нашихъ незамѣнимыхъ потеряхъ. Это утѣшеніе заключается въ томъ, что не совсѣмъ погибли для насъ оплакиваемые нами великіе люди, что слова ихъ часто будутъ приводиться среди насъ въ парламентѣ, что на ихъ примѣры будутъ ссылаться, что имъ будутъ подражать. Есть, въ самомъ дѣлѣ, такіе члены парламента, которые, правда, не могутъ болѣе присутствовать въ немъ, но, тѣмъ не менѣе, не перестаютъ быть его членами: духовно они постоянно между нами и навсегда здѣсь останутся, не завися болѣе ни отъ каприза избирателей, ни отъ воли министровъ [1]). Я думаю, господа, что Ричардъ Кобденъ принадлежитъ къ такимъ не умирающимъ членамъ англійскаго парламента» [2]).

Не останавливаясь на другихъ сторонахъ значенія только-что приведенныхъ словъ Дизраэли, мы считаемъ полезнымъ обратить вниманіе читателя на ихъ цѣнность въ качествѣ характеристики тона политической жизни Англіи и ея парламента во второй половинѣ XIX вѣка. Не слѣдуетъ забывать, въ самомъ дѣлѣ, что только-что приведенныя слова принадлежали рѣшительному политическому противнику Кобдена.

ГЛАВА XV.

Третье министерство лорда Дерби (1866—68) и вторая избирательная реформа.—Первое министерство Дизраэли (1868).

Мы знаемъ, какъ неохотно согласилась королева на отставку лорда Росселя. Мы знаемъ также, что, главнымъ образомъ, благодаря настояніямъ Гладстона министерство не захотѣло отказаться отъ своего билля объ избирательной реформѣ и предпочло разстаться съ властью, предоставивъ ее своимъ политическимъ противникамъ. Королева обратилась съ предложеніемъ образовать новое министерство къ лорду Дерби, который такимъ образомъ въ третій разъ сталъ во главѣ правительства. Наиболѣе виднымъ и вліятельнымъ членомъ новаго кабинета былъ Веніаминъ Дизраэли, занявшій,

[1]) Дизраэли этимъ намекалъ на право кабинета министровъ распускать парламентъ до срока и назначать новые выборы.

[2]) См. нашу брошюру, «Ричардъ Кобденъ».

какъ и въ двухъ первыхъ кабинетахъ лорда Дерби, постъ министра финансовъ и лидера палаты общинъ, такъ какъ самъ Дерби, будучи членомъ палаты лордовъ, не могъ взять на себя этой въ высшей степени важной роли.

Положеніе консервативнаго министерства было въ сущности крайне затруднительное: оно получило власть, какъ это было и при прежнихъ двухъ министерствахъ лорда Дерби, только благодаря расколу среди противной партіи и не располагало поэтому сколько-нибудь прочнымъ большинствомъ голосовъ въ парламентѣ. Между тѣмъ, извѣстіе о томъ, что кабинетъ Росселя вышелъ въ отставку, и что причиной этого былъ провалъ билля объ избирательной реформѣ, крайне взволновало всю страну.

Вездѣ стали возникать общества, имѣвшія цѣлью пропаганду избирательной реформы, причемъ наиболѣе значительной по количеству членовъ и вліянію была такъ наз. Reform League. Лордъ Россель ушелъ въ іюнѣ, а въ іюлѣ уже начались въ разныхъ городахъ публичные митинги для выраженія протеста противъ дальнѣйшаго откладыванія великаго дѣла реформы. Однимъ изъ первыхъ былъ митингъ, назначенный на 23 іюля въ Гайдъ-паркѣ, огромномъ и превосходномъ паркѣ, находящемся въ центральной части Лондона. Министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ пользованіе для митинга этимъ паркомъ и предложилъ организаторамъ митинга собрать его на Трафальгарской площади (Trafalgar Square), очень большой, но проѣзжей площади и потому мало пригодной для демонстрацій. Организаторы митинга рѣшили все-таки устроить его въ Гайдъ-паркѣ. Однако, найдя ворота парка запертыми, они пошли съ толпой на Трафальгарскую площадь. Часть толпы не пожелала мѣнять мѣста собранія и, несмотря на присутствіе полиціи, выломала рѣшетки, проникла въ садъ и устроила митингъ. Войска были вызваны слишкомъ поздно, и когда они, наконецъ, появились, то были встрѣчены шумными привѣтствіями уже расходившейся толпы.

Въ августѣ состоялись огромные митинги въ Бирмингамѣ, Манчестерѣ и Глазго, причемъ число участниковъ каждаго изъ этихъ митинговъ доходило почти до 200000 человѣкъ. Ораторы рѣзко нападали на людей, погубившихъ проектъ избирательной реформы, причемъ по адресу новаго правительства было произнесено не мало угрозъ. Въ то же время на тѣхъ же митингахъ горячія похвалы слышались постоянно по адресу Гладстона, какъ человѣка, много потрудившагося надъ составленіемъ проекта и энергично и смѣло отстаивавшаго его въ парламентѣ. Въ ноябрѣ состоялись весьма значительные митинги въ Эдинбургѣ, Лондонѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Парламентъ въ это время не засѣдалъ, будучи распущенъ на осеннія вакаціи. Въ началѣ слѣдующаго года (1867) предстояло открытіе законодательной сессіи, и правительству надо было приготовиться къ серьезнымъ нападкамъ.

Имѣя въ виду возбужденное состояніе страны, помня, что отъ имени его кабинета (въ 1859 году) уже былъ однажды внесенъ въ парламентъ проектъ избирательной реформы, лордъ Дерби рѣшилъ пойти навстрѣчу общественнымъ требованіямъ и явиться передъ парламентомъ съ новымъ биллемъ о реформѣ. Разработкой этого проекта занялся Дизраэли, какъ наиболѣе та-

чантливый и наиболѣе вліятельный членъ кабинета. Такой поступокъ, правда, соотвѣтствовалъ дѣйствіямъ кабинета Дерби-Дизраэли въ 1859 году, но совершенно не гармонировалъ со словами и дѣйствіями Дизраэли во время послѣдней сессіи парламента, закончившейся паденіемъ кабинета Росселя-Гладстона именно изъ-за избирательной реформы. Между тѣмъ, добившись власти и учитывая совершенно правильно общественное настроеніе, Дизраэли изготовилъ проектъ избирательной реформы гораздо болѣе либеральный, чѣмъ аналогичный проектъ Гладстона, погубленный въ значительной степени благодаря стараніямъ того же Дизраэли...

Лордъ Дерби, конечно, прекрасно понималъ разсчеты своего ловкаго коллеги. Однако, согласившись на такой образъ дѣйствій, онъ этимъ въ сущности ясно показалъ, что его оппозиція министерству Росселя-Гладстона не имѣла никакого идейнаго содержанія. Къ чести консервативной партіи слѣдуетъ сказать, что не всѣ члены кабинета посмотрѣли на дѣло такъ просто: трое изъ нихъ предпочли выйти въ отставку... Впрочемъ, отставка ихъ послѣдовала лишь въ мартѣ 1867 года, когда выяснилось, что Дизраэли не только изготовилъ проектъ избирательной реформы болѣе либеральный, чѣмъ проектъ его предшественниковъ, но и готовъ идти на дальнѣйшія уступки въ томъ же направленіи, лишь бы удержать за собой власть.

Въ февралѣ 1867 года, вскорѣ послѣ открытія законодательной сессіи, Дизраэли сообщилъ парламенту въ общихъ чертахъ намѣренія правительства относительно избирательной реформы. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ правительство представило, наконецъ, свой проектъ. Не находя возможнымъ знакомить читателя съ подробностями этого билля, тѣмъ болѣе, что отъ многихъ изъ нихъ правительство поспѣшило отказаться въ виду вызванныхъ ими возраженій, скажемъ лишь, что въ общемъ проектъ предполагалъ увеличить число избирателей на 800000, т.-е. ровно вдвое болѣе того, что сулилъ сдѣлать погубленный консерваторами гладстоновскій билль. Лидеры либеральной партіи были возмущены такой безпринципностью своихъ противниковъ и подвергли билль рѣзкой критикѣ, требуя разныхъ измѣненій въ биллѣ въ смыслѣ дальнѣйшаго расширенія избирательныхъ правъ и облегченія всякихъ условій, регулирующихъ практическое осуществленіе этихъ правъ.

Особенно рѣшительнымъ и краснорѣчивымъ критикомъ былъ, конечно, Гладстонъ, причемъ правительство Дерби-Дизраэли сочло благоразумнымъ согласиться, въ концѣ концовъ, на большинство предложенныхъ имъ поправокъ. Однако, страсти въ парламентѣ очень разгорѣлись и, хотя уже наступилъ май [1]), комитетское разсмотрѣніе билля все еще не пришло къ концу.

Не менѣе велико было возбужденіе, охватившее всю страну: въ наиболѣе критическій моментъ разсмотрѣнія билля между 2 апрѣля и 7 мая въ разныхъ мѣстахъ Англіи состоялось болѣе 50 митинговъ, на которыхъ были вотированы резолюціи, выражавшія одобренія Гладстону за его стремленіе расширить рамки проектируемаго избирательнаго закона. Однимъ изъ самыхъ

1) Проектъ былъ внесенъ въ палату общинъ въ мартѣ.

замѣчательныхъ митинговъ этого періода былъ знаменитый митингъ, организованный 6 мая (1867 г.) вышеупомянутой Reform League въ Гайдъ-паркѣ, причемъ на этотъ разъ правительство не протестовало противъ выбора мѣста для митинга. Это было дѣйствительно нѣчто внушительное и грандіозное: толпа, по меньшей мѣрѣ, въ 200000 человѣкъ собралась, сохраняя полный порядокъ, выслушала ораторовъ, громко выражая имъ свое сочувствіе, и затѣмъ мирно разошлась, «не потревоживъ ни одного растенія, не задѣвъ ни одного листа» [1]), какъ говоритъ одинъ историкъ новѣйшей Англіи.

Такому исходу демонстраціи много содѣйствовали исключительный тактъ и хладнокровіе офицера, командовавшаго войсками, присланными для поддержанія порядка, и распорядительность полиціи, употребившей всѣ усилія для того, чтобы облегчить устройство демонстраціи регулированіемъ движенія по примыкающимъ къ парку улицамъ и другими аналогичными мѣрами [2]). Въ такихъ условіяхъ протекала политическая жизнь Англіи сорокъ лѣтъ тому назадъ, и притомъ въ то время, когда во главѣ правительства стояло консервативное министерство!...

Добившись согласія правительства на весьма значительное расширеніе избирательныхъ правъ населенія, Гладстонъ настоялъ на аналогичныхъ измѣненіяхъ и въ той части билля, которая имѣла задачей устраненіе многихъ рѣзкихъ несправедливостей и даже несообразностей въ распредѣленіи избирательныхъ участковъ. Такъ, напр., въ описываемое нами время въ Англіи было мѣстечко Кокермаусъ (Cockermouth), которое, насчитывая всего около 7000 жит., имѣло двухъ представителей въ парламентѣ, т.-е. столько же, сколько ихъ имѣлъ Ливерпуль, число жителей котораго доходило тогда до полумилліона! Согласно новому закону лишились особаго представительства 46 малонаселенныхъ мѣстечекъ, освободившіяся вслѣдствіе этого 52 вакансіи были предоставлены крупнымъ городамъ. Такимъ образомъ, получили право на третьяго представителя въ парламентѣ города Бирмингамъ, Манчестеръ, Ливерпуль и Лидсъ; число представителей отъ Лондона было увеличено на четыре. Заслуга этихъ важныхъ измѣненій, заходившихъ гораздо дальше того, что первоначально имѣло въ виду правительство, принадлежитъ также, главнымъ образомъ, Гладстону, что, конечно, еще выше подняло его и безъ того весьма значительную популярность среди рабочихъ классовъ, изъ которыхъ состояла главная масса населенія городовъ, получившихъ теперь большое вліяніе на составъ парламента.

Благодаря своевременнымъ и умѣлымъ уступкамъ Дизраэли, бывшаго, какъ мы знаемъ, лидеромъ палаты общинъ, билль о реформѣ прошелъ благополучно палату общинъ въ третьемъ чтеніи (15 іюля 1867 года) и былъ переданъ въ палату лордовъ. Здѣсь заботу о дальнѣйшей судьбѣ билля долженъ былъ

[1]) Herbert Paul, цит. сочин., т. III, 83.

[2]) См описаніе этого митинга однимъ изъ его участниковъ, Генри Бродгерстомъ, бывшимъ въ то время простымъ рабочимъ и впослѣдствіи занимавшимъ одно время постъ товарища министра. См. нашу брошюру, «Каменщикъ-министръ».

взять на себя первый министръ. Графъ Дерби пригласилъ къ себѣ на домъ до ста пэровъ своей, т.-е. консервативной, партіи (объ одобреніи билля либеральной партіей не приходилось безпокоиться) и объяснилъ имъ, что находитъ крайне желательнымъ, чтобы билль прошелъ палату лордовъ возможно скорѣе и съ возможно меньшимъ числомъ поправокъ. Въ случаѣ иного отношенія къ биллю или провала его лордъ Дерби грозилъ отставкой кабинета. Такая угроза не была лишней, такъ какъ отклоненіе министерскаго билля палатой лордовъ, какъ мы знаемъ, само по себѣ не влечетъ за собой потери власти кабинетомъ, для котораго обязательно лишь довѣріе нижней палаты. Лорды впрочемъ и сами прекрасно понимали, что означала бы отставка Дерби государственная власть перешла бы къ Росселю и Гладстону и вообще къ либеральной партіи, а это сулило не только внесеніе новаго, быть-можетъ, еще болѣе демократическаго проекта избирательной реформы, но и вслѣдъ за этимъ ряда другихъ аналогичныхъ биллей [1]).

Такая откровенная и ясная постановка вопроса въ сущности опредѣляла его рѣшеніе. Не удивительно поэтому, что билль прошелъ очень скоро и съ небольшими поправками палату лордовъ, хотя во время преній, занявшихъ все-таки нѣсколько дней, лорду Дерби пришлось наслушаться не мало упрековъ въ непостоянствѣ политическихъ взглядовъ,—упрековъ, раздававшихся со стороны членовъ его же партіи. Одинъ изъ недавнихъ его коллегъ, лордъ Карнарвонъ, отказавшійся въ мартѣ отъ портфеля министра колоній, заявилъ даже прямо собранію, что консерватизмъ правительства обратился въ «организованное лицемѣріе», т.-е. бросилъ въ лицо министерству тотъ самый упрекъ, который когда-то Дизраэли съ гораздо меньшимъ основаніемъ бросилъ сэру Роберту Пилю. Поправки лордовъ были почти всѣ отвергнуты палатой общинъ, билль вновь возвратился въ верхнюю палату и послѣ вторичнаго разсмотрѣнія лордами обратился, наконецъ, въ законъ въ началѣ августа (1867 г.), т.-е. почти черезъ полгода послѣ внесенія его въ парламентъ министерствомъ.

Итакъ, черезъ 35 лѣтъ послѣ великой парламентской реформы 1832 года Англія сдѣлала новый чрезвычайно важный шагъ въ сторону дальнѣйшей демократизаціи своей избирательной системы. Къ прежнимъ 1400000 избирателей было прибавлено еще около миллона, причемъ особенно важно было то обстоятельство, что новые голоса достались, главнымъ образомъ, городскому рабочему классу. Правда, до всеобщей подачи голосовъ было все еще далеко, но все-таки реформа составила весьма значительный шагъ въ этомъ направленіи: въ самомъ дѣлѣ, послѣ новаго закона политическія права оказались въ рукахъ почти половины взрослаго мужского населенія страны.

Ниже мы увидимъ, какое вліяніе это оказало на политическое развитіе Англіи. Теперь же мы посмотримъ, какъ это отразилось на ближайшей судьбѣ консервативнаго министерства, сумѣвшаго сдѣлать то, чего не

[1]) См. Herbert Paul, «History of Modern England», vol. III, p. 91.

смогла сдѣлать либеральная партія—провести избирательную реформу, составляющую цѣлую эпоху въ развитіи политическихъ учрежденій Англіи.

Лордъ Дерби и въ особенности Дизраэли, какъ вдохновитель министерства и лидеръ палаты общинъ, торжествовали: правда, они явились проводниками политики, принадлежащей въ сущности ихъ противникамъ, и довели дѣло до благополучнаго конца только благодаря невольной поддержкѣ этихъ противниковъ, но, тѣмъ не менѣе, они, а не ихъ противники находились у власти, пользовались проистекавшимъ отсюда вліяніемъ, весьма значительнымъ почетомъ и т. д. Парламентъ былъ распущенъ на вакаціи тотчасъ послѣ окончательнаго принятія избирательной реформы, и министерство могло долгіе мѣсяцы спокойно наслаждаться властью..

Однако, нѣкоторыя неожиданныя внѣшнія осложненія заставили правительство собрать парламентъ уже въ ноябрѣ (1867), чтобы получить его согласіе на кредиты, необходимые для экспедиціи въ Абиссинію, которая должна была освободить несправедливо арестованныхъ англичанъ. Кромѣ того, въ Ирландіи начались или, вѣрнѣе, обострились вѣчные тамъ безпорядки. Дѣло шло о принимавшемъ угрожающіе размѣры движеніи такъ наз. феніевъ, имѣвшихъ цѣлью поднять вооруженное возстаніе и добиться полнаго отдѣленія Ирландіи отъ Англіи... Однимъ словомъ, ирландскій вопросъ снова занялъ доминирующее положеніе въ политической жизни Англіи.

Между тѣмъ лорда Дерби, которому шелъ уже 70-ый годъ, постигла серьезная болѣзнь, заставившая опасаться за его жизнь и, во всякомъ случаѣ, лишившая его возможности руководить государственными дѣлами. Въ февралѣ 1868 года Дерби, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе, подалъ въ отставку, и королева поручила образованіе новаго министерства Дизраэли, какъ наиболѣе вліятельному члену кабинета Дерби, сумѣвшему, кстати сказать, благодаря своей ловкости, снискать весьма сильныя личныя симпатіи королевы. Впрочемъ, самое возвышеніе Дизраэли,—еврея по происхожденію, не располагавшаго ни большими средствами, ни значительными связями,—до самаго почетнаго и вліятельнаго положенія, какое только доступно англичанину, объясняется, помимо ума, остроумія, находчивости, громаднаго трудолюбія и значительныхъ ораторскихъ дарованій, также и ловкостью Дизраэли, умѣньемъ его вліять на людей, необыкновенной способностью къ интригѣ.

Въ общемъ составъ кабинета мало измѣнился, такъ какъ почти всѣ министры кабинета Дерби согласились сохранить свои портфели и при новомъ шефѣ. Такимъ образомъ, повидимому, можно было ожидать дальнѣйшаго продолженія ненормальнаго положенія, состоявшаго въ томъ, что правительственная власть находилась въ рукахъ людей, не располагавшихъ сколько-нибудь прочнымъ большинствомъ голосовъ въ парламентѣ.

Гладстонъ, который исполнялъ почетную и трудную роль лидера оппозиціи, весьма естественно желалъ прекратить такое положеніе и лишить власти Дизраэли. Ирландскія дѣла скоро дали ему для этого подходящій случай.

Надо сказать, что ирландцы имѣли много основаній для недовольства порядками управленія ихъ страной. Одной изъ наиболѣе осязательныхъ несообразностей въ этихъ порядкахъ было положеніе въ Ирландіи англиканской епископальной церкви. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ девять десятыхъ населенія Ирландіи были по своему вѣроисповѣданію католиками, господствующей, оффиціальной считалась въ Ирландіи англиканская церковь. На содержаніе англиканскихъ епископовъ и пасторовъ, изъ которыхъ многіе даже не жили въ Ирландіи,—такъ какъ англиканскія епархіи и приходы представляли собой большей частью совершенную фикцію за отсутствіемъ прихожанъ англиканскаго исповѣданія,—тратилось ежегодно до 6 милл. руб. Эти деньги получались частью отъ спеціальныхъ сборовъ съ иновѣрнаго населенія, частью отъ доходовъ съ церковныхъ имѣній, конфискованныхъ въ давнее время у мятежныхъ ирландскихъ аристократовъ.

Однимъ словомъ положеніе церкви въ Ирландіи было совершенно ненормальное и вызывало справедливое недовольство населенія. Гладстонъ рѣшилъ поднять этотъ вопросъ въ парламентѣ, будучи увѣренъ, что за нимъ пойдетъ вся либеральная партія, и что, съ другой стороны, Дизраэли не рѣшится пойти навстрѣчу этимъ требованіямъ либераловъ. Дизраэли въ самомъ дѣлѣ не могъ такъ поступить не потому, что этому мѣшали тѣ или иныя личныя его убѣжденія, а въ виду сознанія, что такой уступки, такого отступничества ему никогда не проститъ главная масса консерваторовъ, видѣвшихъ въ привилегированномъ положеніи англиканской церкви въ Ирландіи символъ верховенства англичанъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Гладстонъ въ мартѣ 1868 г., черезъ мѣсяцъ послѣ образованія новаго министерства, заявилъ въ парламентѣ о своемъ намѣреніи внести проектъ отдѣленія церкви и государства въ Ирландіи, Дизраэли рѣшительно протестовалъ противъ такой идеи. Вскорѣ онъ написалъ даже по этому поводу открытое письмо лорду Дартмаусу, гдѣ развивалъ мысль о «святости связи между государствомъ и церковью» и утверждалъ, что эта связь составляетъ «главный рычагъ нашей цивилизаціи и единственный оплотъ религіозной свободы» [1]).

Между тѣмъ въ концѣ апрѣля Гладстонъ внесъ въ парламентъ рядъ резолюцій, въ которыхъ предлагалъ народнымъ представителямъ высказать принципіальное сочувствіе дѣлу церковной реформы въ Ирландіи. Несмотря на рѣшительное противодѣйствіе правительства и консервативной партіи вообще, первая и важнѣйшая резолюція Гладстона послѣ преній, продолжавшихся нѣсколько дней, была принята большинствомъ 65 голосовъ. Дизраэли, такимъ образомъ, приходилось выходить въ отставку.

Королева, однако, не приняла его отставки. Во-первыхъ, она сама не сочувствовала реформѣ, предлагаемой Гладстономъ; кромѣ того, какъ мы говорили, она была лично очень расположена къ Дизраэли, относившемуся къ ней съ необыкновенной почтительностью, изучившему всѣ ея привычки,

[1]) Frank Bright, «History of England», vol. IV, 445.

вкусы и желанія!... Не желая разставаться съ первымъ министромъ, королева могла предложить ему въ качествѣ другого выхода изъ затруднительнаго положенія—распустить парламентъ и назначить новые выборы. Этимъ она предоставила бы самому народу или, по меньшей мѣрѣ, избирателямъ рѣшеніе возникшаго конфликта. Однако, нѣкоторыя особыя обстоятельства дали королевѣ предлогъ удержать на нѣкоторое время Дизраэли у власти, не распуская парламента. Дѣло въ томъ, что въ описываемое время (май 1868) парламентъ успѣлъ разсмотрѣть и утвердить только билль объ избирательной реформѣ въ собственной Англіи; аналогичные билли относительно Шотландіи и Ирландіи, гдѣ избирательная система имѣла значительныя видоизмѣненія, обусловливаемыя особенностями соціальнаго строя этихъ частей Соед. Королевства, находились въ разныхъ фазисахъ ихъ законодательнаго движенія, причемъ окончательное ихъ проведеніе черезъ парламентъ и введеніе въ дѣйствующее законодательство должно было занять еще около полугода. Такимъ образомъ, немедленный роспускъ парламента засталъ бы собственную Англію съ новымъ избирательнымъ закономъ, Шотландію же и Ирландію—съ системой выборовъ по закону 1832 г.

Таковы были соображенія, на основаніи которыхъ Дизраэли послѣ долгихъ бесѣдъ съ королевой предложилъ ей или принять тотчасъ его отставку, или оставить его во главѣ правительства до тѣхъ поръ, пока не будетъ завершена избирательная реформа, когда можно будетъ распустить парламентъ и назначить выборы, которые состоятся вездѣ по новому закону. Королева предпочла послѣдній выходъ и дала даже разрѣшеніе Дизраэли объяснить парламенту тѣ соображенія, которыми былъ вызванъ ея поступокъ [1]). 5 мая (1868) Дизраэли предсталъ передъ парламентомъ и указалъ народнымъ представителямъ общій характеръ своихъ переговоровъ съ королевой, давъ имъ ясно понять, что, оставаясь во главѣ правительства на нѣкоторое время, онъ принимаетъ альтернативу, которую нашла болѣе удобной королева.

Всѣ эти подробности весьма любопытны и важны съ ихъ принципіальной стороны. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ, во всякомъ случаѣ, показываютъ, что хотя англійскій король или, какъ въ данномъ случаѣ, королева, вообще говоря, играетъ сравнительно пассивную роль въ управленіи государствомъ, однако, въ разныя болѣе или менѣе критическія минуты, въ особенности въ періоды перехода власти отъ одного кабинета къ другому, личное мнѣніе короля, то или другое пониманіе потребностей и интересовъ государства можетъ имѣть весьма серьезное значеніе для всей страны, а тѣмъ болѣе, конечно, для борющихся въ парламентѣ партій.

Такъ было, напр., въ данномъ случаѣ. Хотя нѣкоторые и выражали недовольство по поводу того, что первый министръ не далъ королевѣ какого-либо опредѣленнаго совѣта, а предоставилъ на личное ея усмотрѣніе принятіе той или другой изъ поставленныхъ ей альтернативъ, большинство не могло

[1]) Sidney Lee, «Queen Victoria», 390.

не признать, что обстоятельства дѣйствительно были исключительныя, и что королевѣ нельзя отказать въ правѣ пользоваться своимъ умомъ и государственнымъ опытомъ для рѣшенія вопроса, который не подходилъ подъ обычныя категоріи и потому давалъ даже строго конституціонному главѣ государства извѣстную свободу дѣйствій.

Итакъ, волею королевы Дизраэли остался пока во главѣ правительства. Въ теченіе мая, іюня и іюля закончилось разсмотрѣніе биллей объ избирательной реформѣ въ Шотландіи и Ирландіи; 31 іюля парламентъ былъ распущенъ, и вскорѣ послѣдовало объявленіе о назначеніи новыхъ выборовъ на ноябрь.

Какъ и можно было ожидать, имѣя въ виду составъ новыхъ избирателей, состоявшихъ, какъ мы говорили, главнымъ образомъ, изъ городского рабочаго класса, соотношеніе партій въ парламентѣ значительно измѣнилось и притомъ, конечно, не въ пользу министерства. Въ самомъ дѣлѣ, на 393 либерала въ парламентъ попало лишь 265 консерваторовъ [1]). Въ судьбѣ министерства не могло быть никакихъ сомнѣній, и Дизраэли, не дожидаясь даже формальнаго созыва парламента, заявилъ королевѣ объ отставкѣ кабинета.

Своимъ поступкомъ Дизраэли внесъ новый элементъ въ систему традицій, изъ которыхъ, какъ мы знаемъ, состоитъ, главнымъ образомъ, славная англійская конституція. Эту новую традицію можно формулировать слѣдующимъ образомъ: министерство, распустившее парламентъ и назначившее новые выборы, должно выходить въ отставку, какъ только изъ хода выборовъ выяснится съ достаточной опредѣленностью, что оно, министерство, не можетъ разсчитывать на поддержку большинства членовъ новаго парламента. Поступая такимъ образомъ, т.-е. выходя въ отставку до начала сессіи новаго парламента, министры показываютъ, что они отнюдь не намѣрены пользоваться властью, которая въ сущности уже имъ не принадлежитъ, и что они не хотятъ отнимать времени у парламента на безполезныя, но, тѣмъ не менѣе, могущія затянуться надолго пренія по поводу формальнаго выраженія недовѣрія продолжающему пользоваться властью министерству.

Поступокъ Дизраэли, который, такимъ образомъ, демонстративно показывалъ свое равнодушіе къ власти, не могъ, конечно, ослабить общаго впечатлѣнія его прежняго образа дѣйствій, который, какъ мы знаемъ, характеризуется именно безпринципнымъ стремленіемъ удержать возможно болѣе ускользавшую изъ его рукъ власть, стремленіемъ, побудившимъ его, между прочимъ, провести весьма либеральную для своего времени избирательную реформу 1867 года.

---

[1]) Въ послѣднемъ парламентѣ, выбранномъ по старому закону, было 294 консерватора и 361 либералъ. Какъ мы знаемъ, часть послѣднихъ перешла впослѣдствіи въ оппозицію, усилила, такимъ образомъ, консервативную партію и дала ей возможность низвергнуть правительство.

ГЛАВА XVII.

Первое министерство Гладстона (1868—74), какъ эпоха важнѣйшихъ реформъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Получивъ отставку Дизраэли, королева могла обратиться съ предложеніемъ составить новое министерство только къ Гладстону, какъ къ наиболѣе популярному и вліятельному члену либеральной партіи и лидеру оппозиціи въ послѣднемъ парламентѣ. Ей пришлось такъ поступить, хотя она лично Гладстону не симпатизировала или, вѣрнѣе, перестала ему симпатизировать [1]) съ тѣхъ поръ, какъ онъ заявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ болѣе или менѣе радикальныхъ воззрѣній или, по крайней мѣрѣ, считавшихся таковыми королевой.

Располагая такимъ большинствомъ въ парламентѣ, какого не имѣло ни одно либеральное министерство послѣ выбора перваго парламента на основаніи закона 1832 г., Гладстонъ рѣшилъ провести цѣлый рядъ реформъ, причемъ въ первую голову пустилъ билль объ упраздненіи господствующей церкви въ Ирландіи и вообще прекращеніи всякой связи между государствомъ и какой-либо церковью въ этой части Соединеннаго Королевства.

Мы уже указывали на совершенную несообразность существованія въ Ирландіи оффиціальной англиканской епископальной церкви и притомъ не только оффиціальной, но и единственной, признаваемой оффиціально правительствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, только іерархія англиканской епископальной церкви въ Ирландіи—епископы и пасторы—была обезпечена жалованьемъ и подесятиннымъ сборомъ, взимаемымъ со всего населенія гражданскими властями, хотя это населеніе въ огромномъ большинствѣ случаевъ состояло изъ католиковъ. Католическое духовенство должно было довольствоваться добровольными приношеніями вѣрующихъ.

Королева не сочувствовала этой реформѣ; такимъ же образомъ относилось къ вопросу объ отдѣленіи церкви и государства въ Ирландіи большинство англійской аристократіи и высшихъ классовъ вообще. Желая убѣдить королеву, Гладстонъ часто и подолгу бесѣдовалъ съ ней по этому поводу и составилъ даже для нея чрезвычайно обширный меморандумъ съ подробнымъ и всестороннимъ изложеніемъ вопроса. Королева съ большимъ трудомъ одолѣла очень длинную и запутанную аргументацію Гладстона, но все-таки не измѣнила своихъ взглядовъ. Видя, однако, настойчивость Гладстона, зная, что

---

[1]) Читатель, вѣроятно, помнитъ, какъ королева и ея мужъ привѣтствовали необычайный успѣхъ Гладстона какъ министра финансовъ, когда онъ былъ членомъ кабинета лорда Эбердина.

именно изъ-за этого вопроса было низвергнуто министерство Дизраэли, королева считала себя, какъ конституціонную государыню парламентарнаго государства, обязанной оказать необходимую помощь своему оффиціальному совѣтнику, какъ лицу, уполномоченному парламентомъ управлять государствомъ и нести за это главную отвѣтственность. Помощь ея выразилась, между прочимъ, въ томъ, что она пригласила къ себѣ примаса англиканской церкви, архіепископа Кэнтерберійскаго, съ которымъ была въ очень хорошихъ личныхъ отношеніяхъ, и просила его оказать поддержку Гладстону въ палатѣ лордовъ, когда туда поступитъ билль объ отдѣленіи церкви и государства въ Ирландіи.

Въ мартѣ (1869 г.), вскорѣ послѣ начала парламентской сессіи, Гладстонъ внесъ билль, согласно которому съ 1871 года должна была прекратить свое оффиціальное существованіе въ Ирландіи господствовавшая тамъ епископальная церковь. Билль разрѣшалъ извѣстнымъ образомъ массу разнообразныхъ вопросовъ, которые должны были возникнуть при проведеніи въ жизнь этой въ высшей степени важной реформы. Само собой разумѣется, что столь радикальный проектъ вызвалъ множество возраженій въ палатѣ общинъ. Однако, въ концѣ концовъ, онъ былъ все-таки принятъ въ маѣ въ третьемъ чтеніи большинствомъ 114 голосовъ.

1 іюня билль поступилъ въ палату лордовъ. На 14 іюня было уже назначено второе чтеніе билля, которое должно было рѣшить его участь. За недѣлю передъ тѣмъ, консервативные перы собрались въ домѣ герцога Мальбру и рѣшили провалить билль. Когда это стало извѣстно частнымъ образомъ королевѣ, жившей въ то время въ Балморальскомъ дворцѣ [1]), она вновь обратилась къ архіепископу Кэнтерберійскому. Она написала ему собственноручное письмо и отправила его съ генераломъ Греемъ. Откровенно высказавъ, что она сама весьма сожалѣетъ, что Гладстонъ поднялъ весь этотъ вопросъ о положеніи церкви въ Ирландіи, королева въ то же время сообщала, что она была бы крайне огорчена и обезпокоена, если бы лорды отвергли билль. «Вѣдь, этотъ билль—писала королева — прошелъ огромнымъ большинствомъ палату общинъ, которая была выбрана именно по поводу разногласія между партіями по этому вопросу. Повидимому, нельзя ожидать,—прибавляла королева,—чтобы результатъ получился иной, если бы народу вновь пришлось высказаться по тому вопросу» (т.-е., если бы парламентъ былъ распущенъ, и назначены новые выборы). Королева написала также письмо лорду Дерби, престарѣлому вождю консервативной партіи, болѣзнь котораго послужила причиной занятія поста перваго министра Дизраэли въ февралѣ 1866 г. Здѣсь, однако, королева встрѣтила рѣшительный отказъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ, какъ это показала роль Дерби при обсужденіи билля въ палатѣ лордовъ [2]).

Роковой моментъ, наконецъ, насталъ. Четыре дня подъ рядъ продолжа-

---

[1]) Въ Шотландіи.

[2]) См. обо всемъ этомъ цитированныя біографіи Гладстона (т. II) и королевы Викторіи.

лись чрезвычайно жаркія пренія. Архіепископъ Кэнтерберійскій заявилъ, что онъ не желаетъ брать на себя той серьезной отвѣтственности, которая должна пасть на всѣхъ тѣхъ, кто идетъ наперекоръ очевидному желанію народа. Однако, большинство епископовъ не послѣдовало примѣру архіепископа и рѣзко напало на билль. Лордъ Дерби назвалъ даже билль актомъ политическаго безумія и нравственной тупости. Однако, защитники билля сумѣли выяснить всю его разумность и цѣлесообразность, равно какъ и несправедливость существовавшаго порядка, составлявшаго одну изъ основныхъ причинъ не прекращавшихся волненій въ Ирландіи. Въ концѣ концовъ, при голосованіи билль прошелъ во второмъ чтеніи большинствомъ 33 голосовъ (179 противъ 146). Это было въ пятомъ часу утра 19 іюня (1869).

Пропустивъ билль во второмъ чтеніи, многіе лорды, когда наступило время третьяго чтенія, ввели въ него рядъ весьма существенныхъ поправокъ, которыя сводили билль къ реформѣ чисто внѣшняго характера. Такимъ образомъ, когда билль 15 іюля вернулся въ палату общинъ, онъ былъ искаженъ до неузнаваемости. Гладстонъ былъ внѣ себя; по его предложенію палата отклонила, одну за другой, почти всѣ поправки лордовъ Люди должны жить на воздушномъ шарѣ, сказалъ, между прочимъ, Гладстонъ, чтобы такъ мало помнить, чего ждетъ, чего требуетъ страна отъ своихъ законодателей.

Хотя упоминаніе о воздушномъ шарѣ не мало раздражило лордовъ, они все-таки, получивъ назадъ билль почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ пришелъ къ нимъ въ первый разъ изъ палаты общинъ, не рѣшились довести дѣло до прямого разрыва и, въ концѣ концовъ, пропустили билль, сдѣлавъ въ немъ лишь незначительныя измѣненія, на которыя правительство дало охотно свое согласіе.

Архіепископъ Кэнтерберійскій немало содѣйствовалъ благополучному исходу конфликта. Мы знаемъ въ то же время, что архіепископъ взялъ на себя эту роль лишь благодаря настойчивымъ просьбамъ королевы, оказавшей, такимъ образомъ, своему первому министру серьезную услугу въ такомъ дѣлѣ, которому она лично не сочувствовала. Такова одна изъ особенностей парламентарнаго режима, какъ онъ понимается и практикуется въ современной намъ Англіи! Какъ это далеко отъ тѣхъ порядковъ управленія которые, какъ мы знаемъ, существовали въ той же Англіи за сто лѣтъ передъ тѣмъ, во времена Георга III, и какъ это далеко также отъ того конституціоннаго режима, который существуетъ въ современной намъ Германіи!

Покончивъ съ вопросомъ о положеніи епископальной церкви въ Ирландіи и устранивъ этимъ одно изъ вопіющихъ золъ этой несчастной страны, Гладстонъ отважился посягнуть и на земельные порядки въ Ирландіи. Надо сказать, что до тѣхъ поръ ирландское земельное законодательство имѣло, повидимому, одну цѣль—охрану интересовъ ландъ-лордовъ, т.-е. крупныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти единственныхъ земельныхъ собственниковъ въ Ирландіи. Эти ландъ-лорды жили, въ большинствѣ случаевъ, въ Англіи и заботились только объ аккуратномъ полученіи арендныхъ денегъ и о возможномъ увеличеніи

размѣра арендной платы, причемъ этимъ дѣломъ занимались, конечно, наемные управляющіе.

Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности своеобразнаго экономическаго уклада Ирландіи [1]), скажемъ лишь по поводу затронутаго нами отдѣльнаго вопроса, что основнымъ зломъ земельныхъ отношеній въ Ирландіи было то обстоятельство, что по издавна заведенному обычаю арендаторы не имѣли никакихъ контрактовъ съ ландъ-лордами. Поэтому арендаторовъ можно было въ любое время выселить съ занимаемой ими земли; между тѣмъ, въ такомъ положеніи находилось почти все сельское населеніе Ирландіи. Мало того: хотя ландъ-лорду принадлежала только земля, ему же считались принадлежащими всякія возводимыя на землѣ постройки, и за нимъ же признавалось безусловное право собственности на всѣ улучшенія, произведенныя арендаторомъ. Такимъ образомъ, если арендаторъ путемъ усиленнаго труда и не малыхъ для него затратъ улучшилъ снимаемый имъ участокъ, ландъ-лордъ могъ въ любое время поднять цѣну аренды и даже просто передать участокъ другому лицу, не заплативъ ни гроша прежнему арендатору.

Согласно земельному проекту (Land-Bill) Гладстона ландъ-лордъ не могъ выселять арендатора иначе, какъ за неплатежъ арендныхъ денегъ; во всѣхъ другихъ случаяхъ ландъ-лордъ обязанъ былъ при выселеніи съ арендуемаго участка возмѣстить арендатора за причиняемые этимъ убытки, а также и за тѣ постройки и всякія иныя улучшенія, которыя были сдѣланы арендаторомъ. Кромѣ того, правительство обѣщало денежную помощь арендаторамъ, которымъ удалось бы придти къ соглашенію съ ландъ-лордами о продажѣ въ собственность арендуемыхъ у нихъ участковъ.

Трудно описать то негодованіе, которое произвело въ рядахъ поземельной аристократіи это посягательство Гладстона на «священную собственность», это первое серьезное ограниченіе всевластія ирландскихъ ландъ-лордовъ, первый рѣшительный шагъ въ защиту обездоленнаго ирландскаго крестьянства. Однако, общественное мнѣніе всѣхъ другихъ классовъ было рѣшительно на сторонѣ Гладстона, и, хотя билль вызвалъ въ палатѣ общинъ массу возраженій, и обсужденіе его продолжалось около трехъ мѣсяцевъ, въ концѣ концовъ, онъ былъ вотированъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ. Это единодушіе нижней палаты показало лордамъ, какъ безполезно было бы ихъ противодѣйствіе земельному биллю, который поэтому, хотя, конечно, не безъ энергичныхъ протестовъ завзятыхъ реакціонеровъ, прошелъ очень скоро верхнюю палату и въ февралѣ 1870 года былъ подписанъ королевой.

Принципіальное значеніе великаго акта 1870 года было громадно, такъ какъ въ основѣ его лежало признаніе того факта, что ландъ-лордъ не имѣетъ безусловнаго, неограниченнаго права собственности на свои земельныя владѣнія, и что извѣстныя права на землю принадлежатъ и арендующимъ ее изъ по-

[1]) См. обо всемъ этомъ входящее въ настоящую серію сочиненіе проф. Афанасьева «Исторія Ирландіи», и соч. проф. Мануилова, «Аренда земли въ Ирландіи», 1895.

колѣнія въ поколѣніе крестьянамъ. Земельный актъ составилъ первый актъ въ томъ направленіи, которое должно было привести, мало-по-малу, къ радикальному измѣненію всего характера земельныхъ отношеній въ Ирландіи [1]).

Произошло это, однако, какъ мы сказали, лишь мало по-малу, и серьезные результаты акта проявились только значительно позже. Первыя же ближайшія практическія послѣдствія ирландскаго земельнаго акта были не особенно значительны. Это произошло отчасти отъ того, что ландъ-лорды сумѣли обойти нѣкоторыя статьи закона, отчасти отъ того, что тѣ же ландъ-лорды, вообще говоря, рѣшительно отказывались отъ продажи сдаваемыхъ ими въ аренду участковъ. Имѣли тутъ вліяніе и другія второстепенныя причины, на которыхъ мы, къ сожалѣнію, не находимъ возможнымъ останавливаться.

Если мы на ряду съ этимъ вспомнимъ. что бѣды Ирландіи были велики и многообразны, то мы не удивимся, что двѣ только-что указанныя мѣры при всей ихъ принципіальной важности не могли успокоить Ирландію и разомъ прекратить агитацію феніевъ. Поэтому, при всемъ личномъ нерасположеніи къ такимъ мѣрамъ, Гладстону пришлось въ томъ же 1870 г. просить у парламента особыхъ полномочій для ирландской администраціи, что облегчитъ ей борьбу со все еще мятежнымъ настроеніемъ значительныхъ группъ населенія Ирландіи

Итакъ, уступки, сдѣланныя ирландцамъ, не успокоили ихъ, а заставили только формулировать болѣе опредѣленно свои требованія, основой которыхъ было предоставленіе Ирландіи автономіи. Такова, по крайней мѣрѣ, была задача организованнаго въ 1870 г. общества, принявшаго названіе Home Government Association, измѣненнаго впослѣдствіи (1873) во всемірно извѣстную Home Rule League, т.-е. Лиги для достиженія автономіи (Гумруль).

Никто не можетъ сказать, что произошло бы въ Ирландіи, если бы Гладстонъ не провелъ черезъ парламентъ двухъ указанныхъ нами важныхъ мѣръ. Между тѣмъ тотъ фактъ, что онъ этими мѣрами не достигъ успокоенія Ирландіи, значительно усилилъ число его политическихъ противниковъ и придалъ извѣстный авторитетъ ихъ словамъ.

Къ числу важнѣйшихъ законовъ, изданныхъ въ первое министерство Гладстона, относится великій актъ о начальномъ образованіи (Elementary Education Act), внесенный въ парламентъ въ февралѣ 1870 г. министромъ народнаго просвѣщенія Форстеромъ. Впрочемъ, званіе министра народнаго просвѣщенія учреждено въ Англіи только въ 1899 г.; въ описываемое нами время лицо, которому принадлежало высшее руководительство дѣломъ народнаго образованія, носило нѣсколько странный титулъ вице-президента комитета по народному образованію при Тайномъ Совѣтѣ [2]).

---

[1]) «Ирландскій земельный актъ 1870 года—выразился извѣстный историкъ Лекки—представляетъ по своимъ послѣдствіямъ одну изъ самыхъ важныхъ мѣръ XIX вѣка». Цитировано въ сочиненіи Morley, «Life of Gladstone», vol. II, 281.

[2]) См. наши книги объ англійской школѣ.

Надо сказать, что общее положеніе англійской начальной школы—такъ какъ о ней только пока идетъ рѣчь—было весьма своеобразно и въ то же время весьма не удовлетворительно. Парламентъ ежегодно ассигновывалъ до 10 милл. руб. на начальное образованіе, но деньги эти выдавались въ видѣ субсидій двумъ главнымъ народообразовательнымъ обществамъ пропорціонально числу учащихся и степени успѣшности преподаванія [1]). Это послѣднее, т.-е. успѣшность преподаванія, опредѣлялось посредствомъ экзаменовъ, производимыхъ инспекторами народныхъ школъ—единственными лицами, состоявшими на службѣ правительства и ему подчиненными. Какъ мы уже имѣли случай говорить, эти два общества были такъ наз. Національное Общество, которое находилось въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ господствующей епископальной церковью и считало одной изъ главныхъ своихъ задачъ воспитаніе дѣтей въ духѣ англиканскаго исповѣданія, и такъ наз. Британское Общество, которое, помимо свѣтскаго образованія, давало дѣтямъ общее религіозное наставленіе путемъ чтенія Библіи и Евангелія безъ разсмотрѣнія чисто-догматическихъ вопросовъ, какъ онѣ понимаются тѣмъ или инымъ исповѣданіемъ христіанства. Это послѣднее общество имѣло цѣлью удовлетворить потребность въ образованіи дѣтей весьма многочисленныхъ въ Англіи диссидентовъ, т.-е лицъ, не принадлежащихъ къ епископальному исповѣданію. Взаимное соперничество двухъ названныхъ обществъ, за которыми стояли и которыхъ поддерживали—особенно первое—весьма вліятельные и обширные слои населенія, все еще не позволяло правительству взять на себя болѣе активную роль въ дѣлѣ распространенія начальнаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, первый же вопросъ, который при этомъ пришлось бы рѣшать такъ или иначе, заключался въ организаціи религіознаго обученія въ правительственныхъ школахъ, а найти какое-нибудь рѣшеніе, способное помирить два враждующихъ направленія, оказалось пока невозможнымъ.

Посмотримъ, однако, какихъ результатовъ въ дѣлѣ распространенія начальнаго образованія достигла въ описываемое нами время частная иниціатива при содѣйствіи правительственныхъ субсидій.

Изъ приблизительно 4.300.000 дѣтей, находившихся въ 1869 г. въ возрастѣ отъ 5 до 13 лѣтъ, въ школахъ училось около 2.300.000, т.-е. болѣе половины. Изъ 2.300.000 учившихся дѣтей 1.300.000 посѣщали школы того или другого изъ названныхъ выше обществъ; содержаніе всѣхъ этихъ школъ обходилось въ годъ около 16 мил. руб., причемъ эта довольно значительная для того времени сумма слагалась почти въ равной долѣ изъ правительственной субсидіи, платы за ученье и добровольныхъ пожертвованій частныхъ лицъ.

Какъ видимъ, частная иниціатива въ занимающемъ насъ вопросѣ была чрезвычайно дѣятельна. Однако, несмотря на это. до 2.000.000 дѣтей по

[1]) Выше мы изложили, какимъ образомъ дѣло начальнаго образованія оказалось въ рукахъ частныхъ обществъ. См. главу IX.

той или иной причинѣ въ школу не попадали; на ряду съ этимъ въ школахъ, которыя допускали инспекцію правительства и, слѣдовательно,—такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло стояло и стоитъ въ Англіи — могли получать субсидію, числилось свободныхъ мѣстъ почти на $^3/_4$ милліона дѣтей.

Какъ же было добиться, чтобы эти свободныя мѣста были заняты, и чтобы, кромѣ того, было построено необходимое число новыхъ школъ для остальныхъ дѣтей?

Значительное увеличеніе числа избирателей послѣ реформы 1867 года, привлекшей къ участію въ выборахъ главную массу городского рабочаго класса, поставило весьма остро указанный вопросъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи. Въ это время возникло нѣсколько новыхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью пропаганду того или иного рѣшенія этого кардинальнаго вопроса. Одно изъ нихъ, Birmingham Education League, состоявшее изъ людей радикальнаго образа мыслей, предлагало организовать обязательное, безплатное и чисто-свѣтское начальное образованіе, предоставивъ религіозное обученіе и воспитаніе всецѣло заботамъ семьи и церкви.

Столь радикальное рѣшеніе не могло, конечно, встрѣтить поддержки среди консервативныхъ, все еще весьма вліятельныхъ круговъ общества; къ тому же такое рѣшеніе мало согласовалось со свойственнымъ англичанамъ духомъ компромисса. Указанный же выше билль Форстера представлялъ именно удачный компромиссъ между болѣе или менѣе прекрасными идеалами и наличной дѣйствительностью. Поэтому, хотя онъ вызвалъ массу возраженій и отнялъ немало времени у парламента, тѣмъ не менѣе, онъ въ общемъ удовлетворилъ парламентъ и претерпѣлъ тамъ сравнительно мало измѣненій. Принимая во вниманіе вышеизложенное, мы опишемъ ту организацію начальнаго образованія, которая была создана великимъ актомъ 1870 года.

Во-первыхъ, вся Англія была раздѣлена на школьные участки, въ каждомъ изъ которыхъ мѣстное населеніе получило право прямымъ и почти всеобщимъ голосованіемъ выбирать такъ наз. школьный комитетъ. Школьные комитеты, которымъ законъ предоставилъ широкую самостоятельность, были обязаны, во-первыхъ, установить число дѣтей школьнаго возраста въ своемъ участкѣ и число тѣхъ изъ нихъ, которыя обучались въ субсидируемыхъ и инспектируемыхъ школахъ, т.-е. въ такихъ школахъ, которыя вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ были наиболѣе дешевы и потому сравнительно доступны главной массѣ населенія. Если такихъ школъ оказывалось недостаточно, то школьный комитетъ имѣлъ право и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанность строить собственныя школы, получая на содержаніе ихъ субсидіи отъ правительства на условіяхъ, одинаковыхъ съ частными инспектируемыми школами. Школьные комитеты могли, кромѣ того, дополнять эти субсидіи средствами, получаемыми путемъ взиманія со всего мѣстнаго населенія особаго школьнаго налога, устанавливаемаго школьнымъ комитетомъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это оказалось бы нужнымъ. Школьные комитеты могли также взимать съ учащихся извѣстную минимальную плату, освобождая отъ нея всѣхъ дѣтей недостаточныхъ родителей. Школьные комитеты могли также вовсе не взимать съ дѣтей платы, если бы это оказалось необхо-

димымъ или желательнымъ. Равнымъ образомъ, школьному комитету—или, вѣрнѣе, выбирающему этотъ комитетъ населенію—было представлено право дѣлать въ своемъ участкѣ посѣщеніе начальныхъ школъ обязательнымъ.

Что касается религіознаго обученія, то опять-таки школьному комитету было предоставлено право или вовсе устранять изъ школы преподаваніе Закона Божія, или устанавливать такъ наз. неконфессіональное (unsectarian) преподаваніе Закона Божія, состоящее, какъ мы сказали, изъ чтенія Библіи и Евангелія съ такими лишь объясненіями, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ догматамъ того или иного отдѣльнаго христіанскаго исповѣданія. Родители имѣли, однако, право не посылать своихъ дѣтей на эти уроки, почему эти послѣдніе надлежало назначать въ началѣ или въ концѣ классныхъ занятій.

Изъ всего этого видно, что англійское правительство рѣшило употребить всѣ мѣры къ поднятію образованія народной массы и стремилось обезпечить успѣхъ этого великаго дѣла обращеніемъ къ самодѣятельности мѣстнаго населенія, давая ему въ руки обширныя денежныя средства и оставляя за нимъ широкую свободу дѣйствій. Кромѣ того, созидая новое, правительство отнюдь не желало уничтожить того, что существовало уже ранѣе. И послѣ учрежденія школьныхъ комитетовъ частныя школы, подчиняющіяся надзору инспекторовъ, продолжали пользоваться субсидіей отъ центральнаго правительства наравнѣ со школами комитетскими или, какъ мы, русскіе, сказали бы, земскими. Число частныхъ субсидируемыхъ школъ послѣ изданія закона 1870 г. не только не уменьшилось, но, напротивъ, быстро увеличилось, чему способствовало соревнованіе между этими школами и школами, основанными мѣстными властями.

Результаты закона 1870 г. были громадны: менѣе чѣмъ черезъ девять лѣтъ (къ 1879 г.) число мѣстъ въ школахъ удвоилось и дошло до 3.500.000. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ школьные комитеты затратили на постройку школьныхъ зданій около 80 мил. руб.; за тотъ же періодъ вышеназванными двумя обществами («Національнымъ» и «Британскимъ») было затрачено на тотъ же предметъ до 30 мил. руб. Тщетно было бы искать въ исторіи какой-либо другой европейской страны параллельнаго примѣра щедрости частныхъ лицъ на дѣло, которое, имѣя крупное національное значеніе, не можетъ никому принести личной пользы.

Тогда какъ въ 1868 г. субсидіи центральнаго правительства на инспектируемыя имъ начальныя школы въ общемъ едва превышали 5 милл. руб., въ 1876 г. центральное правительство тратило на это дѣло около 15 милл. руб., да школьные комитеты взимали съ населенія въ видѣ мѣстнаго школьнаго налога до 4 милл. руб.

Мы говоримъ языкомъ цифръ, такъ какъ это даетъ намъ возможность представить наиболѣе осязательнымъ образомъ огромные результаты великаго акта о начальномъ образованіи, съ которымъ навсегда связаны имена Гладстона и Форстера.

Организація средняго образованія въ Англіи настолько сложна и ориги-

нальна, что было бы тщетно пытаться дать о ней нѣкоторое понятіе въ немногихъ словахъ [1]). Скажемъ лишь, что министерство Гладстона оставило послѣ себя прочную память и въ области средней школы: въ 1869 г. правительство учредило особую постоянную исполнительную комиссію (Endowed School Commission), которая занялась пересмотромъ уставовъ многихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ цѣлью привести эти уставы въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ нуждами мѣстнаго населенія и съ запросами общественной и частной жизни нашего времени.

Въ области высшаго образованія въ Англіи были также весьма серьезные недочеты. Наиболѣе бросались въ глаза тѣ стѣсненія, которыми все еще было обставлено полученіе нѣкоторыхъ ученыхъ степеней въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ лицами, не принадлежавшими къ англиканскому исповѣданію На ряду съ этими стѣсненіями существовали иныя, напр., невозможность для лицъ послѣдней категоріи попасть въ число стипендіатовъ, въ число оставленныхъ при университетѣ или въ составъ учащаго персонала.

Два раза—въ 1869 и въ 1870 гг.—Гладстонъ вносилъ въ парламентъ законопроекты, уничтожившіе только-что указанныя ограниченія диссидентовъ (какъ называются въ Англіи всѣ лица неангликанскаго исповѣданія), но каждый разъ законопроекты погибали въ палатѣ лордовъ. Только при повтореніи попытки въ третій разъ—въ 1871 г.—лорды сочли благоразумнымъ уступить.

Наконецъ, къ описываемому нами времени—къ эпохѣ перваго министерства Гладстона—относится зарожденіе великаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ University Extension Movement или, иначе, движенія къ распространенію университетскихъ знаній въ широкихъ кругахъ народа. Какъ извѣстно, это движеніе оказалось въ высшей степени успѣшнымъ и благотворнымъ и послужило примѣромъ, которому вскорѣ стали подражать другія страны Европы. Однако, оно нигдѣ не нашло для себя столь благопріятной почвы, какъ въ Англіи.

Стремленіе къ демократизаціи науки и всякаго рода знаній вообще потеряло бы значительную часть своей цѣны, если бы на ряду съ этимъ не были произведены другія реформы, облегчавшія для всѣхъ примѣненіе своихъ знаній и способностей. Государственная служба во всѣхъ странахъ и въ томъ числѣ въ Англіи кажется для многихъ весьма привлекательной, хотя все-таки по разнымъ причинамъ стремленіе къ государственной службѣ въ Англіи значительно меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Какъ бы то ни было, до описываемаго нами времени государственныя должности давались въ Англіи, главнымъ образомъ, по протекціи, хотя съ 1855 г. былъ заведенъ порядокъ подвергать соотвѣтственному испытанію лицъ, которыми предполагалось замѣстить ту или иную вакансію. Намъ, русскимъ, лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстны, какія вредныя послѣдствія влечетъ за собою такое замѣщеніе должности по протекціи, хотя у насъ, правда, этотъ вредъ не ослабляется ни не-

[1]) См. нашу книгу, «Очеркъ исторіи и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи».

обходимостью экзамена, ни развитымъ чувствомъ нравственной отвѣтственности у начальствующихъ или подчиненныхъ лицъ, ни дѣятельнымъ и хорошо освѣдомленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, которое можетъ сдерживать наиболѣе уродливыя проявленія фаворитизма и протекціи.

Съ 1871 г. въ силу закона, внесеннаго въ парламентъ Гладстономъ въ 1870 г и парламентомъ принятаго, въ Англіи всѣ или, вѣрнѣе, огромное большинство гражданскихъ должностей замѣщаются кандидатами, наиболѣе успѣшно выдержавшими особый экзаменъ—различный для разнаго рода должностей и неодинаковый для лицъ, претендующихъ на болѣе отвѣтственныя должности и на должности менѣе отвѣтственныя. Экзаменъ производится спеціальной комиссіей (Civil Service Commission), причемъ испытанія происходятъ публично, а экзаменаторами состоятъ лица съ національнымъ научнымъ и профессіональнымъ авторитетомъ.

Необыкновенное возвышеніе Германіи, какъ слѣдствіе ея чрезвычайно успѣшной войны съ Франціей, вызвало въ Англіи вопросъ о приведеніи арміи въ уровень съ требованіями времени. Не отказываясь отъ существовавшей издавна системы образованія арміи путемъ найма молодыхъ волонтеровъ, правительство значительно сократило срокъ дѣйствительной службы волонтеровъ и ввело послѣдующее зачисленіе въ запасъ. Этимъ была достигнута возможность быстраго увеличенія арміи въ случаѣ возникновенія войны. Главнокомандующій арміей (каковымъ часто назначалось лицо королевской семьи), который ранѣе былъ подчиненъ только монарху, теперь былъ подчиненъ военному министру, а черезъ послѣдняго кабинету министровъ и контролирующему самый кабинетъ парламенту. Въ это же время былъ уничтоженъ архаическій обычай покупки чиновъ въ арміи, который былъ весьма удобенъ и выгоденъ аристократіи. Послѣднимъ двумъ реформамъ королева лично не сочувствовала, но, тѣмъ не менѣе, подписала указъ о подчиненіи главнокомандующаго военному министру, когда Гладстонъ сталъ рѣшительно на этомъ настаивать. Для отмѣны покупки чиновъ въ арміи Гладстонъ внесъ въ парламентъ соотвѣтственный законопроектъ, который, пройдя нижнюю палату, встрѣтилъ упорное и, повидимому, непреодолимое сопротивленіе лордовъ. Убѣдившись, что отъ лордовъ ждать уступокъ нельзя, Гладстонъ предложилъ королевѣ уничтожить покупку чиновъ личнымъ указомъ, такъ какъ по наведеннымъ историческимъ справкамъ оказалось, что этотъ обычай имѣетъ въ основѣ не законъ, а также только королевскій указъ. И въ этомъ случаѣ королева поступила такъ, какъ этого желалъ ея первый министръ; хотя, какъ мы говорили, она лично не сочувствовала реформѣ, тѣмъ не менѣе, она подписала соотвѣтственный высочайшій указъ. Впрочемъ, изданіе такого высочайшаго указа ей было даже лестно, какъ чрезвычайно эффектное проявленіе одной изъ прерогативъ королевской власти.

Только-что описанный эпизодъ весьма интересенъ и важенъ съ принципіальной своей стороны: онъ показываетъ, какъ мало заинтересованы государственные дѣятели Англіи въ уменьшеніи прерогативъ королевской власти. Даже болѣе того: прерогативы королевской власти только усиливаютъ

власть кабинета министровъ и косвенно самого парламента, дающаго необходимую опору кабинету. Въ самомъ дѣлѣ, министры, пользуясь своимъ вліяніемъ въ парламентѣ, имѣютъ возможность не только проводить законодательныя и иныя мѣропріятія, требующія согласія народныхъ представителей, но и совершать другія реформы путемъ изданія именемъ короля указовъ по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые считаются относящимися къ области верховнаго управленія и составляютъ такъ наз. «королевскую прерогативу». Вѣдь пользованіе королевой (теперь королемъ) этой своей прерогативой происходитъ также согласно «совѣту» отвѣтственнаго передъ парламентомъ министерства [1]).

Къ достопамятной эпохѣ перваго министерства Гладстона относится изданіе такъ наз. Ballot Act, т.-е. закона о тайной подачѣ голосовъ, реформы, составлявшей, какъ, можетъ-быть, помнитъ читатель, одинъ изъ пунктовъ народной хартіи. Теперь намъ кажется страннымъ, какъ англичане могли такъ долго сохранять открытую подачу голосовъ, между тѣмъ въ числѣ защитниковъ открытаго голосованія было немало выдающихся людей и даже людей съ болѣе или менѣе славнымъ именемъ. Къ числу сторонниковъ открытаго голосованія принадлежали, напр., Джонъ Стюартъ Милль и долгое время самъ Гладстонъ. Такіе люди утверждали, что открытая подача голосовъ — единственный способъ вотированія, достойный человѣка съ честнымъ, прямымъ, независимымъ характеромъ, и что, наоборотъ, тайную подачу голосовъ можно приравнять къ поступку человѣка, дѣйствующаго изъ-за угла.

Если Милль и другіе подобные ему люди могли искренно заблуждаться въ этомъ вопросѣ, то лорды и вообще большинство сильныхъ міра сего отстаивали тотъ же взглядъ по совершенно другимъ побужденіямъ, объяснять которыя мы считаемъ совершенно излишнимъ, такъ какъ этотъ вопросъ былъ достаточно освѣщенъ русскими публицистами, когда у насъ стали на очередь вопросы избирательнаго права.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что наши читатели едва ли удивятся тому, что лорды провалили билль о тайной подачѣ голосовъ, когда онъ поступилъ къ нимъ изъ палаты общинъ (въ 1871 году). Не смущаясь этимъ, Гладстонъ внесъ тотъ же билль въ слѣдующемъ году и добился того, что лорды уступили, утвердивъ, правда, билль лишь въ качествѣ временной мѣры на восемь лѣтъ. Скажемъ, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, что по истеченіи этого срока законопроектъ о тайномъ голосованіи былъ внесенъ снова въ парламентъ и на этотъ разъ утвержденъ безъ срока. Теперь, конечно, и въ Англіи никому не приходитъ въ голову, чтобы возможно было возвращеніе къ прежнему порядку при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Къ эпохѣ перваго министерства Гладстона относится улаженіе спора между Англіей и Сѣв.-Америк. Соединенными Штатами, правительство ко-

---

[1]) См. превосходное сочиненіе американскаго ученаго J. Macy, «The English Constitution».

торыхъ не прекращало настаивать на возмѣщеніи убытковъ, понесенныхъ гражданами сѣверныхъ штатовъ вслѣдствіе явнаго попустительства англійскихъ властей. Какъ мы знаемъ, эти власти допустили покупку въ Англіи крейсеровъ «Алабама» и другихъ, предназначавшихся для уничтоженія торговаго флота сѣверянъ, какъ объ этомъ своевременно, ясно и категорично предупреждалъ англійское правительство американскій посланникъ. Англійское правительство отрицало, конечно, чтобы съ его стороны было какое-либо предумышленное игнорированіе американскихъ заявленій, самое большее, если оно признавало нѣкоторую, но отнюдь не преступную оплошность со своей стороны. Такъ прошло шесть лѣтъ во взаимныхъ препирательствахъ, причемъ споръ изъ года въ годъ становился рѣзче, отчасти подъ вліяніемъ разгорячившихся народныхъ страстей, особенно въ Америкѣ

Гладстонъ нашелъ почетный выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, согласившись съ американскимъ правительствомъ (такъ наз. Вашингтонскій трактатъ 1871 г.) предоставить рѣшеніе вопроса международному третейскому суду, компетенція и составъ котораго были установлены въ самомъ соглашеніи обоихъ правительствъ. Въ 1872 г. третейскій судъ собрался въ Женевѣ и послѣ тщательнаго разсмотрѣнія американскихъ претензій, размѣръ которыхъ доходилъ до 90 милл. рубл., и всѣхъ объясненій, представленныхъ англійскимъ правительствомъ, присудилъ послѣднее къ уплатѣ Америкѣ 30 съ небольшимъ милліоновъ рублей, т.-е., во всякомъ случаѣ, сократилъ почти втрое сумму, на которую претендовали американцы.

Общественное мнѣніе въ Англіи было, однако, очень недовольно такимъ рѣшеніемъ суда, и это обстоятельство значительно ослабило популярность Гладстона—по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ общественныхъ сферахъ. Самъ Гладстонъ иначе относился къ этому дѣлу, что видно изъ слѣдующихъ его словъ, произнесенныхъ имъ въ парламентѣ въ 1880 г., когда тамъ зашла однажды рѣчь о женевскомъ третейскомъ судѣ и его рѣшеніи. «Хотя я могу допустить,—сказалъ Гладстонъ,—что приговоръ былъ суровъ по размѣру назначенной къ уплатѣ суммы и несправедливъ въ основаніи, тѣмъ не менѣе, штрафъ, наложенный на насъ, я считаю совершеннымъ пустякомъ (dust—пыль) по сравненію съ нравственной цѣной примѣра, который двѣ великія націи Стараго и Новаго Свѣта,—притомъ націи, которыя наиболѣе легко воспламеняются, когда дѣло сколько-нибудь затрагиваетъ ихъ національную честь,—подали всѣмъ другимъ народамъ тѣмъ, что сумѣли придти къ извѣстному соглашенію и передали свой споръ на рѣшеніе суда, а не пытались покончить его на полѣ брани» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время—болѣе 30 лѣтъ тому назадъ—поступокъ Англіи и Америки представлялъ собой нѣчто совершенно необыкновенное и Гладстону принадлежатъ немалая заслуга какъ піонера новаго способа

[1]) См. Morley, «Life of Gladstone», vol. II, 393.

разрѣшенія международныхъ конфликтовъ. Повторяемъ, однако, что хотя теперь, спустя тридцать съ лишнимъ лѣтъ послѣ женевскаго третейскаго суда, поступокъ Гладстона вызываетъ самыя рѣшительныя и даже горячія похвалы [1]), въ первое время послѣ того, какъ сталъ извѣстенъ приговоръ суда, популярность Гладстона сильно поколебалась.

Къ числу весьма важныхъ мѣръ, изданныхъ парламентомъ въ первое министерство Гладстона, слѣдуетъ отнести и такъ наз. Judicature Act, составляющій эпоху въ развитіи англійскихъ судебныхъ установленій, которымъ означеннымъ актомъ была придана современная ихъ организація. Мы не находимъ, однако, возможнымъ входить здѣсь въ какія-либо поясненія относительно содержанія этого акта. Къ описываемому же нами времени относится замѣчательный Trade Union Act 1871 г., т.-е. законъ о профессіональныхъ (рабочихъ) союзахъ. Этотъ актъ придалъ рабочимъ союзамъ характеръ учрежденій, пользующихся полной охраной закона, и оказалъ могущественное вліяніе на дальнѣйшій ростъ союзовъ. «Весьма вѣроятно,—говоритъ Сидней Веббъ, знаменитый историкъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ,—что число членовъ рабочихъ организацій (trade unions) болѣе чѣмъ удвоилось за время между 1871 и 1875 г. [2])», т.-е. какъ-разъ въ ближайшіе годы, послѣдовавшіе за изданіемъ вышеупомянутаго акта.

Если мы обратимся къ чисто-фискальному и финансовому законодательству Англіи за обозрѣваемый нами періодъ, то и здѣсь мы увидимъ рядъ заслуживающихъ вниманія фактовъ: въ первое министерство Гладстона была на половину уменьшена пошлина на сахаръ, уничтоженъ гербовый сборъ съ газетъ (это былъ послѣдній изъ такъ наз. «налоговъ на знаніе»), уменьшена вдвое оплата открытыхъ писемъ, уменьшенъ почтовый сборъ съ газетъ и другихъ періодическихъ изданій, уничтоженъ сборъ съ желѣзнодорожныхъ пассажирскихъ билетовъ, значительно уменьшенъ подоходный налогъ, погашена значительная часть національнаго долга, сильно сокращены расходы на армію и флотъ [3]) и т. д.

Какъ видимъ, первое министерство Гладстона представляетъ своего рода эпоху «великихъ реформъ», которую можно сравнить съ первыми годами послѣ изданія избирательной реформы 1832 г. Иначе сказать, какъ первая, такъ и вторая избирательная реформы знаменуютъ собой необыкновенный общественный подъемъ и какое-то лихорадочное стремленіе къ реформамъ по всѣмъ направленіямъ.

Какъ ни много было сдѣлано Гладстономъ и его товарищами по кабинету, намѣренія ихъ заходили значительно дальше. Въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ здѣсь только о тѣхъ реформаторскихъ попыткахъ Гладстона, которыя ему удалось довести до благополучнаго конца, притомъ иногда цѣной болѣе или менѣе значительныхъ уступокъ своимъ противникамъ. Мы не могли, конечно, говорить о многихъ десяткахъ и даже сотняхъ биллей, изготовлен-

---

[1]) Morley, «Life of Gladstone», vol. II, 413, и H. Paul, «Modern England», vol. III.

[2]) Цитировано въ сочин. H. Paul, «History of Modern England», vol III, p. 339

[3]) Herbert Paul, цит. сочин, т.. III, 227.

ныхъ кабинетомъ Гладстона, проведенныхъ, нерѣдко черезъ палату общинъ и погибшихъ безвозвратно въ верхней палатѣ.

Само собою разумѣется, что реформаторская дѣятельность Гладстона должна была задѣть интересы многихъ лицъ и учрежденій и, слѣдовательно, вызвать немалую къ нему вражду. Мы знаемъ также, что королева по разнымъ соображеніямъ не сочувствовала политикѣ ни Гладстона въ отношеніи Ирландіи, ни предпринятой имъ реорганизаціи арміи, ни многимъ другимъ реформаторскимъ затѣямъ своего министра. Не сочувствовали многимъ реформамъ Гладстона и всѣ вообще высшіе классы общества, такъ какъ эти реформы, вообще говоря, были, конечно, не въ ихъ интересахъ... Само собой разумѣется, что публично критиковать дѣятельность Гладстона нельзя было, становясь на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ; поэтому многіе предпочитали упрекать Гладстона въ томъ, что его стремленіе къ реформамъ будто бы заставляло его совершенно забывать о поддержаніи на должной высотѣ внѣшняго престижа Англіи. Гладстона упрекали въ томъ, что онъ, выражаясь вульгарно, не осадилъ американцевъ и пошелъ навстрѣчу ихъ требованіямъ, въ томъ, что онъ допустилъ возвышеніе Россіи, которая объявила въ 1870 г., что она не намѣрена болѣе считаться съ парижскимъ договоромъ, не позволявшимъ ей держать военный флотъ въ Черномъ морѣ, стала съ этихъ поръ вновь расширять свои владѣнія въ Азіи и отправила даже экспедицію для завоеванія Хивы (1872—1873 гг.). Ослабленію внѣшняго престижа Англіи приписывали и возстаніе племени ашанти, живущаго на принадлежащемъ Англіи западномъ берегу Африки, — возстаніе, вызвавшее необходимость отправки изъ Англіи значительнаго экспедиціоннаго отряда и затраты большихъ денегъ.

Даже между своими коллегами по кабинету Гладстонъ не всегда встрѣчалъ полное сочувствіе своимъ реформаторскимъ планамъ, и ему пришлось произвести поэтому нѣкоторыя перемѣны въ составѣ министровъ.

Надѣясь, что страна продолжаетъ раздѣлять его взгляды и желанія, или, что то же, считая себя вѣрнымъ выразителемъ національныхъ стремленій и желаній и разсчитывая придать, такимъ образомъ, своему кабинету новый авторитетъ, Гладстонъ въ началѣ 1874 года рѣшилъ распустить парламентъ, выбранный, какъ мы знаемъ, въ 1868 году, и назначилъ новые выборы. Если мы вспомнимъ, какъ многихъ задѣли реформы Гладстона, какіе упреки раздавались по его адресу, какъ много было лицъ, которыя были напуганы законодательными проектами Гладстона, погребенными благодаря противодѣйствію палаты лордовъ, но могущими воскреснуть въ ближайшемъ будущемъ въ случаѣ удержанія власти Гладстономъ; если мы примемъ во вниманіе, во-первыхъ, что, хотя реформа 1867 года значительно увеличила число избирателей, но что избиратели составляли все-таки нѣсколько менѣе половины взрослаго мужского населенія, и что эта половина состояла изъ болѣе обезпеченныхъ слоевъ общества; во-вторыхъ, что систематическія заботы о народномъ образованіи начинаются только съ перваго министерства Гладстона, и что, слѣдовательно, уровень политическаго развитія массы англій-

скаго народа въ описываемое нами время не могъ быть высокъ;—то насъ можетъ-быть, не очень поразитъ тотъ фактъ, что выборы дали большинство не либеральной партіи, какъ ожидалъ Гладстонъ, а консервативной.

Слѣдуя примѣру Дизраэли, Гладстонъ не сталъ ждать созыва парламента, а поспѣшилъ заявить королевѣ объ отставкѣ кабинета, какъ только успѣлъ выясниться общій результатъ выборовъ. Это было въ февралѣ 1874 г. Отставка Гладстона была охотно принята, и составленіе новаго кабинета поручено Дизраэли.

ГЛАВА XVIII.

Второе министерство Вен. Дизраэли, лорда Биконсфильда (1874—1880 гг.) —Кризисъ на ближнемъ Востокѣ (возстаніе балканскихъ славянъ и русско-турецкая война).—Первыя проявленія англійскаго имперіализма.

Парламентъ, собравшійся въ первый разъ въ февралѣ 1874 г., засталъ правительственную власть въ рукахъ консервативной партіи и ея оффиціальнаго лидера, Вен. Дизраэли. Какъ оказалось, выборы дали 350 консерваторовъ, 244 либерала и 58 «гумрулеровъ». Такое названіе приняли ирландскіе депутаты, которые, игнорируя, вообще говоря, всѣ другіе вопросы внутренней и внѣшней англійской политики, считали главной, если даже не единственной, своей задачей добиться, во что бы то ни стало, гумруля (home rule) или автономіи Ирландіи. Однако, консервативная партія настолько доминировала въ парламентѣ, что могла почти не считаться съ ирландскими гумрулерами, или, иначе, націоналистами, такъ какъ даже при союзѣ послѣднихъ съ либералами эта коалиція не могла бы составить враждебное правительству большинство. Дизраэли, какъ опытный парламентскій тактикъ, хорошо это понималъ; поэтому онъ управлялъ Англіей, не обращая серьезнаго вниманія на желанія Ирландіи, каковымъ онъ къ тому же не сочувствовалъ и по существу, будучи, наоборотъ, рѣшительнымъ сторонникомъ имперіалистскихъ идей, что такъ ярко выразилось въ періодъ описываемаго нами второго его министерства.

Дизраэли, какъ глава кабинета, имѣлъ большое преимущество передъ своимъ предшественникомъ въ томъ, что находился всегда въ прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ съ королевой. Эти отношенія объяснялись частью сходствомъ во взглядахъ ихъ обоихъ на вопросы внутренней и внѣшней политики, частью подчеркиваніемъ Дизраэли внѣшнихъ формъ почтенія королевской власти вообще и особѣ ея величества въ особенности и, наконецъ, просто свѣтскими талантами Дизраэли, его умѣньемъ обходиться съ людьми. Пока Дизраэли былъ первымъ министромъ, королева четыре раза открывала лично сессіи парламента, чего она ранѣе не дѣлала много лѣтъ. Въ то же время она сравнительно часто устраивала пріемы, показывалась на разныхъ торжествахъ и т. п. Въ тотъ періодъ, когда агрессивная внѣшняя политика Дизраэли (весна 1877 г.)

подвергалась рѣзкимъ нападкамъ либеральной партіи, королева посѣтила своего перваго министра въ его имѣньѣ, оказавъ ему такую честь, которой не удостоивался уже болѣе двадцати-пяти лѣтъ ни одинъ первый министръ Англіи. Мы отмѣчаемъ эти факты не въ силу ихъ внутренней важности, а потому, что они несомнѣнно поднимали авторитетъ Дизраэли, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ очень вліятельныхъ сферахъ.

Упрекая Гладстона за то, что онъ якобы унизилъ внѣшній авторитетъ и могущество Англіи, Дизраэли какъ-будто искалъ случая подчеркнуть свое стремленіе поднять престижъ Англіи. Онъ посовѣтовалъ королевѣ отправить наслѣдника престола въ Индію для того, чтобы тотъ посѣтилъ лично многочисленныхъ индійскихъ князей. Онъ же рекомендовалъ окружить эту поѣздку внѣшнимъ блескомъ и пышностью.

Поѣздка принца Валлійскаго, нынѣшняго короля Эдуарда, состоялась между октябремъ 1875 и маемъ 1876 года и дѣйствительно была обставлена очень торжественно. Она произвела, какъ этого ожидалъ Дизраэли, значительный эффектъ въ Индіи и привлекла вниманіе всего міра.

Наслѣдникъ престола не успѣлъ еще вернуться изъ Индіи, какъ Дизраэли внесъ въ парламентъ билль о присоединеніи къ другимъ титуламъ королевы титула Императрицы Индійской. Это должно было показать, между прочимъ, многомилліонному населенію Индіи, что верховная повелительница Великобританіи и ея колоній и по громкости своего титула не уступаетъ «Бѣлому Царю». Въ самомъ дѣлѣ, Дизраэли, защищаясь въ парламентѣ отъ нападокъ либераловъ, указывавшихъ на совершенную ненужность этой прибавки къ прежнему титулу королевы, увѣрялъ собраніе, что, если такое мнѣніе и справедливо, быть-можетъ, по отношенію къ Англіи, оно непримѣнимо къ Индіи. Онъ заявилъ также народнымъ представителямъ, что новый титулъ будетъ употребляемъ только въ Индіи и въ государственныхъ актахъ, относящихся къ Индіи.

Королева относилась очень сочувственно къ затѣѣ Дизраэли и была чрезвычайно довольна, когда по изданіи парламентомъ соотвѣтственнаго акта она была (1 мая 1876 года) объявлена императрицей Индіи [1]). Новый титулъ ей такъ нравился, что, вопреки обѣщанію Дизраэли, она черезъ годъ стала на всѣхъ вообще государственныхъ актахъ подписываться Victoria R. et I. Съ 1893 года уже и на англійскихъ золотыхъ монетахъ въ числѣ титуловъ королевы значилось и Ind. (iae) Imp. (eratrix). Принятіе королевой новаго титула само по себѣ, конечно, обстоятельство ничтожное, но оно важно въ качествѣ характеристики стремленія Дизраэли и его номинальной повелительницы пользоваться всѣми средствами, чтобы поднять внѣшній блескъ Англіи и престижъ ея въ Азіи и за океаномъ вообще.

Если подчеркиваніе того факта, что Англія является владычицей огромной имперіи, каковую представляетъ Индія съ ея трехсотмилліоннымъ на-

[1]) 1 января 1877 г. въ Дели, древней столицѣ Индіи, состоялось, при чрезвычайно пышной обстановкѣ, объявленіе англійской королевы Викторіи императрицей Индіи.

селеніемъ, было невинной игрой на національномъ самомнѣніи и тщеславіи, того же самаго никакъ нельзя сказать про ту роль, которую, благодаря въ особенности стараніямъ того же Дизраэли, Англія заняла въ разрѣшеніи такъ наз. восточнаго вопроса, ставшаго передъ лицомъ всей Европы, какъ только славянскія народности, живущія на Балканскомъ полуостровѣ, сдѣлали серьезную попытку поднять возстаніе съ цѣлью освободиться отъ турецкаго ига.

Какъ извѣстно, революціонное движеніе на Балканскомъ полуостровѣ началось въ 1875 году возстаніемъ въ Босніи и Герцоговинѣ; въ слѣдующемъ году такое же движеніе охватило и Болгарію. Здѣсь возстаніе было подавлено съ такой жестокостью, съ такими проявленіями звѣрства, что вся Англія содрогнулась, когда появились первыя сообщенія объ этомъ въ газетѣ «Daily News» 11 (23) іюня 1876 г.

Видя въ движеніи южныхъ славянъ результатъ козней Россіи и думая, какъ за двадцать-пять лѣтъ передъ тѣмъ думалъ лордъ Пальмерстонъ, что существованіе сильной Турціи необходимо въ качествѣ противовѣса Россіи, Дизраэли, какъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Дерби, рѣшительно заявилъ въ парламентѣ, что газетныя сообщенія о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи грѣшатъ явнымъ и сильнымъ преувеличеніемъ. При этомъ Дизраэли высказалъ нѣсколько инсинуацій по адресу русскаго правительства и его причастности къ болгарскому пожару. Для полнаго выясненія дѣла былъ отправленъ на мѣсто дѣйствія особый англійскій уполномоченный Однако, этому уполномоченному пришлось вскорѣ подтвердить общую правильность газетныхъ сообщеній.

Между тѣмъ пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ разгорался не на шутку. Болгарскія звѣрства произошли въ маѣ, въ іюнѣ Сербія и Черногорія уже объявили формально войну Турціи. Такимъ образомъ, повстанческое движеніе увлекло всѣ славянскія народности, живущія на полуостровѣ. Вмѣстѣ съ этимъ росли симпатіи къ движенію со стороны русскаго общества, выдѣлившаго изъ себя массу добровольцевъ, отправившихся на театръ войны. Прибытіе значительнаго числа русскихъ добровольцевъ составило нѣкоторую дѣйствительную помощь для повстанцевъ; но, быть-можетъ, это обстоятельство принесло еще больше вреда, такъ какъ укрѣпило англійское правительство въ убѣжденіи, что славянское движеніе есть въ значительной степени результатъ интригъ и происковъ русскихъ властей. Возможно, конечно, что такого убѣжденія и не было у Дизраэли и его министерствъ, но они, во всякомъ случаѣ, нашли оправданіе для своего отказа отъ присоединенія къ такъ наз. Берлинскому меморандуму, которымъ Россія, Австрія и другія европейскія государства потребовали отъ Порты осуществленія ряда реформъ подъ контролемъ державъ,—реформъ, путемъ которыхъ предполагалось создать нѣкоторый modus vivendi на Балканскомъ полуостровѣ безъ формальнаго прекращенія власти турецкаго правительства.

Здѣсь было бы неумѣстно слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ событій, подготовившихъ русско-турецкую войну 1877—78 г. Скажемъ лишь, что, начиная эту войну, русское правительство частью желало идти навстрѣчу требова-

ніямъ общественнаго мнѣнія. частью стремилось заглушить все болѣе и болѣе настойчивыя требованія внутреннихъ реформъ. Послѣдней цѣли—т-е отвлеченія общественнаго вниманія отъ внутреннихъ реформъ—старался достичь и Дизраэли, который сумѣлъ возбудить въ англичинахъ духъ шовинизма, воспользовавшись для этого событіями на Востокѣ. Впрочемъ, Дизраэли получилъ уже въ это время графскій титулъ и сталъ лордомъ Биконсфильдомъ.

12 апрѣля (1877) Россія объявила войну Турціи, и русскія войска стали переходить рѣку Прутъ. Паденіемъ Карса въ ноябрѣ и Плевны въ декабрѣ того же года исходъ войны былъ фактически рѣшенъ, хотя русскимъ войскамъ предстоялъ еще тяжелый и опасный переходъ черезъ Балканы. Въ самомъ дѣлѣ, этому переходу легко можно было помѣшать, если бы у султана имѣлась еще армія. Однако, новая армія было сформирована слишкомъ поздно. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи и необходимости принять заблаговременно необходимыя мѣры, Биконсфильдъ заручился согласіемъ парламента на чрезвычайный кредитъ въ 60 милл. рубл.; въ то же время Биконсфильдъ сообщилъ кабинету министровъ о своемъ намѣреніи послать средиземноморскую эскадру въ Константинополь. Часть министровъ находила такую политику слишкомъ вызывающей по отношенію къ Россіи и рѣшительно протестовала; министръ колоній лордъ Карнарвонъ даже прямо вышелъ въ отставку. Угроза лорда Дерби, министра иностранныхъ дѣлъ, поступить такимъ же образомъ заставила, наконецъ, Биконсфильда отказаться отъ посылки англійской эскадры въ Константинополь. Онъ, однако, сдѣлалъ это черезъ мѣсяцъ; лордъ Дерби тогда ушелъ и былъ замѣненъ лордомъ Солсбери, занимавшимъ впослѣдствіи постъ перваго министра въ теченіе многихъ лѣтъ.

Въ мартѣ русскіе уже были недалеко отъ Константинополя и заключили съ турками такъ наз. Санъ-Стефанскій договоръ. На это Биконсфильдъ отвѣтилъ сборомъ запасныхъ войскъ и вызовомъ изъ Индіи въ Мальту 7000 солдатъ. Вмѣстѣ съ этимъ англійское правительство потребовало, чтобы договоръ, заключенный между воевавшими державами, былъ пересмотрѣнъ конгрессомъ всѣхъ главныхъ европейскихъ державъ. Присутствіе большой англійской эскадры близъ Константинополя, истощеніе русскихъ финансовъ, слухи о революціонномъ броженіи внутри страны заставили русское правительство согласиться на англійское требованіе.

1 іюня собрался въ Берлинѣ конгрессъ для пересмотра условій Санъ-Стефанскаго договора, причемъ въ качествѣ делегатовъ Англіи явились лордъ Биконсфильдъ и маркизъ Солсбери. Но еще до начала берлинскаго конгресса Англія заключила тайный договоръ съ Россіей, по которому соглашалась на присоединеніе Россіей Батума, Карса и Бессарабіи, и другой такой же договоръ съ Турціей, въ которомъ гарантировала прочность ея азіатскихъ владѣній цѣною уступки себѣ Кипра.

Такова была политика лорда Биконсфильда! Конечнымъ итогомъ русско-турецкой войны, насколько она отразилась на положеніи южныхъ славянъ, было признаніе Турціей независимости Сербіи и Черногоріи и фактической, если не формальной, независимости Болгаріи, часть которой подъ названіемъ

Восточной Румелии была возвращена, однако, туркамъ, хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, эта ненормальность продолжалась недолго. Боснія и Герцеговина отошли къ Австріи. Въ общемъ, до 11 милл. балканскихъ народностей оказались навсегда освобожденными отъ порядковъ разлагающаго турецкаго режима, причемъ это великое дѣло совершилось благодаря могущественному заступничеству Россіи и—увы!—вопреки настойчивому и энергичному противодѣйствію Англіи.

Такимъ образомъ, эти два государства помѣнялись въ этомъ случаѣ своими обычными ролями, и Англія выступила передъ міромъ въ непривычной для нея роли врага свободы, хотя, правда, дѣйствія Англіи объяснялись, главнымъ образомъ, предполагаемой необходимостью защитить слабую Турцію отъ завоевательныхъ стремленій ея могущественной сосѣдки, всякое движеніе которой въ сторону юга грозило якобы серьезной опасностью власти англичанъ въ Индіи. Вотъ какому Молоху правительство Биконсфильда готово было принести въ жертву дѣло освобожденія балканскихъ народностей.

Когда въ іюлѣ мѣсяца (1878 года) Биконсфильдъ и Солсбери вернулись съ берлинскаго конгресса, привезя съ собой, какъ выразился Биконсфильдъ, «миръ съ почетомъ», королева встрѣтила своего перваго министра съ восторгомъ и наградила его, какъ и его коллегу, орденомъ «подвязки». Это высшій орденъ, который только существуетъ въ Англіи; простымъ смертнымъ, т.-е. особамъ не царской крови, этотъ орденъ дается лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ Нельзя не признать, однако, что своимъ отношеніемъ къ Биконсфильду королева выражала чувства и желанія значительной части англичанъ, увлеченныхъ джингоистскимъ задоромъ...

Но вѣдь были же протестующіе голоса, были недовольные политикой Биконсфильда?—спроситъ недоумѣвающій читатель.—Да, были, но они терялись въ общей массѣ лицъ, радовавшихся поднятію престижа и значенія Англіи въ международныхъ дѣлахъ и униженію Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только настоянія Англіи заставили Россію предоставить на судъ Европы условія ея мира съ Турціей, мира, заключеннаго передъ воротами Константинополя, куда русскія войска не рѣшились войти также вслѣдствіе угрожающаго положенія Англіи.

ГЛАВА XIX

Гладстонъ во время кризиса на Балканскомъ полуостровѣ.—Временная утрата популярности (1877-78).—Знаменитый рядъ рѣчей въ графствѣ Мидлотіанъ (Шотландія) въ концѣ 1879 г.—Разгромъ консервативной партіи на парламентскихъ выборахъ 1880 г.

Въ настоящей главѣ мы вернемся вновь къ только-что изложеннымъ событіямъ и укажемъ, каково было отношеніе къ нимъ Вил. Гладстона, какъ человѣка, наиболѣе рѣзко отличавшагося отъ Биконсфильда по характеру своихъ взглядовъ на основные вопросы внѣшней и внутренней политики Англіи вообще и на кризисъ на Балканскомъ полуостровѣ въ частности.

Впрочемъ, сначала намъ придется сказать нѣсколько словъ объ одной изъ особенностей англійскаго парламентарнаго режима.

Мы знаемъ, что въ англійскомъ парламентѣ, какъ и во всякомъ другомъ, кромѣ партіи, поддерживающей правительство, есть и такъ наз. оппозиція, задача которой состоитъ въ указаніи слабыхъ сторонъ правительственной политики. Иногда — никто не можетъ съ увѣренностью сказать, какъ часто—ораторы оппозиціи стараются дискредитировать правительство по личнымъ мотивамъ, напр., изъ желанія поскорѣй получить министерскіе портфели [1]). Однако, обыкновенно дѣятельность оппозиціи имѣетъ источникомъ болѣе или менѣе глубокое и искренное убѣжденіе во вредѣ общей политики правительства или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ или другихъ важныхъ его мѣропріятій.

Такъ дѣло стоитъ обыкновенно, но не всегда... Не пускаясь, однако, въ весьма рискованныя сужденія по поводу того, какъ часто дѣятели оппозиціи руководятся соображеніями общественной пользы, и какъ часто они поступаютъ согласно принципу, который французы выражаютъ словами «ôte toi de là que je m'y mette» [2]), мы просто ограничиваемся здѣсь указаніемъ обыкновенной, нормальной роли оппозиціи, не пытаясь входить въ разборъ внутреннихъ мотивовъ ея критики.

Итакъ, правительство, министерство управляетъ страной, а партія, къ которой принадлежатъ члены кабинета, вотируя за его проекты и другія мѣропріятія, поддерживаетъ это правительство. Оппозиція, наоборотъ, зорко слѣдитъ за дѣйствіями министровъ и не упускаетъ ни одного ихъ промаха или, по крайней мѣрѣ, того, что оппозиція считаетъ таковымъ, обращая вниманіе парламента и всей страны на эти промахи и разъясняя предпочтительность иного образа дѣйствій, какого, какъ это подразумѣвается или даже прямо высказывается, держалась бы партія оппозиціи, если бы она располагала поддержкой большинства членовъ парламента.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ такъ наз. лидеру или главному оратору и дѣятелю оппозиціи принадлежитъ такая же руководящая роль въ критикѣ дѣйствій правительства, какая принадлежитъ главѣ кабинета въ руководительствѣ административной и законодательной дѣятельностью правительства. Иначе сказать, роль лидера оппозиціи столь же трудна, какъ и роль перваго министра. Она, въ сущности, почти столь же отвѣтственна, такъ какъ, если оппозиціи удается низвергнуть министерство, т.-е. лишить его поддержки большинства членовъ парламента, то лидеръ оппозиціи является, вообще говоря, естественнымъ главой новаго кабинета. Это, можно сказать, его право и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его обязанность.

---

[1]) Всѣ эти соображенія справедливы, главнымъ образомъ, по отношенію къ Англіи съ дѣленіемъ ея парламента на двѣ главныя партіи, попеременно стоящія во главѣ правительства. Къ другимъ странамъ съ парламентарнымъ режимомъ эти соображенія примѣнимы лишь отчасти.

[2]) Т.-е., «уходи оттуда, чтобы я могъ занять твое мѣсто».

Въ самомъ дѣлѣ, надо имѣть какія нибудь-весьма серьезныя основанія, чтобы предложить образованіе новаго кабинета кому-либо другому, а не оффиціальному лидеру оппозиціи, къ тому же было бы трудно разсчитывать, чтобы какая-либо иная комбинація имѣла шансы на успѣхъ. препятствіемъ для этого послужили бы элементарныя требованія партійной дисциплины. Съ другой стороны, и лидеру оппозиціи трудно было бы уклониться отъ принятія на себя иногда весьма нелегкой задачи управленія страной, если, какъ это почти всегда бываетъ, потеря власти прежнимъ правительствомъ является результатомъ успѣшной критики оппозиціи.

Теперь мы можемъ вернуться къ политической исторіи Англіи, а именно къ тому ея моменту, когда власть перешла изъ рукъ Гладстона въ руки Дизраэли, т.-е. къ самому началу 1874 года.

Уступивъ власть своему сопернику, Гладстонъ, какъ бывшій первый министръ и наиболѣе даровитый дѣятель своей партіи, естественно, занялъ въ новомъ парламентѣ положеніе лидера оппозиціи. Въ это время ему было уже за семьдесятъ лѣтъ; быть-можетъ, отчасти поэтому онъ не проявлялъ особенной энергіи въ новой своей роли. Какъ бы то ни было, въ слѣдующемъ году Гладстонъ заявилъ партіи свой формальный отказъ отъ положенія лидера оппозиціи и былъ замѣненъ весьма виднымъ членомъ либеральной партіи, маркизомъ Хартингтиномъ, занимавшимъ въ первомъ кабинетѣ Гладстона постъ министра почты (Postmaster General). Гладстонъ думалъ, что карьера его, какъ активнаго политическаго дѣятеля, уже сыграна!...

Однако, событія на Балканскомъ полуостровѣ глубоко взволновали Гладстона и заставили его броситься снова съ свойственнымъ ему пыломъ въ политическую агитацію. Осенью 1876 г. онъ выпустилъ написанную съ величайшимъ увлеченіемъ и страстью брошюру, «Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ» [1]). Эта брошюра въ три или четыре дня разошлась въ количествѣ 40000 экземпляровъ и произвела огромное впечатлѣніе на весьма значительную часть англійскаго общества, вызвавъ приливъ энтузіазма къ старому вождю у однихъ и взрывъ досады и негодованія у другихъ; къ числу послѣднихъ принадлежали лордъ Биконсфильдъ и королева. Дѣло въ томъ, что Гладстонъ обвинялъ правительство почтеннаго лорда ни больше, ни меньше, какъ въ нравственномъ сообщничествѣ «съ самыми гнусными, самыми подлыми звѣрствами, которыя были совершены гдѣ-либо въ теченіе XIX вѣка или даже вообще на памяти всего человѣчества». Доказательство такого сообщничества Гладстонъ видѣлъ въ отказѣ Англіи присоединиться къ упомянутому выше берлинскому меморандуму.

Въ теченіе остальной части 1876 г. и въ первую половину 1877 г. Гладстонъ много разъ говорилъ какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его по вопросу объ отношеніи Англіи къ освободительному движенію на Балканскомъ полуостровѣ, обвиняя каждый разъ правительство въ преступной поддержкѣ ту

---

[1]) Насколько намъ извѣстно, эта брошюра появилась вскорѣ въ Россіи въ нѣсколькихъ переводахъ, одинъ изъ которыхъ принадлежалъ Побѣдоносцеву.

рокъ. Онъ написалъ по тому же вопросу нѣсколько журнальныхъ статей; ранней весной—въ мартѣ 1877 года—онъ выпустилъ новую брошюру объ ужасахъ на Балканскомъ полуостровѣ (Lessons in Massacre) На этотъ разъ призывъ Гладстона встрѣтилъ меньшій откликъ: брошюра его далеко не имѣла того успѣха, какой имѣлъ его первый памфлетъ по тому же вопросу. Мы знаемъ, что дѣла на Балканскомъ полуостровѣ быстро приближались къ кризису ожидаемымъ со дня на день объявленіемъ войны Россіей. Вмѣстѣ съ этимъ возрасталъ и воинственный задоръ среди англичанъ.

Но вотъ, наконецъ, война началась, и Англіи волей-неволей надо было стать въ то или иное отношеніе къ конфликту. Гладстонъ заявилъ своей партіи, что онъ намѣренъ предложить парламенту четыре резолюціи, рѣзко осуждающія Турцію и объявляющія ее не заслуживающей какой-либо нравственной или матеріальной поддержки въ ея борьбѣ съ Россіей Имѣя, можетъ-быть, въ виду указанное нами общественное настроеніе, несочувственное къ Россіи, партія не желала, чтобы Гладстонъ поднималъ въ парламентѣ дебаты по поводу политики правительства въ восточномъ вопросѣ; Гладстонъ настаивалъ на своемъ, и лидерамъ партіи пришлось ему уступить. Это сейчасъ же стало извѣстно, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали драматическаго момента.

Было 7 часовъ вечера, когда Гладстонъ (25 апрѣля—7 мая), который уже въ теченіе 4 часовъ отвѣчалъ на тѣ или иныя отдѣльныя заявленія своихъ противниковъ, всталъ и произнесъ въ высшей степени замѣчательную рѣчь, заключившую пренія. Эта рѣчь продолжалась $2^1/_2$ часа и была столь захватывающею по одушевленію и убѣдительности, что даже политическіе противники Гладстона не могли не признать, что трудно было бы найти въ анналахъ парламента болѣе поразительный примѣръ ораторскаго искусства. Сущность рѣчи заключалась въ развитіи той мысли, что само турецкое правительство отвѣтственно за звѣрства, которыя побудили къ возстанію всѣхъ славянъ Балканскаго полустрова, что «такъ какъ всѣ попытки нравственнаго воздѣйствія на турецкое правительство оказались безплодными, ничего другого не остается, какъ примѣнить, наконецъ, силу; что Англія должна присоединиться къ этому дѣлу, а не предоставлять Россіи славу единственной защитницы поруганнаго христіанства» [1]).

Мы не можемъ, однако, отказать себѣ въ удовольствіи привести хотя бы небольшой отрывокъ изъ заключительной части рѣчи Гладстона, какъ въ высшей степени интереснаго примѣра англійскаго парламентскаго краснорѣчія.

«Господа,—такъ заключилъ свою длинную рѣчь Гладстонъ.—господа, бывали иные дни, бывали дни, когда Англія являлась надеждой, оплотомъ свободы. Въ какой бы части свѣта ни поднимались движенія, имѣющія высокую цѣль, кому бы ни наносились удары за благородный протестъ противъ деспотизма, глаза угнетаемыхъ обращались всегда къ Англіи, къ этому баловню, къ этой любимицѣ судьбы,—къ Англіи, въ учрежденіяхъ которой было такъ много

[1]) См. Herbert Paul. «History of Modern England», vol. IV, p. 25.

правды, въ жизни которой—такъ много счастья. Всѣ хорошо знали, что англійскій народъ, сумѣвшій создать для себя величественное зданіе свободныхъ учрежденій, всегда готовъ сдѣлать все возможное, чтобы помочь другимъ обезпечить себѣ тѣ же неоцѣнимыя блага. Вы говорите мнѣ объ установившихся у насъ традиціяхъ и о нашей давней политикѣ въ отношеніи Турціи. Я взываю къ другимъ традиціямъ, гораздо болѣе старымъ, широкимъ и благороднымъ, къ традиціямъ, которыя, не требуя отнюдь отъ насъ игнорированія своихъ интересовъ, побуждаютъ насъ преслѣдовать эти интересы, не забывая въ то же время велѣній чести и справедливости...

«Современному человѣчеству поставлена благородная задача. Часть обездоленныхъ обитателей Балканскаго полуострова напрягаетъ свои усилія, чтобы завоевать себѣ свободу, которую они потеряли уже давно, но которую не переставали любить и къ которой не переставали стремиться. Я разумѣю Боснію и Герцеговину. Другая часть—горсть героевъ, какихъ рѣдко видѣлъ міръ—стоитъ на скалахъ Черной Горы и готова,—какъ они были всегда готовы въ продолженіе своего 400-лѣтняго изгнанія изъ плодоносныхъ равнинъ,—ринуться внизъ и встрѣтить въ бою турокъ, какъ бы ни былъ неравенъ этотъ бой, чтобы добиться возстановленія справедливости и мира въ этихъ злополучныхъ краяхъ. Третья часть—5000000 болгаръ, пришибленныхъ, усмиренныхъ, едва смѣющихъ поднимать вверхъ свои взоры, хотя бы даже для обращенія съ молитвой къ своему Отцу Небесному, простерли свои руки къ вамъ: они послали къ вамъ нѣсколько петицій; они умоляли васъ о помощи, о покровительствѣ. Они говорили вамъ, что они не ищутъ союза съ Россіей или съ какой-либо иной державой, что они просто добиваются, чтобы кто-нибудь освободилъ ихъ отъ невыносимаго ига, разоряющаго и позорящаго ихъ страну. Это разореніе, этотъ позоръ, равныхъ которымъ нѣтъ, кажется, на землѣ, таковы, что, казалось бы, это обязанность всей Европы положить имъ конецъ. Между тѣмъ вы не усматриваете, повидимому, никакого практическаго, дѣйствительнаго пути, который могъ бы повести къ такому концу. Господа, устраненіе этого горя, этого позора есть великая, святая задача. Стоитъ выступить конкурентомъ для ея рѣшенія. Еще не поздно сдѣлать такую попытку...

«Будьте, однако, увѣрены, что имѣете ли вы въ виду обезпечить себѣ хотя бы одинъ лепестокъ въ безсмертномъ вѣнкѣ славы, которая достанется дѣйствительной работѣ на это дѣло, или, такъ сказать, повернетесь спиной къ великому дѣлу и забудете свой нравственный долгъ, будете ли вы дѣйствовать такъ или иначе, я лично, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что смертный часъ турецкой тираніи на Балканскомъ полуостровѣ уже пробилъ. Насколько доступно человѣку провидѣніе будущаго, я утверждаю, что турецкое иго надъ славянами будетъ уничтожено. Это уничтоженіе произойдетъ, можетъ-быть, не тѣмъ способомъ и не тѣми путями, которыя для васъ кажутся желательными. Изъ какихъ бы, однако, рукъ ни получили славяне этотъ даръ, онъ явится великимъ и благороднымъ дѣломъ, и таковымъ будетъ признанъ всѣмъ христіанскимъ міромъ и всѣмъ человѣчествомъ вообще» [1]).

[1]) Morley, «Life of Gladstone», vol. II, p. 567—568.

Несмотря на все краснорѣчіе Гладстона, послѣ дебатовъ, продолжавшихся 5 дней, его резолюціи были отвергнуты большинствомъ 132 голосовъ (223—354), причемъ нельзя не прибавить, что пораженіе Гладстона было бы еще болѣе внушительнымъ, если бы либеральная партія не рѣшила съ крайней неохотой вотировать, вообще говоря, за резолюцію, лишь бы не оставить своего бывшаго вождя въ совершенно изолированномъ положеніи и не обнаружить, такимъ образомъ, рѣзкое разногласіе въ рядахъ своихъ лидеровъ.

Во все то время, пока длилась война Россіи съ Турціей, симпатіи Англіи было рѣшительно на сторонѣ послѣдней. Устроить въ Лондонѣ митингъ, протестующій противъ политики правительства, было весьма трудно: это было возможно лишь при строгомъ контролѣ всѣхъ являвшихся на митингъ, требуя билетовъ или повѣстокъ и приглашая для охраны ораторовъ большіе наряды полиціи. Но и при употребленіи такихъ мѣръ на митинги успѣвало всегда попадать болѣе или менѣе значительное число лицъ, которыя приходили только для того, чтобы произвести скандалъ и вообще разстроить собраніе, не давая возможности ораторамъ произносить приготовленныя имъ рѣчи и т. д., хотя, какъ сказано, привратники и полиція старались по возможности не допускать такихъ лицъ въ зало и быстро удаляли ихъ, если они, попавъ такъ или иначе на митингъ, начинали тамъ безчинствовать. Такимъ образомъ, въ описываемое нами время происходила весьма странная для насъ, но нисколько ни удивлявшая англичанъ, картина: группа частныхъ лицъ, не сочувствовавшая политикѣ правительства, устраивала митингъ для рѣзкаго порицанія этой политики; правительство же командировало на митингъ значительный отрядъ полицейскихъ, которые должны были выводить изъ собранія и даже арестовывать тѣхъ лицъ, которыя такъ или иначе мѣшали митингу; иногда полицейскіе окружали стѣной ораторовъ и охраняли ихъ въ то время, когда они метали громъ и молнію на правительство!! Таково было не разъ положеніе вещей [1]) въ это время господства въ парламентѣ и странѣ консервативной партіи! Все это, конечно, въ высшей степени важно для правильнаго пониманія политическаго режима Англіи во второй половинѣ XIX вѣка, а не для одной только характеристики враждебнаго къ Россіи отношенія англичанъ въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны.

Такое настроеніе, усиливаясь по мѣрѣ успѣховъ Россіи, наконецъ, настолько обострилось, что лицамъ, симпатизировавшимъ дѣлу Россіи и славянъ, стало совершенно невозможно устраивать какіе-либо митинги. Дѣло дошло даже до того, что Гладстону, какъ наиболѣе авторитетному и наиболѣе смѣлому антагонисту правительственной политики и доминирующаго направленія общественныхъ симпатій стало не безопасно показываться на улицахъ Лондона; о появленіи же его на митингахъ нечего было и думать [2]).

---

[1]) См., между прочимъ, нашу книгу, «Министръ-каменщикъ». СПБ. 1905 г.

[2]) См. H. Broadhurst, «From the mason's bench to the Treasury», или цитированную нашу книгу, «Каменщикъ-министръ».

Но вотъ война кончилась, кончился и Берлинскій конгрессъ, представители Англіи вернулись домой съ «миромъ и почетомъ», были примѣрно награждены королевой и бурно привѣтствуемы многочисленными своими сторонниками въ парламентѣ и внѣ его.

Гладстонъ не раздѣлялъ, конечно, общаго упоенія достигнутыми Англіей внѣшними успѣхами и, говоря въ парламентѣ о роли Биконсфильда и Солсбери на Берлинскомъ конгрессѣ, выразился такимъ образомъ

«Господа, на этомъ конгрессѣ великихъ державъ голосъ Англіи не согласовался съ ея учрежденіями, съ ея исторіей и характеромъ. По всякому вопросу, который вызывалъ на конгрессѣ серьезныя разногласія или который могъ имѣть важныя практическія послѣдствія, со стороны лордовъ Биконсфильда и Солсбери раздавались такія рѣчи, которыя заставляли вспоминать о Меттернихѣ, а не о Каннингѣ, Пальмерстонѣ или Росселѣ... Я держусь того мнѣнія, что они должны были становиться всегда на сторону свободы, и утверждаю въ то же время, что фактически они были всегда на сторонѣ рабства» [1]).

Особенно негодовалъ Гладстонъ—чѣмъ, вѣроятно, болѣе всего гордился Биконсфильдъ—на тайную конвенцію (convention) или соглашеніе съ Турціей,—соглашеніе, заключенное Англіей, такъ сказать, за спиной Европы, давшее Англіи Кипръ, но обязавшее ее поддерживать территоріальную цѣлость азіатскихъ владѣній Турціи.

«Я думаю, господа,—сказалъ по этому поводу въ парламентѣ Гладстонъ,—что мы много проиграли, заключивъ это соглашеніе. Я полагаю въ самомъ дѣлѣ, что мы въ очень значительной мѣрѣ потеряли симпатіи и уваженіе народовъ Европы. Я не хочу, я не могу этимъ сказать, что къ намъ относятся съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ относятся часто къ слабости. Я считаю проявленіемъ одного изъ самыхъ жалкихъ пріемовъ партійной борьбы разговоры,—какіе иногда бываютъ, когда власть переходитъ отъ одного правительства къ другому,—разговоры о томъ, что до такого перехода власти отъ однихъ лицъ къ другимъ къ Англіи во всемъ мірѣ относились съ пренебреженіемъ, и что затѣмъ, напротивъ, авторитетъ Англіи чрезвычайно поднялся, и она заняла подобающее ей мѣсто среди другихъ народовъ. Господа, Англія не такъ жалка, не такъ слаба, чтобы авторитетъ ея находился въ зависимости отъ репутаціи того или иного кабинета министровъ. Всему міру достаточно хорошо извѣстно, что представляетъ англійскій народъ, и какова его сила...

«Да, господа, я также желаю, чтобы наша матеріальная, физическая сила была такова, чтобы всѣ цивилизованные народы ясно и видѣли, и сознавали эту силу...

«Въ то же время я считаю еще болѣе важнымъ, чтобы насъ ставили такъ же высоко всѣ ревнители правды, чести, искренности въ словахъ и дѣлахъ. Я желаю, чтобы насъ знали за людей, способныхъ пренебрегать узко-эгоисти-

[1]) Morley, «Life of Gladstone», vol. II, 577.

ческими соображеніями и слѣдовать мотивамъ, имѣющимъ въ основѣ широкіе и высокіе принципы. Я нахожу большимъ преимуществомъ то обстоятельство, что благодаря нашему островному положенію мы изолированы физически отъ другихъ народовъ Европы, но я страшусь того дня, когда мы окажемся въ столь же изолированномъ положеніи и съ точки зрѣнія нравственной оцѣнки нашихъ дѣйствій»...

Популярность министровъ была, однако, такъ велика, увлеченіе внѣшнимъ престижемъ Англіи столь всеобще, что никакія рѣчи Гладстона не могли поколебать положенія правительства, и если бы Биконсфильду вздумалось, какъ онъ имѣлъ полную возможность это сдѣлать, распустить парламентъ и назначить новые выборы, то несомнѣнно онъ и въ новомъ парламентѣ располагалъ бы подавляющемъ большинствомъ [1]) голосовъ.

Биконсфильдъ былъ, однако, слишкомъ упоенъ своими успѣхами, получилъ слишкомъ большую въ себѣ увѣренность, чтобы допустить возможность скораго измѣненія въ общественномъ настроеніи и спѣшить пользоваться благопріятно сложившимися обстоятельствами. Онъ, кромѣ того, хорошо зналъ, что Гладстонъ далеко не выражалъ даже мнѣній и желаній лидеровъ своей партіи и вообще ея вліятельныхъ парламентскихъ дѣятелей.

Въ этомъ послѣднемъ Биконсфильдъ былъ правъ. Однако, онъ забывалъ, что, если Гладстонъ не могъ разсчитывать увлечь за собой присяжныхъ политическихъ дѣятелей, то его широкая, принципіальная постановка основныхъ вопросовъ государственной жизни въ связи съ его огненнымъ краснорѣчіемъ могли сильно вліять на массу, и что это вліяніе должно неминуемо возрасти, какъ только уляжется джингоистскій задоръ.

Такъ прошелъ 1878 годъ, годъ Берлинскаго конгресса и дипломатическихъ успѣховъ Биконсфильда. Военные вопросы по необходимости отошли мало-по-малу, на второй планъ, общество стало болѣе способно спокойно разсуждать и менѣе склонно поддаваться джингоистскому задору, который умѣлъ такъ искусно раздувать Биконсфильдъ.

Первыя благопріятныя вѣсти пришли изъ Шотландіи, населеніе которой, вообще говоря, было всегда болѣе проникнуто демократическими идеалами, чѣмъ населеніе Англіи, и сравнительно весьма мало раздѣляло туркофильскія симпатіи главной массы жителей собственной Англіи. 13 января 1879 г. Гладстонъ получилъ изъ Эдинбурга предложеніе на предстоящихъ парламентскихъ выборахъ выставить свою кандидатуру въ графствѣ Мидлотіанъ, являющемся столичнымъ шотландскимъ графствомъ, такъ какъ въ немъ находится городъ Эдинбургъ. Въ теченіе 1879 г. слухи о близкомъ роспускѣ парламента становились все болѣе и болѣе опредѣленными. Вслѣдствіе этого, уступая настояніямъ своихъ друзей и почитателей, Гладстонъ рѣшилъ познакомиться со своими будущими избирателями и въ концѣ ноября 1879 г. отправился (изъ Ливерпуля, гдѣ онъ тогда находился) въ Эдинбургъ въ сопровожденіи жены и дочери.

---

[1]) Таково мнѣніе Морли, одного изъ выдающихся дѣятелей современной Англіи. См. «Life of Gladstone», vol. II, p. 579.

Поѣздка эта показала, что къ Гладстону нему вернулась прежняя его популярность, что гипнозъ, производимый въ Англіи русско-турецкими отношеніями, кончился. «Поѣздка изъ Ливерпуля въ Эдинбургъ,—писалъ Гладстонъ въ своемъ дневникѣ,—напоминала скорѣе всего тріумфальное шествіе».

«Въ самомъ дѣлѣ,—говоря авторитетными словами Морли,—Англія никогда еще не видѣла чего-либо подобнаго. Случалось, конечно, и прежде, что государственнымъ дѣятелямъ устраивались народныя встрѣчи; бывало, что въ томъ или иномъ мѣстѣ ихъ привѣтствовали громогласными криками, колокольнымъ звономъ, факельными огнями. Но въ этотъ холодный зимній день для встрѣчи Гладстона собрались, казалось, поголовно всѣ окрестные жители. Станціи, гдѣ поѣздъ останавливался, были переполнены; тысячныя толпы народа изъ ближайшихъ городовъ и деревень собирались на главныхъ пунктахъ пути. Даже просто вдоль полотна желѣзной дороги собирались сотни людей, чтобы только взглянуть на экспрессъ, на которомъ ѣхалъ Гладстонъ для открытія избирательной кампаніи» [1]).

«Гладстонъ нѣсколько разъ останавливался на своемъ пути, выслушивалъ привѣтствія собравшихся и произносилъ самъ небольшія отвѣтныя рѣчи. Послѣ девяти часовъ, проведенныхъ въ дорогѣ, онъ, наконецъ, поздно вечеромъ пріѣхалъ въ Эдинбургъ. На улицахъ, которыя вели къ дому лорда Розберри, гдѣ долженъ былъ остановиться Гладстонъ, его восторженно привѣтствовали такія густыя толпы народа, какихъ не видѣлъ Эдинбургъ ни до, ни послѣ этого обстоятельства!» [2]).

«Послѣдующая недѣля, прошедшая въ митингахъ и рѣчахъ, была въ такомъ же родѣ. Люди пріѣзжали съ Гебридскихъ острововъ, чтобы послушать Гладстона. Гдѣ было мѣсто на 6000 человѣкъ, число желавшихъ попасть доходило до 40 и 50 тысячъ. Хотя погода стояла холодная, и холмы были покрыты снѣгомъ, кавалькады, процессіи и всякія другія манифестаціи на открытомъ воздухѣ шли, какъ ни въ чемъ не бывало.

«Гладстонъ произнесъ рядъ увлекательныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма содержательныхъ рѣчей, выступая каждый день по нѣсколько разъ. Такое близкое общеніе съ народомъ бывшаго и возможнаго будущаго перваго министра не нравилось завзятымъ тори, которые видѣли въ этомъ проявленіе демократическаго духа, несогласное съ англійской конституціей. Среди аристократическихъ противниковъ Гладстона нашлись такіе, которые сосчитали число словъ въ его рѣчахъ, немедленно печатавшихся во всѣхъ газетахъ и читавшихся всей Англіей. Насчитавъ въ этихъ рѣчахъ до 90000 словъ, противники Гладстона увѣряли, что его многорѣчивость составляетъ опасность для государства».

Конечно, въ основѣ всѣхъ этихъ упрековъ и обвиненій лежало опасеніе перехода власти къ Гладстону. Дѣло въ томъ, что внѣшняя и внутренняя политика Биконсфильда была подвергнута Гладстономъ такому основательному разбору, несостоятельность этой политики была обнаружена съ такой

[1]) Morley, «Life of Gladstone», vol. II, 587.

[2]) Тамъ же, стр. 588.

убѣдительностью, что мидлотіанская кампанія Гладстона нанесла, какъ это вскорѣ выяснилось, непоправимый ударъ правительству.

Изъ Эдинбурга Гладстонъ пріѣхалъ въ Глазго и тамъ также встрѣтилъ чрезвычайно восторженный пріемъ какъ при самомъ въѣздѣ, такъ и на послѣдующихъ собраніяхъ гражданъ. Изъ Глазго Гладстонъ вернулся домой и въ ожиданіи близкаго рокового часа продолжалъ свои обычныя занятія.

Но вотъ въ мартѣ (1880) Биконсфильдъ объявилъ о рѣшеніи кабинета распустить парламентъ и назначить новые выборы. Спустя всего нѣсколько дней, Гладстонъ былъ уже на пути въ Шотландію, чтобы на этотъ разъ вести уже формальную избирательную кампанію въ качествѣ кандидата отъ графства Мидлотіанъ. Несмотря на свои 70 лѣтъ, Гладстонъ въ теченіе двухъ недѣль подъ-рядъ выступалъ изо дня въ день передъ своими избирателями, развивалъ передъ ними тѣ идеи, во имя которыхъ онъ просилъ ихъ довѣрія въ качествѣ представителя ихъ въ парламентѣ Гладстонъ понималъ, какъ трудна была кампанія, какъ много сторонниковъ имѣло министерство среди болѣе обезпеченныхъ классовъ, боявшихся его реформаторскаго усердія и готовыхъ идти за Биконсфильдомъ, который умѣлъ такъ ловко отвлекать народное вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ.

«Господа,—сказалъ Гладстонъ избирателямъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей,—наступаетъ, наконецъ, день нашего испытанія... Мы имѣемъ противъ себя великія силы... Мы не можемъ, очевидно, разсчитывать на аристократію, исключая той ея части, о которой не слѣдуетъ никогда забывать,—ея просвѣщеннаго меньшинства, преисполненнаго благородства, энергіи, патріотизма, истиннаго либерализма, живущаго тѣми же чувствами, какими живетъ народъ, возвышающаго весь свой классъ своими сильными симпатіями къ народной массѣ... Мнѣ весьма жаль признать, что мы не можемъ также разсчитывать на поземельныхъ собственниковъ, что мы не можемъ разсчитывать на духовенство господствующей церкви ни въ Англіи, ни въ Шотландіи, за нѣкоторыми, впрочемъ, въ томъ и другомъ случаѣ благородными исключеніями, которыя, я надѣюсь, будутъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе многочисленными.

«Мы не можемъ, господа, искать себѣ поддержки въ только-что указанныхъ общественныхъ слояхъ. Мы не можемъ разсчитывать ни на поддержку богатыхъ, ни на поддержку знатныхъ... Вообще говоря, все, что связано съ богатствомъ и знатностью, настроено враждебно къ намъ, такъ какъ вездѣ, гдѣ есть извѣстная корпоративная замкнутость, вездѣ, гдѣ чувствуется духъ организованной монополіи, вездѣ, гдѣ имѣется налицо узкій классовый интересъ, чуждый интересамъ страны и домогающійся преобладанія надъ этими интересами, намъ, членамъ либеральной партіи, нельзя ожидать сочувствія, не приходится даже ожидать простой къ себѣ терпимости. Но надъ всѣми этими спорами, позади всѣхъ этихъ притязаній есть нѣчто болѣе важное, болѣе значительное—есть самъ народъ, сама нація въ ея цѣломъ... Народъ есть сила, которую трудно пробудить, но зато, когда эта сила проснулась, еще труднѣе идти противъ нея... Большинство послѣдней па-

латы общинъ предстало теперь, такъ сказать, передъ народнымъ судомъ; велѣнія конституціи созвали избирателей для того, чтобы выслушать обѣ стороны и произнести приговоръ. Вы уже выслушали достаточно такихъ показаній [1]). Мы ждемъ вашего вердикта Правда, процессъ совершается безъ какихъ-либо внѣшнихъ формъ суда... Если мы обратимся, однако, къ существу дѣла, игнорируя внѣшнія формы, то судный процессъ, о которомъ я говорю, имѣетъ болѣе величественный, болѣе торжественный характеръ, чѣмъ даже засѣданія высшаго суда королевства. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вся нація, приглашенная къ выполненію великой и отвѣтственной обязанности, могла, намъ кажется, убѣдиться, что интересы ея охранялись плохо; что ея честное имя запятнано, что сила ея ослаблена ненужными, даже зловредными затѣями, предпринятыми министрами на свой страхъ и наложившими въ общемъ на націю значительное бремя. Такое положеніе вещей надо прекратить, надо обезпечить торжество правды и справедливости».

Это были послѣднія слова одной изъ послѣднихъ рѣчей Гладстона въ эту достопамятную кампанію. 5 апрѣля состоялась подача голосовъ, и къ вечеру выяснился полный успѣхъ Гладстона и пораженіе его противника. Огромная толпа тысячъ въ 15 собралась, несмотря на позднее время, вокругъ дома, гдѣ остановился Гладстонъ; ему пришлось въ сопровожденіи жены и дочери, державшихъ по обѣ его стороны по свѣчѣ, выйти на балконъ и отвѣтить на шумныя изъявленія радости.

Гладстонъ принялъ выборъ шотландскихъ избирателей, хотя уже раньше былъ выбранъ огромнымъ большинствомъ въ городѣ Лидсѣ. Будучи шотландцемъ по происхожденію, Гладстонъ предпочелъ явиться въ парламентъ въ качествѣ представителя отъ Шотландіи. Къ такому рѣшенію побуждалъ его и тотъ необычайный энтузіазмъ, который вызвали въ населеніи Шотландіи его рѣчи въ ноябрѣ 1879 г. и во время самой избирательной кампаніи (мартъ 1880).

Успѣхъ либераловъ былъ повсемѣстно весьма значителенъ; въ Шотландіи же онъ былъ прямо подавляющимъ: изъ 60 представителей Шотландіи только 8 принадлежали къ консервативной партіи; въ общемъ же, какъ это выяснилось къ концу выборовъ (половина апрѣля), въ новый парламентъ попало 349 либераловъ (въ предшествующій парламентъ 250), 243 консерватора (вмѣсто 351 въ прежнемъ парламентѣ) и 60 ирландскихъ гумрулеровъ.

Такимъ образомъ, побѣда либераловъ была полная.

Между тѣмъ Биконсфильдъ и королева этого вовсе не ожидали: объявляя о предстоящемъ роспускѣ парламента, Биконсфильдъ выразилъ полную увѣренность въ предстоящемъ торжествѣ своей партіи. Королева же уѣхала вскорѣ на континентъ, чтобы присутствовать на бракосочетаніи своего внука, принца прусскаго, нынѣ императора германскаго и короля прусскаго

[1]) Говоря такимъ образомъ, Гладстонъ разумѣлъ, конечно, начавшуюся избирательную кампанію и въ частности свои избирательныя рѣчи и рѣчи своего конкурента на представительство отъ графства Мидлотіанъ.

Вильгельма. Сообщенія Биконсфильда о ходѣ выборовъ поразили королеву какъ громомъ, 19 апрѣля она уже была вновь въ Виндзорскомъ дворцѣ, но, какъ оказалось, лишь для того, чтобы выслушать отъ Биконсфильда просьбу объ отставкѣ, ставшей необходимой вслѣдствіе результатовъ выборовъ

Хотя положеніе было ясно, и такой выходъ изъ него неизбѣженъ, королева въ теченіе 5 дней не предпринимала никакого рѣшительнаго шага и только послѣ вторичнаго долгаго обсужденія всѣхъ сторонъ вопроса съ Биконсфильдомъ пригласила къ себѣ лидера либеральной партіи въ прошломъ парламентѣ, маркиза Гартингтона, и предложила ему образовать новое министерство. Однако, маркизъ сказалъ ей, что, хотя, правда, онъ состоитъ формально лидеромъ своей партіи, побѣда партіи на только-что закончившихся выборахъ, по общему мнѣнію, объясняется феноменальнымъ успѣхомъ избирательныхъ рѣчей Гладстона, его систематической, рѣзкой, захватывающей критикой правительственной политики, и что поэтому Гладстону же должны принадлежать по праву и плоды побѣды, т-е. государственная власть. Королевѣ же этого именно и не хотѣлось: ей не нравилась рѣзкость рѣчей Гладстона, его постоянное противоположеніе интересовъ народа и интересовъ высшихъ классовъ, его попытки рѣшать сложные политическіе вопросы, исходя изъ общихъ соображеній о правдѣ и справедливости. Въ этомъ послѣднемъ королева видѣла пріемы и замашки демагога.

Несмотря на такіе свои личные взгляды, королевѣ все-таки черезъ два дня пришлось принимать во дворцѣ Гладстона и предложить ему образованіе новаго министерства.

Такимъ образомъ, побѣда Гладстона знаменовала болѣе чѣмъ побѣду либеральной партіи: это была въ сущности побѣда народа, заставившаго либеральную партію принять главенство того политическаго дѣятеля, который въ ближайшіе предшествующіе годы наиболѣе рѣзко порицалъ джингоистскій задоръ этого же самаго народа. Вотъ почему, между прочимъ, успѣхъ Гладстона былъ привѣтствуемъ всѣмъ культурнымъ міромъ.

ГЛАВА XX.

Второе министерство Гладстона (1880—1885) и его ирландское законодательство.

«Никогда ни въ одномъ кабинетѣ министровъ не было такого подбора даровитыхъ людей, какой мы находимъ во второмъ министерствѣ Гладстона» [1])— говоритъ біографъ Гладстона, замѣчательный государственный дѣятель и публицистъ, Джонъ Морли.

Въ самомъ дѣлѣ, среди министровъ мы находимъ маркиза Гартингтона

---

[1]) «Life of Gladstone», vol. III, p. 2.

(впослѣдствіи герцога Девонширскаго), Джона Брайта, Гаркура, Форстера, прославившагося извѣстнымъ намъ закономъ, создавшимъ организацію начальнаго народнаго образованія, Дж. Чемберлэна, въ то время яраго радикала въ высшей степени популярнаго мэра города Бирмингама, Чарльза Дилька, Фосетта и т. д.; въ послѣдніе годы министерства Гладстона, вслѣдствіе отставки нѣкоторыхъ мнистровъ, въ члены кабинета попали Кэмпбелль-Баннерманъ (1884), недавно скончавшійся глава кабинета, и лордъ Розберри (1885). Мы опустили имена лордовъ Спенсера и Гренвиля, такъ какъ ихъ мало знаютъ даже наиболѣе образованные круги русскаго общества, хотя съ каждымъ изъ этихъ именъ, какъ и съ тѣми, которыя приведены выше, для англичанина,—особенно для англичанина, принадлежащаго къ либеральной партіи,—связаны въ высшей степени крупныя общественныя, можно даже сказать, національныя заслуги.

Слабой стороной кабинета было довольно замѣтное дѣленіе его на людей сравнительно умѣреннаго либерализма и болѣе или менѣе рѣшительныхъ радикаловъ, къ какимъ можно было причислить (въ то время) Чемберлэна, Гаркура, Форстера, Брайта и Дилька, особенно первыхъ двухъ. Это отсутствіе однородности въ кабинетѣ парализовало до извѣстной степени его творческую дѣятельность тѣмъ болѣе, что Гладстонъ не проявлялъ особеннаго стремленія къ строгому дисциплинированію своихъ коллегъ и къ подчиненію ихъ своему авторитету. Въ случаѣ разногласій Гладстонъ нерѣдко производилъ подсчетъ голосовъ и рѣшалъ сообразно результатамъ голосованія. Между тѣмъ онъ не обязанъ былъ поступать такимъ образомъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, на немъ, какъ главѣ кабинета, лежала главная отвѣтственность за политику правительства; ему же вслѣдствіе этого принадлежало по традиціи несомнѣнное право принимать во вниманіе мнѣнія своихъ коллегъ лишь постольку, поскольку онъ имъ сочувствуетъ и соглашается нести за нихъ отвѣтственность передъ парламентомъ и страной.

Можетъ-быть, именно выдающіяся дарованія и заслуги большинства членовъ кабинета заставляли Гладстона относиться съ особой щепетильностью къ мнѣніямъ каждаго изъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что источникъ слабости кабинета Гладстона заключался въ силѣ и авторитетѣ многихъ его членовъ и въ проистекавшей отсюда ихъ склонности къ слишкомъ большой—даже, быть можетъ, чрезмѣрной—самостоятельности въ словахъ и дѣйствіяхъ. Между тѣмъ, эти слова и дѣйствія затѣмъ до извѣстной степени связывали и свободу дѣйствій ихъ шефа Особенно много хлопотъ доставлялъ Гладстону въ этомъ отношеніи Чемберлэнъ, отличавшійся тогда нѣсколько крикливымъ радикализмомъ, изрядно шокировавшимъ его коллегъ [1]).

Между тѣмъ, задачи, которыя пришлось рѣшать Гладстону во второе его министерство, были необыкновенно трудны. Первой и важнѣйшей изъ нихъ было умиротвореніе Ирландіи. Не имѣя возможности останавливаться

[1]) Morley, «Life of Gladstone», vol. III.

здѣсь долго на ирландскихъ дѣлахъ [1]), скажемъ лишь, что Гладстонъ въ первомъ же обращеніи къ парламенту заявилъ о своемъ намѣреніи уничтожить въ Ирландіи всякіе спеціальные законы репрессивнаго характера. Ирландцевъ онъ этимъ къ себѣ не расположилъ—они были слишкомъ раздражены, чтобы ихъ могли успокоить какія-либо обѣщанія или даже мѣры, если онѣ, т.-е. мѣры, не были самаго радикальнаго характера,—но вызвалъ зато значительное, можно даже сказать, чрезвычайное неудовольствіе англійскихъ консерваторовъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые засѣдали въ палатѣ лордовъ, остававшейся неприступной твердыней консерватизма.

Вскорѣ послѣ вступленія своего во власть Гладстонъ, желая придти на помощь Ирландіи, пострадавшей отъ сильнаго неурожая, внесъ въ парламентъ билль, имѣвшій цѣлью положить конецъ чрезвычайно умножившимся случаямъ выдворенія (eviction) арендаторовъ за невзносъ арендныхъ денегъ, притомъ безъ какого-либо возмѣщенія за сдѣланныя ими улучшенія. Согласно биллю ландлордъ, выдворяя арендатора за невзносъ платы, долженъ былъ все-таки возмѣстить ему всѣ расходы, вызванные работами по улучшенію земли, по возведенію хозяйственныхъ построекъ и т. д.

Билль привелъ въ необыкновенную ярость консервативную часть парламента. Двѣ недѣли продолжались горячія пренія, но, въ концѣ концовъ, биль все-таки прошелъ палату общинъ, получивъ большинство 66 голосовъ. Палата лордовъ отнеслась къ биллю прямо-таки съ негодованіемъ и отвергла его (августъ 1880 г.) подавляющимъ большинствомъ 231 голоса (282 противъ 51). Таково было отношеніе лордовъ къ первой попыткѣ Гладстона сдѣлать что-нибудь существенное для ирландцевъ.

Лица, противодѣйствовавшія Гладстону, оправдывали свой образъ дѣйствій указаніями на аграрный терроръ, царившій тогда въ Ирландіи. Они говорили, что всякія уступки ирландцамъ въ такое время могутъ лишь поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ насильственнымъ дѣйствіямъ. Однако, если аграрныя преступленія до внесенія въ парламентъ указаннаго билля Гладстономъ были дѣйствительно довольно часты, то послѣ провала билля палатой лордовъ преступленія этого рода стали еще болѣе многочисленными. Не говоря о поджогахъ, порчѣ скота и т. п., можно было указать и на убійства, сопровождавшіяся разными жестокостями. Впрочемъ, едва ли можно удивляться такому состоянію Ирландіи, если вспомнить, что, согласно заявленію статсъ-секретаря по дѣламъ Ирландіи Форстера,—заявленію, сдѣланному имъ въ парламентѣ при внесеніи упомянутаго выше билля,—въ теченіе предшествующаго полугода въ Ирландіи было произведено болѣе тысячи выдвореній крестьянъ-арендаторовъ за невзносъ арендной платы. Между тѣмъ еще недавно такія выдворенія бывали сравнительно рѣдко, и за пять лѣтъ, между 1872 и 1877 годами, выдворено было только около 500 крестьянъ.

Какъ бы то ни было, страсти въ Ирландіи разгорѣлись. Въ концѣ

---

[1]) См. «Исторію Ирландіи» проф. Афанасьева, входящую въ серію «Исторія Европы», къ которой принадлежитъ настоящая книга.

1879 года, т.-е за нѣсколько мѣсяцевъ до перехода власти въ руки Гладстона, въ Ирландіи была основана членами парламента Парнелемъ и Дэвитомъ такъ наз. Земельная Лига—Land League. Эта лига имѣла цѣлью помогать крестьянамъ при разнаго рода бѣдствіяхъ—неурожаѣ, падежѣ скота и проч.—и предупреждать массовыя выдворенія арендаторовъ путемъ выдачи имъ денежныхъ ссудъ. Содѣйствіе аграрнымъ преступленіямъ не входило—и, конечно, не могло входить—въ задачи Лиги, хотя, правда, извѣстная часть отдѣльныхъ членовъ Лиги могла легко поддаться весьма естественному чувству крайняго раздраженія и допустить себя до нелегальныхъ и даже прямо преступныхъ пріемовъ борьбы съ ландлордами.

Изъ легальныхъ и мирныхъ пріемовъ борьбы наиболѣе часто примѣнялось и достигало наибольшихъ успѣховъ бойкотированіе землевладѣльцевъ или ихъ агентовъ, почему-либо навлекшихъ на себя народный гнѣвъ... Извѣстно, что самое слово бойкотъ вошло въ англійскій языкъ именно въ этотъ мрачный періодъ ирландской исторіи Дѣло было такимъ образомъ. Въ началѣ октября 1880 года въ газетахъ появилось письмо нѣкоего капитана Бойкота, описавшаго весьма подробно свои злоключенія. Будучи управляющимъ имѣніемъ лорда Эрна (Erne), Бойкотъ отказался удовлетвориться неполной арендной платой, которую ему внесли крестьяне, оправдывавшіе свой образъ дѣйствій неурожаемъ. Капитанъ Бойкотъ потребовалъ остальныхъ денегъ и, не получивъ ихъ, сталъ насильственно выдворять арендаторовъ. Однако, крестьяне прогнали посланныхъ имъ для этого людей. Этимъ дѣло не ограничилось: капитана Бойкота сразу оставила вся прислуга—кухарка, горничныя, конюхи и проч. Равнымъ образомъ, бросили работу у Бойкота всѣ нанявшіеся для уборки хлѣба и для другихъ сельскохозяйственныхъ работъ. Бойкоту и его домашнимъ пришлось идти самимъ въ лавку за необходимыми продуктами, но никто изъ мѣстныхъ лавочниковъ не хотѣлъ имъ ничего продавать. Однимъ словомъ, Бойкотъ и его семья оказались на положеніи зачумленныхъ. Письмо Бойкота въ газетахъ было своего рода крикомъ о помощи со стороны гибнущаго человѣка. Въ графствѣ Ульстеръ,—населенномъ по преимуществу англичанами,—нашлось 50 человѣкъ добровольцевъ, которые, въ сопровожденіи весьма значительнаго отряда полицейскихъ, поѣхали въ графство Майо, гдѣ жилъ капитанъ Бойкотъ, убрали хлѣбъ съ полей и увезли самого капитана и его семью...

Не прекращающіяся аграрныя преступленія и случаи въ родѣ того, который произошелъ съ капитаномъ Бойкотомъ, связывали руки Гладстону, не позволяя ему дѣлать дальнѣйшихъ уступокъ ирландцамъ. Тѣ же обстоятельства, наоборотъ, давали его врагамъ хорошее оружіе для критики примирительной политики правительства. Въ виду этого, когда въ январѣ 1881 г. собрался парламентъ, правительство заявило о своемъ намѣреніи внести одинъ за другимъ два билля, касающіеся Ирландіи,—одинъ «Protection of Property Bill», имѣвшій цѣлью борьбу съ аграрными преступленіями, другой—Land Bill, имѣвшій цѣлью разрѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ весьма значительныхъ льготъ ирландскому крестьянству.

Имѣя въ виду общественное настроеніе значительныхъ слоевъ англійскаго населенія и въ особенности настроеніе буржуазіи, Гладстонъ заявилъ, что первымъ пойдетъ билль о репрессіяхъ...

Поступая такимъ образомъ, Гладстонъ вызвалъ крайнее раздраженіе многочисленныхъ (60) представителей отъ Ирландіи («гумрулеровъ»), которые подъ искуснымъ руководствомъ Парнелля, которому, между прочимъ, принадлежитъ и идея «бойкота» въ ея крайней формѣ, стали систематически проводить въ парламентѣ такъ наз. обструкцію, для чего крайне либеральный регламентъ парламента давалъ самый широкій просторъ. Благодаря такой тактикѣ на обсужденіе перваго билля ушло цѣлыхъ два мѣсяца; былъ случай, когда парламентъ засѣдалъ 22 часа подъ-рядъ, и другой случай, когда, засѣданіе длилось непрерывно почти трое сутокъ (41 часъ). Эта крайняя обструкція ирландцевъ поставила даже на очередь вопросъ о реформѣ внутренняго регламента палаты, такъ какъ спикеръ оказался, наконецъ, вынужденнымъ прекратить трехдневное засѣданіе, принявъ это распоряженіе на свою личную отвѣтственность [1]) и посягнувъ этимъ на принципъ безусловной свободы преній въ парламентѣ,—принципъ, которому насчитывалось нѣсколько сотъ лѣтъ.

Въ концѣ концовъ, билль прошелъ, обѣ палаты, не встрѣтивъ, конечно, у лордовъ никакого противодѣйствія, и въ мартѣ (1881 г.) обратился въ законъ. Теперь пришла очередь земельнаго проекта. Этотъ законопроектъ представлялъ дальнѣйшее развитіе упомянутаго выше знаменитаго ирландскаго Land Act, проведеннаго Гладстономъ въ 1871 г. въ первое его министерство. Однимъ изъ важнѣйшихъ основныхъ принциповъ новаго закона было предоставленіе крестьянамъ-арендаторамъ права продажи своей аренды другимъ крестьянамъ, причемъ землевладѣлецъ не имѣлъ права измѣнять въ чемъ-либо прежнихъ условій аренды. Другимъ столь же важнымъ принципомъ новаго закона было предоставленіе арендаторамъ-крестьянамъ права обращаться къ особымъ суднымъ комиссіямъ, которыя могли устанавливать «справедливый» (fair) размѣръ арендной платы, причемъ установленная такимъ образомъ арендная плата не могла быть измѣняема въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Для арендатора было, конечно, чрезвычайно важно это постоянство аренды и арендной платы (fixity of tenure): онъ зналъ, что, пока онъ платилъ «справедливую» аренду, никто не могъ ни по какимъ причинамъ лишить его арендуемой земли. Будучи, такимъ образомъ, весьма выгоднымъ для арендаторовъ, изъ которыхъ состоитъ главная масса ирландскаго крестьянства, этотъ законопроектъ, какъ мы видимъ, значительно сокращалъ права ирландскихъ ландлордовъ, т.-е. поземельныхъ собственниковъ.

Какъ разработка, такъ и проведеніе этого законопроекта черезъ парламентъ стоили Гладстону чрезвычайныхъ усилій. Въ высшей степени компе-

[1]) Впрочемъ, хотя спикеръ прекратилъ пренія своей властью, но онъ рѣшился на это лишь послѣ совѣщанія съ лидерами правительственной (либеральной) и оппозиціонной (консервативной) партій. См. превосходное сочиненіе Redlich, «Recht und Technik des Parlamentarismus», 1906.

тентные судьи считаютъ этотъ законопроектъ однимъ изъ наиболѣе прочныхъ памятниковъ дѣятельности Гладстона какъ законодателя [1]), между тѣмъ противодѣйствіе, которое встрѣтилъ этотъ законопроектъ въ парламентѣ и въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ сферахъ, было прямо-таки огромно. Въ концѣ концовъ, проектъ благополучно прошелъ горнило парламентской критики и, обратившись въ законъ, сталъ, по выраженію одного выдающагося политическаго писателя, своего рода «хартіей освобожденія ирландскаго крестьянства отъ рабства худшаго, чѣмъ вавилонское плѣненіе» [2]).

Такое сужденіе о законѣ Гладстона можно часто услышать въ наши дни; въ апрѣлѣ же 1881 года, когда проектъ Гладстона поступилъ въ парламентъ, консервативная оппозиція обрушилась на него всей тяжестью своей критики. Она не хотѣла видѣть въ проектѣ чего-либо другого, кромѣ непростительнаго посягательства на священныя права собственности, и приходила заранѣе въ ужасъ при одной мысли о возможности распространенія когда-либо подобныхъ принциповъ на соціальное законодательство самой Англіи. Ирландскіе депутаты не могли, конечно, не сочувствовать законопроекту, но отношеніе ихъ къ правительству во время его новыхъ затрудненій было болѣе чѣмъ холодное.

На обсужденіе упомянутаго выше Protection of Property Bill потребовалось 22 засѣданія; на только-что изложенный Land Bill ушло 58 засѣданій; никогда ни одна мѣра, ни одинъ законопроектъ не вызвалъ столь продолжительныхъ преній. Только великая избирательная реформа 1832 г. отняла у парламента больше времени.

Въ концѣ концовъ, въ августѣ (1881 г.) Irish Land Bill обратился въ законъ, и вмѣстѣ съ этимъ закончилась парламентская сессія, продолжавшаяся 154 дня или, выражая въ часахъ, 1400 часовъ,—это составитъ болѣе чѣмъ 9 часовъ въ среднемъ въ день. Между тѣмъ, во главѣ правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ лидеромъ парламента состоялъ человѣкъ, которому было за 70 лѣтъ, причемъ руководительство занятіями парламента составляло лишь одну изъ многихъ и важныхъ его обязанностей, какъ главы правительства [3]).

Употребивъ героическія усилія для проведенія Land Act'а и навлекши этимъ на себя крайнее раздраженіе всѣхъ консервативныхъ слоевъ англійскаго общества, Гладстонъ не достигъ въ то же время успокоенія Ирландіи. Въ августѣ, какъ мы видѣли, былъ утвержденъ Поземельный Законъ (Land Act), въ сентябрѣ въ Ирландіи состоялся съѣздъ Земельной Лиги. Политика правительства вызвала на съѣздѣ рѣзкую критику; вся же заслуга Land Act'а была приписана агитаторской дѣятельности Лиги, причемъ Парнелль, котораго уже называли «некоронованнымъ королемъ» Ирландіи, рекомендовалъ разсматривать Поземельный Законъ какъ первую сколько-ни-

[1]) J. Morley, «Life of Gladstone», vol. III, p. 56.

[2]) Тамъ же.

[3]) Мы уже имѣли случай указать на то, что если глава кабинета состоитъ членомъ палаты общины, то онъ же является лидеромъ этой палаты.

будь значительную уступку правительства и находилъ поэтому нужнымъ поддерживать попрежнему народное недовольство вплоть до тѣхъ поръ, пока не будетъ дарована Ирландіи автономія.

Видя такое отношеніе главныхъ дѣятелей Лиги къ его усиліямъ на пользу Ирландіи; видя, что безпорядки въ Ирландіи не прекращаются, и что Лига не только не помогаетъ правительству въ его стремленіи достичь успокоенія страны, а выступаетъ какъ особая ирландская національная организація, могущая предъявлять англійскимъ властямъ тѣ или иныя требованія отъ имени всего ирландскаго народа, испытывая въ то же время ярыя нападки лидеровъ консервативной партіи за чрезмѣрныя уступки ирландцамъ,—Гладстонъ оказался вынужденнымъ принять героическія средства, совершенно чуждыя какъ ему лично, такъ и всему духу англійскихъ учрежденій. Онъ отдалъ приказъ объ арестѣ главныхъ дѣятелей Земельной Лиги—Парнелля, Дэвита и нѣсколько другихъ лицъ.

Это было 13 октября. Черезъ пять дней во всей Ирландіи былъ объявленъ «манифестъ», подписанный Парнеллемъ и другими лидерами Земельной Лиги. Манифестъ приглашалъ все населеніе Ирландіи не платить арендныхъ денегъ землевладѣльцамъ. пока правительство не освободитъ лидеровъ Лиги. Правительство отвѣтило на это распоряженіемъ, объявлявшимъ Лигу опаснымъ и противозаконнымъ сообществомъ, и закрытіемъ ея.

Въ Ирландіи безпорядки усилились и приняли характеръ настоящаго аграрнаго террора: снова начались поджоги, порча скота, убійства... Такъ прошелъ конецъ 1881 года. Враги Гладстона въ парламентѣ, особенно въ палатѣ лордовъ, не желали упускать такого удобнаго случая для нападокъ на правительство: 17 февраля въ палатѣ лордовъ, по предложенію Солсбери [1]), была даже назначена комиссія «для разсмотрѣнія результатовъ Ирландскаго Поземельнаго Акта», т.-е., конечно, для дискредитированія правительственной политики. Такое посягательство лордовъ на критику дѣйствія правительства, дѣйствующаго въ полномъ согласіи съ большинствомъ народныхъ представителей, крайне раздражило Гладстона. Онъ выступилъ въ палатѣ общинъ съ рѣзкой рѣчью противъ палаты лордовъ, причемъ предложенная имъ резолюція, осуждавшая образъ дѣйствія этой палаты, прошла большинствомъ 123 голосовъ (300 противъ 167). Значительность этого большинства слѣдуетъ, конечно, приписать отчасти желанію народныхъ представителей показать палатѣ лордовъ неумѣстность ея притязаній брать на себя роль суда надъ кабинетомъ, пользующимся довѣріемъ другой палаты.

Находясь между двухъ огней—ирландскихъ націоналистовъ, съ одной стороны, и англійскихъ консерваторовъ, съ другой,—консерваторовъ, видѣвшихъ въ Ирландскомъ Поземельномъ Законѣ «политику общественнаго грабежа»,—Гладстонъ, повидимому, пришелъ къ тому заключенію, что ему всет-аки легче удовлетворить ирландцевъ, чѣмъ англійскихъ тори. Онъ

[1]) Въ апрѣлѣ 1881 г. лордъ Биконсфильдъ умеръ, и руководящую роль въ консервативной партіи занялъ маркизъ Солсбери.

сообщилъ поэтому кабинету министровъ о своемъ намѣреніи выпустить изъ тюрьмы главныхъ дѣятелей Земельной Лиги и пересмотрѣть списокъ лицъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ участіи въ аграрныхъ преступленіяхъ въ Ирландіи. Кабинетъ одобрилъ эти предложенія Гладстона, но Форстеръ, статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи, рѣшительно протестовалъ противъ какихъ-либо дальнѣйшихъ уступокъ ирландцамъ и вышелъ въ отставку. Такъ же поступилъ и графъ Коуперъ (Cowper). вице-король (lord lieutenant) Ирландіи.

Это было 2 мая 1882 г. На мѣсто ушедшихъ были назначены лордъ Спенсеръ—вице-королемъ и лордъ Кавендишъ—министромъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Ирландіи. Оба они были глубоко преданы Гладстону и готовы проводить его примирительную политику.

Все это было болѣе или менѣе извѣстно въ Ирландіи. Поэтому лорду Кавендишу и графу Спенсеру, пріѣхавшимъ въ Дублинъ 6 мая, былъ оказанъ довольно торжественный и, въ общемъ, очень сочувственный пріемъ. Ходили даже слухи, что между Гладстономъ и Парнеллемъ состоялось нѣкоторое формальное соглашеніе относительно взаимныхъ уступокъ и взаимной поддержки, и что именно фактъ такого соглашенія повлекъ за собой выходъ въ отставку Форстера. Несмотря на все это, въ Ирландіи нашлась все-таки небольшая кучка непримиримыхъ или, какъ они себя называли, «непобѣдимыхъ» [1]), которые въ этотъ же самый день, 6 мая, напали на лорда Кавендиша, шедшаго пѣшкомъ безъ какой-либо охраны по такъ наз. Фениксъ-парку, гдѣ находится дворецъ вице-короля, и на находившагося съ нимъ его помощника, постояннаго секретаря по ирландскимъ дѣламъ, Борка. Оба они были убиты.

«Безсмысленность этого преступленія была слишкомъ очевидна, и сами вожди ирландскаго народа поспѣшили выразить свое негодованіе самымъ категорическимъ образомъ. Парнелль, бывшій въ это время въ Лондонѣ, сейчасъ же телеграфировалъ мэрамъ Дублина, Корка, Ватерфорда и Лимрика [2]) о необходимости организовать немедленно народные митинги для выраженія публичнаго осужденія убійства. Этотъ совѣтъ былъ приведенъ въ исполненіе не только въ названныхъ городахъ, но и почти во всѣхъ другихъ городахъ Ирландіи [3]).

Въ самой Англіи убійство въ Фениксъ-паркѣ произвело потрясающее впечатлѣніе и могло бы легко повести къ паденію министерства, если бы Гладстонъ не поспѣшилъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ пришло извѣстіе объ убійствѣ, внести въ парламентъ чрезвычайно рѣшительный «Билль о предупрежденіи преступленій» (Prevention of Crimes Bill), которымъ въ Ирландіи въ теченіе трехъ ближайшихъ лѣтъ допускались, кромѣ суда присяжныхъ, и

---

[1]) Это выяснилось впослѣдствіи, когда были открыты, судимы и казнены виновники описываемаго ниже преступленія.

[2]) Это наиболѣе значительные города Ирландіи

[3]) См. статью С. Рапопорта, «Въ Ирландіи».—«Вѣстникъ Европы», 1907 г., августъ, стр. 511

особыя судныя комиссіи, значительно увеличивались права полиціи въ отношеніи производства обысковъ, арестовъ и т. п.

Зная, однако, что, хотя ирландцы, вообще говоря, рѣзко осуждали убійство въ Фениксъ-паркѣ, они, тѣмъ не менѣе, будутъ противодѣйствовать только-что указанному биллю, Гладстонъ желалъ, какъ можно рѣзче, подчеркнуть, что внесеніе этого билля вовсе не знаменуетъ поворота въ его ирландской политикѣ: спустя четыре дня онъ внесъ въ парламентъ другой билль, имѣвшій цѣлью помощь ирландскимъ крестьянамъ-арендаторамъ, за которыми накопились значительныя недоимки (Arrears Bill), и которымъ грозило поэтому выдвореніе.

Несмотря на эту послѣдующую серьезную уступку, ирландскіе депутаты не хотѣли ничего слышать о первомъ биллѣ и стали производить въ парламентѣ самую упорную обструкцію. Благодаря такой тактикѣ ирландцевъ одно засѣданіе продолжалось непрерывно 30 часовъ и кончилось только тогда, когда ирландскіе депутаты одинъ за другимъ были удалены изъ зала засѣданія, какъ не подчиняющіеся власти предсѣдателя (спикера) палаты. Только 12 іюля билль прошелъ всѣ мытарства и обратился въ законъ.

Обсужденіе второго билля не сопровождалось такими скандалами, но въ этомъ случаѣ правительству стоило великаго труда парировать рѣзкія нападки уже не ирландцевъ, а консервативныхъ членовъ палаты. Въ концѣ концовъ, правительству удалось провести и этотъ билль, хотя одно время казалось, что палата лордовъ, подъ вліяніемъ рѣчи маркиза Солсбери, погубитъ билль и этимъ создастъ острый конфликтъ съ палатой общинъ.

Оба только-что указанныхъ билля не рѣшили, конечно, ирландскаго вопроса. Закрытая правительствомъ «Земельная Лига» была замѣнена «Національной Лигой», представлявшей, въ сущности, продолженіе прежней организаціи только подъ другимъ названіемъ. Въ Ирландіи не прекратились аграрныя преступленія и даже аграрныя убійства... Однако, народное возбужденіе пошло все-таки на убыль, положеніе страны становилось, мало-помалу, если не нормальнымъ, то, по крайней мѣрѣ, сноснымъ, причемъ не малую дозу этого успокоенія слѣдуетъ приписать благотворному вліянію знаменитаго Земельнаго Акта 1881 г. и организованныхъ на основаніи этого акта судовъ для установленія «справедливой арендной платы».

Во всякомъ случаѣ, въ остальные три года министерства Гладстона ирландскія дѣла уже не играли болѣе такой доминирующей, всепоглощающей роли, какую они играли въ первые два года пребыванія Гладстона во главѣ правительства.

ГЛАВА XXI.

Третья избирательная реформа (1884—85) и нѣкоторыя другія реформы во второе министерство Гладстона.

Если изложенный въ предшествующей главѣ Ирландскій Земельный Актъ 1881 г. составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ соціальнаго законодательства Гладстона, касающагося Ирландіи, то столь же важнымъ, быть-можетъ, даже болѣе важнымъ памятникомъ законодательнаго генія Гладстона, готовности его брать на себя иниціативу мѣръ, вносящихъ весьма существенныя измѣненія въ государственный строй Соединеннаго Королевства, слѣдуетъ считать великую избирательную реформу 1885 года.

Какъ мы знаемъ, первой избирательной реформой, изданной въ 1832 г., число избирателей было увеличено на полъ-милліона, т.-е. почти вдвое, вторая такая же реформа, состоявшаяся въ 1866 г., увеличила избирательную коллегію болѣе чѣмъ на милліонъ, т.-е. опять увеличила число избирателей почти вдвое. Читатель, можетъ-быть, помнитъ, что, хотя этотъ крупный шагъ въ демократизаціи избирательной системы совершился формально во время консервативнаго министерства Дерби-Дизраэли, заслуга этой мѣры принадлежала, главнымъ образомъ, Гладстону, бывшему въ то время вождемъ либеральной оппозиціи въ парламентѣ и сумѣвшему вырвать столь значительную уступку у своихъ политическихъ противниковъ, первоначальный билль которыхъ былъ гораздо менѣе радикаленъ. Дерби и Дизраэли пошли на уступки, лишь бы не разставаться съ властью.

Мы знаемъ, что эта чрезмѣрная уступчивость не спасла, однако, консервативнаго министерства: оно потеряло власть, какъ только состоялись первые выборы при новомъ составѣ избирателей. Во главѣ правительства сталъ Гладстонъ (1868—74) и ознаменовалъ свое пребываніе у власти рядомъ реформъ, едва ли уступающихъ по важности тѣмъ, которыя были произведены первымъ парламентомъ, избраннымъ послѣ великаго избирательнаго акта 1832 г. Ставъ теперь снова во главѣ правительства, Гладстонъ рѣшилъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ направленіи демократизаціи избирательной системы тѣмъ болѣе, что онъ весьма рѣшительно отстаивалъ необходимость этого въ своихъ знаменитыхъ рѣчахъ передъ избирателями Мидлотіанскаго графства. Въ февралѣ 1884 года Гладстонъ уже внесъ дѣйствительно въ парламентъ проектъ новой избирательной реформы. Не останавливаясь на частностяхъ проекта, скажемъ лишь, что конечнымъ его результатомъ было бы присоединеніе къ 2500000 избирателей по прежнему закону новыхъ трехъ милліоновъ. Иными словами, проектъ имѣлъ въ виду увеличить болѣе чѣмъ вдвое число политически-полноправныхъ англійскихъ гражданъ.

Это достигалось установленіемъ приблизительно одинаковыхъ условій пріобрѣтенія избирательныхъ правъ какъ крестьянствомъ, такъ и городскими жителями, между тѣмъ какъ прежде крестьянство почти не пользовалось избирательными правами. Вслѣдствіе этой реформы въ число активныхъ гражданъ, наряду съ городскимъ фабричнымъ населеніемъ, должна была попасть и главная масса крестьянства. Хотя проектъ Гладстона не вводилъ еще всеобщей подачи голосовъ, но предположенная имъ избирательная система близко подходила къ такому режиму, такъ какъ въ общемъ избиратели теперь должны были составить приблизительно четыре пятыхъ всего взрослаго мужского населенія страны.

29 февраля проектъ избирательной реформы былъ уже внесенъ въ палату общинъ и встрѣтилъ тамъ полное сочувствіе. При второмъ чтеніи, состоявшемся въ началѣ апрѣля, проектъ прошелъ большинствомъ 124 голосовъ (340 и 216). Въ третьемъ чтеніи, состоявшемся въ іюнѣ, законопроектъ прошелъ даже «nemine contradicente», т.-е. единогласно, такъ какъ оппозиція прямо вышла изъ зала и уклонилась отъ голосованія. Такое поведеніе оппозиціи имѣло причиной сознаніе безплодности какихъ-либо попытокъ помѣшать успѣху билля въ палатѣ общинъ и желаніемъ путемъ такой демонстраціи высказать возможно рѣзче свое неодобреніе реформѣ Гладстона. Впрочемъ, оппозиція была увѣрена, что билль встрѣтитъ рѣшительный отпоръ въ верхней палатѣ.

Такъ оно и случилось. Однако, въ верхней палатѣ многіе ясно сознавали невозможность возражать противъ билля по существу: даже лорды понимали, что трудно было бы привести какіе-либо серьезные аргументы за то, чтобы оставлять и впредь большую половину гражданъ безъ права активнаго участія въ политической жизни страны. Не рѣшаясь такимъ образомъ идти прямо противъ билля, лорды, среди которыхъ, послѣ смерти Биконсфильда [1]), дирижирующую роль игралъ Солсбери, внесли въ билль поправку, требующую, чтобы билль о реформѣ былъ дополненъ рядомъ статей, измѣняющихъ распредѣленіе избирательныхъ участковъ. Коротко говоря, лорды соглашались пропустить билль, но лишь при такихъ измѣненіяхъ въ распредѣленіи избирательныхъ участковъ, которыя сдѣлали бы билль возможно менѣе опаснымъ для интересовъ поземельной аристократіи, изъ которой, какъ мы знаемъ, состоитъ главная масса членовъ верхней палаты. Такъ какъ правительство рѣшительно отвергло поправку лордовъ, то билль, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, былъ погубленъ. Дѣло было въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда длинная законодательная сессія приходила уже къ концу. Гладстонъ заявилъ парламенту, что онъ намѣренъ созвать парламентъ осенью и внести вновь билль о реформѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ парламенту первоначально. Иначе сказать, предстоялъ рѣзкій конфликтъ между двумя палатами изъ-за вопроса, самымъ сильнымъ образомъ затрагивавшаго интересы всей массы населенія.

[1]) Биконсфильдъ умеръ въ апрѣлѣ 1881 г.

Какъ только выяснился провалъ билля въ палатѣ лордовъ, въ Англіи началась, такъ сказать, новая эра массовыхъ митинговъ — «a perfect rage (ярость) for public meetings»—какъ выражается одинъ англійскій историкъ [1]). По исчисленіямъ либераловъ въ концѣ лѣта и въ теченіе осени 1884 года состоялось до 1300 митинговъ въ разныхъ городахъ собственной Англіи и до 250 въ Шотландіи, причемъ общее число участниковъ этихъ митинговъ можно считать приблизительно въ $4^1/_2$ милліона. Впрочемъ и противники билля дѣлали все возможное, чтобы дискредитировать его въ глазахъ общества. Однако, имъ удалось организовать только около 180 митинговъ, на которыхъ перебывало въ общемъ до 300000 человѣкъ. Какъ ни значительна эта цифра, она все же въ 13 разъ меньше той, которой опредѣляется число участниковъ либеральныхъ митинговъ. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ, не подлежало сомнѣнію, въ какую сторону склонялись общественныя симпатіи, и какъ страна относится къ провалу билля.

23 октября парламентъ собрался на осеннюю сессію. На другой же день Гладстонъ внесъ вторично свой проектъ избирательной реформы. Повидимому, предстояла новая борьба между палатами. Однако, королева не оставалась безучастной зрительницей раздора между палатами, который грозилъ обратиться въ серьезный конституціонный конфликтъ. Она написала Гладстону письмо съ предложеніемъ своихъ услугъ въ качествѣ примирительницы, вызываясь подѣйствовать на лидеровъ оппозиціи. Въ то же время она совѣтовала Гладстону пойти на компромиссъ. Гладстонъ поблагодарилъ письменно королеву за ея «весьма своевременныя усилія достичь соглашенія» между партіями. Этотъ обмѣнъ письменныхъ сообщеній состоялся за недѣлю передъ открытіемъ осенней сессіи, причемъ въ связи съ указываемымъ нами фактомъ, надо думать, находится то обстоятельство, что, внося вторично свой билль о реформѣ, Гладстонъ далъ ясно понять оппозиціи, что правительство готово теперь же сообщить главныя основанія предполагаемыхъ измѣненій въ распредѣленіи избирательныхъ участковъ. Онъ открывалъ этимъ путь для компромисса съ верхней палатой.

Въ концѣ октября Гладстонъ вновь получилъ письмо отъ личнаго секретаря королевы, въ которомъ были, между прочимъ, такія слова: «Королева полагаетъ, что можно было бы придти къ нѣкоторому соглашенію, если бы лидеры обѣихъ партій въ той и другой палатѣ имѣли возможность обмѣняться взглядами путемъ личной бесѣды. Герцогъ Аргайльскій [2]) или какое-нибудь иное лицо, не имѣющее связей ни съ нынѣшнимъ правительствомъ, ни съ оппозиціей, могъ бы взять на себя устройство такого совѣщанія (meeting) съ тѣмъ, чтобы помочь разрѣшенію разногласія... Королева глубоко убѣждена, что при настоящемъ серьезномъ кризисѣ чрезвычайно важно примѣнить всякія средства — и въ томъ числѣ средства совершенно необычныя. Зная, что вы

---

[1]) Frank Bright, «History of England», vol. V, p. 65.

[2]) Это былъ личный другъ королевы, пользовавшійся высокимъ нравственнымъ авторитетомъ среди обѣихъ партій и бывшій одно время членомъ кабинета Гладстона.

раздѣляете мнѣніе королевы о возможности возникновенія большихъ опасностей въ случаѣ дальнѣйшаго продолженія конфликта, королева искренно вѣритъ и надѣется (earnestly trusts), что вы воспользуетесь всѣми способами, которыми можно было бы предупредить кризисъ» [1]).

Королева обратилась съ письмомъ подобнаго содержанія и къ лорду Солсбери. Послѣдній отвѣтилъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ на совѣщаніе по этому вопросу съ тѣмъ, на кого укажетъ королева, и, что исполняя ея желаніе, онъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, чтобы привести споръ къ справедливому и согласному съ требованіями чести окончанію. Королева поспѣшила сообщить объ этомъ Гладстону.

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ стадіяхъ этихъ переговоровъ, скажемъ лишь, что они закончились тѣмъ, что 19 ноября лордъ Солсбери и сэръ Норскотъ, лидеры оппозиціи въ палатѣ лордовъ и палатѣ общинъ, пріѣхали на домъ къ Гладстону, выпили по чашкѣ чаю и въ дружеской бесѣдѣ, продолжавшейся около часа, пришли къ соглашенію относительно главныхъ основаній предполагаемаго перераспредѣленія избирательныхъ участковъ. Сойдясь, такимъ образомъ, съ Гладстономъ на извѣстномъ компромиссѣ, лидеры оппозиціи обѣщали ему не препятствовать болѣе проекту избирательной реформы. Нѣкоторые другіе вопросы, связанные съ этой реформой, были обсуждены и рѣшены на нѣсколькихъ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ послѣдующіе дни, причемъ въ этихъ послѣднихъ совѣщаніяхъ участвовали нѣкоторые министры.

27 ноября все было кончено, и Гладстонъ получилъ возможность сообщить телеграммой королевѣ, что чрезвычайно «щекотливые и совершенно необычные (novel—новые) переговоры между лидерами двухъ партій доведены до благополучнаго конца». «Первой своей обязанностью»—прибавилъ Гладстонъ—я считаю выразить свою признательность вашему величеству за искусное, благожелательное и твердое пользованіе вашимъ вліяніемъ, оказавшимъ столь могущественное содѣйствіе состоявшемуся соглашенію, которое предупредило серьезный общественный кризисъ». «Съ радостью и благодарностью отвѣчаю на вашу телеграмму—писала королева.—Имѣть возможность приносить пользу—вотъ все, для чего я теперь живу».

Трудно, конечно, сказать, кому весь этотъ эпизодъ дѣлаетъ наибольшую честь. Великая заслуга принадлежитъ, конечно, лидерамъ противныхъ партій. которые, забывъ вольныя и невольныя рѣзкости, которыми имъ случалось обмѣниваться въ своихъ парламентскихъ и внѣпарламентскихъ рѣчахъ, и сознавая лишь, что они, во-первыхъ, блюстители общественныхъ интересовъ, хотя и разно ими понимаемыхъ, проявили достаточно такта и самообладанія, чтобы путемъ частной, чуждой какихъ-нибудь формальностей бесѣды найти такой средній путь, путь взаимныхъ уступокъ, который избавилъ страну отъ крайняго возбужденія, неизбѣжнаго при дальнѣйшемъ продолженіи и безъ того уже затянувшагося конфликта. Едва ли меньше чести дѣлаетъ этотъ эпизодъ

[1]) Morley, «Life of Gladstone», vol. III, 130—133.

и королевѣ, которая своимъ образомъ дѣйствій показала, что она находится на высотѣ своей великой задачи—оказывать министрамъ помощь въ наиболѣе трудныхъ положеніяхъ, сглаживать борьбу партій, которая въ силу неустранимыхъ свойствъ человѣческой природы переходитъ всегда въ большей или меньшей мѣрѣ на почву взаимной вражды и взаимнаго личнаго недовѣрія лидеровъ партій. Между тѣмъ это затрудняетъ компромиссы, необходимые въ политикѣ, какъ и во всякой иной сферѣ жизни, и приводитъ иногда къ серьезнымъ общественнымъ бѣдамъ. Не чувствуя себя въ какой-либо зависимости отъ той или иной партіи, англійскій король или, какъ въ описываемомъ нами случаѣ, королева можетъ смѣло давать дѣятелямъ обѣихъ партій посильные совѣты въ полной увѣренности, что никто не усмотритъ въ этихъ совѣтахъ какихъ-либо побужденій чисто-личнаго, сколько-нибудь эгоистическаго характера. Это обстоятельство, конечно, заставляетъ относиться къ такимъ совѣтамъ съ такимъ вниманіемъ, котораго не могло бы быть при иныхъ условіяхъ политической жизни, при иной политической атмосферѣ.

Не распространяясь далѣе на эту тему, скажемъ лишь, что только-что описанный эпизодъ, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что роль короля даже при такомъ строго парламентарномъ режимѣ, какой существуетъ въ современной Англіи, далеко не такъ маловажна, какъ это можетъ казаться лицамъ, не знакомымъ съ внутренними пружинами, приводящими въ движеніе государственную машину Соединеннаго Королевства.

Возвращаясь къ заключительной дѣятельности Гладстона, слѣдуетъ сказать, что указанные переговоры лидеровъ обѣихъ партій предрѣшили участь билля о реформѣ, который поэтому прошелъ сравнительно скоро всѣ необходимые фазисы и обратился въ законъ 6 декабря. Спустя полгода былъ принятъ обѣими палатами и подписанъ королевой другой весьма сложный билль, значительно измѣнившій распредѣленіе избирательныхъ участковъ: у всѣхъ городовъ съ населеніемъ менѣе 15000 жителей было отнято право представительства, у городовъ, имѣвшихъ населеніе отъ 15000 до 50000, было оставлено только по одному представителю. Это освободило 160 вакантныхъ мѣстъ, которыми было увеличено, главнымъ образомъ, представительство въ парламентѣ сельской Англіи, чѣмъ, вѣроятно, отчасти объясняются неожиданныя для либеральной партіи послѣдствія избирательной реформы [1]).

Какъ бы то ни было, реформой 1884—1885 гг. Англія сдѣлала, какъ мы сказали, третій въ теченіе столѣтія, крупнѣйшій шагъ въ сторону демократизаціи избирательной системы, составляющей, какъ это едва ли надо объяснять нашимъ читателямъ, одинъ изъ наиболѣе важныхъ элементовъ государственнаго строя всякой свободной страны.

Въ теченіе второго своего министерства Гладстонъ произвелъ нѣкоторыя другія реформы. Будучи сами по себѣ чрезвычайно важны, эти реформы не могутъ все-таки идти въ какое-либо сравненіе съ только-что изложенной избирательной реформой. Къ этой категоріи законодательныхъ мѣръ слѣдуетъ,

[1]) См. объ этомъ ниже.

во-первыхъ, отнести состоявшееся въ 1880 году введеніе безусловной обязательности начальнаго образованія, до этого закона установленіе обязательности начальнаго образованія зависѣло отъ усмотрѣнія мѣстныхъ властей. Въ теченіе того же 1880 года прошелъ законъ (Employers' Liability Act), который значительно увеличилъ отвѣтственность предпринимателей за такъ наз. несчастные случаи съ ихъ рабочими

Нельзя не упомянуть и того, что второе министерство Гладстона омрачилось, между прочимъ, рядомъ очень скандальныхъ сценъ въ парламентѣ. Эти сцены были вызваны нежеланіемъ депутата Брэдло принимать присягу, обязательную для всѣхъ народныхъ представителей и заключающую въ себѣ клятву съ призывомъ имени Бога. «Я не вѣрю ни въ какого Бога», заявлялъ, обращаясь къ парламенту Брэдло и требуя замѣны присяги простымъ обѣщаніемъ добросовѣстно исполнять обязанности народнаго представителя. Въ концѣ концовъ, послѣ ряда весьма тяжелыхъ сценъ, правительство внесло въ парламентъ билль, разрѣшавшій атеистамъ и агностикамъ замѣнять обычную присягу торжественнымъ обѣщаніемъ указаннаго характера. Законопроектъ былъ принятъ парламентомъ безъ особыхъ затрудненій. Если практическое значеніе этого закона было невелико, такъ какъ людей, афиширующихъ свой атеизмъ и въ Англіи не много, то никакъ нельзя сказать того же самаго про его принципіальное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, принятіе указаннаго законопроекта было равносильно признанію той истины, что человѣкъ можетъ открыто исповѣдывать свое невѣріе и быть все-таки вполнѣ достойнымъ чрезвычайно важнаго и почетнаго положенія народнаго представителя.

Не останавливаясь на другихъ внутреннихъ реформахъ, относящихся къ періоду второго министерства Гладстона, мы переходимъ къ краткому изложенію его внѣшней политики, такъ какъ общее направленіе этой политики и нѣкоторыя серьезныя неудачи, испытанныя Гладстономъ въ этой области, послужили ближайшей причиной паденія его министерства

ГЛАВА XXII.

Внѣшняя политика Гладстона.—Признаніе независимости возставшаго Трансвааля (1881).—Занятіе Египта (1882).—Экспедиція въ Суданъ и гибель генерала Гордона (1884).—Паденіе Гладстона (1885).—Взглядъ на третье (1886) и четвертое (1892—94) министерства Гладстона и его тщетныя попытки рѣшенія ирландскаго вопроса.

Въ то время, когда во главѣ англійскаго правительства стояло министерство лорда Биконсфильда, Гладстонъ, какъ мы знаемъ, весьма рѣзко нападалъ на имперіалистскую его политику и на его «джингоизмъ». Извѣстно, что это послѣднее слово въ значеніи «военнаго задора», «шовинизма» вошло въ англійскій языкъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. именно тогда, когда судьбами Англіи руководилъ Биконсфильдъ, причемъ этотъ военный задоръ былъ въ то время направленъ, главнымъ образомъ, противъ Россіи.

Ставъ въ 1880 г. во главѣ правительства, Гладстонъ скоро проявилъ себя человѣкомъ съ совершенно иными пріемами рѣшенія вопросовъ, затрагивающихъ интересы или стремленія другихъ государствъ. Съ самаго же начала ему пришлось продолжать войну съ Афганистаномъ, начатую еще Биконсфильдомъ. Доведя эту войну до успѣшнаго конца, Гладстонъ не только воздержался отъ присоединенія Афганистана къ владѣніямъ Англіи, или хотя бы занятія наиболѣе важныхъ его пунктовъ англійскими гарнизонами, онъ даже не счелъ нужнымъ формально провозглашать протекторатъ Англіи надъ этой весьма важной въ стратегическомъ отношеніи областью, сопредѣльной съ Индіей. Вскорѣ ему представился случай доказать еще болѣе убѣдительно свое рѣшительное миролюбіе.

При обстоятельствахъ, на которыхъ мы не находимъ нужнымъ здѣсь останавливаться [1]), въ министерство Биконсфильда (въ 1877 году), Англія присоединила къ своимъ владѣніямъ трансваальскую республику, въ то время населенную, главнымъ образомъ, такъ наз. бурами. Присоединеніе бурской республики было произведено, конечно, вопреки рѣшительнымъ протестамъ большинства буровъ, и уже одно это обстоятельство побудило тогда же Гладстона осудить политику правительства. Это имъ было сдѣлано въ весьма рѣзкой формѣ во время его знаменитой мидлотіанской кампаніи. «Если бы Кипръ и Трансвааль—сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей Гладстонъ—были

[1]) См. объ этомъ въ нашей книгѣ, «Исторія колоніальной имперіи Англіи». СПБ. 1901 года.

въ самомъ дѣлѣ настолько для насъ цѣнны, насколько они по-моему для насъ безполезны, я все-таки отказался бы отъ нихъ, такъ какъ они пріобрѣтены путями, недостойными и не соотвѣтствующими характеру нашихъ учрежденій».

Когда Гладстонъ сталъ во главѣ правительства, буры вспомнили эти слова и другія подобныя выраженія Гладстона. Надо думать, что это обстоятельство не осталось безъ вліянія на ихъ смѣлое рѣшеніе въ декабрѣ 1880 года поднять возстаніе, чтобы силой оружія вернуть себѣ независимость. Они безъ труда разбили при Маюбѣ небольшой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственный отрядъ англійскихъ войскъ на ихъ территоріи. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что англичане могли бы при настойчивомъ желаніи легко справиться съ ничтожной горстью буровъ. Однако, въ силу ли принципіальныхъ соображеній или, быть-можетъ, въ виду своего недавняго рѣшительнаго осужденія присоединенія Трансвааля, Гладстонъ, вмѣсто того, чтобы вести войну съ бурами, предпочелъ вступить съ ними въ переговоры. Онъ согласился признать независимость Трансвааля съ сохраненіемъ, однако, сюзеренной власти Англіи. Такое рѣшеніе конфликта крайне раздражило всѣхъ англійскихъ имперіалистовъ, сожалѣвшихъ, какъ они говорили, не столько о потерѣ самого Трансвааля, сколько объ ущербѣ, нанесенномъ внѣшнему престижу Англіи этой уступкой ничтожной горсти бурскихъ мужиковъ. Послѣдніе—такъ говорили противники Гладстона,—конечно, вообразятъ, что Англія уступила имъ не въ силу своего великодушія, а потому, что не могла поступить иначе. Нѣкоторое подтвержденіе справедливости этого послѣдняго взгляда можно найти въ томъ фактѣ, что буры остались все-таки недовольными условіями мира, и въ теченіе 1882 и 1883 г. не разъ обращались къ англійскому правительству съ просьбой пересмотрѣть договоръ 1881 г. Ихъ усилія оказались успѣшными, такъ какъ договоръ 1881 г., въ самомъ дѣлѣ, былъ замѣненъ въ 1884 г. другимъ, въ которомъ была признана весьма категорично полная самостоятельность Трансвааля во всемъ, кромѣ сношеній съ иностранными государствами. Въ новомъ договорѣ не былъ подтвержденъ фактъ общей сюзеренной власти Англіи надъ Трансваалемъ, каковое обстоятельство въ трактатѣ 1881 года было отмѣчено формально.

Эти уступки Гладстона бурамъ были продиктованы, какъ мы сказали, очень хорошими побужденіями—желаніемъ показать бурамъ, что Англія отнюдь не намѣрена стѣснять ихъ внутреннюю жизнь и вообще ограничивать ихъ самостоятельность въ рѣшеніи своихъ домашнихъ дѣлъ. Однако, такая политика либеральнаго кабинета подверглась жестокимъ нападкамъ оппозиціи, указывавшей на то, что недоговоренность акта 1884 г. можетъ привести съ теченіемъ времени къ серьезнымъ разногласіямъ и спорамъ. Какъ намъ всѣмъ хорошо извѣстно, противники Гладстона оказались болѣе правы, чѣмъ они, вѣроятно, воображали. Получивъ такъ легко рядъ уступокъ отъ либеральнаго кабинета Гладстона, буры въ самомъ дѣлѣ приписали эти уступки отчасти своей силѣ и только потому, вѣроятно, рѣшились и впослѣдствіи проявить большую несговорчивость и не задумались даже довести дѣло

до формальной войны съ Англіей. Эта война (1899—1902) окончилась—какъ она и должна была неминуемо кончиться — полнымъ разгромомъ буровъ. Однако, этотъ разгромъ потребовалъ отъ Англіи огромныхъ жертвъ людьми и деньгами, каковыхъ жертвъ, конечно, не потребовало бы продолженіе войны съ бурами послѣ неудачной для англичанъ схватки при Маюбѣ. Все это произошло, однако, много лѣтъ спустя, когда Гладстона уже не было въ живыхъ.

Уступчивая политика Гладстона вызывала рѣзкую критику его политическихъ противниковъ не потому, конечно, что они предвидѣли будущую тяжелую борьбу съ бурами, а просто потому, что они вообще были противъ территоріальныхъ уступокъ кому-либо и при какихъ-либо обстоятельствахъ и, наоборотъ, готовы были привѣтствовать всякое расширеніе территоріи Британской имперіи.

Между тѣмъ, за всѣ пять лѣтъ нахожденія Гладстона во главѣ правительства только въ одномъ случаѣ—да и то лишь силой обстоятельствъ—политика Гладстона привела къ увеличенію владѣній Англіи. Говоря такимъ образомъ, мы разумѣемъ занятіе Англіей Египта. Однако, чтобы должнымъ образомъ выяснить этотъ эпизодъ, намъ придется вернуться нѣсколько назадъ.

Въ ноябрѣ 1876 года египетскій хедивъ, испытывая значительныя финансовыя затрудненія, рѣшилъ сбыть еще не проданную часть акцій Суэцкаго канала,—что составляло почти половину всего ихъ числа и цѣнность около 40 милліоновъ рублей. Узнавъ объ этомъ, лордъ Биконсфильдъ—въ то время, впрочемъ, еще только Веніаминъ Дизраэли—купилъ эти акціи по телеграфу за счетъ англійскаго правительства. Это былъ въ высшей степени смѣлый и рискованный шагъ, который, однако, не только былъ впослѣдствіи одобренъ парламентомъ, но даже чрезвычайно поднялъ престижъ и популярность Дизраэли и всего его кабинета. Дѣло въ томъ, что англичане дорожили Суэцкимъ каналомъ, во-первыхъ, потому, что чуть не девять-десятыхъ судовъ, проходившихъ черезъ каналъ, имѣли англійскій флагъ, и, во-вторыхъ, потому, что черезъ Суэцкій же каналъ идетъ ближайшій путь въ Индію. Между тѣмъ, до 1876 года изъ иностранцевъ наибольшимъ числомъ акцій владѣли французы. Теперь положеніе рѣзко измѣнилось въ пользу Англіи, что не могло не наполнить восторгомъ сердца имперіалистовъ школы Дизраэли.

Продажа акцій за хорошія деньги не спасла, конечно, Египта отъ финансоваго краха, имѣвшаго въ основѣ глубокія причины, на которыхъ здѣсь было бы неумѣстно останавливаться. Для предупрежденія краха въ 1879 году была организована даже особая международная комиссія изъ представителей Англіи и Франціи. Эти двѣ страны стали съ этихъ поръ совмѣстно распоряжаться судьбами Египта, хотя формально вся власть попрежнему продолжала считаться находящейся въ рукахъ хедива.

Въ такомъ положеніи засталъ Гладстонъ Египетъ, когда онъ въ 1880 г. занялъ постъ перваго министра. Здѣсь было бы неумѣстно излагать причины, по которымъ жители Египта были очень недовольны хозяйничаньемъ европейцевъ. Успѣху этого хозяйничанья болѣе всего мѣшало взаимное соперни-

чанье Англіи и Франціи, не говоря уже о вредѣ, проистекавшемъ отъ отсутствія у представителей обѣихъ названныхъ странъ надлежащаго чувства отвѣтственности, котораго можно было бы ожидать, если бы та или другая изъ этихъ странъ заняла роль единственной верховной руководительницы внутренней и внѣшней политикой Египта.

Какъ бы то ни было, въ 1881 г. въ Египтѣ началось серьезное національное движеніе, въ которомъ приняла активное участіе и армія. Постепенно разрастаясь, національное движеніе, выражавшееся первоначально въ болѣе или менѣе значительныхъ безпорядкахъ, то въ одной, то въ другой части Египта, въ іюнѣ 1882 г. приняло характеръ открытаго возмущенія въ Александріи, возстанія, сопровождавшагося массовыми убійствами европейцевъ, которыхъ за нѣсколько дней погибло до 200 человѣкъ.

Пока кризисъ развивался или, вѣрнѣе, подготовлялся, Англія и Франція пытались воздерживаться отъ прямого, вмѣшательства въ египетскія дѣла, не ожидая, конечно, что дѣло приметъ столь серьезный оборотъ. Французское правительство не отказалось отъ своей пассивной роли и послѣ событій въ Александріи, но англичане, для которыхъ умиротвореніе Египта по вышеуказаннымъ соображеніямъ, имѣло гораздо большее практическое значеніе, чѣмъ для французовъ, рѣшили принять на себя возстановленіе порядка и охрану жизни и имущества европейцевъ, проживавшихъ въ Египтѣ или имѣвшихъ съ Египтомъ торговыя или иныя связи. Повинуясь голосу общественнаго мнѣнія, Гладстонъ приказалъ средиземноморской эскадрѣ идти въ Александрію, занять этотъ городъ и разбить мятежныя войска. Однако, называть такимъ образомъ войска Араби-паши—таково было имя главнокомандующаго этими войсками—можно было развѣ только потому, что самъ хедивъ относился несочувственно къ охватившему его народъ антиевропейскому движенію...

Англійскій адмиралъ бомбардировалъ (11 іюля) крѣпость и городъ Александрію и вскорѣ заставилъ замолчать крѣпостныя батареи. Послѣ прибытія десантныхъ войскъ англичане сошли на берегъ и вступили въ сраженіе съ арміей Араби-паши, разбили его и, къ половинѣ сентября стали полными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственными хозяевами Египта. Впрочемъ, война велась формально для возстановленія власти хедива, продолжавшаго считаться государемъ Египта (подъ номинальной сюзеренной властью турецкаго султана).

Что слѣдовало дѣлать англичанамъ съ Египтомъ? Гладстонъ испытывалъ большія затрудненія въ рѣшеніи этого вопроса. Онъ могъ бы, конечно, просто присоединить Египетъ къ владѣніямъ Англіи, имѣя къ тому полную возможность и даже извѣстное право—право завоевателя. Такой образъ дѣйствій, вѣроятно, былъ бы одобренъ всей консервативной партіей и, не малой долей партіи либеральной Однако, это было бы слишкомъ рѣзкимъ противорѣчіемъ тѣмъ взглядамъ, которые Гладстонъ всегда отстаивалъ какъ съ министерской скамьи, такъ и въ особенности со скамей оппозиціи и съ народной трибуны. Между тѣмъ отказаться отъ всякихъ плодовъ тѣхъ жертвъ людьми и деньгами, которыхъ потребовала отъ Англіи борьба съ египетскимъ возстаніемъ, Гладстонъ,

конечно, не могъ, если бы даже онъ этого хотѣлъ: такой образъ дѣйствій не былъ бы одобренъ ни его коллегами по кабинету, ни его партіей въ парламентѣ, ни общественнымъ мнѣніемъ всей страны.

Гладстонъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія путемъ установленія въ Египтѣ такого режима, который не подходитъ ни подъ одну категорію извѣстныхъ формъ политическихъ организацій.

Англія не присоединила Египта къ своимъ владѣніямъ, она даже не объявила своего протектората надъ этой страной. Она заявила,—и не отказалась до сихъ поръ отъ своихъ словъ—что ея миссія, ея власть въ Египтѣ временная. Англія заявила, что, когда ей удастся организовать въ Египтѣ хорошее управленіе и обезпечить надежный порядокъ и матеріальное процвѣтаніе страны, она откажется отъ всякой власти надъ Египтомъ и вернетъ эту власть въ полномъ объемѣ законному государю Египта, т.-е египетскому хедиву. Какъ и прежде, высшая власть во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ было оставлена за хедивомъ и назначаемыми имъ министрами. Англійское же правительство представлено при хедивѣ всего только такъ наз. «финансовымъ совѣтникомъ», безъ согласія котораго, однако, *не можетъ быть* издаваемо никакого распоряженія и никакого закона *финансоваго характера*. Этой, повидимому, совершенно ничтожной связи Англіи съ Египтомъ, этой, повидимому, совершенно незначительной контролирующей власти назначаемаго англійскимъ правительствомъ къ хедиву «финансоваго совѣтника» оказалось совершенно достаточно, чтобы обезпечить Англіи руководящую роль въ направленіи всѣхъ дѣлъ въ Египтѣ. Этого оказалось довольно и для того, чтобы самое положеніе Египта, какъ въ экономическомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, было измѣнено къ лучшему самымъ радикальнымъ образомъ.

Нѣкоторая неопредѣленность режима, созданнаго Гладстономъ въ Египтѣ, имѣла то преимущество, что это обезоружило оппозицію, такъ какъ вновь установленный режимъ допускалъ какъ ослабленіе власти Англіи, такъ и значительное ея увеличеніе въ зависимости отъ воздѣйствія на «финансоваго совѣтника» со стороны англійскаго правительства.

Однако, порядокъ управленія, созданный Гладстономъ, имѣлъ и свои дурныя стороны, какъ это показали вскорѣ нѣкоторыя весьма трагическія событія. Дѣло въ томъ, что египетскому хедиву принадлежала—правда, скорѣе номинально, чѣмъ въ дѣйствительности—обширная область къ югу отъ собственнаго Египта. Эта область носитъ названіе Судана и, подобно Египту, населена мусульманами. Событія въ Египтѣ отразились въ Суданѣ нѣсколько запоздалымъ (1883 г.) движеніемъ, направленнымъ противъ всѣхъ европейцевъ вообще. Во главѣ этого движенія, носившаго въ значительной степени религіозный характеръ и потому исполненнаго фанатизма, сталъ такъ наз. Махди, пытавшійся взять на себя роль магометанскаго Мессіи и завершить великое дѣло, начатое Магометомъ.

Когда въ Англію пришли извѣстія о томъ, что мятежныя войска, организованныя Махди, успѣли занять нѣсколько важныхъ пунктовъ по теченію

Нила, положеніе правительства Гладстона оказалось весьма затруднительнымъ. Неудобства неопредѣленности того положенія, которое Англія заняла въ Египтѣ, проявились тутъ во всей своей силѣ. Брать на себя трудную борьбу съ фанатическими войсками Махди, чтобы затѣмъ вернуть власть надъ Суданомъ египетскому хедиву, это казалось слишкомъ безразсуднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, такая трата денегъ и силъ Англіи совершенно не отвѣчала той, повидимому, скромной роли, которую рѣшила оставить за собой Англія въ Египтѣ. Съ другой стороны, нельзя было, конечно, относиться совершенно безралично къ дѣйствіямъ Махди, такъ какъ онъ могъ съ теченіемъ времени поднять пожаръ во всемъ сѣверо-африканскомъ мусульманскомъ мірѣ, а, слѣдовательно, сдѣлаться опаснымъ для самого Египта и утвердившихся тамъ англичанъ.

Выходъ изъ затрудненія былъ найденъ въ томъ, что въ Суданъ были отправлены только туземныя войска т.-е. войска египетскаго хедива. Однако, начальникомъ надъ ними былъ все-таки назначенъ англичанинъ генералъ Гордонъ, пріобрѣтшій себѣ почетную извѣстность въ качествѣ опытнаго и храбраго военачальника и весьма искуснаго администратора. Гордонъ отправился въ экспедицію въ январѣ 1884 г.; задачи, поставленныя ему, были очень скромны: онъ долженъ былъ прогнать войска Махди, осаждавшіе разные пункты по Нилу, освободить ихъ гарнизоны и вернуться съ ними въ Египетъ. Это значило, что хедивъ по совѣту Англіи рѣшилъ фактически отказаться отъ попытокъ удержать за собой власть надъ Суданомъ. Это значило далѣе, что Гладстонъ оставался вѣрнымъ себѣ и не желалъ пользоваться представившимся ему случаемъ формальнаго захвата областей, находящихся если не подъ прямымъ, то, во всякомъ случаѣ, подъ косвеннымъ контролемъ Англіи.

Если мы вспомнимъ, что экспедиція Гордона относится какъ-разъ къ тому времени, когда Гладстонъ приступилъ къ проведенію черезъ парламентъ уже знакомаго намъ въ высшей степени важнаго проекта избирательной реформы; если мы вспомнимъ далѣе то противодѣйствіе, которое онъ встрѣтилъ въ этомъ своемъ начинаніи,—мы легко поймемъ его нежеланіе затруднять себя въ то же время весьма нелегкой задачей покоренія Судана и совершеннаго уничтоженія власти и войскъ Махди.

Между тѣмъ, событія вскорѣ показали, что и тѣ задачи, которыя были даны Гордону, были для него непосильны: войска Махди были сильнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ это думало англійское правительство. Кромѣ того, въ войскахъ Гордона, состоявшихъ изъ мусульманъ, оказалось много измѣнниковъ и вообще ненадежныхъ элементовъ. Въ апрѣлѣ 1884 года Гордонъ, успѣвшій освободить къ этому времени Хартумъ, оказался самъ окруженнымъ войсками, которыми лично командовалъ Махди, и отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

Это разомъ измѣнило все положеніе дѣла, Англія не могла обречь на гибель одного изъ славныхъ своихъ сыновъ и тѣхъ смѣлыхъ людей, которые пошли за нимъ и остались ему вѣрными.

Общественное мнѣніе Англіи властно требовало немедленнаго освобожде-

нія Гордона. Однако, министерство, вмѣсто того, чтобы спѣшить съ этимъ дѣломъ, занималось черезчуръ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ вопроса, по какому изъ трехъ путей, предлагаемыхъ спеціалистами, направить освободительную экспедицію? Такимъ образомъ, было упущено много драгоцѣннаго времени, и только 1 сентября выѣхалъ, наконецъ, изъ Англіи лордъ Уолсели (Wolseley), назначенный для командованія экспедиціей въ Суданъ. Затѣмъ ушло еще много времени на доставку въ Египетъ экспедиціоннаго корпуса и для полнаго его снаряженія. Только 5 октября Уолсели оказался, наконецъ, въ состояніи оставить Каиръ и двинуться въ путь

Между тѣмъ, положеніе Гордона становилось все болѣе и болѣе отчаяннымъ. У него не было почти провизіи; въ гарнизонѣ появились болѣзни, уносившія массу жертвъ, которыхъ даже хоронить было некому; случаи перехода въ станъ осаждающихъ становились изо дня въ день все болѣе и болѣе частыми; наконецъ, рано утромъ 26 января 1885 г. послѣ осады, продолжавшейся одиннадцать съ лишнимъ мѣсяцевъ, Хартумъ палъ. Геройскій защитникъ его и остававшаяся вѣрной ему часть гарнизона были перебиты торжествующимъ врагомъ. Между тѣмъ—такова иронія судьбы—всего черезъ два дня, утромъ 28 января, въ виду Хартума показались два блиндированныхъ парохода, на которыхъ ѣхалъ авангардъ экспедиціоннаго отряда, назначеннаго для выручки Гордона. Пароходы увидѣли флагъ Махди надъ крѣпостью и повернули назадъ, чтобы довести до свѣдѣнія Уолсели о катастрофѣ, которую такъ легко было предупредить....

Трудно описать общественное возбужденіе или, вѣрнѣе, общественное негодованіе, которое вызвала въ Англіи вѣсть о печальной участи Гордона. 6 февраля сообщеніе о паденіи Хартума и смерти Гордона было напечатано во всѣхъ газетахъ, и на правительство тотчасъ же посыпались самыя рѣзкія нападки и обвиненія. Королева послала телеграммы—не шифрованныя, какъ она всегда дѣлала, а открытыя—Гладстону и маркизу Гартингтону (военному министру), въ которыхъ заявила самымъ категорическимъ образомъ, что при большей быстротѣ и рѣшительности было вполнѣ возможно спасти Хартумъ и жизнь многихъ людей, нашедшихъ въ немъ свою могилу.

19 февраля началась парламентская сессія, и правительство подверглось снова самой жестокой критикѣ за свою политику въ отношеніи Египта. Въ палатѣ лордовъ правительство громилъ Солсбери и достигъ того, что его резолюціи, выражавшія рѣзкое порицаніе правительству, прошли большинствомъ 121 голоса. Это, однако, ни къ чему правительство не обязывало, для него было гораздо важнѣе то обстоятельство, что въ нижней палатѣ при вотированіи резолюціи Стаффорда Норскота, лидера оппозиціи, резолюціи, порицавшей министерство за медлительность и нерѣшительность дѣйствій, правительство оказалось въ большинствѣ всего 14 голосовъ (302 и 288). Засѣданіе палаты окончились въ 4 ч. утра; въ полдень кабинетъ уже собрался, чтобы обсудить вопросъ, не слѣдуетъ ли подавать въ отставку. Надѣясь, что буря негодованія скоро уляжется, министерство нашло возможнымъ оставаться во главѣ правительства, но, вѣроятно, оно уже чувствовало, что дни его сочтены. Впрочемъ, по крайней

мѣрѣ, половина кабинета стояла, во всякомъ случаѣ, за немедленную отставку; другая половина, къ которой принадлежалъ и самъ Гладстонъ, считала возможнымъ остаться еще на нѣкоторое время хотя бы для того, чтобы довести до конца избирательную реформу—билль о перераспредѣленіи избирательныхъ участковъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ положеніе министерства стало вновь критическимъ—на этотъ разъ изъ-за крайне обострившихся отношеній съ Россіей, готовыхъ ежеминутно перейти въ открытую войну. Дѣло въ томъ, что въ 1884 г. Россія присоединила къ своимъ азіатскимъ владѣніямъ Мервскій оазисъ, значительно приблизившись этимъ къ Индіи и возбудивъ поэтому опасенія англичанъ. Англійское правительство усмотрѣло въ дѣйствіяхъ Россіи посягательство на цѣлость Афганистана, граничащаго съ Мервомъ и находящагося подъ протекторатомъ Англіи. Въ виду обнаружившихся при этомъ рѣзкихъ разногласій было рѣшено назначить комиссію изъ представителей обоихъ государствъ для точнаго установленія границъ Афганистана, къ чему имѣлось въ виду приступить въ концѣ 1884 г. Однако, къ этому времени пріѣхали на мѣсто работъ только англійскіе уполномоченные, русскіе же уполномоченные по разнымъ причинамъ опоздали... Между тѣмъ возбужденіе въ пограничныхъ областяхъ было очень велико; дѣло дошло даже до того, что русскій генералъ Комаровъ напалъ на афганцевъ, разбилъ ихъ и занялъ одинъ изъ спорныхъ пунктовъ.

Это вызвало крайнее негодованіе англичанъ, которые въ поступкѣ русскаго генерала видѣли «ничѣмъ не вызванный агрессивный актъ», какъ выразился въ палатѣ общинъ Гладстонъ. 21 апрѣля Гладстонъ внесъ въ парламентъ предложеніе о вотированіи чрезвычайнаго кредита въ 110 мил. руб., изъ которыхъ 45 мил. предназначались на расходы, связанные съ покореніемъ Судана, и 65 мил. на «усиленіе арміи и флота», т.-е., какъ всѣ хорошо понимали, на подготовку къ возможной войнѣ съ Россіей. Деньги были вотированы парламентомъ единогласно, чѣмъ имѣлось въ виду подчеркнуть какъ можно рѣзче то обстоятельство, что въ вопросѣ о покореніи Судана и въ противодѣйствіи агрессивной политикѣ Россіи министерство имѣетъ за собой всю Англію, а не одну лишь свою партію. Какъ полагаютъ не безъ основанія англичане, это обстоятельство произвело надлежащее впечатлѣніе на русское правительство, которое согласилось вопросъ о правильности дѣйствій генерала Комарова передать на рѣшеніе какого-нибудь дружественнаго обѣимъ странамъ государя. Такимъ государемъ оказался король датскій.

Когда Гладстонъ сообщилъ послѣ этого въ парламентѣ о томъ, что ближайшая опасность войны съ Россіей миновала, оппозиція стала осыпать его упреками за слабость и уступчивость по отношенію къ Россіи и утверждать, что во время Биконсфильда Россія не отдѣлалась бы такъ дешево и получила бы болѣе памятный для нея отпоръ.

Всѣ эти нападки въ связи съ неудачами правительства въ Африкѣ значительно ослабили авторитетъ министерства. Можетъ-быть, еще большее вліяніе на ослабленіе авторитета министерства имѣлъ проявлявшійся отъ времени до времени довольно рѣзкій разладъ между его членами. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ коллегъ Гладстона былъ, напримѣръ, такой человѣкъ, какъ Чемберлэнъ, который пользовался всякимъ случаемъ, чтобы афиширо-

вать передъ страной свои радикальныя воззрѣнія, которымъ не сочувствовали значительная часть либеральной партіи и большинство членовъ кабинета. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Бирмингамѣ въ началѣ 1885 г., Чемберлэнъ не только отстаивалъ коренную реформу палаты лордовъ, но доказывалъ также необходимость установленія всеобщей подачи голосовъ, прогрессивнаго налога, принудительнаго отчужденія крупныхъ поземельныхъ владѣній и т. д.

На ряду съ Чемберлэномъ въ кабинетѣ засѣдали маркизъ Гартингтонъ, лордъ Дерби, лордъ Кимберлей, лордъ Гренвилль (съ января 1885), лордъ Розберри; всѣ они отнюдь не раздѣляли подобныхъ взглядовъ и даже просили Гладстона (объ этомъ ему писалъ лордъ Гренвилль) умѣрить нѣсколько зарвавшагося, по ихъ мнѣнію, Чемберлэна, сулившаго своимъ избирателямъ и всѣмъ гражданамъ вообще такія реформы, которыхъ, конечно, правительство не въ состояніи было осуществить въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Рѣзко расходились отдѣльные министры и по многимъ другимъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики, причемъ только тактъ и огромный личный авторитетъ Гладстона давали ему возможность поддерживать между своими коллегами извѣстное единство, склонять ихъ ко взаимнымъ уступкамъ. Хотя эти разногласія министровъ внѣшнимъ образомъ ничѣмъ не проявлялись, такъ какъ послѣ того, какъ кабинетъ принималъ то или иное рѣшеніе, министры съ полной солидарностью отстаивали его въ парламентѣ и, добившись согласія парламента на ту или иную мѣру, добросовѣстно и усердно проводили ее въ жизнь; тѣмъ не менѣе, слухи о разногласіяхъ среди министровъ,—разногласіяхъ, которыя въ самомъ дѣлѣ доходили до того, что то одинъ, то другой изъ нихъ заявлялъ о своей готовности подать въ отставку [1]), достигали, конечно, въ большей или меньшей мѣрѣ до свѣдѣнія лидеровъ оппозиціи. Послѣдніе искали поэтому случаевъ для болѣе острой постановки вопросовъ, желая возможно скорѣе внести полную дезорганизацію въ кабинетъ Гладстона.

Трудно сказать, чѣмъ все это кончилось бы, если бы на помощь врагамъ Гладстона не пришелъ ирландскій вопросъ, занявшій вновь доминирующее положеніе въ англійской политической жизни. Въ августѣ 1885 года истекалъ срокъ такъ называемаго Crimes Act'a, который былъ изданъ на три года въ іюлѣ 1882 года подъ вліяніемъ крайняго негодованія, вызваннаго въ Англіи описанными выше обстоятельствами убійства лорда Кавендиша,—статсъ-секретаря по дѣламъ Ирландіи. Указаннымъ актомъ были значительно расширены полномочія администраціи въ отношеніи способовъ преслѣдованія политическихъ преступленій въ Ирландіи. и, хотя лордъ Спенсеръ, вице-король Ирландіи, пользовался своими чрезвычайными правами крайне умѣренно и весьма умѣло, достигнувъ благодаря этому значительнаго успокоенія Ирландіи, тѣмъ не менѣе, націоналистическая ирландская партія съ Парнеллемъ во главѣ и слышать не хотѣла о возможности продленія Crimes Act'a на новый срокъ.

[1]) «Сегодня очень хорошее засѣданіе», сказалъ однажды шутя Гладстонъ одному изъ своихъ коллегъ, «всего три министра предлагали свою отставку». (Morley, «Life of Gladstone», vol. III, 185).

Между министрами въ этомъ отношеніи были также серьезныя разногласія, одни, болѣе радикальные, стояли за уступчивую политику въ отношеніи Ирландіи и предлагали организовать тамъ новые мѣстные выборные совѣты съ обширными административными, но не политическими функціями, и даже такой же центральный ирландскій выборный совѣтъ. Такимъ образомъ, эта реформа составила бы своего рода частичный гумруль (автономію). Было извѣстно [1]), что Парнелль, глава націоналистовъ въ Ирландіи и вождь многочисленной и вліятельной группы ирландскихъ депутатовъ въ парламентѣ, вполнѣ сочувствуетъ такой мѣрѣ и, если она будетъ предложена министерствомъ въ парламентѣ, не будетъ противодѣйствовать продленію на новый срокъ Crimes Act'a, правда, въ нѣсколько смягченной формѣ.

Самъ Гладстонъ стоялъ именно за эту комбинацію, на нее соглашались также и всѣ члены кабинета изъ палаты общинъ, но всѣ тѣ министры, которые были членами палаты лордовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Гренвилля, рѣшительно воспротивились такому проекту частичнаго гумруля для Ирландіи, и Гладстону пришлось отъ него отказаться.

Не мало споровъ возникло въ кабинетѣ министровъ и по вопросу о продленіи Crimes Act'a, продолжительности его срока и степени смягченія нѣкоторыхъ статей. Потребовался рядъ засѣданій, чтобы придти къ соглашенію по этому поводу въ концѣ концовъ, было рѣшено предложить парламенту продолжить Crimes Act еще на два года и нѣсколько ослабить нѣкоторыя его статьи. Чтобы умѣрить оппозицію ирландцевъ, было рѣшено также внести одновременно въ парламентъ билль, который облегчилъ бы пріобрѣтеніе ирландскимъ крестьянствомъ земли въ полную собственность. Это также стоило Гладстону не малыхъ усилій, такъ какъ нѣкоторые изъ его коллегъ не желали дѣлать столь значительной уступки ирландцамъ, другіе же находили ее даже недостаточной.

Въ концѣ мая Гладстонъ въ первый разъ сообщилъ парламенту о намѣреніи правительства внести два только-что указанныхъ билля: т.-е. о продленіи Crimes Act'a и о «Покупкѣ земель въ Ирландіи». Однако, въ это время дни его министерства были уже сочтены. Дѣло въ томъ, что консервативная партія зорко слѣдила,—насколько, конечно, это возможно при тайнѣ совѣщаній кабинета министровъ—за тѣмъ, какъ либеральное министерство рѣшитъ ирландскій вопросъ. Затѣмъ, когда это рѣшеніе выяснилось, Парнеллю было дано понять, что, если бы власть перешла къ нимъ, консерваторамъ, они не стали бы настаивать на продленіи Crimes Act'a въ какой бы то ни было формѣ. Парнелль поддерживалъ, однако, правительство Гладстона, такъ какъ ожидалъ отъ него, какъ мы знаемъ, частичнаго гумруля. Когда же это дѣло провалилось. Парнелль вошелъ въ переговоры съ лидерами консерваторовъ, и не далѣе, какъ 8-го іюня, помогъ имъ провалить бюджетъ либеральнаго министра финансовъ Чайльдерса. Въ самомъ дѣлѣ, при вотированіи одной изъ важныхъ статей этого бюджета сорокъ (39)

[1]) См. Morley, «Life of Gladstone», vol. III, 198

ирландскихъ депутатовъ присоединились къ консерваторамъ, и министерство осталось въ меньшинствѣ (252 противъ 264). Впрочемъ, такой результатъ голосованія объясняется тѣмъ также, что 76 членовъ либеральной партіи не явились на вечернее засѣданіе парламента, чѣмъ проявили извѣстное равнодушіе къ судьбѣ министерства.

Какъ бы то ни было, пораженіе министерства было несомнѣнно, и на другой же день Гладстонъ отправился къ королевѣ, чтобы сообщить ей лично о всемъ происшедшемъ и объ отставкѣ кабинета.

Описанное только-что пораженіе Гладстона и послѣдовавшій переходъ власти въ руки консерваторовъ по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ совершился этотъ переходъ, составляетъ нѣкоторую эру [1]) въ новѣйшей исторіи Англіи. Въ самомъ дѣлѣ министерство Гладстона было побѣждено благодаря коалиціи консерваторовъ и ирландскихъ націоналистовъ. Ставъ во главѣ правительства благодаря поддержкѣ ирландцевъ, кабинетъ лорда Солсбери долженъ былъ съ самаго же начала сдѣлать имъ серьезную уступку, отказавшись совершенно отъ возобновленія Crimes Act'a, чего, какъ мы знаемъ, не счелъ возможнымъ сдѣлать кабинетъ Гладстона.

Рѣшающее значеніе для судьбы правительства того или иного отношенія къ нему ирландскихъ депутатовъ стало еще очевиднѣе, когда послѣ выборовъ, происшедшихъ въ первый разъ по новому закону въ ноябрѣ 1885 г. въ парламентъ попало 335 либераловъ, 249 консерваторовъ и 86 ирландскихъ гумрулеровъ. Такимъ образомъ, число ирландскихъ гумрулеровъ или, говоря болѣе понятнымъ для русскихъ выраженіемъ, ирландскихъ автономистовъ, какъ-разъ соотвѣтствовало тому большинству, которое либералы имѣли надъ консерваторами. Иначе сказать, стоило только ирландцамъ присоединиться къ консерваторамъ, чтобы парализовать всякое значеніе побѣды либераловъ въ собственной Англіи и Шотландіи.

Это, конечно, сильно подняло притязанія ирландцевъ, что, въ свою очередь, привело скоро къ разрыву, въ сущности, противоестественнаго союза между консерваторами и ирландскими гумрулерами. Уже въ началѣ 1886 г. (февраль) министерство Солсбери пало, и Гладстонъ сталъ снова во главѣ правительства. Однако, попытка его удовлетворить притязаніямъ ирландцевъ предоставленіемъ Ирландіи автономіи (гумруль) внесла рѣзкій разладъ въ ряды либеральной партіи, часть которой не пошла за своимъ вождемъ и при вотированіи билля объ автономіи Ирландіи голосовала (въ числѣ 93 чел.) съ консерваторами, чѣмъ доставило имъ побѣду надъ правительствомъ (7 іюня 1886 г.).

Гладстонъ распустилъ парламентъ и назначилъ новые выборы, при которыхъ центральное положеніе занялъ вопросъ объ ирландскомъ гумрулѣ. Либералы, выставляя въ томъ или иномъ избирательномъ участкѣ свою кандидатуру, прямо выступали либералами-гумрулерами или либе-

[1]) См. интересныя сужденія по этому вопросу въ IV томѣ сочиненія H. Paul, «History of Modern England», и въ III томѣ Morley, «Life of Gladstone».

ралами-уніонистами, каковое названіе приняла та фракція либеральной партіи, которая рѣшительно противилась разрыву законодательнаго союза (union) между всѣми частями Соединеннаго Королевства. Консервативная же партія была единодушна въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ гумрулю. Очевидно, главная масса англійскаго народа находила также предполагаемую Гладстономъ уступку ирландцамъ чрезмѣрной, такъ какъ въ новый парламентъ попало 316 консерваторовъ, т.-е. eo ipso противниковъ гумруля, и 78 либераловъ-уніонистовъ, тогда какъ либераловъ-гумрулеровъ было выбрано всего 191. Вмѣстѣ съ 85 ирландскими націоналистами, либералы-гумрулеры составляли 278 человѣкъ; число же лицъ, относившихся враждебно къ ирландской автономіи, достигало 394 человѣкъ (316 + 78). Такимъ образомъ, ирландская политика Гладстона потерпѣла полную неудачу.

Какъ извѣстно, столь же неудачна была попытка Гладстона даровать Ирландіи автономію,—попытка, которую онъ, проявивъ необычайную для своего болѣе чѣмъ преклоннаго возраста смѣлость и энергію, произвелъ въ четвертое свое министерство, въ 1893 году.

Все это относится, однако, скорѣе къ политикѣ, чѣмъ къ исторіи, такъ какъ ирландскій вопросъ—и вопросъ объ ирландской автономіи, какъ его важнѣйшій элементъ—до сихъ поръ еще не рѣшенъ государственными людьми Англіи. Мы считаемъ поэтому, что не пришло еще время [1]), когда возможно правильное, чуждое партійныхъ пристрастій, изложеніе послѣднихъ пятнадцати—двадцати лѣтъ исторіи Англіи съ отведеніемъ надлежащаго, т.-е. центральнаго мѣста ирландскому вопросу.

Впрочемъ, это время уже близко. Къ счастью для всего Соединеннаго Королевства, ирландскій вопросъ быстро теряетъ свою остроту благодаря многимъ и весьма важнымъ реформамъ, произведеннымъ въ послѣднее время, хотя все-таки эти реформы не доставили еще Ирландіи автономіи. Какъ бы то ни было, люди, близко наблюдающіе современную намъ Ирландію [2]), увѣрены въ томъ, что политическій геній англичанъ, помогшій имъ справиться со многими такими проблемами, которые оказались пока не по плечу другимъ народамъ Европы—укажемъ, ради примѣра, сравнительно превосходное управленіе Англіи своими заокеанскими владѣніями,—дастъ имъ возможность найти надлежащее рѣшеніе и для ирландскаго вопроса,—рѣшеніе, справедливое въ отношеніи Ирландіи и согласное съ законными интересами другихъ частей Соединеннаго Королевства, равно какъ и съ общими условіями политической жизни современныхъ культурныхъ государствъ.

Ручательствомъ за это, какъ намъ кажется, служатъ также и тѣ факты и связанныя съ ними соображенія, которыя составляютъ содержаніе настоящаго труда.

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе ирландской политики Гладстона и ирландскаго вопроса вообще читатель найдетъ въ цитированномъ трудѣ проф. Аѳанасьева.

[2]) См. недавно вышедшій обширный трудъ P. Dubois, «L'Irlande contemporaine et la Question irlandaise», Paris, 1907, или С. Рапопортъ, «По Ирландіи» («Вѣстн. Европы», 1907, августъ и сентябрь).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ст

Глава I. Основныя особенности развитія политическаго строя Англіи — Относительная роль формальнаго закона и историческихъ традицій . . . 1

Глава II. Англія во второй половинѣ XVIII вѣка.—Американская революція и вліяніе ея на порядки государственнаго управленія метрополіи 10

Глава III Англія въ эпоху великой французской революціи и Наполеона Бонапарта 28

Глава IV. Годы реакціи (1816—23) . 51

Глава V. Переходное время (1824—1830) . . . 67

Глава VI. Чѣмъ былъ дореформенный парламентъ . 78

Глава VII. Агитація за избирательную реформу (1830—1832) . . 84

Глава VIII Общая оцѣнка великой избирательной реформы.—Значеніе ея въ развитіи англійской конституціи . . . 97

Глава IX. Первые результаты избирательной реформы. девять лѣтъ царства виговъ (1832—41) и ихъ мѣры къ обновленію соціальнаго и политическаго строя Англіи 102

Глава X. Чартистское движеніе: первый періодъ (1837—1841) . . 120

Глава XI Агитація за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ (1838—46) и начало «новѣйшей» (modern) Англіи —Новая волна чартизма (1840—42) . 142

Глава XII. Общій взглядъ на политическую исторію Англіи во вторую треть XIX вѣка.—Годъ революціи въ континентальной Европѣ (1848 г.) и послѣдняя вспышка чартизма 166

Глава XIII Министерство лорда Росселя (1846—52) и революціонныя движенія на континентѣ Европы.—Вопросъ о роли короны въ иностранной политикѣ (конфликты между королевой и Пальмерстономъ) 178

Глава XIV Начало эпохи преобладающаго вліянія Пальмерстона (Palmerstonian Era).—Министерства лордовъ Дерби (1852), Эбердина (1852—55), Пальмерстона (1855—1858) и (вторично) Дерби (1858—59). Крымская кампанія (1854—55) 190

Стр.

Глава XV. Второе министерство Пальмерстона (1859—65).—Заря эры Гладстона: министерство Росселя — Гладстона (1865 — 1866). — Смерть Р. Кобдена (1865) 200

Глава XVI. Третье министерство лорда Дерби (1866—68) и вторая избирательная реформа.—Первое министерство Дизраэли (1868) . . 213

Глава XVII. Первое министерство Гладстона (1868—74), какъ эпоха важнѣйшихъ реформъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни . . 222

Глава XVIII. Второе министерство Вен. Дизраэли, лорда Биконсфильда (1874—1880 гг).—Кризисъ на ближнемъ Востокѣ (возстаніе балканскихъ славянъ и русско-турецкая война) —Первыя проявленія англійскаго имперіализма 236

Глава XIX. Гладстонъ во время кризиса на Балканскомъ полуостровѣ.— Временная утрата популярности (1877—78).—Знаменитый рядъ рѣчей въ графствѣ Мидлотіанъ (Шотландія) въ концѣ 1879 г.— Разгромъ консервативной партіи на парламентскихъ выборахъ 1880 г. 240

Глава XX. Второе министерство Гладстона (1880—1885) и его ирландское законодательство 251

Глава XXI. Третья избирательная реформа (1884—85) и нѣкоторыя другія реформы во второе министерство Гладстона 260

Глава XXII. Внѣшняя политика Гладстона.—Признаніе независимости возставшаго Трансвааля (1881).—Занятіе Египта (1882).—Экспедиція въ Суданъ и гибель генерала Гордона (1884).—Паденіе Гладстона (1885).—Взглядъ на третье (1886) и четвертое (1892—94) министерства Гладстона и его тщетныя попытки рѣшенія ирландскаго вопроса 266

Замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка.	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
47	10 сверху	собственнаго	соотвѣтственнаго
52	2 сверху	Австріи	Россіи, Австріи
90	3 сн (прим.)	дали	давали
92	9 снизу	власти	властей
95	10 сверху	можетъ-быть,	конечно,
98	14 снизу	но также и въ особенности	но также—и даже въ особенности—
104	4 сн (прим.)	нами	ниже нами
105	23 сверху	фондѣ	ассигнованіи
157	11 сверху	подписей	рублей.
174	15 снизу	петиціи Національному Собранію,	петиціи, Національному Собранію
192	11 сверху	были принесены	должны были принести
194	14 снизу	интригуетъ.	интригуетъ“.
203	8 сверху	происхожденія	происхожденія,
203	11 сверху	правительственной	правительственныя
224	19 сверху	помнить,	понимать,